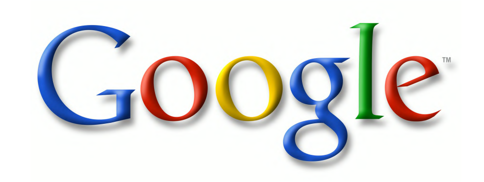
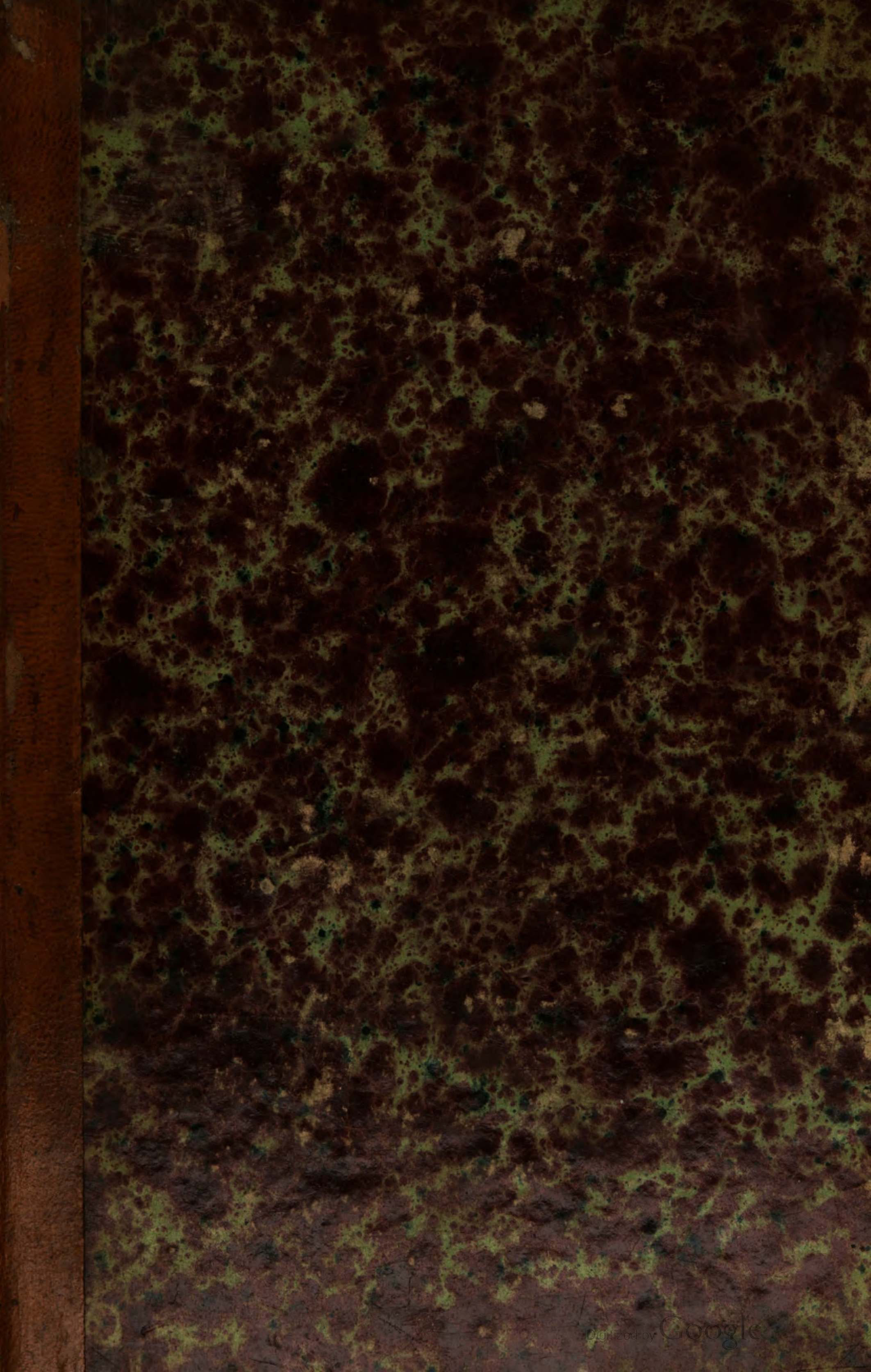

ГОРАЦІЙ И ЕГО ВРЕМЯ.

ГОРАЦІЙ И ЕГО ВРЕМЯ.

СОЧИНЕНІЕ

Н. М. БЛАГОВѢЩЕНСКАГО,

ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА РИМСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, ДОКТОРА ФИЛОСОФІИ И ДРЕВНЕЙ ФИЛОЛОГІИ.

Da veniam scriptis, quorum non gloria nobis
Causa, sed utilitas officiumque fuit.
Ovid.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1864.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27-го ноября 1863 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое сочиненіе уже давно было напечатано въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ періодическихъ изданій (въ Отеч. Зап. и въ Русскомъ Вѣстн.) и въ Актахъ Петербургскаго Университета. Тщательно пересмотрѣвъ и значительно дополнивъ эти разбросанныя изслѣдованія, въ которыхъ Горацій является политическимъ дѣятелемъ, частнымъ человѣкомъ и главою литературной школы, я рѣшился издать ихъ отдѣльною книгой, въ полной увѣренности, что сколько нибудь добросовѣстныя монографіи, по предметамъ классической древности, могутъ принести нашимъ образованнымъ читателямъ свою долю пользы. Можетъ быть, иные думаютъ, что для русской литературы не наступило время подобныхъ монографій, такъ какъ она до сихъ поръ еще не имѣетъ даже простыхъ и сколько нибудь замѣчательныхъ учебниковъ по наукамъ, относящимся къ области классической филологіи. Я не раздѣляю этого мнѣнія. Мнѣ кажется, что у насъ много еще нужно трудиться для того, чтобы возбудить въ массѣ читателей любовь къ изученію древняго міра, а этого, по моему убѣжденію, мы достигнемъ скорѣе всестороннимъ уясненіемъ отдѣльныхъ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ этому міру, чѣмъ сухими учебниками, пользы которыхъ я, разумѣется, нисколько не отвергаю. Нѣтъ сомнѣнія, что и у насъ довольно найдется образованныхъ людей, достаточно подготовленныхъ къ чтенію такихъ книгъ, какъ «Горацій и его время», такъ какъ это сочиненіе имѣетъ въ виду не отдѣльный какой нибудь и спеціальный вопросъ, а цѣлый, и притомъ самый интересный и наиболѣе всякому знакомый періодъ римской исторіи. Еще больше нуждаются у насъ въ подобныхъ книгахъ молодые люди, изучающіе классическую древность не только въ университетахъ, но и въ гимназіяхъ. Этихъ читате-

лей я преимущественно имѣлъ въ виду при изданіи моего «Горація». Здѣсь они могутъ, между прочимъ, близко познакомиться съ значительною частію сатиръ и посланій римскаго поэта, которыя я старался передать на русскій языкъ почти въ дословномъ переводѣ. Что же касается лирическихъ произведеній Горація, то я постоянно приводилъ ихъ въ переводѣ г. Фета, желая придать моему сочиненію болѣе оживленный характеръ. Этотъ переводъ, конечно, нисколько не выдерживаетъ филологической критики, но, во всякомъ случаѣ, пріятно, что за такое дѣло взялся замѣчательный художникъ. Надѣюсь, наконецъ, что и преподаватели латинскаго языка, особенно тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ отдаленныхъ провинціяхъ и лишены возможности имѣть подъ рукою значительный запасъ разныхъ научныхъ пособій, благосклонно примутъ посильный мой трудъ, не смотря на всѣ его недостатки. Если эти преподаватели признаютъ, что онъ значительно облегчаетъ знакомство съ тѣмъ изъ римскихъ поэтовъ, произведенія котораго уже давно сдѣлались настольною книгой въ нашихъ гимназіяхъ, то цѣль моя будетъ вполнѣ достигнута. Я не имѣлъ притязанія провѣрить все, что до сихъ поръ было писано о Гораціи, считая подобный трудъ не только лишнимъ, но и невозможнымъ. Уже въ «Bibliotheca Horatiana», которая появилась въ 1775 г., въ Лейпцигѣ, перечень сочиненій, относящихся къ Горацію, занялъ 160 стр. Можно себѣ представить, какіе огромные размѣры принялъ бы этотъ каталогъ въ настоящее время! Множество сочиненій о Гораціи, на которыя я ссылаюсь въ моей книгѣ, составляютъ только малую долю того, что написано объ этомъ поэтѣ. Впрочемъ, ихъ совершенно достаточно было для окончательнаго уясненія моего собственнаго взгляда на главнаго представителя золотаго вѣка римской литературы. Могу сказать, что это тотъ самый взглядъ, который, относительно личности Горація, господствуетъ въ современной наукѣ.

ГОРАЦІЙ И ЕГО ВРЕМЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

1.

«Потомство всегда справедливо. Правда, вначалѣ оно передаетъ хвалу и порицаніе въ томъ же видѣ, въ какомъ получаетъ ихъ отъ предшествующаго времени, но потомъ, мало-по-малу, установляетъ имъ настоящую цѣну. Считаться при жизни или даже полстолѣтія послѣ смерти великимъ человѣкомъ еще не доказательство истиннаго величія; но считаться такимъ человѣкомъ изъ вѣка въ вѣкъ — доказательство неопровержимое. Точно такъ же и наоборотъ. Писатель не читается своими современниками и ихъ внуками: это несчастіе, но еще не доказательство его негодности. Только тогда, когда внуки внуковъ не получатъ охоты къ чтенію этого писателя, дѣлается очевиднымъ, что онъ никогда не заслуживалъ быть читаемымъ [1]).

«Потомство не можетъ также вѣчно не признавать доблестей и пороковъ. Я очень хорошо понимаю, что первыя могутъ быть впродолженіе извѣстнаго времени запятнаны, а вторые изукрашены; но, что этому суждено быть такъ всегда, не допускаетъ меня вѣрить высшій разумъ, приводящій все въ гармонію, священные слѣды котораго я открываю даже въ томъ, что находится въ зависимости отъ людской прихоти. Этотъ высшій разумъ являетъ отъ

[1]) Это послѣднее явленіе встрѣчается въ литературахъ образованныхъ народовъ гораздо-рѣже, чѣмъ первое. Особенно рѣзкимъ примѣромъ долговременнаго непониманія геніальности писателя служитъ Шекспиръ, и его-то, можетъ быть, имѣлъ въ виду знаменитый нѣмецкій критикъ, которому принадлежатъ приведенныя слова.

времени до времени людей, для которыхъ нѣтъ бо́льшаго наслажденія, какъ вооружаться противъ людскихъ предразсудковъ и показывать все въ настоящемъ свѣтѣ, хотя бы при этомъ предполагаемый герой добродѣтели долженъ былъ превратиться въ злодѣя, а злодѣй въ героя добродѣтели. Я самъ-частичка — хотя бы и трильйонная частичка — потомства (въ отношеніи къ людямъ прежнихъ поколѣній), не знаю другаго болѣе пріятнаго занятія, какъ обозрѣвать имена знаменитостей, изучать ихъ права на безсмертіе, смывать съ нихъ незаслуженныя пятна и лживую подмазку, которою прикрыты ихъ слабости — словомъ, въ мірѣ нравственномъ дѣлать то же, что физически исполняетъ человѣкъ, которому ввѣренъ надзоръ надъ картинною галлереей.

«Такой человѣкъ обыкновенно между множествомъ картинъ находитъ нѣсколько такихъ, которыя онъ любитъ предпочтительно предъ прочими и на которыя онъ не дастъ сѣсть ни одной пылинкѣ. Я остаюсь при своемъ сравненіи и говорю, что уважаю нѣкоторыхъ геніальныхъ людей до того, что не допущу, на сколько это отъ меня зависитъ, клеветѣ тяготѣть на ихъ памяти».

Такимъ великимъ человѣкомъ былъ для Лессинга Горацій и приведенныя слова геніальный нѣмецкій критикъ помѣстилъ почти въ самомъ началѣ своей извѣстной статьи, написанной въ защиту римскаго поэта [2]). Всѣ знаменитые филологи нашего времени, глубоко изучившіе творенія Горація и эпоху, которой онъ является главнымъ представителемъ въ литературѣ своего народа, вполнѣ раздѣляютъ съ Лессингомъ это высокое мнѣніе о его любимцѣ. Виландъ, Фридрихъ Якобсъ, Пассовъ, Цумптъ, Валькнеръ, Веберъ — все это жаркіе сторонники Горація, проникнутые безграничнымъ уваженіемъ къ его личности, какъ человѣка и писателя. Я называю здѣсь только ученыхъ, и то далеко не всѣхъ, посвятившихъ особыя монографіи изученію нашего поэта, и умалчиваю о коментаторахъ и издателяхъ Горація, перечень которыхъ до безконечности увеличилъ бы списокъ его почитателей [3]). Въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ и Нибура (въ его недавно изданныхъ лекціяхъ о римской исторіи).

---

[2]) См. Lessing's sämmtliche Schriften. 4 Bd., стр. 199. Berlin, 1825. Статья, на которую мы указываемъ, называется «Rettungen des Horaz».

[3]) Виландъ, впрочемъ, не написалъ особой монографіи о Гораціи, но взглядъ этого знаменитаго знатока классической древности на римскаго поэта ясно высказывается во многихъ примѣчаніяхъ къ сатирамъ и посланіямъ Горація. Указываемъ въ-особенности на замѣчательное введеніе

Въ то же время ни одинъ изъ писателей древности не подвергался такимъ ожесточеннымъ нападкамъ, со стороны чистоты своихъ нравственныхъ убѣжденій, какъ Горацій. Духъ партіи, невѣжество, заносчивость, тупоуміе—все соединилось въ одинъ голосъ для того, чтобъ унизить въ глазахъ общества человѣческое достоинство знаменитаго друга Мецената и Августа [4]). Эти порицатели Горація большею частью люди, которымъ римская древность знакома только по слухамъ. Между ними, сколько намъ извѣстно, довольно видное мѣсто въ наукѣ занимаютъ въ настоящее время только Шмидтъ [5]) и Тейфель, рѣзкій отзывъ котораго о римскомъ

Виланда къ 1-му посланію Горація II-й книги. См. Horazens Briefe etc. von Wieland. Leipzig, 1790. II Th., въ самомъ началѣ. Въ V-мъ томѣ «Vermischte Schriften» Якобса (Leipzig 1834) помѣщенъ цѣлый рядъ не большихъ, но изящныхъ статей его о Гораціи. См. въ-особенности стр. 318 и слѣд. Пассовъ предпослалъ изслѣдованіе о Гораціи, подъ заглавіемъ: «Q. Horatius Flaccus», своему изданію посланій римскаго поэта (текстъ и нѣмецкій переводъ), которое появилось въ Лейпцигѣ, въ 1833 году. Разсужденіе Цумпта, подъ заглавіемъ, «Ueber das Leben des Horaz und die Zeitfolge seiner Gedichte, namentlich der Satiren», помѣщено какъ введеніе къ сатирамъ Горація, изданнымъ Вюстеманномъ. Эта книга, составляющая переработку гейндорфова изданія сатиръ Горація, появилась въ Лейпцигѣ, въ 1843 году. Сочиненіе Валькнера (въ 2-хъ томахъ) «Histoire de la vie et des poésies d'Horace etc... par M. le baron Walckenaer, membre de l'Institut de France (Paris 1840) замѣчательно во многихъ отношеніяхъ... Здѣсь рядомъ съ французскою фразою, отъ которой не всегда могъ удержаться авторъ, мы находимъ очень живое и изящное изложеніе предмета. Притомъ авторъ вездѣ выказываетъ знакомство свое съ нѣмецкою ученою литературою, незнаніе которой составляетъ, какъ извѣстно, слабую сторону очень-многихъ французскихъ филологовъ. Замѣчательная монографія Вебера издана подъ заглавіемъ: Q. Horatius Flaccus als Mensch und Dichter. Jena, 1844. Долгомъ считаемъ замѣтить, что ученымъ и копотливымъ изслѣдованіямъ Вебера, мы въ особенности обязаны многими подробностями о Гораціи, которыя читатели найдутъ въ предлагаемой статьѣ. Образцомъ взгляда англійскихъ ученыхъ на Горація можетъ отчасти служить статья, помѣщенная въ «Современникѣ» 1851 г. (въ мартовской книжкѣ), подъ заглавіемъ: «Горацій и его время.» Статья эта переведена изъ «Edinb. Review.» Авторъ ея горячо стоитъ за Горація. На другія сочиненія о Гораціи, которыя я имѣлъ подъ рукою, будетъ указано въ своемъ мѣстѣ.

[4]) Здѣсь, разумѣется, идетъ рѣчь не о нашей литературѣ, гдѣ еще не было ни одного сочиненія о Гораціи, которое бы обличало въ авторѣ серьезное и внимательное изученіе римскаго поэта, а о богатыхъ литературахъ Запада.

[5]) Gesch. der Denk- und Glaubensfreiheit im ersten Jahrhundert der Kaiserherrschaft und des Christenthums. Berlin 1847. Лучшій историкъ

поэтѣ вызвалъ недавно строгое и справедливое осужденіе въ нѣмецкой ученой критикѣ [6]). Впрочемъ, справедливость требуетъ прибавить, что впослѣдствіи, при болѣе зрѣломъ и внимательномъ изученіи твореній Горація, Тейфель убѣдился въ необходимости измѣнить или, по крайней мѣрѣ, значительно смягчить свой пристрастный и заносчивый взглядъ на римскаго поэта. Въ Германіи труднѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, безнаказанно упорствовать въ ложномъ взглядѣ на предметъ. Тамъ уже давно всѣ истинно-просвѣщенные писатели согласны въ томъ, что всякій ученый трудъ, съ притязаніемъ на прочное значеніе въ наукѣ, не долженъ быть отголоскомъ мнѣній какой-нибудь школы, или партіи, не долженъ быть разсчитываемъ на одобреніе ежедневно мѣняющагося мнѣнія и взгляда на вещи, а долженъ являться результатомъ добросовѣстнаго изученія предмета и плодомъ убѣжденія, всегда почтеннаго, если толь-

---

римской литературы, Бернгарди, опровергаетъ взглядъ Шмидта въ своемъ Grundriss der röm. Literatur на стр. 222, прим. 172 и стр. 250, прим. 193.

[6]) См. Charakteristik des Horaz v. Wilhelm S. Teuffel. Leipzig, 1842.— Странный взглядъ Тейфеля на Горація былъ вполнѣ опровергнутъ, въ особенности Любкеромъ (въ Neue Jen. Literaturzeit., въ 1842 г., № 299) и Веберомъ (въ Hallische Allgem. Literaturzeit. 1843 г., въ августовской тетради). Вслѣдствіе этихъ критическихъ статей, взглядъ автора на Горація значительно измѣнился. Тейфель, между-прочимъ, послалъ къ Веберу письмо, въ которомъ старался его увѣрить, что нисколько не имѣлъ цѣлью нарушить уваженіе къ такой значительной и геніальной личности, какъ Горацій. См. объ этомъ у Вебера, въ предисловіи къ его монографіи о Гораціи, стр. IX—X. Въ слѣдующемъ (1843) г., Тейфель издалъ въ Тюбингенѣ новую брошюру (отдѣльный оттискъ статьи о Горація, приготовленной для «Реальной Энциклопедіи» Паули), подъ заглавіемъ: Horaz. Eine literarhistorische Uebersicht v. W. S. Teuffel». На стр. 5-й предисловія къ этой брошюрѣ авторъ благодаритъ своихъ критиковъ (въ особенности Любкера) за то, что они уяснили ему вопросъ о значеніи Горація. Тейфель признается, что прежній его взглядъ на этого поэта невѣренъ и произошелъ отъ смѣшенія античной лирики съ новѣйшею (Die Verwechselung von antiker und moderner Lyrik.) Въ отношеніяхъ Горація къ Августу, авторъ признаетъ (стр. 16) искренность и чистоту убѣжденій римскаго поэта и ставитъ его, какъ нравственнаго человѣка, выше Виргилія и Овидія. Вообще въ разсматриваемомъ трудѣ Тейфеля мы не встрѣчаемъ больше выраженій въ родѣ «Kammerdienerische Lebensansicht», то-есть камердинерскій, или лакейскій взглядъ на жизнь (изъ чего, впрочемъ, еще не слѣдуетъ, что Горацій былъ сыномъ *римскаго камердинера*, какъ выразился не очень давно одинъ изъ нашихъ почтенныхъ ученыхъ), какими наполнена первая его брошюра. Мы не безъ цѣли распространились здѣсь о Тейфелѣ. Его воззрѣніе на Горація, отъ котораго, какъ мы видѣли, онъ самъ впослѣдствіи отрекся, отчасти про-

ко источникъ его чистъ и не загрязненъ примѣсью постороннихъ побужденій, неимѣющихъ ничего общаго съ наукой [7]).

Нѣкоторые издатели Горація также немало способствовали невыгодному мнѣнію о личности нашего поэта. Нужно признаться, что между ними немало встрѣчается людей, которымъ, при объясненіи древнихъ классиковъ, не слѣдовало бы идти дальше грамматическаго толкованія разныхъ словъ и оборотовъ, представляющихъ болѣе или менѣе трудностей въ этомъ отношеніи. Одного изъ послѣднихъ издателей Горація, Орелли, можно также упрекнуть въ несправедливости къ этому писателю; но въ особенности этому упреку подлежитъ Дёрингъ и нѣкоторые другіе составители такъ-называемыхъ школьныхъ изданій, нерѣдко открывающіе въ произведеніяхъ Горація слѣды лести Августу тамъ, гдѣ ея совсѣмъ нѣтъ [8]).

Осуждая Горація, мы осуждаемъ всѣхъ лучшихъ представителей самаго блестящаго періода римской литературы. Горацій стоитъ въ этой литературѣ не отдѣльно отъ другихъ, не одиноко. Онъ членъ знаменитой семьи поэтовъ, проникнутыхъ однимъ убѣжденіемъ, къ которой принадлежатъ лучшіе и возвышенные умы современнаго ему общества: Виргилій, Варій Руфъ, Проперцій, Овидій— всѣ эти (употребимъ выраженіе нашего поэта) *viri Mercuriales*, писатели, безъ которыхъ римская древность лишилась бы столько своего обаянія, а римская литература, конечно, не заслуживала бы того восторженнаго изученія, какое выпало ей на долю въ новомъ

никло и въ нашу литературу, что̀ легко замѣтятъ тѣ, которые внимательно слѣдятъ за ея ходомъ. Мы бы желали избѣгнуть полемики, но готовы твердо стоять за тотъ взглядъ на Горація, который выработался въ умѣ лучшихъ и благороднѣйшихъ представителей современной науки, хотя бы пришлось при этомъ ратовать противъ людей, нами уважаемыхъ.

[7]) Повторяемъ здѣсь мысль, которую высказалъ Шлоссеръ, въ предисловіи къ своему извѣстному сочиненію: «Universalhistorische Uebersicht der Geschichte der alten Welt», Francfurt a. M. 1830.

[8]) Для доказательства ограничимся однимъ примѣромъ, хотя ихъ можно привести множество. Такъ Горацій въ самомъ началѣ посланія къ Юлію Флору (I, 3), находившемуся въ свитѣ Клавдія Тиберія Нерона, который управлялъ въ то время Сиріей, обращается къ своему пріятелю съ слѣдующими словами: «Мнѣ хочется знать, Юлій Флоръ, въ какихъ странахъ ратуетъ теперь Клавдій, пасынокъ Августа?» Дёрингъ замѣчаетъ къ этому мѣсту, что не было никакой нужды въ словахъ «пасынокъ Августа», и что Горацій пользуется только случаемъ *съ почетомъ* (?) упомянуть объ Августѣ. Нелѣпость такой придирки до-того очевидна, что мы оставимъ ее безъ всякаго опроверженія.

мірѣ. Прежде чѣмъ произнесемъ рѣзкій судъ надъ этими знаменитыми именами... подумаемъ немного. Не-уже-ли все это не больше, какъ льстецы и рабы Августа? Или Римъ и его слава были имъ болѣе чужды, чѣмъ нашему времени? или они не досмотрѣли того, что̀ видимъ мы съ высоты нашего воображаемаго величія?

Горацій льстецъ; но кто же послѣ этого не льстецъ? Ограничимся примѣрами изъ римской литературы и спросимъ: какъ можно лесть Горація сравнить съ лестью Овидія Августу, Лукана (въ первыхъ книгахъ Фарсаліи) Нерону, Марціала и Стація—Домиціану? Не говоримъ о другихъ писателяхъ, напримѣръ, о Веллеѣ Патеркулѣ и Валеріи Максимѣ, которые стараются представить намъ какимъ-то героемъ Тиберія. А Цицеронъ? Загляните въ его рѣчи: какой лести и какихъ укоровъ, смотря по обстоятельствамъ, вы не найдете тамъ Суллѣ, Помпею и Цезарю? Горацій славилъ Августа менѣе, чѣмъ суровый его предшественникъ—Сципіона. Луцилій, какъ извѣстно, посвятилъ цѣлую поэму на увѣковѣченіе памяти о подвигахъ своего героя. Но Сципіонъ, скажутъ намъ, оказалъ великія услуги Риму; а развѣ Августъ не оказалъ ихъ своему государству? Горацій не льститъ Августу, когда говоритъ, что онъ заперъ храмъ Януса, успокоилъ міръ, унизилъ враговъ Рима и доставилъ ему уваженіе въ отдаленнѣйшихъ странахъ: все это историческая правда и, слѣдовательно, не лесть. Притомъ мы не должны забывать, что, славя Августа, Горацій не боялся въ то же время открыто славить Катона и Брута, и въ этихъ двухъ непримиримыхъ, повидимому, крайностяхъ, какъ мы надѣемся доказать, не было, по отношенію къ нашему поэту, никакого психологическаго противорѣчія. Горацій — мы убѣждены въ этомъ — искренно чувствовалъ услуги, оказанныя Августомъ его родинѣ и, что̀ главное, видѣлъ эти услуги близко, при самомъ ихъ источникѣ, а это много значитъ.

Новыхъ читателей Горація, особенно не-вполнѣ-знакомыхъ съ условіями древне-классическаго быта, непріятнѣе всего, разумѣется, должна поражать апоѳеоза Августа, встрѣчаемая въ твореніяхъ римскаго поэта, напримѣръ, въ его одахъ. Мы еще возвратимся къ вопросу о значеніи ея въ древности, но и теперь имѣемъ полное право спросить: справедливо ли смотрѣть на это явленіе съ нашей точки зрѣнія? Не ведетъ ли такой взглядъ къ искаженію исторіи? Кто же въ наше время не понимаетъ, что историческая критика должна быть примѣняема не только къ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній, но и нравственнаго характера ихъ авторовъ,

особенно принадлежащихъ вѣкамъ отдаленнымъ и подчиненнымъ многоразличнымъ условіямъ, нисколько-непохожимъ на тѣ, подъ вліяніемъ которыхъ развивается современный намъ бытъ? Вообще, требовать отъ древняго писателя, чтобъ онъ былъ героемъ нашего времени, смотрѣть на него съ высоты того идеала, который мы имѣемъ о нравственномъ человѣкѣ, было бы крайне неразумно. При такомъ судѣ ни одинъ изъ древнихъ писателей — если только мы взглянемъ на него не поверхностно, а постараемся, на сколько это возможно, проникнуть въ изгибы его сердца — не выдержитъ нашей критики. Мы далеки отъ мысли ставить нашъ вѣкъ слишкомъ-высоко въ нравственномъ отношеніи; но кто же не согласится, что современный человѣкъ имѣетъ всѣ средства стоять не только умственно, но и нравственно выше древняго человѣка, который даже въ религіи не могъ найти твердой опоры для своей колеблющейся совѣсти. Христіанство, рыцарство, страшныя потрясенія, небезплодно-прошедшія для исторіи, карающій голосъ общественнаго мнѣнія — вотъ великія выгоды и нравственныя завоеванія нашего вѣка, которыхъ не имѣлъ древній міръ.

Мы нисколько не намѣрены возводить личность Горація въ идеалъ добродѣтели, какъ то̀ дѣлаютъ нѣкоторые слишкомъ-усердные его защитники. Горацій, безъ-сомнѣнія, не избѣгъ многихъ человѣческихъ слабостей, и мы даже готовы признать слѣды ихъ въ его произведеніяхъ; но это нисколько не мѣшаетъ намъ смотрѣть на него, какъ на человѣка, честно и благородно-исполнившаго свое призваніе. Мы вполнѣ согласны съ Тейфелемъ въ томъ, что Горацій не герой (Horaz ist kein Held), но съ условіемъ, впрочемъ, что герои вообще большая рѣдкость между людьми. Человѣкъ большею-частью является намъ смѣшеніемъ добраго начала съ недобрымъ, и безусловнаго совершенства мы не ищемъ подъ луною, или, по крайней мѣрѣ, не требуемъ его отъ всякаго историческаго дѣятеля. Не признавая Горація героемъ, мы, однако, убѣждены въ томъ, что выставить его замѣчательною нравственною личностью, съ тѣми привлекательными качествами, которыя высоко цѣнятся и въ современномъ намъ человѣкѣ, гораздо-легче, чѣмъ не только Сенеку и Саллюстія, но даже Демосѳена и Цицерона.

Кромѣ лести Меценату и Августу, римскаго поэта обвиняютъ еще во многомъ другомъ: въ развратѣ, въ эгоизмѣ, въ недостаткѣ воинскаго мужества и т. д. О степени справедливости этихъ обвиненій подробнѣе будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, а теперь только

замѣчу, что всѣ они, по отношенію къ Горацію, занимаютъ въ моихъ глазахъ второстепенное мѣсто.

Главное обвиненіе, до-сихъ-поръ еще повременамъ слышное въ европейской наукѣ и, по мнѣнію многихъ, лежащее несмываемымъ пятномъ на памяти Горація—это его отступничество отъ того дѣла, за которое онъ, при первой своей встрѣчѣ съ жизнью, ухватился съ такимъ горячимъ и благороднымъ порывомъ юности. Дѣйствительно, въ жизни Горація мы встрѣчаемъ двѣ эпохи, въ которыя онъ является намъ совершенно другимъ человѣкомъ. Жаркаго приверженца Брута и Кассія, сражавшагося при Филиппахъ, хотя и не очень храбро, за римскую республику, мы находимъ впослѣдствіи въ рядахъ сторонниковъ Октавіана, и притомъ—передовымъ глашатаемъ его политической реформы. Какъ согласить это противорѣчіе? Какимъ образомъ, безъ оскорбленія вѣковыхъ преданій своего народа, могъ Горацій сдѣлать этотъ историческій шагъ отъ одной крайности къ другой?

Для оцѣнки Горація, какъ нравственной личности, недостаточно остановиться на фактѣ, что онъ изъ республиканца сдѣлался впослѣдствіи другомъ Августа. Дѣло въ томъ: произошла ли эта перемѣна въ душѣ поэта отъ какого-нибудь эгоистическаго и корыстнаго разсчета, или была слѣдствіемъ искренняго его убѣжденія въ необходимости для Рима политики Октавіана. Затѣмъ слѣдуетъ разсмотрѣть, имѣло ли это новое убѣжденіе Горація разумное основаніе.

Странно обвинять человѣка зрѣлыхъ лѣтъ въ томъ, что онъ не остался постоянно такимъ же юношей, какимъ былъ когда-то. Съ лѣтами надъ безотчетнымъ чувствомъ беретъ верхъ холодный разсудокъ. Необходимость подобнаго измѣненія заключена въ самой природѣ человѣка, физической и нравственной, и потому не только психологія, но и физіологія достаточно уясняютъ намъ причины этого явленія. Одновременно съ силами, дѣйствующими въ тѣлѣ человѣка, происходитъ процессъ развитія въ духовномъ его составѣ. Не излишне ли послѣ этого предлагать вопросъ: отчего Горацій въ сорокъ лѣтъ былъ не такимъ, какимъ онъ былъ въ двадцать? Это другими словами: отчего Горацій не остался вѣчно юнымъ? Отъ того, отвѣтимъ мы, что это была натура самостоятельная и способная къ развитію, которая не могла остановиться на первыхъ впечатлѣніяхъ юности. Есть, конечно, не мало людей, которые останавливаются на нихъ, въ которыхъ эти впечатлѣнія опредѣляютъ весь послѣдующій характеръ ихъ жизни. Горацій не

принадлежалъ къ числу этихъ вѣчныхъ юношей. Нашъ поэтъ былъ слишкомъ-геніаленъ для-того, чтобъ послѣдующая его жизнь, въ которую онъ привыкъ вдумываться, не оставила на немъ своихъ слѣдовъ.

Увлеченіе, въ извѣстный періодъ жизни, идеей даже утопическою, то-есть такою, которая оказывается впослѣдствіи непримѣнимою къ окружающей насъ дѣйствительности, представляетъ явленіе отрадное въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ объ избыткѣ внутренней жизни въ человѣкѣ. Такое увлеченіе составляетъ огромный шагъ впередъ, въ-сравненіи съ оріентальною апатіей, которая иногда тяжело лежитъ надъ цѣлымъ обществомъ. Но эти благородные порывы юности, благодѣтельные потому, что нерѣдко на всю жизнь оставляютъ въ душѣ человѣка много добраго, не должны быть, однако, крайнимъ предѣломъ его нравственнаго развитія. Напротивъ, въ свое время они должны уступить мѣсто болѣе-спокойному, и потому болѣе-зрѣлому взгляду на жизнь. Исключаетъ ли такой практическій взглядъ на окружающій міръ сочувствіе всему благородному и высокому, или отвращеніе отъ всего низкаго и пошлаго? — нисколько.

Итакъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что человѣкъ съ лѣтами мѣняется. Осудимъ человѣка тогда, когда новый взглядъ на вещи образуется въ немъ не вслѣдствіе разумной перемѣны убѣжденія, а подъ вліяніемъ непохвальныхъ постороннихъ цѣлей; когда онъ, какъ нѣкоторые изъ французскихъ писателей-протеевъ, послѣдовательно мѣняетъ свой цвѣтъ вмѣстѣ съ республикою, съ іюльскимъ правленіемъ, съ Бурбонами, Наполеонами и т. д. Мы увидимъ, что не таковъ былъ Горацій. Какъ истый Римлянинъ и человѣкъ геніальный, онъ, во вторую половину своей жизни, постепенно пришелъ къ убѣжденію въ томъ, что побужденіемъ всякаго политическаго дѣятеля (а такимъ является намъ Горацій, не смотря на то, что онъ постоянно избѣгалъ административнаго вліянія на общественныя дѣла), должна быть не абстрактная истина, а практическая ея примѣнимость. Горацій понималъ, что такой дѣятель часто долженъ отказываться отъ притязанія измѣнить дѣйствительность и отъ желанія жертвовать ею общимъ началамъ. Свой образъ дѣйствія онъ долженъ согласовать не съ созданіями отвлеченной мысли, а съ потребностями роднаго ему народа. Вотъ кому, часто по неволѣ, долженъ повиноваться политическій дѣятель, а не приносить дѣйствительность въ жертву теоріи, если она, не смотря даже на всѣ свои достоинства, не по плечу умственному

и нравственному состоянію общества. Слѣды этихъ мыслей, признанныхъ за великую истину корифеями современной науки [9]), мы нерѣдко встрѣчаемъ въ произведеніяхъ Горація.

Новое убѣжденіе возникло въ душѣ поэта не разомъ, но зрѣло и выработывалось въ ней постепенно. Вмѣстѣ съ нимъ росло и уваженіе его къ Августу, въ которомъ Горацій сталъ видѣть наконецъ идеалъ политическаго дѣятеля. Недавнія глубокія изъисканія хронологическаго порядка, въ которомъ явились на свѣтъ, одно за другимъ, произведенія Горація уже много уяснили этотъ вопросъ [10]). Горацій, какъ теперь оказывается, однимъ изъ послѣднихъ присоединилъ свой хвалебный голосъ Октавіану къ голосу цѣлаго народа въ то время, когда ему наскучили наконецъ неурядица и всѣ ужасы безконечной междоусобной войны, и онъ торжественно вручилъ верховную власть бывшему тріумвиру.

2.

Касательно хронологіи произведеній Горація, точное опредѣленіе которой имѣетъ такое огромное значеніе, при сужденіи о римскомъ поэтѣ, какъ человѣкѣ и писателѣ, еще недавно господствовала въ наукѣ теорія знаменитаго англійскаго филолога изъ XVII столѣтія, Ричарда Бентли [11]). По этой теоріи Горацій постоянно

---

[9]) Ограничимся здѣсь указаніемъ на тѣ мѣста «Исторіи цивилизаціи въ Англіи» Бокля (VII глава), гдѣ рѣчь идетъ о Боркѣ.

[10]) Въ этомъ отношеніи особенное значеніе имѣютъ изслѣдованія Кирхнера «Quaestiones Horatianae» Lips. 1834 и Франке «Fastorum Horatianorum capita priora» Berol. 1839. Справедливо замѣчаетъ Франке (стр. 3) «non posse vere judicari de poetae vita, ingenio, arte, nisi poëmatum tempora accurate cognita essent» и пр. Здѣсь должно указать еще на статью о Гораціи Гротефенда, помѣщенную въ энциклопедіи Эрша и Грубера. У Вейхерта (Poëtarum lat. reliquiae) также не мало можно найти хронологическихъ замѣтокъ о Гораціи. Значительная часть сочиненія Вебера, на которое мы указали выше, также посвящена хронологическимъ изслѣдованіямъ о жизни и твореніяхъ римскаго поэта.

[11]) Бентли изложилъ ее въ концѣ своего остроумнаго и очень-немногословнаго предисловія, которое находимъ въ его изданіи Горація. Англійскій критикъ опредѣлилъ слѣдующимъ образомъ время возникновенія различныхъ поэтическихъ произведеній этого поэта. Въ промежутокъ времени между 26 и 28 лѣтнимъ возрастомъ, говоритъ Бентли, слѣдовательно въ-теченіе трехъ лѣтъ, сочинена Гораціемъ первая книга его сатиръ. Затѣмъ, опять впродолженіе трехъ лѣтъ, отъ 31 до 33-го года жизни Горація, возникла вторая книга его сатиръ. Далѣе, къ 34 и 35 годамъ жизни поэта Бентли относитъ его эподы, а къ слѣдующимъ тремъ годамъ (36—38) первую книгу одъ. Къ 40 и 41 годамъ жизни

былъ занятъ сочиненіемъ однородныхъ произведеній, которыя онъ потомъ издавалъ отдѣльными книгами. Такъ, смотря по своему поэтическому настроенію, онъ сочинялъ, то оды, то эподы, то сатиры, то посланія. Эта теорія представляетъ много несообразностей и обличаетъ въ Бентли очень-странный взглядъ на поэтическое творчество. Не-уже-ли оно въ извѣстный періодъ времени выражается только въ опредѣленной формѣ, исключающей всякую другую? Несправедливо также мнѣніе Бентли, будто произведенія Горація дѣлались извѣстными римской публикѣ не прежде, чѣмъ поэтъ издавалъ ихъ въ отдѣльныхъ однородныхъ сборникахъ своихъ стихотвореній. Какъ-будто образованная часть римской публики, постоянно, по разнымъ причинамъ, жаждавшая новыхъ стиховъ Горація, не имѣла средствъ познакомиться съ ними до появленія этихъ отдѣльныхъ сборниковъ, въ которыхъ поэтъ отъ времени до времени издавалъ свои сатиры, оды и т. д.? Нѣтъ сомнѣнія, что если не всѣ, то по-крайней-мѣрѣ друзья Горація имѣли полную возможность наслаждаться стихами поэта вслѣдъ за ихъ созданіемъ. Они же, разумѣется, способствовали извѣстности этихъ стиховъ въ массѣ народа. Правда, Горацій не любилъ публично читать свои произведенія и не подражалъ въ этомъ случаѣ обычаю своихъ собратовъ по искусству, который уже въ вѣкъ Августа былъ очень распространенъ въ Римѣ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что стихи римскаго поэта оставались на болѣе или менѣе долгое время тайною даже для близкихъ къ нему людей. Горацій самъ говоритъ [12]): «Я читаю мои стихи только друзьямъ, и то по принужденію, не вездѣ и немногимъ; а есть у насъ, конечно, много и такихъ поэтовъ, которые декламируютъ свои произведенія на форумѣ, въ общественныхъ баняхъ и т. д.» Притомъ намъ извѣстно, что, начиная съ 717 года, почти всѣ стихотворенія Горація назначались для чтенія въ домѣ Мецената, гдѣ всегда ждали ихъ съ нетерпѣніемъ. Наконецъ, слѣдуя теоріи Бентли, мы должны принять, что Горацій держалъ въ-заперти даже свои посланія, адре-

---

Горація должна быть отнесена, по мнѣнію англійскаго критика, вторая книга одъ, а къ 42 и 43-му — третья. На 46 и 47 годахъ своей жизни, Горацій сочинилъ первую книгу своихъ посланій, а потомъ, въ-теченіе трехъ лѣтъ, отъ 48 до 51 — четвертую книгу одъ и *carmen saeculare*. Время появленія посланія къ Пизонамъ и второй книги посланій (заключаетъ Бентли) съ точностью опредѣлить невозможно.

[12]) См. 4-ю сатиру I-й кн., ст. 73.

сованныя къ извѣстнымъ лицамъ, пока не составлялъ изъ нихъ отдѣльнаго сборника. Возможно ли это?

Къ результатамъ новыхъ хронологическихъ изслѣдованій о жизни и твореніяхъ римскаго поэта принадлежатъ слѣдующія несомнѣнныя положенія: 1) очевидно, что первыми литературными произведеніями Горація были сатиры и эподы, но къ этому же раннему времени должно быть отнесено появленіе нѣкоторыхъ его одъ; 2) отдѣльныя стихотворенія Горація, до появленія ихъ въ однородныхъ сборникахъ его произведеній, дѣлались извѣстными римской публикѣ посредствомъ чтеній въ дружескихъ кружкахъ и множества списковъ, въ которыхъ эти произведенія расходились по разнымъ концамъ обширнаго римскаго государства; 3) нѣтъ необходимости предполагать, что Горацій постоянно выдавалъ по одной книгѣ своихъ стихотвореній. Несомнѣнно, по-крайней-мѣрѣ, что первыя три книги его одъ изданы не порознь, какъ предполагалъ Бентли, а вмѣстѣ. Въ этомъ мнѣніи согласны между собою Кирхнеръ и Франке. Затѣмъ, прежнее мнѣніе о томъ, что четвертая книга одъ Горація явилась долгое время спустя послѣ первыхъ трехъ, по настоятельному требованію Августа, остается безъ перемѣны. Объ этомъ положительно свидѣтельствуетъ Светоній.

До-сихъ-поръ мы говорили о тѣхъ пособіяхъ, которыя даетъ намъ новая наука къ изученію Горація. Но ея результаты не были бы въ этомъ случаѣ такъ прочны и несомнѣнны, еслибъ сама древность не представляла обилія источниковъ, проливающихъ яркій свѣтъ на отношенія нашего поэта къ тому періоду римской исторіи, котораго онъ является главнымъ литературнымъ дѣятелемъ. Скажемъ теперь же, что всѣ эти драгоцѣнныя пособія, уясняющія личность Горація, не только служатъ къ оправданію римскаго поэта отъ взводимыхъ на него обвиненій, но открываютъ въ его характерѣ такія стороны, которыхъ мы не можемъ не уважать.

Человѣческая личность великихъ писателей древности очень мало намъ извѣстна. Она обыкновенно заслонена отъ насъ давностью вѣковъ, къ которымъ относятся эти писатели, и исчезаетъ въ колоссальности и высокихъ совершенствахъ ихъ твореній. Историкъ классической старины рѣдко находитъ въ древнихъ источникахъ уже готовую характеристику греческихъ и римскихъ авторовъ. Матеріалъ, завѣщанный новой наукѣ древностью, обыкновенно оказывается въ этомъ случаѣ недостаточнымъ, и современный критикъ, за отсутствіемъ положительныхъ свидѣтельствъ, долженъ

дополнять его собственными своими болѣе или менѣе вѣроятными и остроумными предположеніями, во всякомъ случаѣ имѣющими второстепенное значеніе, при сужденіи о нравственной личности того или другаго древняго классика.

Конечно, всякое замѣчательное литературное произведеніе служитъ выраженіемъ внутренней жизни своего автора; но, ограничиваясь только этимъ источникомъ, мы никогда не избѣгнемъ идеальнаго воззрѣнія на литературныхъ дѣятелей. Сколько у всѣхъ народовъ встрѣчается писателей, которыхъ слова и дѣла находятся въ крайнемъ между собою противорѣчіи! Какимъ нравственнымъ человѣкомъ казался бы намъ Саллюстій, еслибъ мы не знали, что онъ ограбилъ Нумидію и былъ удаленъ изъ римскаго Сената за свою порочную жизнь! Въ римской литературѣ немало найдется такихъ писателей-моралистовъ.

Намъ случалось встрѣчать мнѣніе, будто необходимо обращаться съ особенною нѣжностью съ нравственнымъ характеромъ всякой личности, прославившейся въ наукахъ или въ искусствѣ. «Какое кому дѣло (говоритъ одинъ англійскій историкъ) [13]), если такая личность была грязна и безобразна при жизни, когда цѣлый міръ изъ трудовъ ея почерпаетъ удовольствіе и пользу? Число тѣхъ, которые страдали отъ пороковъ знаменитаго человѣка, даже при жизни его, ничтожно въ сравненіи съ числомъ тѣхъ, для которыхъ его талантъ служитъ источникомъ наслажденія. Въ нѣсколько лѣтъ сходятъ съ лица земли всѣ, кого онъ обидѣлъ, творенія же его служатъ утѣхой для мильйоновъ».

Мы не согласны съ такимъ воззрѣніемъ на историческихъ дѣятелей и лучшимъ отвѣтомъ на него считаемъ слѣдующія слова всѣми уважаемаго русскаго писателя [14]): «приговоръ долженъ быть основанъ на вѣрномъ, честномъ изученіи дѣла. Онъ произносится не съ цѣлью тревожить могильный сонъ подсудимаго, а для того, чтобъ укрѣпить подверженное безчисленнымъ искушеніямъ нравственное чувство живыхъ, усилить ихъ шаткую вѣру въ добро и истину. Да будетъ же каждому воздано по заслугамъ: признательность разнороднымъ труженикамъ, въ потѣ лица работавшимъ на человѣчество, удовлетворившимъ какому-нибудь изъ его требованій; строгое осужденіе людямъ, обманувшимъ современ-

[13]) Слова его приводитъ г. Бабстъ, въ статьѣ о Саллюстіи. См. «Пропилеи», т. I, стр. 249, 1-го изд.

[14]) См. сочиненія Т. Н. Грановскаго, т. I, стр. 280.

никовъ счастливою отвагою, или геніальнымъ эгоизмомъ. Въ возможности такого суда есть нѣчто глубоко-утѣшительное для человѣка. Мысль о немъ даетъ усталой душѣ новыя силы для спора съ жизнью».

Мы сказали, что новый изслѣдователь классической литературы рѣдко имѣетъ возможность, на основаніи однихъ только отрывочныхъ и недостаточныхъ древнихъ свидѣтельствъ, представить полную характеристику изучаемыхъ имъ авторовъ, и такимъ образомъ возстановить связь между человѣкомъ и писателемъ. Къ-счастью, это замѣчаніе не относится къ двумъ главнымъ представителямъ римской литературы: Цицерону и Горацію. Полный образъ человѣческой личности этихъ писателей мы можемъ извлечь изъ ихъ твореній, въ которыхъ они часто обращаются къ обстоятельствамъ своей жизни, такъ-что она проходитъ передъ нашими глазами со всѣми ея даже мелкими подробностями. Отсюда изученіе Цицерона и Горація представляетъ интересъ психологическій и особенно привлекательно тѣмъ, что даетъ намъ средства прослѣдить процессъ развитія ихъ внутренней жизни.

Для изученія Горація, какъ человѣка, мы имѣемъ, кромѣ его твореній, еще одинъ драгоцѣнный источникъ, на который порицатели римскаго поэта не обратили должнаго вниманія: это—древняя біографія Горація, написанная Светоніемъ. Онъ былъ извѣстенъ своимъ современникамъ не только какъ біографъ римскихъ кесарей, но и какъ авторъ утраченнаго сочиненія «О поэтахъ» (de Poëtis). Есть мнѣніе, что дошедшія до нашего времени краткія жизнеописанія: Теренція, Лукана, Персія, Ювенала и нѣкоторыхъ другихъ римскихъ писателей—составляютъ отрывки изъ этого сочиненія, но принадлежность ихъ Светонію доказать невозможно. Эти біографіи, если и принадлежатъ древности, то, очевидно, искажены позднѣйшими эпитоматорами и переписчиками, и дошли до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ. Та же участь, безъ-сомнѣнія, постигла и упомянутую біографію Горація, но тѣмъ немене она представляетъ собою важный матеріалъ для исторіи римской литературы. Положимъ, что тутъ есть позднѣйшія искаженія и вставки; допустимъ, что вообще отъ первоначальной редакціи этой біографіи, въ томъ видѣ, какъ она вышла изъ-подъ пера Светонія, осталось очень-мало; но, во всякомъ случаѣ, разсматриваемое жизнеописаніе Горація содержитъ въ себѣ нѣсколько несомнѣнныхъ историческихъ подробностей, и притомъ такихъ, которыя вполнѣ спасаютъ такъ неосновательно-заподозрѣнную честь

римскаго поэта [15]). Къ такимъ подробностямъ относятся, къ счастью, сохраненныя переписчиками подлинныя письма Августа къ Меценату и Горацію, изъ которыхъ видно, до какой степени римскій императоръ дорожилъ расположеніемъ къ себѣ бѣднаго поэта, и какъ, съ другой стороны, этотъ поэтъ держалъ себя независимо въ отношеніи къ человѣку, воля котораго служила закономъ для цѣлаго міра.

Въ заключеніе замѣтимъ, что значительнымъ пособіемъ при изученіи Горація служатъ намъ древніе его комментаторы, или такъ-называемые схоліасты. Сюда преимущественно относятся Геленій Акронъ, Помпоній Порфиріонъ и наконецъ цѣлый рядъ древнихъ схолій, извѣстныхъ подъ именемъ «scholia Cruquiana». Изъ древнихъ толкователей Горація называютъ еще Кая Эмилія, Юлія Модеста и Квинта Теренція Скавра, но комментарій ихъ не дошелъ до нашего времени [16]). Вѣкъ и обстоятельства жизни всѣхъ этихъ схоліастовъ неизвѣстны. Безъ сомнѣнія, они должны быть отнесены къ поздней порѣ періода кесарей, но пользовались, какъ видно, хорошими источниками изъ времени близкаго къ Горацію Особенно-важны многорѣчивыя замѣтки Акрона; его же считаютъ не безъ основанія авторомъ недошедшаго до насъ сочиненія «de Personis Horatianis». (О личностяхъ, встрѣчаемыхъ у Горація), на

---

[15]) Сходство языка, которымъ написана упомянутая біографія Горація, съ слогомъ Светонія еще немного говоритъ въ пользу принадлежности ея этому писателю, потому-что это сходство можетъ быть совершенно случайное. Гораздо важнѣе въ этомъ отношеніи слѣдующее примѣчаніе одного изъ древнихъ схоліастовъ Горація къ первому посланію второй книги: «ясно, что это посланіе написано по просьбѣ Кесаря, о чемъ свидѣтельствуетъ также Светоній, потому-что у него (то-есть, въ написанной имъ біографіи Горація) находится письмо Августа, упрекающаго Горація за то, что онъ не обращается къ нему въ своихъ произведеніяхъ». Дѣйствительно, письмо такого содержанія Августа къ Горацію уцѣлѣло въ упомянутой біографіи. Кромѣ этого жизнеописанія, во многихъ рукописяхъ, въ которыхъ дошли до насъ произведенія Горація, встрѣчаются и другія краткія біографіи римскаго поэта, также, очевидно, извлеченныя изъ Светонія. Онѣ также искажены и до-нельзя сокращены переписчиками, и содержатъ въ себѣ иногда такія подробности о Гораціи, которыхъ нѣтъ въ упомянутой его біографіи. Всѣ эти біографіи обыкновенно перепечатываются въ изданіяхъ Горація.

[16]) См. о нихъ у Митчерлиха, въ предисловіи (стр. XVII) къ его извѣстному изданію Горація (онъ успѣлъ издать только оды и эподы Горація), которое появилось въ Лейпцигѣ, въ 1800 г., и въ-особенности у Сурингара (Suringar), въ его «Historia critica scholiast. lat.» Lugd. Batav. 1834.

которое нерѣдко ссылаются древніе комментаторы римскаго поэта. Изъ этого источника заимствованы, безъ-сомнѣнія, древними толкователями Горація замѣтки о лицахъ, которыя онъ выводитъ въ своихъ произведеніяхъ большею-частью подъ вымышленными именами. Подобныя замѣтки, конечно, составляютъ главное достоинство разбираемыхъ схолій; но рядомъ съ ними мы встрѣчаемъ здѣсь также множество пустыхъ объясненій, видимо-искаженныхъ, кромѣ-того, переписчиками.

Что же касается «scholia Cruquiana», то они представляютъ сборникъ анонимныхъ схолій, названныхъ такъ по имени одного филолога, который отъискалъ ихъ въ древнихъ, теперь утраченныхъ манускриптахъ твореній Горація. Этотъ ученый привелъ упомянутыя схоліи и глоссы въ порядокъ и напечаталъ ихъ въ своемъ изданія Горація. Впрочемъ, несомнѣнно, что нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ не принадлежатъ древности, а составлены въ средневѣковыхъ монастыряхъ.

Повторимъ, что всѣ эти древнія схоліи и глоссы, несмотря на всю ихъ ничтожность въ литературномъ отношеніи, нерѣдко имѣютъ для насъ огромную важность потому, что безъ нихъ множество мѣстъ въ произведеніяхъ Горація осталось бы навсегда для новой науки неразрѣшимою загадкою, особенно тамъ, гдѣ мы встрѣчаемъ у поэта намеки на лица и событія повседневной римской жизни, которыя, безъ-сомнѣнія, вполнѣ были понятны его современникамъ [17]).

Приведенными подробностями мы имѣли цѣлью указать на тѣ пособія, необходимыя при изученіи Горація, которыя представляетъ римская древность и современная наука. Кромѣ-того, мы хотѣли установить точку зрѣнія на римскаго поэта и заранѣе освободить его отъ нѣкоторыхъ обвиненій. Дальнѣйшее развитіе и уясненіе этихъ предварительныхъ замѣтокъ читатели найдутъ въ слѣдующихъ отдѣлахъ нашего сочиненія, гдѣ мы обратимся къ изображенію характера политической, частной и литературной жизни Горація.

---

[17]) Изъ новѣйшихъ попытокъ уяснить значеніе различныхъ намековъ въ произведеніяхъ Горація, особенно-замѣчательно изслѣдованіе Буттмана, «Ueber das geschichtliche und die Anspielungen im Horaz», читанное имъ въ одномъ изъ засѣданій Берлинской Академіи наукъ, въ 1808 г. Впослѣдствіи оно, въ видѣ особаго прибавленія, было напечатано въ его «Mythologus», I Bd., стр. 297 и слѣд. Berlin, 1828.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Незнатное происхожденіе Горація и отношенія его къ своему отцу. — Первоначальное воспитаніе поэта. — Орбилій. — Аѳинскій періодъ жизни Горація.

Nil me poeniteat sanum patris hujus...
Horat.

Romae nutriri mihi contigit atque doceri,
Iratus Graiis quantum nocuisset Achilles.
Adiecere bonae paulo plus artis Athenae...
Horat.

1.

Квинтъ Горацій Флаккъ родился 8-го декабря 689 г., то-есть за 65 лѣтъ до Р. Хр., въ консульство Луція Аврелія Котты и Луція Манлія Торквата [17]). Родиною поэта былъ незначительный городъ Венузія — римская военная колонія, на границѣ Апуліи и Луканіи [18]). Это мѣстечко и до-сихъ-поръ удерживаетъ древнее свое названіе: оно теперь извѣстно подъ именемъ Венозы (Venosa) и находится въ Базиликатѣ, одной изъ провинцій бывшаго Неаполитанскаго Королевства.

Отецъ Горація былъ отпущенникъ; но на этомъ извѣстіи прекращаются почти всѣ біографическія о немъ подробности. Откуда онъ былъ родомъ, къ какой принадлежалъ націи — на все это мы не находимъ никакихъ указаній ни у самого Горація, который такъ любитъ говорить о своемъ отцѣ, ни у другаго писателя древности. Въ догадкѣ, что старикъ Горацій былъ родомъ грекъ — нѣтъ ничего невѣроятнаго: она подтверждается тѣми трогательными отношеніями этого почтеннаго человѣка къ своему геніальному сыну, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, и еще тѣмъ, что окрестности Венузіи, и вообще та часть Южной Италіи, гдѣ лежалъ этотъ городокъ, искони были населены греческими выходцами. Фамильное имя нашего поэта не имѣло, разумѣется, ничего общаго съ знаменитымъ въ-древности родомъ Горацієвъ; а прозвище Флаккъ также довольно ясно указываетъ на неаристократическое его происхожденіе. Римскіе отпущенники имѣли обычай удерживать фамилію бывшихъ своихъ господъ, и потому родовое имя могло перейти на поэта отъ одного изъ Горацієвъ,

[17]) Горац. Оды III, 21, въ самомъ началѣ.
[18]) Сат. II, I, ст. 34.

который отпустилъ на волю его отца; но такъ—какъ Гораціи рѣдко встрѣчаются въ римской исторіи подъ конецъ періода республики, то еще вѣроятнѣе, что оно произошло отъ гораціевой трибы (tribus Horatia), къ которой, какъ видно изъ уцѣлѣвшихъ древнихъ надписей, приписаны были венузинцы. Очень можетъ быть, что отецъ Горація былъ отпущенникомъ не частнаго человѣка, а колоніи Венузіи.

Еще менѣе знаемъ мы о матери поэта. Онъ лишился ея, по всей вѣроятности, въ раннемъ дѣтствѣ. Иначе было бы непонятно, почему Горацій ни словомъ не упоминаетъ о ней въ тѣхъ прекрасныхъ мѣстахъ своихъ произведеній, гдѣ онъ съ такимъ уваженіемъ говоритъ о своемъ отцѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что мать поэта также была изъ простаго званія. Несмотря, однако, на незнатность своихъ родителей, Горацій былъ человѣкомъ свободнаго происхожденія (ingenuus) [19]) и считался сыномъ римскаго гражданина, потому—что съ 665 года свободные жители почти всѣхъ частей Италіи получили право гражданства.

Что касается общественнаго положенія отца Горація, то объ этомъ ясно говоритъ самъ поэтъ (въ указанной сатирѣ, ст. 86) и древній его біографъ [20]). Изъ этихъ свидѣтельствъ видно, что старикъ Горацій былъ сборщикомъ государственныхъ податей и повинностей, которыя обыкновенно отдавались въ Римѣ на откупъ капиталистамъ, принадлежавшимъ къ сословію всадниковъ: вѣроятно, онъ состоялъ на службѣ у одного изъ государственныхъ откупщиковъ (publicani). Есть также поводъ думать, что отецъ римскаго поэта занималъ эту незначительную должность въ Венузіи, а не въ Римѣ, гдѣ онъ, какъ кажется, не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ занятій, и все время посвящалъ надзору за воспитаніемъ своего геніальнаго сына.

---

[19]) Почти до исхода V-го вѣка города, сыновья римскихъ отпущенниковъ (manumissi, liberti) назывались *libertini*, и только внукъ отпущенника считался *ingenuus*, то-есть человѣкомъ вполнѣ-свободнаго происхожденія; но съ теченіемъ времени это различіе исчезло. Горацій называетъ себя *ingenuus* на томъ основаніи (Sat. I, 6, 8), что родился въ то время, когда отецъ его былъ уже человѣкомъ свободнымъ. См. объ этомъ примѣчаніе Гейндорфа къ сат. Гор. I, 6, ст. 79, въ изданіи Вюстемана, на которое указано выше.

[20]) «Q. Horatius Flaccus, Venusinus, patre, ut ipse tradit, libertino et *exactionum coactore;* ut vero creditum est, salsamentario...» Такъ говоритъ Светоній въ самомъ началѣ своей біографіи Горація. По другимъ извѣстіямъ, вѣроятно, позже-вставленнымъ въ эту біографію, отецъ Горація былъ *salsamentarius*, то-есть продавецъ соленой рыбы.

Нравственно, однако, старикъ Горацій очень возвышался надъ своимъ незначительнымъ общественнымъ положеніемъ, и здѣсь представляется намъ случай отдать должную справедливость этому почтенному человѣку, безукоризненное имя котораго подверглось въ недавнее время такому легкомысленному и неосновательному порицанію одного изъ извѣстныхъ нѣмецкихъ ученыхъ [21]).

Странное дѣло! Кромѣ нѣкоторыхъ очень-скудныхъ подробностей, находимыхъ у Светонія, мы ничего не знаемъ объ отцѣ Горація. Только нравственный образъ этого почтеннаго старика является намъ въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ въ твореніяхъ его знаменитаго сына, который постоянно съ глубокимъ уваженіемъ отзывается о своемъ отцѣ, какъ о благороднѣйшемъ человѣкѣ. Мы сейчасъ увидимъ, какою заботою онъ окружилъ отроческія лѣта своего сына и согласимся, что примѣры такой просвѣщенной отеческой любви, особенно въ простолюдинахъ, вообще не часто встрѣчаются въ исторіи. Тѣмъ трогательнѣе подобныя отношенія въ Римѣ, въ періодъ полнаго упадка нравовъ. Вотъ блѣдный очеркъ нравственной личности старика Горація. Какое же право имѣетъ новая критика или, вѣрнѣе, *фразёрство* (ибо фразою называемъ мы слова, неимѣющія никакого ни логическаго, ни историческаго основанія), пятнать честь этого человѣка? Мы въ особенности недоумѣваемъ, на какомъ основаніи Тейфель распространяется о политическихъ его убѣжденіяхъ и взглядахъ на вещи. И что за логика требовать возвышенныхъ политическихъ убѣжденій и взглядовъ отъ человѣка, выставляя его въ то же время ничтожнымъ рабомъ, или *камердинеромъ?* Этому *камердинерскому* воззрѣнію на міръ, наслѣдственно перешедшему отъ отца къ сыну, нѣмецкій ученый приписываетъ отступничество Горація отъ партіи Брута. Это мнѣніе наивно до крайности. Съ одной стороны, мы видимъ человѣка простаго, все свое вниманіе устремившаго на воспитаніе сына, а съ другой — геніальнаго юношу, который усвоилъ себѣ — сначала въ Римѣ, а потомъ въ Аѳинахъ — высшее образованіе, какое только было доступно древнему писателю. Не-уже-ли же мы можемъ разумно вѣрить, что этотъ геніальный юноша даже впослѣдствіи, въ годы возмужалости, постоянно находился подъ вліяніемъ своего *папеньки?* Такое полное отсутствіе самостоятельности духа не всегда составляетъ характеръ даже очень-обыкно-

[21]) См. «Characteristik des Horaz v. W. S. Teuffel», стр. 35. О выходкахъ Тейфеля противъ Горація мы уже упомянули выше.

*

венныхъ людей. Мы нисколько не намѣрены отрицать нравственнаго вліянія старика Горація на знаменитаго поэта, но оно, какъ мы увидимъ, не имѣло никакого отношенія къ политическимъ его убѣжденіямъ.

Мы уже замѣтили, что старикъ Горацій всѣми силами старался возвысить своего сына надъ тѣмъ положеніемъ, въ которое поставила его судьба. Онъ не хотѣлъ ограничить его воспитаніе венузинскою школою, въ которой педагогическая ферула находилась тогда въ рукахъ какого-то Флавія. Собравъ послѣднія крохи, старикъ Горацій отправился съ своимъ сыномъ въ Римъ (вѣроятно, нашему поэту было въ это время не болѣе семи лѣтъ), съ твердымъ намѣреніемъ дать ему такое же воспитаніе, какое получали дѣти римскихъ сенаторовъ и всадниковъ. Самъ онъ постоянно провожалъ своего сына въ школу, потому-что не имѣлъ средствъ, да и не хотѣлъ поручить эту обязанность какому-нибудь наемному педагогу [22]). Но послушаемъ, какъ объ этомъ разсказываетъ самъ поэтъ [23]). «Если (говоритъ Горацій) моя природа, вообще прямая, страдаетъ небольшими и немногими недостатками, подобно тому, какъ и на прекраснѣйшемъ тѣлѣ ты съ неудовольствіемъ встрѣтишь мѣстами родимыя пятна; если никто не можетъ справедливо укорить меня ни въ корыстолюбіи, ни въ грязномъ развратѣ; если, чтобъ сказать что-нибудь въ похвалу себѣ, жизнь моя чиста, безупречна и дорога моимъ друзьямъ, то виновникомъ всего этого былъ мой отецъ. Будучи человѣкомъ бѣднымъ, владѣя только небольшимъ полемъ, онъ не захотѣлъ, однако, посылать меня въ школу Флавія, куда, перевѣсивъ сумку и счетную доску черезъ лѣвую руку, хаживали знатныя дѣти великихъ центуріоновъ (т.е. провинціальныхъ аристократовъ), относя въ каждыя восьмыя иды [24]) жалованье своимъ учителямъ; но въ то время, какъ я былъ

[22]) Такъ назывались въ Римѣ рабы, обязанностью которыхъ было провожать въ школу своихъ баричей. Позже это слово получило то благородное значеніе, въ которомъ оно употребляется и теперь.

[23]) См. VI-ю Сат. I-й кн., ст. 65 и слѣд.

[24]) Касательно темнаго выраженія (ст. 75) *idibus octonis*, мы должны замѣтить слѣдующее. Идами (idus, отъ древней формы *iduare* — дѣлить, ср. div—idere) называли римляне средину мѣсяца, то-есть 15-е число марта, мая, іюня и октября и 13-е число остальныхъ мѣсяцевъ. Обыкновенное объясненіе гораціева выраженія *idus octonae* состоитъ въ томъ, что между идами и *нонами* (*nonae*, отъ novem — такъ назывался девятый день каждаго мѣсяца, предшествовавшій идамъ) считалось восемь дней. Горацій, говорятъ, назвалъ иды восьмыми потому, что восемь дней,

еще отрокомъ, рѣшился отвести меня въ Римъ съ тѣмъ, чтобъ я тамъ учился тѣмъ же наукамъ, которымъ учатъ своихъ дѣтей всадники и сенаторы. Еслибъ кто-нибудь увидѣлъ въ то время, на сколько можно это замѣтить въ большой толпѣ, мою одежду и слугъ, которые за мною слѣдовали, то подумалъ бы, что эти издержки на мое воспитаніе берутся изъ какого-нибудь богатаго дѣдовскаго наслѣдства. Отецъ мой неотступно былъ при мнѣ неподкупнѣйшимъ стражемъ среди моихъ наставниковъ; словомъ, онъ предохранилъ меня — что составляетъ первое украшеніе нравственнаго человѣка — не только отъ дурныхъ поступковъ, но и отъ дурной славы. Онъ не боялся, что его попрекнули бы современемъ (моимъ воспитаніемъ), еслибъ я сдѣлался прекономъ (глашатаемъ) или, подобно ему, занялъ незначительную должность сборщика податей, да и я бы на это не жаловался. Тѣмъ больше я долженъ хвалить и благодарить его теперь (т. е. сдѣлавшись значительнымъ человѣкомъ). Да, пока во мнѣ есть здравый смыслъ, никогда я не пожалѣю о томъ, что имѣлъ такого отца и не буду оправдывать себя такъ, какъ большая часть людей, которые твердятъ, что не по ихъ винѣ родители ихъ не родовиты и не знатны. Мой голосъ и мой образъ мыслей далеко несходны съ мнѣніемъ этихъ людей; и еслибъ природа позволила намъ снова вступить съ извѣстнаго возраста на пройденный уже путь жизни и выбрать себѣ, для блеска, какихъ угодно знатныхъ родителей, то каждый пожелалъ бы ихъ для себя, а я, довольный моими, не захотѣлъ бы взять себѣ въ отцы человѣка почетно-отличеннаго отъ другихъ ликторами съ пуками и курульнымъ сѣдалищемъ, безумный на взглядъ толпы, но, можетъ-быть, разумный въ твоихъ глазахъ, Меценатъ...»

За подобныя мѣста, проникнутыя такимъ высокимъ нравственнымъ чувствомъ (а ихъ не мало у Горація), можно, не задумавшись, отдать всю безжизненную декламацію Сенеки и другихъ римскихъ моралистовъ. Писатель съ такимъ возвышеннымъ чувствомъ, съ

слѣдовавшихъ за нонами, причислялись въ каждомъ мѣсяцѣ къ идамъ. Едва-ли, впрочемъ, Горацій имѣлъ здѣсь въ виду такую вполнѣ-излишнюю точность при опредѣленіи времени, въ которое венузинскіе школьники выплачивали жалованье своимъ учителямъ. По мнѣнію К. Фр. Германна, которому слѣдуетъ и Вюстеманъ, иды называются здѣсь восьмыми потому, что элементарныя школы открыты были въ Италіи только въ продолженіе восьми мѣсяцевъ. Слѣдовательно, восьмыя иды, по этому объясненію, то же, что иды учебныхъ мѣсяцевъ.

такою благородною гордостью не могъ быть пошлымъ человѣкомъ. Здѣсь слова возвышаются на степень дѣлъ, и дѣйствительно, вся жизнь поэта служитъ этимъ словамъ прекраснымъ поясненіемъ. Въ нихъ слышится намъ голосъ человѣка, проникнутаго вѣрою въ чистоту своихъ намѣреній, возвышенность помысловъ, въ геніальность своей природы—все это онъ ставитъ выше того, чѣмъ обыкновенно похваляются дюжинные люди. Теперь, когда чистота намѣреній, даровитость и образованіе каждому даютъ патентъ на благородство во мнѣніи общества, не спрашиваютъ у писателя: знаменито или нѣтъ, его происхожденіе; но не такъ было въ вѣкъ Горація, и потому голосъ его имѣетъ тѣмъ бо̀льшую цѣну въ нашихъ глазахъ. Приведенныя слова поэта, несмотря на ихъ безъискусственную простоту, въ которой онъ вообще любилъ выражать свою мысль, оставляютъ въ душѣ читателя едва-ли не болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ даже знаменитое начало ювеналовой (VIII) сатиры объ истинномъ благородствѣ.

Вообще шестая сатира принадлежитъ къ превосходнѣйшимъ и самымъ нравственнымъ произведеніямъ римской литературы. Поэтъ уже другъ Мецената, Азинія Полліона и другихъ корифеевъ возникавшей реформы, всенародно и съ какою-то гордостью объявляетъ здѣсь, что онъ сынъ отпущенника. Горацій имѣлъ, конечно, достаточно поводовъ къ такому поступку. Въ то время, къ которому относится эта сатира, многіе, вѣроятно, еще смѣшивали его съ тѣми искателями счастья и выскочками, какихъ немало было въ Римѣ въ ту переходную эпоху его исторіи, о которой здѣсь идетъ рѣчь. Массѣ римской публики Горацій дѣйствительно могъ еще казаться въ эту пору человѣкомъ искательнымъ, который хитростью и лестью втерся въ дружбу Мецената съ тѣмъ, чтобъ, при его помощи, добыть себѣ денегъ и почестей. Горацій, по справедливому замѣчанію Гейндорфа, написалъ разбираемую сатиру съ цѣлью противодѣйствовать такому неосновательному о себѣ мнѣнію. Благородный поэтъ считалъ обязанностью откровенно высказать своимъ недоброжелателямъ, чему онъ обязанъ своею дружбою съ Меценатомъ, и какъ далекъ отъ мысли воспользоваться ею, чтобъ проложить себѣ дорогу къ почестямъ. Горацій открыто и съ полнымъ правомъ гордится тѣмъ образомъ мыслей, который руководилъ его поведеніемъ въ отношеніи къ Меценату, и здѣсь представился поэту удобный случай благодарно вспомнить о томъ темномъ человѣкѣ, которому онъ былъ обязанъ чистотою своихъ намѣреній и помысловъ. Этотъ человѣкъ былъ его отецъ.

2.

Римскій поэтъ оставилъ намъ интересную замѣтку о своемъ первоначальномъ воспитаніи въ Римѣ. Здѣсь главнымъ его наставникомъ является Орбилій. Шутливое и нисколько незлобивое слово Горація о своемъ учителѣ послужило поводомъ къ тому, что на этого человѣка обыкновенно смотрятъ какъ на типъ грубаго и необразованнаго педагога [25]). Распространенію такого мнѣнія въ особенности много способствовала характеристика Орбилія, представленная Виландомъ [26]). По словамъ его, Орбилій былъ отставной солдатъ, котораго нужда заставила промѣнять свой тесакъ на учительскую ферулу. Ученость этого педагога (прибавляетъ Виландъ) простиралась, вѣроятно, не очень далеко, и онъ читалъ съ своими учениками Ливія Андроника потому, что это былъ писатель, по которому онъ самъ когда-то выучился читать.

Это мнѣніе не отличается особенною вѣрностью и, кромѣ-того, находится въ противорѣчіи съ свидѣтельствами самой древности объ Орбиліи. Еслибъ это былъ дѣйствительно такой отсталый педагогъ, какимъ выставляетъ его Виландъ, то едва-ли бы отецъ Горація, такъ внимательно слѣдившій за воспитаніемъ своего сына, промѣнялъ Флавія на Орбилія. Не такъ отзывается о немъ Светоній, въ сочиненіи своемъ «О знаменитыхъ грамматикахъ» [27]). Приведемъ слова его: «Орбилій Пупиллъ, изъ Беневента, предоставленный самому себѣ смертью своихъ родителей, погибшихъ въ одинъ и тотъ же день отъ коварства враговъ (вѣроятно, во время проскрипцій), сначала находился въ услуженіи у различныхъ чинов-

---

[25]) Вотъ слова Горація (Epist. II, 1, 70): «Я не преслѣдую и не полагаю, что нужно уничтожить произведенія Ливія (Андроника), которыя, сколько помнится, дракунъ Орбилій диктовалъ мнѣ въ школѣ, когда я былъ еще мальчикомъ; но только удивляюсь тому, что они кажутся изящными, прекрасными и нисколько-неуступающими совершеннѣйшимъ произведеніямъ (римской литературы)...» Ливій Андроникъ, грекъ, родомъ изъ Тарента, былъ рабомъ и воспитателемъ дѣтей Ливія Салинатора, одного изъ римскихъ сенаторовъ. Этотъ писатель является намъ первымъ, по времени, представителемъ римской искусственной литературы. Въ 514 г. города, онъ выступилъ на римскую сцену съ латинскими передѣлками греческихъ трагедій и комедій. Кромѣ-того, онъ перевелъ на латинскій языкъ сатурновымъ размѣромъ Одиссею Гомера О ней-то, безъ-сомнѣнія, идетъ здѣсь рѣчь.

[26]) См. его нѣмецкій переводъ Посланій Горація (Leipzig. 1790), ч. II стр. 99.

[27]) Sueton. de illustrib. grammat. c. 9.

ныхъ лицъ (primo apparituram magistratibus fecit); затѣмъ служилъ въ Македоніи, сперва капраломъ [29]), а потомъ въ кавалеріи, и получивъ отставку, возвратился къ ученымъ трудамъ, которыми онъ *основательно* (non leviter) *занимался съ ранней молодости.* Пробывъ долгое время учителемъ на своей родинѣ, онъ на пятидесятомъ году жизни переселился въ Римъ, во время цицеронова консульства [29]), и занимался тамъ обученіемъ молодыхъ людей съ большею для себя славою, чѣмъ выгодою. Въ одномъ изъ сочиненій, написанномъ Орбиліемъ уже въ очень-преклонныхъ лѣтахъ, онъ признается въ своей бѣдности, и въ томъ, что живетъ гдѣ-то подъ самою крышей. Онъ издалъ также книгу, подъ заглавіемъ «Горемыка« (Perialges), гдѣ жалуется на тѣ обиды, которыя терпятъ наставники отъ невниманія къ нимъ и чванства родителей. Орбилій былъ суровъ не только къ тѣмъ, которые разнорѣчили съ нимъ въ вопросахъ, касавшихся науки (antisophistae) — такихъ онъ поносилъ всякими рѣчами — но и въ отношеніи къ своимъ ученикамъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Горацій, называя его *plagosus*—драчливымъ, и Домицій Марзъ [30]) въ слѣдующемъ стихѣ:

Тѣ, которыхъ Орбилій бивалъ ферулой и плетью [31]).

Орбилій не воздерживалъ себя также отъ насмѣшекъ надъ людьми знатными. Такъ, будучи еще неизвѣстнымъ человѣкомъ, онъ былъ однажды позванъ въ судъ; и когда, при полномъ собраніи, заявлялъ тамъ свое показаніе, то, на вопросъ Варрона Мурены (адвоката противной стороны): чѣмъ онъ занимается или промышляетъ, отвѣчалъ, что «переноситъ горбатыхъ съ солнца въ тѣнь», а Мурена былъ горбатъ [33]. Орбилій жилъ почти до ста

---

[28]) Въ подлинникѣ сказано: «deinde in Macedonia corniculo, mox equo meruit.» Слѣдовательно Орбилій былъ *cornicularius* — такъ назывались въ римскомъ войскѣ выслужившіеся солдаты, въ родѣ унтер-офицеровъ, которые за свою храбрость получали *corniculum* — особое украшеніе на шлемѣ.

[29]) То-есть въ 691 г. города.

[30]) Домицій Марзъ, современникъ Горація, Виргилія, Тибулла и Овидія, извѣстенъ былъ, какъ эпикъ, элегикъ и сочинитель эпиграммъ. У Вейхерта, въ сочиненіи его «Poet. lat. vitae et carminum reliquiae» (Lips. 1830), стр. 240 и слѣд., помѣщено изслѣдоваіе объ этомъ писателѣ, подъ заглавіемъ: «De Domitio Marso poeta».

[31]) «Si quos Orbilius ferula scuticaque cecidit.»

[32]) Здѣсь, вѣроятно, идетъ рѣчь о Луціи Лициніи Варронѣ Муренѣ, близкомъ родственникѣ Мецената. Этотъ Варронъ Мурена былъ впослѣдствіи казненъ за участіе въ одномъ изъ заговоровъ противъ Августа.

лѣтъ, давно уже утративъ память, какъ объ этомъ говорится въ слѣдующемъ стихѣ Бибакула [33]):

Гдѣ Орбилій, въ наукѣ безпамятный [34]).

Въ Беневентѣ, влѣво отъ Капитолія, показываютъ мраморную его статую въ положеніи сидящаго, въ греческомъ палліумѣ, съ двумя книжными шкапами подлѣ. Онъ оставилъ послѣ себя сына Орбилія, который также былъ учителемъ грамматики».

Приведенныя слова Светонія немало говорятъ въ пользу Орбилія. Изъ нихъ ясно видно, что этотъ человѣкъ имѣлъ нѣкоторое право на уваженіе, несмотря на свою суровость, о которой не забылъ Горацій даже на пятьдесятъ-пятомъ году своей жизни, потому-что къ этому времени относится знаменитое его посланіе къ Августу, гдѣ поэтъ мимоходомъ бросилъ нѣсколько словъ о своемъ старомъ учителѣ [35]). Жители Беневента также, вѣроятно, не безъ причины почтили Орбилія памятникомъ.

На памяти Орбилія лежитъ пятномъ другое, болѣе-важное обвиненіе, которое слышится въ приведенныхъ словахъ Горація о бывшемъ его наставникѣ, и также немало содѣйствовало худой славѣ въ потомствѣ этого скромнаго труженика. Мысль объяснять ученикамъ произведенія Ливія Андроника въ ту пору развитія римской литературы, когда она сдѣлала такой значительный шагъ впередъ, не можетъ не казаться нелѣпостью и, во всякомъ случаѣ, немного говоритъ въ пользу педагогическихъ пріемовъ Орбилія. Правда, нѣкоторые грамматики, напримѣръ, Лампадіонъ, еще задолго до Орбилія съ большимъ успѣхомъ читали въ Римѣ публичные курсы о твореніяхъ Эннія, Невія, Луцилія и другихъ старинныхъ поэтовъ; но должно замѣтить, что въ мнѣніи римскаго общества они недосягаемо-высоко стояли надъ Ливіемъ Андроникомъ, и даже въ самый цвѣтущій періодъ римской литературы имѣли много почитателей, которые ставили ихъ выше самого Горація и другихъ знаменитыхъ писателей, примкнувшихъ къ его литературнымъ взглядамъ [36]). Самыя эти чтенія возникли подъ

---

[33]) Фурій Бибакулъ, родомъ изъ Кремоны, былъ извѣстенъ какъ эпикъ и въ-особенности какъ ямбографъ.

[34]) «Orbilius ubinam est, litterarum oblivio».

[35]) I-е посланіе Горація II-й книги относится къ 744 г. города.

[36]) Объ этомъ двоякомъ направленіи въ римской литературѣ подробно говорится въ главѣ: «О литературныхъ партіяхъ въ Римѣ въ вѣкъ Августа».

вліяніемъ общаго восторга къ Эннію, Луцилію и Невію, творенія которыхъ, упрочивъ, вслѣдъ за слабыми опытами Ливія Андроника, существованіе римской литературы, вполнѣ отвѣчали эстетическимъ требованіямъ современниковъ Лампадіона; притомъ, въ аудиторіи этихъ грамматиковъ толпились не мальчики, въ родѣ учениковъ Орбилія, а люди взрослые и уже развитые образованіемъ. Нельзя также думать, что Орбилій избралъ для объясненія тяжелые вирши Ливія Андроника съ цѣлью ознакомить своихъ учениковъ съ стариннымъ складомъ латинской рѣчи, ибо такая цѣль не оправдывается ихъ возрастомъ, да и самое это лингвистическое направленіе не было еще распространено въ Римѣ въ вѣкъ Августа и вполнѣ развилось гораздо позже этой эпохи, когда любовь къ ученому изслѣдованію древнихъ формъ латинскаго языка явилась преобладающимъ элементомъ въ римской наукѣ.

Толкованіе произведеній Ливія Андроника могло имѣть и, безъ сомнѣнія, имѣло въ школѣ Орбилія характеръ исключительно учебно-грамматическій и въ то же время болѣе или менѣе эстетическій, а нисколько не учено-лингвистическій; если же это такъ, то выборъ автора, сдѣланный суровымъ римскимъ педагогомъ, былъ очень неудаченъ и менѣе всего отвѣчалъ той цѣли, которую онъ имѣлъ или долженъ былъ имѣть въ виду. Дѣйствительно, Ливій Андроникъ недолго пользовался почетомъ въ римской литературѣ, и уже въ вѣкъ Цицерона считался не только устарѣлымъ, но какимъ-то допотопнымъ писателемъ. Знаменитый ораторъ замѣчаетъ («Brut.» гл. XVIII), что этотъ авторъ производилъ на него своими архаизмами такое же впечатлѣніе, какое идолы работы Дедала. Потому трудно и даже невозможно, по нашему мнѣнію, оправдать суроваго учителя римскаго поэта въ глазахъ сколько-нибудь опытнаго педагога, и, не сочувствуя несправедливому отзыву Виланда объ Орбиліи, мы не можемъ, однако, не считать его тяжелымъ педантомъ.

Оставаясь при этомъ мнѣніи, мы считаемъ нелишнимъ привести оригинальный взглядъ на Орбилія, высказанный Веберомъ (въ указанномъ сочиненіи, стр. 11—19). Нѣмецкій ученый старается убѣдить своихъ читателей въ томъ, что цѣль Орбилія, при объясненіи Ливія Андроника, нисколько не была литературная, а политическая, или, выражаясь точнѣе, патріотическая. Веберъ смотритъ на Орбилія какъ на одного изъ древнихъ представителей реакціи противъ преобладанія греческаго направленія въ римской литературѣ. Это направленіе окончательно придалъ ей Энній введеніемъ въ латинскую стихотворную рѣчь греческаго гекзаметра. Этимъ

нововведеніемъ Энній вытѣснилъ изъ римской поэзіи древне-латинскій сатурновъ размѣръ [37]), который преобладалъ въ произведеніяхъ его предшественниковъ: Ливія Андроника и Невія. Орбилій, какъ защитникъ національнаго направленія въ литературѣ своего народа, намѣренно, по мнѣнію Вебера, объяснялъ своимъ ученикамъ такія произведенія, которыя если не содержаніемъ, то, по-крайней-мѣрѣ, формою и внѣшнимъ своимъ видомъ напоминали отголоски первобытной римской поэзіи. Вотъ почему онъ, по словамъ нѣмецкаго ученаго, избралъ для чтенія въ своей школѣ произведенія Ливія Андроника, и притомъ не драматическія, а, вѣроятно, его «Одиссею», которая такъ пугала впослѣдствіи Цицерона своимъ сатурновымъ размѣромъ. Горацій, какъ извѣстно, былъ поклонникомъ греческаго изящества въ литературѣ, и потому не любилъ старинныхъ римскихъ поэтовъ, въ произведеніяхъ которыхъ содержаніе постоянно преобладало надъ формою. Ясно, что онъ не могъ сочувствовать литературной теоріи Орбилія, и вотъ, по мнѣнію Вебера, главная причина антипатіи римскаго поэта къ бывшему своему учителю.

---

[37]) Этотъ размѣръ получилъ свое названіе (versus Saturnii) не отъ города *Saturnia*, находившагося будто-бы въ Лаціумѣ, какъ утверждали нѣкоторые древніе грамматики, а отъ миѳологическаго Сатурна, древнѣйшаго правителя Италіи, при которомъ, по римскимъ преданіямъ, былъ тамъ золотой вѣкъ. Сатурновымъ этотъ метръ названъ былъ, безъ-сомнѣнія, для обозначенія его древности. Это былъ древнѣйшій національный метръ римлянъ, образовавшійся въ Лаціумѣ, и мнѣніе знаменитаго Германа (въ «Elem. doctr. metr. Lips.» 1816, стр. 606), будто онъ былъ этрусскаго происхожденія не отличается особенною вѣрностью. Сатурновъ стихъ вначалѣ не имѣлъ опредѣленнаго риѳма и не подчинялся никакимъ законамъ метрики: онъ представлялъ произвольное сочетаніе долгихъ слоговъ съ короткими. Всѣ древнѣйшіе памятники первобытной римской поэзіи, до самаго Эннія, отличались этимъ размѣромъ, и Невій первый придалъ ему болѣе-правильный видъ. Основная схема сатурнова стиха выразилась въ слѣдующей формѣ:

◡ —́ ◡ —́ ◡ —́ ◡ | —́ ◡ —́ ◡ —́ ◡

Слѣдовательно, онъ дѣлился на двѣ части, изъ которыхъ первая состояла изъ ямбовъ, а вторая изъ хореевъ; иногда же мѣсто хореевъ и ямбовъ заступали спондеи; и вообще у поэтовъ, писавшихъ этимъ размѣромъ, господствовалъ большой произволъ. Введеніе Энніемъ въ латинскую стихотворную рѣчь греческаго гекзаметра заставило послѣдующихъ поэтовъ забыть о сатурновомъ стихѣ и обратиться къ греческимъ метрамъ. Онъ былъ съ этого времени изгнанъ изъ литературнаго языка и впослѣдствіи встрѣчается только въ надгробныхъ и другихъ латинскихъ надписяхъ.

Если Орбилій дѣйствительно былъ проникнутъ такимъ патріотическимъ убѣжденіемъ, какое приписываетъ ему Веберъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ не могъ передать его юному и живому поколѣнію своихъ учениковъ. Какое бы чувство ни руководило Орбиліемъ, Горацій, безъ-сомнѣнія, еще въ школѣ инстинктивно понималъ всю странность преподаванія своего наставника. Впослѣдствіи же, когда въ головѣ Горація, сдѣлавшагося корифеемъ новой литературной школы, окончательно образовалась эстетическая теорія, неумолимо-требовавшая отъ поэзіи изящества формы, Орбилій, почитатель Ливія Андроника, еще болѣе долженъ былъ показаться нашему поэту тяжелымъ и отсталымъ педантомъ. Притомъ Горацій, какъ видно изъ его словъ, не жаловалъ Орбилія за то, что онъ слишкомъ-сурово обращался съ своими учениками.

3.

Неизвѣстно, когда кончилось это начальное образованіе Горація въ школѣ Орбилія; знаемъ только, что, вскорѣ затѣмъ, нашъ поэтъ, слѣдуя прекрасному обычаю, очень-рано укоренившемуся въ лучшей части римской молодёжи, отправился, для дальнѣйшаго своего усовершенствованія, въ Аѳины. Можно себѣ представить, чего это путешествіе стоило старику Горацію; но онъ не щадилъ издержекъ и не безъ основанія предвидѣлъ, что высшее образованіе окончательно разовьетъ блестящія способности его сына.

Аѳины все еще продолжали быть средоточіемъ умственной жизни древняго міра. Всѣ римляне, любившіе искусство и науку, съ восторгомъ спѣшили въ городъ Минервы, и многіе изъ нихъ проводили тамъ большую часть своей жизни. Такъ, напримѣръ, извѣстный другъ Цицерона, Помпоній, отъ долгаго пребыванія своего въ Аѳинахъ, получилъ прозвище Аттика. Знаменитый ораторъ вполнѣ раздѣлялъ съ Помпоніемъ Аттикомъ эту привязанность къ Аѳинамъ. Цицеронъ также довершилъ тамъ свое образованіе и въ первый разъ посѣтилъ этотъ городъ двадцати-восьмилѣтнимъ юношею, послѣ первыхъ своихъ успѣховъ на римскомъ форумѣ; затѣмъ онъ былъ еще два раза въ Аѳинахъ: въ 702 году, проѣздомъ въ Киликію, которая была отдана ему въ управленіе, и въ слѣдующій годъ, на возвратномъ пути изъ этой провинціи. Пять лѣтъ спустя, Цицеронъ прислалъ туда учиться своего сына, въ сопровожденіи двухъ отпущенниковъ, и поручилъ его особому надзору Кратиппа, главы философской школы перипатетиковъ. Молодой ицеронъ недешево стоилъ своему отцу. Изъ писемъ его къ Атти-

ку (XII, 34; XV, 13, 15) мы знаемъ, что молодой человѣкъ ежегодно проживалъ въ Аѳинахъ отъ 70 до 80 тысячъ сестерцій. Горацій, разумѣется, явился въ Аѳины безъ особенной пышности.

Конечно, не одна только любовь къ наукѣ и искусству привлекала римлянъ въ Аѳины, но также, какъ мы видимъ это отчасти на примѣрѣ молодаго Цицерона, и то, что этотъ городъ въ изобиліи представлялъ всѣ средства къ менѣе-благороднымъ наслажденіямъ жизнью. Самый внѣшній видъ Аѳинъ, несмотря на всѣ политическіе перевороты, которые испыталъ этотъ городъ, на осаду, которую онъ выдержалъ при Суллѣ, все еще продолжалъ и въ это время сохранять свое величіе и производить сильное впечатлѣніе на путешественника. Даже въ періодъ Антониновъ, когда посѣтилъ Грецію Павзаній, лучшія аѳинскія зданія и памятники не утратили еще своего былаго блеска. Ѳеземумъ, Ликей, знаменитый портикъ, разрисованный Полигнотомъ и называвшійся пестрымъ (Poecile), множество картинъ, статуй и другихъ высокихъ образцовъ греческаго искусства, о которыхъ говоритъ древній туристъ— все это оставалось еще неприкосновеннымъ и живо напоминало лучшую пору существованія классически-прекрасной столицы Аттики.

Горацій не оставилъ намъ никакихъ подробностей объ аѳинскомъ періодѣ своей жизни. Единственная замѣтка, имѣющая отношеніе къ студенческой жизни нашего поэта въ столицѣ Аттики, находится въ томъ мѣстѣ Посланія его къ Юлію Флору [38]), гдѣ онъ вообще мимоходомъ говоритъ нѣсколько словъ о своемъ воспитаніи. »Мнѣ пришлось (говоритъ Горацій) получить (первоначальное) образованіе въ Римѣ, и тамъ я узналъ, сколько вреда нанесъ грекамъ гнѣвъ Ахиллеса [39]). Благодѣтельныя Аѳины увеличили запасъ моихъ свѣдѣній на столько, что я могъ отличить прямое отъ криваго [40]) и въ садахъ Академа изслѣдовать истину.»

Эти сады Академа (то-есть академія), въ которыхъ развивался геній римскаго поэта, находились въ живописномъ западномъ предмѣстьѣ Аѳинъ. Въ то время, какъ Горацій посѣтилъ этотъ городъ, они не красовались болѣе тѣми роскошными деревьями, подъ тѣнью

---

[38]) Второе посланіе II-й кн., ст. 43.

[39]) То-есть, тамъ я впервые познакомился съ Иліадою.

[40]) Нѣкоторые и, между-прочимъ, Дасье, полагаютъ, что выраженіемъ «отличить кривое отъ прямаго» Горацій хотѣлъ обозначить занятія свои математикою. Конечно, геометрія входила въ область древней философіи, но, вѣроятно, подъ приведенными словами поэтъ разумѣлъ нравственную философію.

которыхъ училъ когда-то Платонъ. Ихъ вырубилъ Сулла (такъ разсказываетъ Плутархъ въ его біографіи), во время осады Аѳинъ, но съ-тѣхъ-поръ прошло уже много лѣтъ и, въ бытность нашего поэта въ Аѳинахъ, новые тѣнистые платаны выросли на мѣстѣ старыхъ.

Есть еще одно древнее свидѣтельство, имѣющее довольно-близкое отношеніе къ пребыванію Горація въ Аѳинахъ. Это письмо младшаго Цицерона къ Тирону, ученому отпущеннику знаменитаго римскаго оратора [41]). Это тотъ самый Тиронъ, который такъ много содѣйствовалъ сохраненію его твореній. Въ этомъ письмѣ, авторъ котораго учился въ Аѳинахъ въ одно время съ Гораціемъ, мы находимъ довольно-живую характеристику того ученаго кружка, съ которымъ римскій поэтъ также, безъ-сомнѣнія, находился въ болѣе или менѣе тѣсныхъ сношеніяхъ. На этомъ основаніи, мы считаемъ нелишнимъ, не касаясь самыхъ словъ означеннаго письма, нѣсколько-подробнѣе обозначить его содержаніе. «Я очень-дружно живу (пишетъ, между-прочимъ, молодой Цицеронъ) съ Кратиппомъ, который обращается со мною не какъ съ ученикомъ, а скорѣе какъ съ сыномъ. Съ большимъ удовольствіемъ я слушаю этого человѣка и вполнѣ очарованъ пріятностью его бесѣды. Я провожу съ нимъ цѣлые дни, а иногда и часть ночи и, какъ-можно-чаще, приглашаю его къ себѣ на ужинъ. Нерѣдко онъ является ко мнѣ неожиданно, застаетъ меня за обѣдомъ и, отлагая въ сторону суровость философа, превращается въ человѣка какъ-нельзя-болѣе веселаго и любезнаго. Чтò сказать тебѣ о Бруттіи, съ которымъ я также не разлученъ? Онъ имѣетъ даръ примѣшивать шутку къ самымъ ученымъ вопросамъ. Въ греческой декламаціи я упражняюсь подъ руководствомъ Кассія, а въ латинской съ Бруттіемъ». Далѣе молодой Цицеронъ пишетъ, что онъ ежедневно видится съ аѳинскими учеными, составлявшими свиту Кратиппа: съ Эпикратомъ, Леонидомъ и другими. «Что же касается Горгія, заключаетъ молодой человѣкъ, то, конечно, онъ былъ мнѣ очень-полезенъ въ моихъ упражненіяхъ въ декламаціи, но, слѣдуя приказанію моего отца, я съ нимъ разстался».

Дѣйствительно, этотъ Горгій ввелъ Цицерона въ большія издержки и поселилъ въ немъ вкусъ къ разврату, для котораго Аѳины представляли неистощимыя средства. Цицеронъ и впослѣдствіи

[41]) Cic. Epist. ad diversos, I. XVI, ep. 21.

не измѣнился. Августъ постоянно оказывалъ ему полное вниманіе и даже, разумѣется, изъ уваженія къ памяти знаменитаго отца, возвелъ сына его въ званіе консула. Это, однако, не помѣшало младшему Цицерону оставить по себѣ только память горькаго пьяницы. Горацій ни словомъ не упоминаетъ объ этомъ аѳинскомъ своемъ товарищѣ: вѣроятно, они не сошлись. Можетъ-быть, знакомство съ сыномъ отпущенника было не по душѣ избалованному римскому баричу, а Горацій, какъ видно, не искалъ этого знакомства [42]).

Главнымъ предметомъ занятій Горація въ Аѳинахъ, конечно, была философія, которая вообще составляла средоточіе античной образованности. Въ академіи, гдѣ нашъ поэтъ старался «изслѣдовать истину», училъ въ то время знаменитый Ѳеомнестъ, а представителемъ тогдашней школы перипатетиковъ былъ уже знакомый намъ Кратиппъ.

Едва-ли, впрочемъ, философскія пренія въ садахъ Академа много занимали Горація. По-крайней-мѣрѣ, на сколько можно это видѣть изъ его произведеній, онъ не подчинился исключительному вліянію какой-нибудь секты; напротивъ, мы встрѣчаемъ у Горація отголоски разныхъ школъ и самыя разнообразныя философскія воззрѣнія. Изъ этого, впрочемъ, еще не слѣдуетъ, что Горацій, какъ нѣкоторые утверждали, былъ эклектикомъ. Мы видимъ только, что въ его произведеніяхъ умозрительная философія совершенно подчинена поэзіи и практическимъ воззрѣніямъ, прямо-почерпнутымъ изъ жизни, или изъ той среды, которая окружала поэта.

Римляне вообще не любили стремиться въ философіи къ умозрительному познанію вышечувственнаго. Цѣль ихъ при изученіи этой науки была болѣе практическая. Подъ руководствомъ греческихъ философовъ, они прежде всего старались расширить кругъ тѣхъ знаній, которыя усвоивали себѣ у грамматиковъ и риторовъ. Затѣмъ, философія служила для римлянъ умственною гимнастикой. При ея помощи, они спѣшили добыть себѣ діалектическую ловкость, логичность и правильность въ изустномъ изложеніи того или другаго вопроса на форумѣ, въ Сенатѣ и въ народномъ собраніи. Ораторство не только во время республики, но отчасти даже при самомъ началѣ періода имперіи, лучше всего прокладывало въ древнемъ Римѣ дорогу къ почестямъ, дѣйствуя на совѣщанія Сена-

---

[42]) Изъ другихъ аѳинскихъ товарищей Горація мы назовемъ здѣсь Бибула, отецъ котораго постоянно былъ сторонникомъ Помпея и врагомъ Цезаря, и Валерія Мессалу, который былъ тремя годами старше нашего поэта.

та, на волю народа и на рѣшенія судовъ. Ораторъ и государственный человѣкъ были въ Римѣ одно и то же.

Конечно, при изученіи римлянами философіи, къ этой главной цѣли присоединялись и другія побужденія. Древній человѣкъ, за недостаткомъ религіи, искалъ въ философіи нравственныхъ началъ, за которыя, какъ за надежный якорь, онъ могъ бы держаться на бурномъ морѣ жизни.

Академія, ученіе стоиковъ и школа Эпикура болѣе или менѣе удовлетворяли всѣмъ означеннымъ требованіямъ отъ философіи, которыя, при изученіи этой науки, имѣли въ виду римляне.

Прилежное изученіе изящнаго языка и богатой литературы древнихъ грековъ—вотъ что̀, безъ-сомнѣнія, стояло на первомъ планѣ въ занятіяхъ Горація. Мы знаемъ, какимъ неподдѣльнымъ восторгомъ былъ онъ проникнутъ къ этой литературѣ. На высокія произведенія, которыми она и теперь еще такъ обильна, на внѣшнее и внутреннее ихъ изящество Горацій постоянно указывалъ своимъ соотечественникамъ, какъ на нѣчто, достойное глубокаго изученія и подражанія. Это благоговѣніе предъ высокими созданіями греческаго искусства заставило, какъ извѣстно, Горація неблагопріятно смотрѣть на римскихъ писателей, жившихъ до реформы, и въ то же время умножило число его литературныхъ враговъ, изъ которыхъ иные искренно, а другіе притворно не хотѣли признать его заслугъ въ литературѣ и окрыто ставили знаменитаго поэта ниже главныхъ представителей римской поэзіи періода республики.

Къ этой же аѳинской порѣ жизни Горація, кажется, должно отнести первые его литературные опыты на *греческомъ* языкѣ [43]); но это было только мимолетное увлеченіе. Горацій, уже чувствуя въ себѣ поэтическое призваніе и сознавая ту пользу, которую онъ могъ принести своими произведеніями еще бѣдной въ то время литературѣ своего народа, скоро оставилъ это занятіе и, по собственному его меткому выраженію, пересталъ «носить дрова въ лѣсъ» [44]). И здѣсь, какъ впослѣдствіи, въ болѣе-важныхъ случа-

---

[43]) Впрочемъ, общепринятое мнѣніе то, что Горацій занимался сочиненіемъ греческихъ стиховъ еще въ Римѣ.

[44]) «Въ то время, какъ я, сынъ Италіи (говоритъ Горацій, сат. I, X, ст. 31), кропалъ еще греческіе стишки, Квиринъ (Ромулъ), явившись мнѣ послѣ полуночи, когда сны такъ правдивы, отклонилъ меня отъ того занятія слѣдующими словами: «желаніе твое умножить собою огромную толпу греческихъ поэтовъ такъ же нелѣпо, какъ мысль носить дрова въ лѣсъ».

яхъ жизни Горація, здравый смыслъ и благородный патріотизмъ одержали въ душѣ его верхъ надъ безотчетнымъ увлеченіемъ.

Эта тихая, трудовая жизнь Горація въ Аѳинахъ внезапно была нарушена однимъ событіемъ, которое, поколебавъ весь древній міръ, имѣло, между-прочимъ, также огромное вліяніе на судьбу нашего поэта: въ Римѣ, въ мартовскія иды 710 года, кончилъ дни свои подъ кинжалами убійцъ всемощный диктаторъ Юлій Цезарь.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

События, послѣдовавшія за смертію Юлія Цезаря. — Появленіе М. Брута въ Аѳинахъ. — Горацій начальникъ легіона въ республиканскомъ войскѣ. — Сраженіе при Филиппахъ. — Обвиненія Горація въ трусости. — Возвращеніе его на родину и вступленіе въ декуріи квесторскихъ писцовъ.—Начало литературной дѣятельности Горація.—Знакомство его съ Варіемъ и Виргиліемъ.—Римскій литературный тріумвиратъ.—Характеристика произведеній Виргилія и отношенія къ нему Горація. — Смерть Виргилія.

Dura sed emovere loco me tempora grato,
Civilisque rudem belli tulit aestus in arma,
Caesaris Augusti non responsura lacertis.
Horat.

1.

Мы не будемъ подробно слѣдить за всѣми роковыми для Рима событіями той переходной и въ высшей степени интересной эпохи его исторіи, когда пришлось жить и дѣйствовать Горацію, а остановимся преимущественно на тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣли непосредственное вліяніе на его судьбу.

Заговоръ противъ Юлія Цезаря созрѣлъ втайнѣ задолго до его смерти. Главами и исполнителями этого заговора являются оба Брута (Маркъ Юній и Децимъ) и Кай Кассій. Остальные заговорщики, число которыхъ, по счету Светонія [1]), восходило до шестидесяти, были частью римскіе аристократы, частью же люди темные и неизвѣстные. Почти всѣ они и, между-прочимъ, самъ Брутъ, были облагодѣтельствованы Цезаремъ. Вообще, не должно забывать, что далеко не всѣ сторонники Марка Брута походили на

[1]) Sueton. Jul. Caes. c. 80.

этого благороднаго человѣка, дѣйствовавшаго по искреннему убѣжденію и, какъ ему казалось, для блага родины; большая часть ихъ руководилась чисто-личными интересами: слѣпою ненавистью, местью, завистью и желаніемъ воспользоваться обломками ниспровергнутой власти. Послѣ того, какъ цѣль заговора была достигнута, согласіе между участниками его нарушилось. Жалкій, испорченный римскій сенатъ, считавшій многихъ изъ нихъ въ числѣ своихъ представителей, не выказалъ при этомъ никакой энергіи и мужества, не принялъ никакихъ мѣръ, которыя могли бы отвратить отъ Рима новыя бѣдствія.

Заговорщики, какъ извѣстно, сами испугались своего дѣла; они имѣли въ виду только убійство Цезаря и мало думали о томъ, что̀ будетъ послѣ этой катастрофы. Вотъ главная причина той нерѣшительности, которая замѣтна въ дѣйствіяхъ республиканцевъ, и уступчивости ихъ сенату въ то время, какъ онъ въ большомъ страхѣ прислушивался къ голосу народа и друзей Цезаря, чтобъ придать своимъ поступкамъ характеръ, сообразный съ обстоятельствами. Отсюда также страхъ заговорщиковъ передъ Антоніемъ и другими сторонниками убитаго диктатора. Они какъ-будто вовсе позабыли о существованіи Антонія, о томъ, что онъ не былъ вовлеченъ въ заговоръ, ни убитъ вмѣстѣ съ Цезаремъ. При такихъ условіяхъ, убійство диктатора произвело только общую неурядицу и не повело къ желанной цѣли. Недаромъ оно вызвало у Цицерона замѣчательныя слова, въ одномъ изъ писемъ его къ Аттику²): «дѣло это совершено съ мужественною отвагою, но съ ребяческою необдуманностью.»

Антоній, товарищъ Цезаря по консульству, съ 1-го января 710 года, необходимо долженъ былъ принять живое участіе въ собы-

---

[2]) «Acta enim illa res est animo virili, consilio puerili.» См. Ep. ad Attic. XIV, 21. Въ другомъ мѣстѣ Цицеронъ пишетъ къ Аттику (XIV, 14): «заговорщики виноваты въ томъ, что уничтожили тирана, а не тираннію». Впрочемъ, въ этомъ неуспѣхѣ дѣла много виноватъ и самъ знаменитый ораторъ. Заговорщики явно на него разсчитывали. «Поразивъ Цезаря, Брутъ поднялъ свой окровавленный мечь и поздравилъ Цицерона съ возстановленіемъ свободы». Это слова самого Цицерона изъ второй его филиппики (12 гл. § 28). Республиканцы, однако, обманулись въ своихъ надеждахъ на Цицерона, который, громко одобряя ихъ поступокъ, ничего почти не предпринималъ въ пользу того дѣла, которое послужило поводомъ къ кровопролитію. Обманулись они также въ надеждахъ своихъ на народъ, вообразивъ, что онъ съ восторгомъ приметъ извѣстіе о смерти Цезаря.

тіяхъ, послѣдовавшихъ за его смертью. На Антоніи лежала прямая обязанность изыскать рѣшительныя мѣры для водворенія въ Римѣ спокойствія и общей безопасности, но онъ въ первую минуту пораженъ былъ не меньше другихъ страшною сценою въ сенатѣ. Сбросивъ съ себя консульскую одежду, Антоній съ ужасомъ выбѣжалъ изъ куріи, гдѣ, у подножія статуи Помпея, лежалъ окровавленный трупъ Цезаря; и когда пришелъ въ себя, то первымъ его дѣломъ было обратиться къ Лепиду, который, какъ начальникъ всадниковъ (magister equitum), имѣлъ подъ своею командою войска, расположенныя въ ближайшихъ окрестностяхъ Рима. Затѣмъ римскій консулъ объявилъ, что не можетъ принять никакихъ рѣшительныхъ мѣръ противъ заговорщиковъ безъ согласія сената. Наконецъ, 17-го марта, сенаторы были созваны въ храмъ Земли (Tellus). Замѣчательно, что изъ числа приглашенныхъ не были исключены и убійцы диктатора. Они, впрочемъ, не явились, потому-что имѣли основательный поводъ опасаться за свою безопасность: храмъ Земли въ то время, какъ тамъ происходило совѣщаніе сенаторовъ, былъ окруженъ ветеранами Цезаря. Здѣсь, между прочимъ, было рѣшено обнародованіе завѣщанія покойнаго диктатора и торжественное его погребеніе, а зять Цицерона, Долабелла, провозглашенъ былъ консуломъ (consul suffectus).

Между-тѣмъ заговорщики, удалившіеся въ Капитолій, созвали туда народъ, который благосклонно выслушалъ Брута, обѣщавшаго ему разныя льготы. Консулы (Антоній и Долабелла) также объявили на 18-е марта народное собраніе, въ которомъ Цицеронъ произнесъ длинную и сильную рѣчь въ пользу амнистіи. Дѣло казалось улаженнымъ; партіи примирились и сенатъ согласился даже предоставить Марку Бруту и Кассію управленіе тѣми провинціями, которыя были назначены имъ самимъ Цезаремъ; первый изъ нихъ, въ званіи претора, долженъ былъ отправиться въ Македонію, а второй въ Сирію.

Спокойствіе это было, однако, только наружное. Уже въ день похоронъ Юлія Цезаря народъ, подстрекаемый отчасти Антоніемъ, съ ожесточеніемъ потребовалъ выдачи убійцъ диктатора. Вскорѣ затѣмъ Антоній настоялъ у сенаторовъ, чтобъ ему дана была охранная стража. Обезопасивъ свою личность, онъ снялъ маску и открыто объявилъ себя противникомъ Брута и Кассія. Имѣя въ виду отнять у нихъ Македонію и Сирію и предоставить управленіе этими богатыми землями своимъ сторонникамъ, консулъ потребовалъ у народа новаго раздѣла провинцій. Такимъ-образомъ, по-

*

слѣдовалъ окончательный разрывъ между названными лицами и вскорѣ затѣмъ рѣзко обозначились три политическія партіи, которымъ суждено было рѣшить судьбу Рима. Солдаты Цезаря и другіе его приверженцы, несогласные между собою въ выборѣ лица, которое должно было замѣнить падшаго диктатора, раздѣлились на двѣ стороны: одна изъ нихъ присоединилась къ Антонію, завладѣвшему его бумагами и казною, а другая, въ гораздо-меньшемъ числѣ, окружила Октавіана, ближайшаго родственника и наслѣдника Цезаря, который усыновилъ его въ своемъ завѣщаніи. При первомъ извѣстіи о кровавой катастрофѣ, Октавіанъ поспѣшилъ въ Римъ изъ Аполлоніи, гдѣ онъ довершалъ свое образованіе и усердно занимался науками. Молодой человѣкъ съ самаго начала выказалъ много ума и энергіи на новомъ для него поприщѣ и обезпечилъ ими будущіе свои успѣхи. Брутъ и Кассій, предводители третьей, то-есть республиканской партіи, увидѣли, что кровавое ихъ дѣло не имѣло желаннаго успѣха. Поэтому, они почли за лучшее для себя оставить, въ августѣ 710 года, Римъ и Италію.

2.

Въ сентябрѣ того же года Маркъ Брутъ и Кассій явились въ Аѳины, имѣя въ виду обдумать планъ и средства той войны, цѣлью которой было поддержаніе древнихъ учрежденій республиканскаго Рима. Кассій, впрочемъ, не долго остался въ столицѣ Аттики: онъ спѣшилъ въ Сирію, чтобъ набрать тамъ войско и увеличить свою казну.

Легко представить себѣ восторгъ, съ которымъ аѳиняне привѣтствовали появленіе между ними убійцы Цезаря. Брутъ имъ казался освободителемъ Рима отъ тиранніи; они сравнивали его съ Гармодіемъ и Аристогетономъ, и народный восторгъ, выражавшійся въ пѣсняхъ и гимнахъ, сложенныхъ въ честь дорогаго гостя, не зналъ предѣловъ [3]). Не странно, что Горацій, двадцатилѣтній юноша, увлекся этимъ общимъ порывомъ энтузіазма. Для нашего поэта, какъ и для многихъ его сверстниковъ, свободою казалось въ это время отсутствіе твердой власти, которая, однако, была такъ необходима для Рима. Всѣ преданія республики живо предстали его разгоряченному молодому воображенію, и оно легко увлекло поэта на сторону того человѣка, который торжественно принялъ на себя роль ихъ охранителя. Впрочемъ, восторгъ Гора-

[3]) См. Plutarch Brut. 28.

ція не былъ вполнѣ безотчетнымъ, и онъ имѣлъ нѣкоторый поводъ смотрѣть на Брута, какъ на человѣка, оказавшаго немалую услугу его родинѣ.

Никто, конечно, не станетъ оспоривать у Ю. Цезаря права на имя геніальнѣйшаго изъ людей, когда-либо существовавшихъ: это вообще одна изъ тѣхъ колоссальныхъ личностей, какія не часто встрѣчаются въ исторіи человѣчества. Исторія не можетъ разумно произнести надъ этимъ великимъ человѣкомъ строгій судъ за начало, лежавшее въ основаніи его политики; ибо то убѣжденіе, котораго диктаторъ палъ жертвою, сдѣлалось, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его смерти, общимъ убѣжденіемъ почти всѣхъ гражданъ огромнаго римскаго государства. Но судъ исторіи и современный судъ очень часто не одно и то же. Цезарь долженъ былъ глубоко оскорбить своихъ соотечественниковъ тѣмъ, что ясно и рѣзко высказалъ пренебреженіе къ вѣковымъ республиканскимъ формамъ Рима въ то время, когда онѣ еще возбуждали сочувствіе къ себѣ, если не въ массѣ народа, то во многихъ отдѣльныхъ личностяхъ, унизилъ авторитетъ сената и народныхъ собраній и началъ явно стремиться къ тому, чтобъ навсегда продолжить свое диктаторство. Къ тому еще должно замѣтить, что, совершивъ дѣла, которымъ нельзя не удивляться, достигнувъ апогея славы, Цезарь не вынесъ величія и своими поступками почти во всѣхъ сословіяхъ вызвалъ къ себѣ ненависть, имѣвшую такую трагическую развязку. Достаточно припомнить здѣсь о произвольномъ раздѣлѣ полей, которыя диктаторъ отдалъ своимъ ветеранамъ, и тѣмъ нарушилъ право собственности въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи. Тріумфъ Цезаря, по случаю побѣды его надъ Помпеемъ, также произвелъ въ Римѣ непріятное и тяжелое впечатлѣніе: это былъ тріумфъ надъ римлянами. Во время игръ и праздниковъ, сопровождавшихъ этотъ тріумфъ, диктаторъ оскорбилъ одного почтеннаго римскаго всадника, и тѣмъ навлекъ на себя ненависть цѣлаго сословія. Мы говоримъ объ извѣстномъ мимографѣ Децимѣ Лаберіи, котораго Цезарь заставилъ играть на сценѣ. Если припомнить, въ какомъ презрѣніи было въ Римѣ званіе актера, то легко понять всю великость обиды, нанесенной диктаторомъ одному изъ достойнѣйшихъ членовъ благороднаго сословія всадниковъ. Макробій [4]) сохранилъ намъ знаменитый прологъ, съ которымъ Децимъ Лаберій, выйдя на сцену, обратился къ римской публикѣ.

---

[4]) Macrob. Saturn. II, c. VII.

«Кто потерпѣлъ бы (говорилъ, между-прочимъ, въ свое оправданіе униженный римскій всадникъ), еслибъ я, смертный, вздумалъ отказать въ чемъ-либо тому, кому ни въ чемъ не могли отказать сами боги! И вотъ, проживъ безъ упрека шестьдесятъ лѣтъ, я еще сегодня вышелъ изъ своего жилища римскимъ всадникомъ. Неуже-ли я возвращусь туда актеромъ? Да, этимъ однимъ днемъ я прожилъ дольше, чѣмъ сколько бы мнѣ слѣдовало жить. О, судьба, неумѣренная и въ счастіи и въ несчастіи! если тебѣ хотѣлось, чтобъ литературная слава [5]) уничтожила цвѣтъ моей чести, то зачѣмъ же ты не согнула меня и не оборвала этотъ цвѣтъ въ то время, когда я былъ еще гибокъ, когда члены мои были еще исполнены жизни и свѣжести, когда я еще былъ въ состояніи угодить прихоти народа и этого знаменитаго мужа (Цезаря)? А теперь, куда ты меня низринула? что̀ приношу я съ собой на сцену? красивую наружность или величественную осанку? душевную доблесть или пріятный голосъ? Увы! какъ вьющійся плющъ отнимаетъ у дерева силы, такъ старость мертвитъ меня въ своихъ дряхлыхъ объятіяхъ. Подобно надгробному камню, изъ всего прежняго я сохранилъ въ себѣ одно только имя». Эта всенародная жалоба римскаго всадника, конечно, не прошла даромъ Цезарю и запала въ душу не одного свидѣтеля незаслуженнаго позора Лаберія. Сенаторы также недовольны были тѣмъ, что Цезарь включилъ въ ихъ число галловъ и другихъ варваровъ. Въ народѣ появилось множество пасквилей на диктатора, любопытные образчики которыхъ приводитъ Светоній въ его біографіи [6]). Неудовольствіе сдѣлалось почти общимъ, и только при извѣстіи о насильственной смерти Цезаря народъ вспомнилъ объ услугахъ, оказанныхъ имъ Риму.

Но возвратимся къ тому, что происходило въ Аѳинахъ, вслѣдъ за прибытіемъ въ этотъ городъ Марка Брута. Казалось, что въ столицѣ философіи и средоточіи древней образованности онъ со-

---

[5]) Эти слова объясняются тѣмъ, что мимъ, въ представленіи котораго участвовалъ Децимъ Лаберій, былъ собственнаго его сочиненія.

[6]) Вотъ стишки, которые пѣлъ народъ, по случаю принятія Цезаремъ галловъ въ число римскихъ сенаторовъ:

Gallos Caesar in triumphum ducit, idem in curiam.
Galli braccas deposuerunt, latum clavum sumpserunt.

Однажды подъ статуей Цезаря нашли слѣдующее двустишіе:

Brutus, quia reges eiecit, consul primus factus est,
Hic, quia consules eiecit, rex postremo factus est.

См. Sueton. Jul. Caes. c. 80.

вершенно забылъ о политикѣ. Брутъ очень прилежно посѣщалъ лекціи аѳинскихъ философовъ, но едва-ли, впрочемъ, наука много занимала его въ это время. Очевидно, что главною цѣлью его было привлечь на свою сторону римскую молодежь, которая толпилась въ аудиторіяхъ Ѳеомнеста и Кратиппа. Здѣсь же, безъ-сомнѣнія, Брутъ встрѣтился и познакомился съ Гораціемъ. Молодой человѣкъ такъ ему понравился и возбудилъ къ себѣ такое довѣріе, что предводитель республиканской партіи возвелъ нашего поэта въ званіе военнаго трибуна и поручилъ ему начальство надъ цѣлымъ легіономъ. Горацій, съ своей стороны, также всею душою отдался Бруту и его дѣлу. Личность этого человѣка дѣйствительно имѣла въ себѣ много обаятельнаго. Ученикъ и зять Катона Утическаго, онъ былъ весь проникнутъ любовью къ отчизнѣ, добродѣтели и просвѣщенію. Это общій голосъ древности. Ошибка Брута — конечно, очень важная ошибка — состояла только въ томъ, что онъ слишкомъ идеально смотрѣлъ на окружавшую его дѣйствительность. Горацій и впослѣдствіи, когда образъ его мыслей такъ измѣнился, не безъ грусти вспоминалъ о своемъ юношескомъ порывѣ: онъ не разъ говоритъ съ благородною откровенностью и не безъ гордости о томъ, что въ жизни своей заслужилъ расположеніе передовыхъ людей Рима на бранномъ полѣ и на мирномъ поприщѣ [7]).

Брутъ считалъ необходимымъ сначала очистить Грецію и Македонію отъ своихъ враговъ, что онъ и исполнилъ въ короткое время и съ большимъ успѣхомъ. Неизвѣстно, участвовалъ ли Горацій въ этомъ походѣ, но то достовѣрно, что весною 711 года онъ отправился къ войску Брута въ Малую Азію. Туда же около этого времени явились молодой Цицеронъ, Мессала и многіе другіе изъ аѳинскихъ товарищей Горація. Мы, конечно, не имѣемъ положительныхъ свидѣтельствъ о томъ, что поэтъ принялъ участіе въ походѣ Брута противъ Ликіи и другихъ странъ Востока; но это очевидно изъ тѣхъ словъ въ произведеніяхъ Горація, гдѣ онъ говоритъ о различныхъ мѣстностяхъ Малой Азіи, какъ очевидецъ [8]).

Азіатскій походъ Брута и Кассія сопровождался цѣлымъ ря-

[7]) Epist. I, 20, 23 и I, 17, 35.

[8]) Въ пользу этого мнѣнія много говорятъ, между-прочимъ, начальные стихи въ посланіи Горація къ Буллацію, особенно слова (стр. 7):

Scis, Lebedus quid sit; Gabiis desertior atque
Fidenis vicus...

Эти слова: «ты знаешь, что такое Лебедъ», по справедливому замѣчанію Пассова, значатъ то же, что: «мы оба знаемъ, что такое Лебедъ»...

домъ тріумфовъ. Восточные города, нерѣдко послѣ упорнаго сопротивленія, одинъ за другимъ, подчинялись республиканцамъ и увеличивали ихъ средства для дальнѣйшаго веденія войны.

Между-тѣмъ, событія приняли въ Римѣ новый оборотъ. Римскій сенатъ, стремившійся къ олигархіи, тщетно старался направить Антонія противъ Октавіана, и тѣмъ ослабить того и другаго. Они замѣтили это и соединились, чтобъ дѣйствовать общими силами. Затѣмъ, на сторону Антонія и Октавіана перешелъ Лепидъ, и такимъ-образомъ составился страшный тріумвиратъ, предъ которымъ должны были смолкнуть и сенатъ и народъ римскій. Казалось, что воротилось ужасное время Суллы и Марія; снова начались кровавыя проскрипціи, и все, что только могло бѣжать изъ Рима, спѣшило въ лагерь Брута и Кассія.

Тріумвиры рѣшились разомъ покончить съ республиканцами, силы которыхъ увеличивались съ каждымъ днемъ, и направили свое войско къ Востоку. Брутъ и Кассій также поспѣшили изъ Азіи въ Европу и обѣ партіи встрѣтились въ Македоніи. Здѣсь, при Филиппахъ, произошла кровопролитная схватка, которая должна была рѣшить судьбу почти цѣлаго міра. Исходъ этой битвы извѣстенъ. При Филиппахъ нанесенъ былъ рѣшительный ударъ отжившему началу. Въ двухъ сраженіяхъ, быстро-слѣдовавшихъ одно за другимъ, республиканцы были разбиты на-голову и послѣднее изъ нихъ кончилось общимъ бѣгствомъ побѣжденной партіи. Брутъ и Кассій отчаялись въ успѣхѣ своихъ стремленій и самоубійствомъ порѣшили всѣ разсчеты съ судьбою.

3.

Объ участіи своемъ въ битвѣ при Филиппахъ Горацій упоминаетъ въ извѣстной одѣ къ Помпею Вару [9]): это былъ одинъ изъ боевыхъ товарищей нашего поэта. Послѣ сраженія при Филиппахъ, Варъ удалился къ Сексту Помпею, но потомъ, воспользовавшись общею амнистіей, воротился въ Римъ. Горацій несказанно обрадовался пріѣзду своего пріятеля и привѣтствовалъ его слѣдующею одою, которую мы считаемъ нелишнимъ припомнить нашимъ читателямъ въ переводѣ г. Фета:

О ты! не разъ со мной встрѣчавшій смерти видъ,
Когда насъ Брутъ водилъ во времена былыя,
Кто возвратилъ тебя, мой дорогой квиритъ,

[9]) Седьмая ода II-й книги. Эту оду Веберъ относитъ къ 718 или 719 году.

Отеческимъ богамъ подъ небеса родныя?
Помпей, товарищъ мой, первѣйшій изъ друзей,
Съ кѣмъ часто долгій день виномъ мы коротали,
Въ вѣнкахъ, сирійскій весь растративши елей,
Которымъ волоса душистые сіяли!
Съ тобой я пережилъ Филиппы, при тебѣ
Бѣжалъ, безславно щитъ свой покидая въ страхѣ...
Въ тотъ день и мужество низвергнулось въ борьбѣ,
И грозные бойцы въ крови легли во прахѣ;
Но средь враговъ меня, въ туманъ сокрывъ густой,
Испуганнаго спасъ Меркурій быстрокрылый;
Тебя жь въ сраженіе за новою волной
Опять умчалъ приливъ неотразимой силой.
Итакъ, обѣщанный Зевесу пиръ устрой
И отдыха ищи для членовъ утомленныхъ
Войною долгою, подъ лавръ склонившись мой —
Да не щади тебѣ бутылокъ обреченныхъ.
Массійской влагою разымчивой щедрѣй
Фіялы свѣтлые наполни, и смѣлѣе
Изъ ёмкихъ раковинъ благоуханья лей.
Кто позаботится достать плюща скорѣе,
Иль мирта для вѣнковъ? Кого-то изберетъ
Венера [10]) во главу пирующаго круга?
Со мной теперь любой эдонецъ [11]) несопьетъ:
Такъ сладко буйствовать при возвращеньи друга.

Горацій, какъ мы видимъ, откровенно признается въ томъ, что при Филиппахъ, бросивъ свой щитъ, онъ въ страхѣ бѣжалъ съ поля битвы. Свое спасеніе среди враговъ римскій поэтъ приписываетъ Меркурію, покровителю людей даровитыхъ, который осѣнилъ его облакомъ, какъ то дѣлаютъ и у Гомера боги съ своими любимцами, желая вывести ихъ невредимыми изъ пыла битвы.

Это откровенное признаніе послужило также однимъ изъ обвинительныхъ пунктовъ противъ римскаго поэта. Уже много разъ ученые мужи (и еще недавно Тейфель) съ важностью укоряли Горація, на основаніи собственныхъ его словъ, въ трусости и въ томъ, что онъ такъ открыто сознался въ этой постыдной слабости своего духа.

Подобныя обвиненія особенно-забавны тогда, когда они исходятъ изъ мирныхъ кабинетовъ нѣмецкихъ и всякихъ другихъ *гелертеровъ*, въ воинской храбрости которыхъ мы, не безъ причины

[10]) Глава пиршества избирался по жребію. Если брошенныя кости (изъ которыхъ на каждой были четыре цифры: 1, 3, 4, 6, а 2 и 5 были пропущены) ложились такъ, что разомъ показывали всѣ цифры: 1, 3, 4, 6, то это называлось жребіемъ Венеры.

[11]) Эдонцы — ѳракійцы, извѣстные пьянствомъ.

сильно сомнѣваемся. Нѣкоторые изъ защитниковъ Горація и, между-прочимъ, Лессингъ, желая спасти римскаго поэта отъ упрека въ недостаткѣ храбрости, утверждаютъ, что приведенныя слова его небольше, какъ поэтическій оборотъ рѣчи и подражаніе греческому лирику Алкею, который также въ одной изъ своихъ одъ разсказалъ о подобномъ событіи изъ своей жизни. Горацій, говорятъ другіе, съ намѣреніемъ представилъ свое участіе въ битвѣ при Филиппахъ съ комической стороны, ибо иначе слова его прозвели бы непріятное впечатлѣніе на Августа.

Что касается нашего мнѣнія, то, отстранивъ поэтическій образъ, въ который Горацій облекъ свою рѣчь, мы охотно готовы принять откровенное признаніе его въ потерѣ щита при Филиппахъ за историческое свидѣтельство. Это, однако, нисколько не уменьшаетъ нашего уваженія къ нему. Порицатели и защитники Горація не обратили вниманія на одно очень-важное обстоятельство, а именно на то, что вторая битва при Филиппахъ кончилась общимъ бѣгствомъ побѣжденной партіи: Горацій бѣжалъ не одинъ съ поля битвы, бѣжало все войско Брута, бѣжалъ и самъ Брутъ. Объ этомъ ясно говоритъ эпитоматоръ Тита Ливія [12]).

Замѣчательно, что подобное обвиненіе въ трусости не разъ уже раздавалось противъ многихъ знаменитыхъ людей древняго и новаго міра. Между-прочимъ, Демосѳенъ также не избѣжалъ этого упрека. Вотъ что говоритъ по этому поводу Нибуръ: «Въ день херонейской битвы Демосѳенъ сражался, какъ и всякій другой, въ рядахъ аѳинскаго войска. Въ жалкихъ анекдотахъ о жизни великихъ мужей безпрестанно повторяется, что Демосѳенъ потерялъ свой щитъ и бѣжалъ вмѣстѣ съ другими. Что онъ бѣжалъ съ другими — этому я охотно вѣрю. Самые безстрашные полководцы бываютъ увлечены среди общаго бѣгства. Кто видѣлъ войну вблизи, тому это извѣстно. Даже какой-нибудь Ахиллъ не могъ бы устоять среди разстроенной и бѣгущей массы: она непремѣнно увлечетъ его съ собою» [13]).

Мы бы могли остановиться на этомъ объясненіи геніальнаго историка, которое такъ близко подходитъ къ разбираемому случаю

---

[12]) См. Epitome Livii CXXIV. Altero deinde proelio victus M. Brutus et ipse vitam finivit, exorato Stratone, *fugae comite*, ut sibi gladium adigeret, idemque fecerunt principum Romanorum circiter quadraginta.

[13]) Мы заимствуемъ эти слова изъ критической статьи покойнаго Грановскаго «Чтенія Нибура о древней исторіи», помѣщенной въ V т. «Пропилей», стр. 50, и перепечатанной во II т. его сочиненій.

изъ жизни римскаго поэта, но прибавимъ еще, что и такая, самая логическая, по нашему мнѣнію, защита его въ недостаткѣ воинскаго мужества едвали необходима. Горацій, вѣроятно, никогда не предполагалъ, что слова его о бѣгствѣ при Филиппахъ возбудятъ столько толковъ въ потомствѣ и даже будутъ обращены ему въ упрекъ. Нашъ поэтъ самъ не разъ называетъ себя человѣкомъ невоинственнымъ [14]) и вообще дорожитъ своимъ титломъ хорошаго писателя гораздо-больше, чѣмъ славою храбраго солдата. Мы и въ этомъ вполнѣ сочувствуемъ Горацію: храбрыхъ воиновъ всегда бывало на свѣтѣ много, по-крайней-мѣрѣ, гораздо-больше, чѣмъ хорошихъ писателей.

Изъ приведенныхъ выше словъ, заимствованныхъ изъ исторіи Тита Ливія (они подтверждаются и другими древними свидѣтельствами), мы узнаемъ, что многіе сторонники Брута и Кассія послѣдовали ихъ примѣру и добровольно лишили себя жизни. Въ числѣ этихъ политическихъ фанатиковъ называютъ Луція Кассія (племянника убійцы Цезаря), Марка Катона, сына Катона утическаго, Ливія Друза, отца Ливіи, бывшей потомъ женою Августа, Квинтилія Вара, сынъ котораго былъ впослѣдствіи разбитъ германцами при Тевтобургскомъ Лѣсѣ, Антистія Лабеона, отца знаменитаго римскаго юриста, и нѣкоторыхъ другихъ. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что не всѣ названные самоубійцы наложили на себя руку отъ невозможности пережить дѣло римской свободы; они большею частью принадлежали къ убійцамъ или къ открытымъ врагамъ Цезаря и не могли надѣяться никакой пощады себѣ отъ побѣдителя. Имена этихъ людей были внесены въ списки проскриптовъ и почти всѣхъ ихъ ждала позорная казнь, какъ это доказалъ примѣръ многихъ несчастныхъ единомышленниковъ Брута, которые рѣшились пережить битву при Филиппахъ.

Горацій, какъ человѣкъ еще очень-незначительный, не имѣлъ подобныхъ поводовъ къ опасеніямъ за свою жизнь. Конечно, онъ также долженъ былъ навлечь на себя гнѣвъ тріумвировъ, какъ явный сторонникъ Брута; но, во всякомъ случаѣ, участь его была въ эту пору ни хуже, ни лучше участи множества другихъ людей, которыхъ спасла отъ преслѣдованія Октавіана самая ихъ масса.

Другіе изъ боевыхъ товарищей Горація, большею частью иска-

---

[14]) Такъ, напримѣръ, въ 16-мъ стихѣ первой эподы, Горацій называетъ себя:

Imbellis ac firmus parum.

тели приключеній, которыхъ такъ много было въ войскѣ Брута, удалились, послѣ сраженія при Филиппахъ, на флотъ, находившійся подъ командою республиканцевъ Стація Мурка и Домиція Ахенобарба. Позже этотъ флотъ соединился съ Секстомъ Помпеемъ, овладѣвшимъ Сициліей.

Горацій глубже, чѣмъ многіе изъ его товарищей по оружію, понялъ значеніе и предугадалъ послѣдствія филиппинскаго разгрома. Вотъ почему онъ не послѣдовалъ ихъ примѣру, а подъ конецъ 712, или въ началѣ 713 года, прямо изъ Македоніи, (вѣроятно, чрезъ Брундузіумъ) возвратился въ Римъ. Точно также поступилъ и Валерій Мессала Корвинъ, одинъ изъ благороднѣйшихъ сторонниковъ Брута.

Вглядимся пристальнѣе въ характеръ событій, близкимъ свидѣтелемъ которыхъ привелось быть нашему поэту, и тогда мы поймемъ, отчего онъ отказался отъ дальнѣйшаго участія въ гражданской усобицѣ, продолжавшей еще свирѣпствовать до самой битвы при Акціумѣ, но не подъ знаменемъ идеи, какъ то было при Брутѣ, а съ явнымъ характеромъ грабежа и насилія. Цѣлые два года Горацій пробылъ въ лагерѣ республиканцевъ и, по минованіи первыхъ пароксизмовъ восторга, имѣлъ достаточно времени для того, чтобъ зрѣло обсудить и самое дѣло, которому онъ отдался съ такимъ энтузіазмомъ, и характеръ людей, съ которыми свела его судьба. Мы уже замѣтили, что въ войскѣ Брута не все были герои. Самъ Кассій явно стремился не къ удержанію древнихъ учрежденій римскихъ, а къ грабежу. Стоитъ только припомнить, какъ онъ велъ себя въ несчастныхъ римскихъ провинціяхъ, служившихъ театромъ войны, чтобъ убѣдиться въ этомъ [15]). Жители этихъ провинцій вынесли ужасныя притѣсненія, и сцены, постоянно происходившія здѣсь передъ глазами Горація, должны были много охладить то благородное одушевленіе, съ которымъ онъ вступилъ въ ряды защитниковъ республики, и поколебать его безграничную вѣру въ искренность и возвышенность ихъ помысловъ. Несмотря на то, Горацій твердо стоялъ за дѣло республики до-тѣхъ-поръ, пока не отказался отъ него самъ Брутъ, лишивъ себя жизни. Съ этихъ поръ римская усобица окончательно утратила свой характеръ войны за идею, и нашъ поэтъ не считалъ себя обязаннымъ служить грабежу, насилію и другимъ злодѣйствамъ, которыя совершались во имя свободы. Вотъ почему Горацій рѣшился возвра-

---

[15]) «Appian. de bell. civ.» IV, 64, 66—73.

титься въ Римъ и держать себя вдали отъ борьбы политическихъ партій.

Въ то же время Горацій, послѣ всего имъ испытаннаго, началъ все болѣе-и-болѣе проникаться убѣжденіемъ въ томъ, что республиканское начало отжило свой вѣкъ и утратило смыслъ для массы римскаго народа. Оно, конечно, еще существовало въ Римѣ, но только въ видѣ возвышенной, хотя и утопической идеи, которая опиралась не на дѣйствительность, а на духъ и силу немногихъ отдѣльныхъ характеровъ, и больше всего на замѣчательную личность одного человѣка. Это былъ Брутъ, единственная трагическая личность, которая отличалась искренностью своихъ стремленій. Другіе вожди республиканской партіи, пережившіе Брута: Секстъ Помпей, Стацій Муркъ и Домицій Ахенобарбъ — не могутъ идти съ нимъ въ сравненіе и общественное мнѣніе никогда не было на ихъ сторонѣ.

Побѣдители при Филиппахъ тотчасъ же объявили амнистію для всѣхъ республиканцевъ, которые положатъ оружіе, и вслѣдъ затѣмъ четырнадцать тысячъ приверженцевъ Брута перешли на ихъ сторону [16]). Горацій не былъ въ этомъ числѣ. Впрочемъ, настоящая, полная амнистія, изъ которой не были исключены даже убійцы Цезаря и проскрипты, послѣдовала въ 714 году, и съ этихъ поръ нашъ поэтъ могъ жить въ Римѣ спокойно. Для насъ очень важно знать, какъ держалъ себя Горацій въ это время въ-отношеніи къ Октавіану и остальнымъ корифеямъ возникавшей реформы. Мы скажемъ объ этомъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ; а теперь достаточно замѣтить, что онъ не бросился, какъ многіе другіе, въ объятія побѣдителя, а сдѣлался приверженцемъ реформы только тогда, когда новое убѣжденіе окончательно созрѣло въ душѣ его. Горацій, несмотря на свое стѣсненное положеніе, умѣлъ и послѣ битвы при Филиппахъ сохранить независимость убѣжденія благороднаго человѣка, который можетъ только сознательно и вслѣдствіе новаго взгляда на вещи отречься отъ ниспровергнутыхъ началъ.

4.

.....paupertas impulit audax
Ut versus facerem. Horat.

Положеніе, въ которомъ увидѣлъ себя Горацій по возвращеніи въ Римъ, было очень-печально. Небольшое его имѣнье было конфисковано и предоставлено тріумвирами какому-нибудь ветера-

---

[16]) «Appian.» IV, 135.

ну [17]). По всей вѣроятности, поэтъ не засталъ также въ живыхъ почтеннаго своего отца. Къ этому же времени относится начало литературной дѣятельности Горація.

«Отважная бѣдность (говоритъ онъ во второмъ посланіи II кн. ст. 51) заставила меня писать стихи». Эти слова вызвали немало толковъ и споровъ. Многіе изъ новыхъ ученыхъ принимали ихъ въ буквальномъ смыслѣ и утверждали, будто Горацій началъ писать стихи, чтобъ не умереть съ голода; но такое мнѣніе едва-ли справедливо. Можно положительно утверждать, что вознагражденіе за литературный трудъ было въ-древности очень-незначительно и не представляло достаточнаго обезпеченія безбѣдному существованію писателя. Къ тому же, въ то время еще не могла развиться идея о правѣ литературной собственности, и потому не авторы, а развѣ только книгопродавцы да переписчики (librarii) могли извлекать матеріальную выгоду изъ произведеній классической словесности. Послѣ этого не странно, что самые любимые авторы древности, сочиненія которыхъ съ жадностью читались во всѣхъ концахъ обширнаго римскаго государства, нерѣдко всю жизнь свою оставались бѣдняками. Для примѣра, достаточно указать здѣсь на Марціала и отчасти на самого Горація.

Мы не можемъ также согласиться съ мнѣніемъ, будто Горацій обратился къ литературной дѣятельности для-того, чтобъ пріобрѣсть себѣ этимъ путемъ расположеніе и покровительство римской знати. Еслибъ это было такъ, то нужно признаться, что поэтъ выбралъ очень-странное средство для достиженія своей цѣли, ибо первыми его литературными трудами являются сатиры и эподы. Горацій не разъ говоритъ, сколько враговъ доставили ему эти произведенія. Дѣйствительно, трудно было ему, какъ мы увидимъ, заслужить ими расположеніе римской знати или угодить Меценату и Августу.

Не бѣдность, а — слѣдствіе бѣдности — разочарованіе было причиною авторства Горація. Вслѣдъ за битвою при Филиппахъ онъ увидѣлъ, что всѣ его планы рушились, а благородные порывы и мечты разбились о жалкую дѣйствительность. Поэтъ не такъ легко помирился съ нею, какъ многіе воображаютъ: напротивъ, по всему

---

[17]) Можетъ быть, впрочемъ, маленькое имѣніе Горація было конфисковано не вслѣдствіе того, что онъ держалъ сторону Брута, а потому, что находилось въ окрестностяхъ Венузіи. Венузія была въ числѣ тѣхъ восьмнадцати городовъ Италіи, которые еще до убійства Цезаря были розданы его ветеранамъ.

видно, что душа его была переполнена горечью, чувство недовольства, которымъ онъ весь былъ проникнутъ въ это время, требовало себѣ исхода, и вотъ Горацій обратился къ литературѣ и выбралъ самую жесткую ея отрасль, съ тѣмъ, чтобы хотя отчасти выразить оппозицію противъ всего, что дѣлалось въ Римѣ.

Къ этому же періоду жизни Горація относится вступленіе его въ сословіе квесторскихъ писцовъ (scribae quaestorii) [18]). Бывшій предводитель римскаго легіона принужденъ былъ рѣшиться на такой шагъ, разумѣется, для того, чтобъ имѣть какія-нибудь средства для жизни; и вотъ, новое и лучшее доказательство того, какъ мало онъ разсчитывалъ на вознагражденіе за свою авторскую дѣятельность. О томъ, что Горацій былъ квесторскимъ писцомъ, положительно говоритъ Светоній, въ біографіи римскаго поэта, и нѣтъ никакой причины заподозрить вѣрность этого показанія [19]). Несомнѣнно, однако, что онъ изъ квесторской декуріи писцовъ не переходилъ въ другія декуріи и вообще занималъ эту незначительную должность не болѣе двухъ лѣтъ. Въ это время она сдѣлалась несообразною съ тѣмъ положеніемъ, которое римскій поэтъ занялъ въ домѣ Мецената.

Мы уже замѣтили, что къ начальнымъ произведеніямъ Горація должны быть отнесены его сатиры и эподы; но трудно опредѣлить съ точностью, какое именно изъ этихъ произведеній сдѣлалось прежде другихъ извѣстнымъ римской публикѣ. Несомнѣнно только то, что къ этимъ самымъ раннимъ стихотвореніямъ нашего поэта принадлежатъ седьмая его сатира (1-й книги) и шестнадцатая эпода. Эта эпода особенно замѣчательна своимъ идеальнымъ

---

[18]) Главною обязанностью писцовъ была переписка законовъ, протоколовъ и другихъ государственныхъ актовъ, приготовлявшихся подъ надзоромъ высшихъ римскихъ чиновниковъ (magistratus). Римскіе писцы были раздѣлены на декуріи (отсюда выраженіе *decuriam emere* значитъ то же, что *munus scribae emere*), въ которыхъ scribae praetorii, aedilicii, tribunicii имѣли преимущество предъ scribae quaestorii. Должность квесторскаго писца была, во всякомъ случаѣ, очень-незначительна, хотя Цицеронъ и называетъ (Verr. III, 79) сословіе этихъ писцовъ «ordo honestus». «Eorum hominum fidei tabulae periculaque magistratuum committuntur» прибавляетъ въ томъ же мѣстѣ римскій ораторъ.

[19]) Какъ то дѣлаютъ нѣкоторые изъ новыхъ ученыхъ и, между-прочимъ, Франке, на стр. 32 (см. примѣчаніе 14) своихъ «Fasti Horatiani.» Приведемъ самыя слова Светонія: «bello philippensi excitus a M. Bruto imperatore, tribunus militum meruit: victisque partibus venia impetrata, scriptum quaestorium comparavit».

характеромъ и увлеченіемъ поэта несбыточною мечтою, слѣдовательно, такими качествами, которыхъ и слѣдовъ мы не находимъ въ послѣдующихъ его произведеніяхъ. Это послѣдняя дань Горація юношескимъ мечтамъ, утопія, вызванная политическими событіями и тѣмъ печальнымъ состояніемъ, въ которомъ находился Римъ. Поэтъ видитъ гибель своего отечества, и единственнымъ средствомъ спасенія кажется ему переселеніе изъ Италіи, съ *лучшею частью* своихъ согражданъ, куда-нибудь далеко отъ родины, гдѣ бы началась новая жизнь для римскаго народа. Несмотря, однако, на эту юношескую мечту, видно, что она уже много утратила своей прежней власти надъ Гораціемъ: онъ уже понимаетъ, что *вся масса* народа римскаго неспособна къ возрожденію въ томъ духѣ, какъ мечталъ Брутъ и самъ поэтъ, увлеченный горячимъ и благороднымъ, но въ то же время утопическимъ порывомъ своего молодаго чувства. Горацій уже ближе всмотрѣлся въ это время въ нравственный обликъ этой массы и убѣдился, что она неспособна была подчинить личныхъ своихъ интересовъ идеѣ общаго блага, а могла ли при такомъ условіи существовать республика, и притомъ всемірная республика? Ясно, что римскій поэтъ находится на распутьи. Прежняя мечта утратила надъ нимъ безграничную свою власть, но и новое убѣжденіе, служенію котораго онъ посвятилъ впослѣдствіи лучшія свои силы, еще не созрѣло въ душѣ его, и вотъ почему поэтъ могъ увлечься идеей возсозданія римской жизни въ томъ видѣ, въ какомъ она рисовалась его воображенію въ лучшую пору своего существованія. Замѣчательно, однако, что это республиканское возсозданіе римской жизни могло, по убѣжденію поэта, произойти только гдѣ-нибудь вдали отъ родины, а не въ Италіи, или въ другой части римскаго государства.

Въ литературномъ отношеніи упомянутая эпода не отличается особенными достоинствами; не только мысли, но и формѣ, въ которую она облечена, недостаетъ здѣсь той зрѣлости, какую мы привыкли встрѣчать въ произведеніяхъ Горація. Конечно, послѣдовательное теченіе гекзаметровъ и ямбовъ, которыми написано это стихотвореніе, придаетъ ему характеръ какой-то торжественности, но въ то же время будущій великій писатель является здѣсь еще новичкомъ въ литературѣ. Нельзя въ-особенности не замѣтить растянутости и излишнихъ подробностей въ описаніи роскошной природы счастливыхъ острововъ, на которые онъ указываетъ римлянамъ, какъ на ту землю, гдѣ можно возсоздать древній римскій

быть [20]). Другія произведенія Горація, относящіяся къ разсматриваемому періоду жизни его, проникнуты самою возвышенною патріотическою грустью. Въ числѣ ихъ укажемъ здѣсь на седьмую эподу и четырнадцатую оду первой книги. Оба эти стихотворенія съ большою вѣроятностью могутъ быть отнесены къ 713 году. Первое изъ нихъ, безъ-сомнѣнія, написано поэтомъ вслѣдъ за битвою при Филиппахъ, когда Риму грозила новая гражданская война между Октавіаномъ и Антоніемъ [21]). Сколько грусти и разочарованія въ этомъ стихотвореніи! сколько отвращенія къ гражданскимъ смутамъ, которыя, послѣ гибели благороднѣйшихъ вождей республиканской партіи, какъ убѣдился Горацій, могли повести только къ безплодному кровопролитію. Еще болѣе возвышенной печалью вѣетъ отъ упомянутой оды Горація: это та знаменитая ода, гдѣ онъ съ такою изящною и глубокою грустью сравниваетъ свою бѣдную родину съ разбитымъ бурею кораблемъ, готовымъ снова пуститься въ открытое море.

Въ числѣ начальныхъ стихотвореній Горація мы назвали выше его седьмую сатиру. Это не больше какъ анекдотъ или воспоминаніе изъ лагерной жизни поэта. Нѣкто Рупилій Рексъ, римлянинъ изъ когорты Брута, поссорился (Горацій не говоритъ за что) съ богатымъ клазоменскимъ купцомъ, Персіемъ. Оба они явились передъ трибуналъ Брута и напали другъ на друга съ такою комическою яростью, что присутствовавшіе въ судѣ не могли удержаться отъ смѣха. Горацій, какъ по всему видно, былъ свидѣтелемъ этой сцены, которая, безъ-сомнѣнія, должна быть отнесена къ 711 году, когда Брутъ, въ качествѣ проконсула, управлялъ провинціею Азіей. Истощивъ всю брань, Персій заключаетъ свою рѣчь слѣдующимъ обращеніемъ къ Бруту, съ примѣсью латин-

---

[20]) Подъ блаженными островами, о которыхъ говоритъ поэтъ, нужно, безъ-сомнѣнія, разумѣть Канарскіе Острова (Fortunatae insulae, αἱ μακάρων νῆσοι), которые считались древними западнымъ предѣломъ извѣстнаго тогда міра и представлялись имъ какою-то обѣтованною землею.

[21]) Оно начинается словами:

Quo, quo scelesti ruitis? aut cur dexteris
    Aptantur enses conditi?
Parum ne campis atque Neptuno super
    Fusum est latini sanguinis?

Эти слова очень напоминаютъ начало эподы, на которую мы указали выше: «вотъ уже другое поколѣніе людей стирается съ лица земли, среди гражданской распри, и Римъ гибнетъ отъ собственныхъ своихъ силъ».

скаго каламбура, который, вѣроятно, и послужилъ главнымъ поводомъ къ появленію разбираемой сатиры:

.....per magnos, Brute, deos te
Oro, qui reges consueris tollere, cur non
Hunc Regem jugulas? operum hoc, mihi crede, tuorum est.

Одинъ изъ схоліастовъ, въ примѣчаніяхъ къ этой сатирѣ, говоритъ, что Публій Рупилій Рексъ негодовалъ на то, что Горацій былъ трибуномъ въ войскѣ Брута и часто попрекалъ поэта его незнатнымъ происхожденіемъ. Это очень можетъ быть, и Горацій, какъ мы видимъ, не остался въ долгу у Рупилія Рекса, но въ то же время поэтъ могъ дорого поплатиться за передачу увѣсистаго каламбура Персія. Ясно, что такой каламбуръ не могъ особенно понравиться ни Меценату, ни Августу [22]).

Грусть быстро смѣняется веселостью въ душѣ юноши, и потому нѣтъ никакой психологической несообразности въ томъ, что упомянутая сатира такъ непохожа своимъ характеромъ на другія начальныя произведенія Горація. Не странно потому, что въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ также нѣсколько эротическихъ стихотвореній и, между-прочимъ, такихъ, которыя отличаются вполнѣ античною безцеремонностью [23]).

Въ-заключеніе этого обзора начальныхъ стихотвореній Горація мы должны указать на вторую его сатиру (1-й книги), замѣчательную тѣмъ, что поэтъ задѣлъ въ ней, хотя и безобидно, самого Мецената, подъ вымышленнымъ именемъ Мальтина, или Мальхина [24]).

---

[22]) Невозможно, разумѣется, опредѣлить съ точностью, когда Горацію вздумалось посмѣяться надъ Рупиліемъ Рексомъ; но это было, во всякомъ случаѣ, на первыхъ порахъ послѣ возвращенія поэта въ Римъ. Кирхнеръ и Вейхертъ относятъ эту сатиру къ 713, а Цумптъ полагаетъ, что она написана въ 714 году.

[23]) Между ними мы находимъ, напримѣръ, XII-ю эподу: in anum libidinosam. Болѣе-скромнымъ характеромъ отличается изящная XV-я эпода (къ Неэрѣ), которая также относится къ этому времени.

[24]) Въ манускриптахъ, въ которыхъ дошли до насъ творенія Горація, это имя пишется различно: Malchinus, Malthinus и Maltinus. Не упоминаю о другихъ чтеніяхъ, потому-что они видимо искажены переписчиками. Бентли и, за нимъ, Вейхертъ приняли чтеніе Malchinus, образовавшееся, по мнѣнію Бентли, отъ римскаго имени Malchus. Мы предпочитаемъ чтеніе Malthinus, или, какъ пишетъ это слово Бутманъ, Maltinus: оно очевидно находится въ этимологической связи съ стариннымъ латинскимъ словомъ malta, которое означало человѣка изнѣженнаго, и представляетъ аналогію съ греческимъ словомъ μάλθων. Въ значеніи *нѣженка* употреблялъ слово malta предшественникъ Горація въ римской сатирѣ, Луцилій.

Оно соотвѣтствуетъ нашему слову *княженка*, и очень можетъ быть, что подъ этимъ прозвищемъ Меценатъ былъ извѣстенъ между римскими республиканцами, къ которымъ все еще принадлежалъ душею нашъ поэтъ. Извѣстно, что Меценатъ отличался какою-то изнѣженностью и небрежностью въ походкѣ и въ самой одеждѣ, за что преимущественно нападаетъ на него Сенека. Онъ называетъ его человѣкомъ *распоясаннымъ*, то-есть, какъ у насъ говорится, распущеннымъ (discinctus). Мы уже знаемъ, въ какомъ непріятномъ расположеніи духа постоянно находился разочарованный Горацій, по возвращеніи на родину изъ Македоніи. Онъ, конечно, не могъ еще любить въ это время Мецената, руководившаго партіей, которая разрушила всѣ радужныя мечты приверженцевъ Брута. Очень-естественно, что Горація сердила, между-прочимъ, и эта наружная безпечность Мецената. Поэту, особенно при его хандрѣ, легко могла показаться непростительною эта не римская изнѣженность человѣка, который, за отсутствіемъ Октавіана, стоялъ во главѣ государства и держалъ въ своихъ рукахъ судьбу чуть не цѣлаго свѣта: Слова Горація (ст. 25): «Maltinus tunicis demissis ambulat», то-есть «Мальтинъ расхаживаетъ въ туникѣ, спущенной до самыхъ пятъ» очень-идутъ къ Меценату и совершенно соотвѣтствуютъ эпитету «discinctus», приданному ему Сенекой [25]). Конечно, въ этой выходкѣ Горація не было ничего осо-

[25]) Выраженіе tunica demissa означаетъ то же самое, что t. discincta, или soluta. Передняя часть туники, которую римляне носили подъ тогою, спускалась обыкновенно немного ниже колѣнъ. Распоясать тунику и спустить ее до самыхъ пятокъ считалось въ Римѣ неприличнымъ и знакомъ изнѣженности. Такія туники назывались также t. talares. Приведенныя слова Горація вызвали множество объясненій и споровъ. Нѣкоторые ученые, напримѣръ, Виландъ, Дёрингъ и другіе, не соглашаются, что здѣсь идетъ рѣчь о Меценатѣ; напротивъ, Буттманъ, въ Mytholog. I Bd., стр. 334—340, и въ-особенности Вейхертъ, въ знаменитой своей книгѣ «Poetarum lat. vitae et carminum reliquiae», стр. 429—458, очень учено и, можетъ-быть, слишкомъ даже подробно разсматриваютъ это мѣсто, и сильно стоятъ за то, что подъ именемъ Мальтина нужно здѣсь разумѣть Мецената. Впрочемъ, таково было мнѣніе и древнихъ схоліастовъ Горація. Такъ Акронъ, въ примѣчаніяхъ своихъ къ приведеннымъ словамъ Горація, говоритъ: Maecenatem tangit; varicosus enim fuit, delicatior et solutior. Въ этой же сатирѣ Горацій издѣвается надъ Тигелліемъ, Купіенніемъ и другими лицами, пользовавшимися расположеніемъ Октавіана. То же самое должно замѣтить и о четвертой сатирѣ (I-й книги), которая, какъ полагаетъ Вейхертъ (стр. 453), написана Гораціемъ осенью 715 года. Въ этой сатирѣ Горацій также непріязненно выступаетъ противъ фаворитовъ Октавіана.

бенно-оскорбительнаго для Мецената, и она не помѣшала впослѣдствіи ихъ дружбѣ, но, можетъ-быть, была отчасти причиною того, что между первымъ и вторымъ свиданіемъ поэта съ Меценатомъ прошло, какъ мы увидимъ, цѣлые девять мѣсяцевъ. Замѣчательно, что, при изданіи первой книги своихъ сатиръ, Горацій не уничтожилъ имени Мальтина, и вообще не измѣнилъ всѣмъ извѣстнаго мѣста въ своей сатирѣ, несмотря на то, что поэтъ былъ уже въ это время очень близкимъ человѣкомъ къ Меценату. Впрочемъ, нужно замѣтить и то, что въ такомъ случаѣ Горацій ясно подтвердилъ бы предполагаемое тождество Мальтина съ Меценатомъ.

Всѣ эти стихотворенія, разумѣется, должны были обратить общее вниманіе на Горація. Въ Римѣ начались толки о новомъ поэтѣ, который такъ изящно и сильно заговорилъ языкомъ, дотолѣ неслыханнымъ, и притомъ выражавшимъ мнѣніе большинства римскаго народа. Онъ былъ наконецъ утомленъ безпрерывнымъ рядомъ войнъ и отъ души желалъ тишины и спокойствія. Конечно, въ языкѣ Горація еще слышался голосъ республиканской оппозиціи, но поэтъ успѣлъ уже такъ искренно и сильно высказать въ своихъ чудныхъ стихахъ отвращеніе къ гражданской усобицѣ, что они не могли не понравиться корифеямъ политической реформы Октавіана, пустившей уже въ то время глубокіе корни въ римскомъ обществѣ. Имя геніальнаго писателя дошло, между-прочимъ, и до Мецената. Два поэта, Луцій Варій и Виргилій, изъ которыхъ въ-особенности первый уже пользовался почетною извѣстностью въ Римѣ, очарованные стихами Горація, сблизились съ бѣднымъ квесторскимъ письмоводителемъ и, въ 716 году, представили его Меценату. Съ этого времени начинается новый періодъ въ жизни нашего поэта.

---

[26]) Дружескія отношенія Горація къ Варію и Виргилію очень-живо рисуются въ слѣдующихъ словахъ пятой сатиры (I-й книги, ст. 39), въ которой Горацій описалъ путешествіе свое, въ свитѣ Мецената, въ Брундузіумъ: «слѣдующій день начался для меня какъ нельзя болѣе пріятно, ибо въ Синуессѣ встрѣтились мы съ Плоціемъ (Туккою), Варіемъ и Виргиліемъ, людьми, благороднѣе которыхъ ничего не произвела земля, и къ которымъ никто болѣе меня не привязанъ. О, какія же были объятія, какая радость!»

5.

Postera lux oritur multo gratisimma: namque
Plotius et Varius Sinuessae, Virgiliusque
Occurrunt; animae, quales neque candidiores
Terra tulit, neque queis me sit devinctior alter.
O qui complexus! et gaudia quanta fuerunt!

Horat.

Горацій постоянно съ восторгомъ отзывается о Луціи Варіи и Виргиліи Маронѣ, и говоритъ о нихъ, какъ о лучшихъ своихъ друзьяхъ [26]). Эти три имени являются намъ нераздѣльными въ римской литературѣ. Въ-древности трудно указать на другой, въ такой степени замѣчательный, братскій союзъ людей геніальныхъ, основанный на взаимномъ уваженіи, безъ всякой примѣси мелкой зависти, и на тождествѣ стремленій литературныхъ и политическихъ. Поэтому, въ біографіи Горація нельзя умолчать о двухъ остальныхъ участникахъ въ этомъ знаменитомъ литературномъ тріумвиратѣ, имѣвшихъ такое огромное вліяніе на судьбу нашего поэта.

Луцій Варій (прозвище его Руфъ, сомнительно) былъ знаменитъ въ-древности, какъ эпикъ и трагикъ, и стоялъ въ мнѣніи своихъ соотечественниковъ нисколько не ниже Виргилія и Горація. Тѣмъ болѣе жаль, что ни одно изъ твореній Варія не дошло до нашего времени; о жизни его мы также имѣемъ самыя скудныя извѣстія [27]), очень-тщательно собранныя Вейхертомъ, въ его превосходной статьѣ объ этомъ поэтѣ [28]). Мы знаемъ только, что Варій былъ жаркимъ приверженцемъ Юлія Цезаря и описалъ его трагическую кончину въ особомъ эпическомъ стихотвореніи. Свою любовь къ Цезарю онъ перенесъ впослѣдствіи на Октавіана и пользовался полнымъ его расположеніемъ. Вѣроятно, и съ Меценатомъ Варій вошелъ въ дружескія отношенія задолго до Виргилія и Горація.

---

[27]) Даже схоліасты Горація называютъ Варія только: «Horatii Virgiliique contubernalis» и не сообщаютъ о немъ дальнѣйшихъ подробностей.

[28]) De L. Varii et Cassii Parmensis vita et operibus. Grimae, 1836. Варій былъ знаменитъ, какъ эпикъ и трагикъ. Онъ воспѣлъ смерть Цезаря въ поэмѣ: «de morte Caesaris», а трагедія его: «Thyestes», по словамъ Квинтиліана, не уступала лучшимъ созданіямъ греческой драматической поэзіи. Подъ именемъ Варія извѣстенъ былъ также въ-древности «Panegyricus in Augustum».

Гораздо больше положительныхъ свидѣтельствъ древности имѣемъ мы о личности Виргилія, объ отношеніяхъ его къ Горацію и вообще къ тому кружку римскихъ писателей, который образовался около Мецената [29]). Въ судьбѣ этихъ двухъ поэтовъ было много общаго. Виргилій, сынъ небогатаго землевладѣльца изъ окрестностей Мантуи, явился въ Римъ почти одновременно съ Гораціемъ, по слѣдующему поводу. Вслѣдствіе раздѣла различныхъ частей римскаго государства, который состоялся между тріумвирами въ 711 году, родина Виргилія, цизальпинская Галлія, досталась въ управленіе Антонію, и его полководецъ, Азиній Полліонъ, тотчасъ же занялъ Венецію съ своими семью легіонами. Въ то же время Антоній и Октавіанъ, объявивъ себя сторонниками политики Юлія Цезаря, обѣщали въ награду своимъ солдатамъ, въ случаѣ побѣды надъ республиканскою партіей, восьмнадцать богатѣйшихъ городовъ Италіи, съ ихъ домами и окрестностями. Послѣ сраженія при Филиппахъ, Октавіанъ началъ вводить своихъ ветерановъ во владѣніе обѣщанными имъ землями и городами; въ числѣ ихъ была, между-прочимъ, Кремона, жители которой не скрывали своего сочувствія къ древнимъ республиканскимъ учрежденіямъ Рима. Между-тѣмъ дикая толпа воиновъ самовольно завладѣла также окрестностями Мантуи, гдѣ, близъ деревни Андесъ въ трехъ миляхъ отъ города, находилось, какъ мы уже замѣтили, небольшое помѣстье Виргилія. Легко представить себѣ цѣлый рядъ печальныхъ сценъ, которыя послѣдовали за такимъ возмутительнымъ насиліемъ. Безпріютные жители ограбленныхъ городовъ толпами бѣжали въ Римъ и тщетно искали тамъ себѣ защиты у Октавіана. Въ числѣ ихъ былъ и Виргилій.

Онъ уже прежде своими юношескими произведеніями обратилъ на себя вниманіе Азинія Полліона, который также принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ писателей древности, и тѣмъ легче предугадалъ въ молодомъ поэтѣ одно изъ будущихъ свѣтилъ римской литературы. Вслѣдъ за занятіемъ Кремоны и Мантуи ветеранами

[29]) Лучшій изъ древнихъ схоліастовъ Виргилія, Сервій, не мало сообщаетъ намъ въ своихъ замѣткахъ подробностей, относящихся къ автору Энеиды. Кромѣ-того, мы имѣемъ еще древнюю біографію Виргилія, написанную Донатомъ, которою, однако, должно пользоваться съ большою осторожностью, ибо рядомъ съ положительными извѣстіями о Виргиліи встрѣчаемъ мы здѣсь множество нелѣпыхъ позднѣйшихъ вставокъ, которыя внесъ сюда какой-нибудь досужій грамматикъ, или просто переписчикъ.

Октавіана, Виргилій явился въ Римъ съ рекомендательными письмами Азинія Полліона. Къ этимъ письмамъ, вѣроятно, приложены были также первые литературные опыты молодаго поэта изъ Мантуи, которые еще болѣе должны были содѣйствовать сближенію Виргилія съ друзьями его патрона — Меценатомъ и Октавіаномъ. Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній объ этихъ юношескихъ произведеніяхъ будущаго автора Энеиды, которыя появились на свѣтъ до 713 года и содѣйствовали возвращенію поэту небольшаго его имѣнія [30]).

«Виргилій (говоритъ Донатъ) уже сочинялъ стихи въ то время, какъ былъ еще отрокомъ (puer adhuc poeticam auspicatus)» — такъ рано развилась въ немъ страсть и способность къ литературнымъ занятіямъ! Изъ числа этихъ начальныхъ стихотвореній пѣвца Энея мы остановимся здѣсь нѣсколько-долѣе на слѣдующихъ: Culex, Ciris, Moretum и Copa. Эти произведенія до-сихъ-поръ еще печатаются въ изданіяхъ твореній Виргилія, хотя очень-трудно доказать, что онъ ихъ авторъ [31]).

---

[30]) Въ девятой эклогѣ, стихъ 10, Виргилій прямо говоритъ, что обязанъ стихамъ спасеніемъ своего имущества. О поѣздкѣ Виргилія въ Римъ мы находимъ слѣдующій намекъ въ первой эклогѣ (ст. 43): «здѣсь (въ Римѣ) я увидѣлъ, Мелибей, того юношу (Цезаря Октавіана: онъ родился въ консульство Цицерона, и ему было въ это время двадцать-три года), въ честь котораго ежегодно, впродолженіе двѣнадцати дней, дымятся наши алтари. Онъ первый далъ мнѣ на мою просьбу такой отвѣтъ: «юноши! пасите по прежнему вашихъ быковъ и впрягайте ихъ въ плугъ».

[31]) Донатъ (въ vita P. Virg. Maronis, гл. VII, § 28) говоритъ: «deinde (то-есть scripsit Virgilius) Catalecton, et Moretum, et Priapeia, et Epigrammata, et Diras, et Culicem, cum esset annorum quindecim». Въ слѣдующей главѣ онъ прибавляетъ: «scripsit etiam, de qua ambigitur Aetnam». Подобный же перечень находится въ предисловіи Сервія къ Энеидѣ. Оно важно потому, что между произведеніями Виргилія здѣсь упоминается также Cirna, или Cirina, а это, очевидно, искаженное названіе Ciris. Въ старинныхъ манускриптахъ всѣ эти приписываемыя Виргилію произведенія помѣщены подъ общимъ заглавіемъ: «Virgilii juvenalis ludi libellus». Лучшее изслѣдованіе объ этихъ стихотвореніяхъ и объ ихъ авторахъ принадлежитъ Нэке. См. Carmina Valerii Catonis cum Aug. Ferd. Naekii annotationibus. Accedunt ejusdem Naekii de Virgilii libello juvenalis ludi, de Valerio Catone ejusque vita et poesi, de libris tam scriptis quam editis, qui carmina Catonis continent, dissertationes IV. Cura Ludovici Schopeni. Bonnae, 1847. Замѣтимъ, что Нэке сильно стоитъ за принадлежность «Комара» Виргилію. Даже то, что Гейне казалось въ этомъ произведеніи позднѣйшими вставками (мнѣніе его приведено въ нашемъ текстѣ), Нэке приписываетъ Виргилію и растянутость этого стихотво-

Впрочемъ, что касается «Комара» (Culex), то не можетъ быть сомнѣнія въ принадлежности этого стихотворенія Виргилію, потому что, кромѣ шаткаго авторитета Доната, мы имѣемъ на это ясныя указанія также другихъ писателей древности. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что означенное произведеніе дошло до насъ въ томъ видѣ, въ какомъ оставилъ его Виргилій. Нельзя не согласиться съ Гейне въ томъ, что въ «Culex» только развѣ основа произведенія и малая часть стиховъ принадлежатъ Виргилію, а все остальное — позднѣйшія прибавленія и вставки. Подъ конецъ существованія древняго міра и въ періодъ среднихъ вѣковъ у многихъ читателей древнихъ поэтовъ была несчастная привычка исправлять и дополнять ихъ произведенія, а иногда перемѣнять въ нихъ порядокъ стиховъ. Часто на поляхъ манускрипта и между строками эти читатели (имѣвшіе обыкновенно замѣчательный навыкъ въ латинской версификаціи) вставляли цѣлый рядъ стиховъ, заключавшихъ въ себѣ большею частью повтореніе той же мысли, которая высказана поэтомъ, а невѣжественные переписчики вносили все это въ текстъ часто только для того, чтобъ увеличить объемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣну манускрипта. Такимъ путемъ дошло до насъ много произведеній древности въ искаженномъ видѣ. «Комаръ», очевидно, подвергся той же участи.

Содержаніе этого стихотворенія самое невинное и одно уже показываетъ, что оно написано очень-молодымъ человѣкомъ. Пастухъ,

---

ренія относитъ къ литературной неопытности начинающаго автора. «Жаворонокъ» кажется новому критику выше «Комара» въ литературномъ отношеніи, но не принадлежащимъ Виргилію. За-то въ «Каталектахъ» нѣкоторыя стихотворенія онъ приписываетъ Виргилію. Другой упомянутый сборникъ мелкихъ стихотвореній, «Priapeia», въ которыхъ главную роль играетъ Пріапъ, составился, конечно, изъ произведеній многихъ поэтовъ. Едва-ли тутъ есть хоть одно стихотвореніе Виргилія; точно также несомнѣнно, что «Dirae» и «Aetna» не принадлежатъ этому поэту. Первое изъ этихъ стихотвореній написано Валеріемъ Катономъ: это мнѣніе давно уже высказалъ Скалигеръ и Нэке подтвердилъ его неопровержимыми доказательствами. Онъ же вполнѣ принимаетъ мнѣніе Фр. Якобса о томъ, что подъ названіемъ «Dirae» (то-есть проклятія) до насъ дошли отрывки изъ двухъ стихотвореній Валерія Катона, изъ которыхъ въ первомъ поэтъ горько жалуется на утрату своего поля, а во второмъ грустить о своей любезной — Лидіи. Послѣдній изъ этихъ отрывковъ Нэке помѣстилъ въ своемъ изданіи подъ особымъ заглавіемъ: Ecloga e Lydia. Дидактическое стихотвореніе «Aetna» представляетъ описаніе огнедышущей горы Этны. Уже Вернсдорфъ, въ знаменитомъ своемъ сборникѣ (Poetae latini minores, t. IV) доказалъ, что авторъ этого стихотворенія Луцилій-младшій (Lucilius junior), извѣстный другъ Сенеки, бывшій во время Нерона прокураторомъ Сициліи.

утомленный дневнымъ зноемъ, засыпаетъ у ручья. Ядовитая змѣя подползаетъ къ нему и уже готова его ужалить, но въ это самое время комаръ кусаетъ пастуха, отчего онъ просыпается и невольнымъ движеніемъ руки убиваетъ его. Но этому пробужденію пастухъ обязанъ тѣмъ, что видитъ змѣю: онъ схватываетъ огромный сукъ и поражаетъ имъ своего врага. Въ слѣдующую затѣмъ ночь тѣнь комара является пастуху во снѣ и упрекаетъ его въ томъ, что онъ такъ неблагодарно отплатилъ ему за его услугу. Вслѣдъ затѣмъ комаръ разсказываетъ пастуху о своихъ странствованіяхъ въ царствѣ мертвыхъ, потому-что, по древнему повѣрью, тѣ, которые не были какъ должно похоронены, не могли найти себѣ пристанища на томъ свѣтѣ. На другой день пастухъ вырываетъ могилу своему благодѣтелю, дѣлаетъ надъ нею насыпь и украшаетъ ее цвѣтами.

Принадлежность Виргилію другаго названнаго выше стихотворенія, подъ заглавіемъ «Жаворонокъ» (Ciris), очень-сомнительна: на это нѣтъ почти ни одного указанія древности, и самъ Донатъ, который такъ много лишняго приписалъ Виргилію, ни слова не говоритъ о «Ciris». Несмотря на то, Гейне по нѣкоторымъ признакамъ заключаетъ, что пѣвецъ Энея можетъ считаться авторомъ этого произведенія. Содержаніе его составляетъ несчастная любовь Сциллы, дочери мегарскаго царя Низа, къ Миносу. Низъ имѣлъ на головѣ клочокъ рыжихъ волосъ, съ которымъ тѣсно была связана участь его царства: Мегара до-тѣхъ-поръ должна была оставаться непобѣдимою, пока этотъ клочокъ волосъ находился на головѣ ея правителя. Миносъ, царь критскій, осадилъ съ своими войсками Мегару. Царская дочь увидѣла его съ городской стѣны и ею овладѣла безумная страсть къ пришельцу. Для того, чтобъ привлечь къ себѣ любовь Миноса, Сцилла рѣшается тайкомъ отрѣзать роковой клочокъ волосъ съ головы своего отца. Волосы отрѣзаны, переданы Миносу и городъ взятъ. Но Сцилла ошиблась въ своемъ разсчетѣ. Миносъ чувствуетъ къ ней отвращеніе за ея поступокъ съ отцомъ и, возвращаясь въ отечество, не хочетъ даже взять съ собою на корабль преступную дочь, изъ боязни возбудить противъ себя гнѣвъ боговъ. Онъ привязываетъ Сциллу къ своему кораблю и влачитъ ее за собою по морю. Сцилла умираетъ въ стонахъ и жалобахъ и, по волѣ Амфитриты, превращается въ жаворонка. Но и въ этомъ видѣ Сцилла не находитъ себѣ покоя; вскорѣ за жаворонкомъ появляется въ небесной выси другая птица и преслѣдуетъ его съ упорствомъ и ненавистью. Этотъ вѣчный и непримиримый врагъ

бѣдной Сциллы — отецъ ея, Низъ, котораго боги превратили въ морскаго коршуна. Это объемистое стихотвореніе (изъ 540 стиховъ), несмотря на его растянутость и излишнія прикрасы, на которыя мы также должны смотрѣть, какъ на позднѣйшія вставки, заключаетъ въ себѣ нѣсколько мѣстъ, замѣчательныхъ въ литературномъ отношеніи и истинно-поэтическихъ. Отъ нихъ, вѣроятно, не отказался бы Виргилій.

Два остальныя стихотворенія — «Moretum» и «Copa», представляютъ собою изящнѣйшія идилліи, съ которыми не выдерживаетъ сравненія ни одно изъ дошедшихъ до насъ въ этомъ родѣ произведеній римской литературы, не исключая и буколикъ Виргилія. Въ «Moretum» [32]) очень живо рисуется жизнь римскаго земледѣльца, и это стихотвореніе замѣчательно особенно тѣмъ, что здѣсь является на сцену простой человѣкъ. О «Трактирщицѣ» (Copa) скажемъ только, что это произведеніе классически-изящно. Мы можемъ здѣсь ограничиться этимъ замѣчаніемъ потому, что уже прежде посвятили ему довольно-подробный разборъ [33]).

Къ начальнымъ произведеніямъ Виргилія (написаннымъ до 713 года) относятся также вторая, третья и пятая его эклоги. Послѣднее изъ этихъ стихотвореній особенно должно было обратить на себя вниманіе Мецената и Октавіана, если только справедливо мнѣніе о томъ, что подъ личностью сицилійскаго пастуха Дафниса нужно разумѣть здѣсь Юлія Цезаря.

Послѣдующая литературная дѣятельность Виргилія такъ извѣстна, что мы, не вдаваясь въ подробности, можемъ ограничиться

[32]) Это собственно названіе кушанья, которое составляло обыкновенную пищу древнихъ италянскихъ земледѣльцевъ. Въ составъ его входили: молоко, сыръ, овощи, говядина и проч. Герой этого стихотворенія Симулъ (Simulus). Здѣсь идетъ рѣчь о занятіяхъ земледѣльца въ первую часть дня, а о полевыхъ работахъ не говорится ни слова. Поэтому можно думать, что «Moretum» дошло до насъ не въ цѣлости, а въ отрывкѣ, или что за этою идилліею слѣдовали другія, въ которыхъ описывались остальныя занятія римскаго земледѣльца. Нэке (стр. 238) справедливо замѣчаетъ, что «Moretum» и «Copa» въ такой же мѣрѣ не похожи на «Комара» и «Жаворонка», въ какой и на буколики Виргилія. Очевидно, что не онъ авторъ этихъ произведеній, высокое литературное достоинство которыхъ вполнѣ признаетъ нѣмецкій критикъ.

[33]) Въ іюльской книжкѣ «Отеч. Записокъ», 1852 года, въ статьѣ «Гостинницы въ-древности», въ концѣ которой приложенъ русскій переводъ «Трактирщицы», съ выпускомъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ художественно-пластическихъ выраженій древняго подлинника, въ родѣ: «ты сорвешь поцалуй съ прекрасныхъ устъ красавицы» и проч.

общими о ней замѣчаніями. Достаточно сказать, что Виргилій съ самыхъ первыхъ шаговъ на поприщѣ литературы сдѣлался жаркимъ приверженцемъ возникавшей реформы и до конца жизни остался неизмѣнно-вѣрнымъ этому направленію въ своихъ твореніяхъ. Служеніе этой идеѣ выразилось въ нихъ неменѣе-сильно, хотя (на первый взглядъ) менѣе-ясно, чѣмъ у Горація, потому-что у Виргилія она вездѣ прикрыта одеждою аллегоріи, источникомъ которой былъ, конечно, не политическій разсчетъ, а просто литературный обычай поэта.

«Виргилій (говоритъ древній его біографъ) предъ самою смертью сочинилъ себѣ слѣдующую эпитафію:

«Mantua me genuit, Calabri rapuere, tenet nunc
Parthenope: cecini pascua, rura, duces.»

Если даже считать это двустишіе позднѣйшею вставкою въ біографію Виргилія, написанную Донатомъ, въ чемъ нѣтъ никакой надобности, то, во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что оно очень-вѣрно указываетъ не только на главные моменты въ жизни поэта, но и на его политическія стремленія. «Я пѣлъ (говоритъ Виргилій) пастбища, деревню (сельскую жизнь) и вождей». Этими словами онъ ясно обозначилъ свои буколики, георгики и Энеиду.

Нельзя не признать, что приведенный девизъ литературной дѣятельности Виргилія, равно какъ и самая эта дѣятельность отмѣчены глубокимъ политическимъ смысломъ. Она была вызвана историческою жизнью Рима, въ ту переходную эпоху его существованія, преобладающія стремленія которой Виргилій такъ живо выразилъ въ своихъ поэтическихъ образахъ. Послѣ всѣхъ ужасовъ междоусобицы, въ Римѣ начинала возстановляться тишина, общество жаждало мира и обновленія, религія снова вступила въ свои права, а идея власти, или, сказать вѣрнѣе, единовластія болѣе-и-болѣе крѣпнула и находила общее сочувствіе въ огромной массѣ народа. Все это факты, которыхъ нельзя выкинуть изъ исторіи.

Теперь намъ понятно, почему Виргилій сдѣлался пѣвцомъ мира, поэтомъ мирныхъ сельскихъ занятій и провозвѣстникомъ идеи единовластія, которая воплотилась для него въ лицѣ Октавіана.

Поэтомъ мира Виргилій является въ своихъ буколикахъ и георгикахъ — произведеніяхъ далеко неодинаковаго достоинства. Эклоги Виргилія уже не возбуждаютъ болѣе къ себѣ сочувствія новыхъ читателей, да и вообще пора безусловнаго восторга къ твореніямъ бывшаго «царя поэтовъ» миновала, кажется, безвозвратно-

Въ своихъ эклогахъ Виргилій подражалъ Өеокриту и несмотря на то, между этими писателями огромное различіе. Послѣдній изъ нихъ, хотя и относится къ періоду упадка греческой литературы, тѣмъ неменѣе очень-изящно, живо и поэтически-вѣрно изображалъ жизнь сицилійскихъ пастуховъ и пастушекъ. Идилліи Өеокрита были послѣднимъ отблескомъ первобытной греческой поэзіи и не имѣютъ ничего общаго съ искусственно-ученымъ александрійскимъ стихотворствомъ. Совершенно другимъ характеромъ проникнуты эклоги Виргилія. Безпрестанные намеки на современныя поэту политическія событія римской исторіи могли нравиться римлянамъ [34]), но не могутъ разсчитывать на восторгъ новаго читателя. Постоянно-аллегорическій тонъ виргиліевыхъ эклогъ производитъ на него такое же впечатлѣніе, какое французскіе романы прошедшаго вѣка, въ которыхъ изъ-за спины пастуховъ и пастушекъ выглядываютъ различные, большею частью неизвѣстные намъ маркизы, принцы и принцессы. А между тѣмъ, жизнь римскаго земледѣльца допускала поэтическое возсозданіе, и лучшимъ тому доказательствомъ служитъ «Moretum» — произведеніе, которое уже на этомъ основаніи не можетъ имѣть своимъ авторомъ Виргилія.

Гораздо-выше эклогъ Виргилія его георгики. Онѣ составляютъ лучшее, что произвела древне-классическая литература по отдѣлу такъ-называемой дидактической поэзіи, которая въ наше время была бы совершеннымъ анахронизмомъ. Вся задача и все искусство дидактическаго поэта должны заключаться въ изложеніи избраннаго предмета, который самъ-по-себѣ не можетъ дать занимательности поэтическому произведенію, не можетъ увлечь читателя, требующаго отъ поэзіи возвышеннаго полета мысли, блестящихъ картинъ и поэтически-вѣрнаго возсозданія жизни, а не трактата о земледѣліи или о пользѣ стекла.

Нужно признаться, что Виргилій блистательно одолѣлъ въ своихъ георгикахъ скуку—эту неразлучную спутницу дидактики. Онъ увлекаетъ читателя своимъ прекраснымъ языкомъ, блестящею отдѣлкою стиха—словомъ, изящнымъ изложеніемъ и какимъ-то особеннымъ колоритомъ, подъ которымъ даже избранный имъ сюжетъ, существенно сухой и вовсе не поэтическій, является занимательнымъ. Кромѣ-того, нельзя не удивляться, вмѣстѣ съ Гейне, не-

---

[34]) Bucolica (говоритъ Донатъ, гл. XI § 41) eo succesu edidit (Virgilius), ut in scena quoque per cantores crebra pronuntiatione recitarentur.»

обыкновенному искусству поэта въ частыхъ его отступленiяхъ отъ главной тэмы и особенно въ умѣньи возвращаться къ ней.

Георгики Виргилія, болѣе чѣмъ другія его произведенія, даютъ намъ поводъ еще къ слѣдующему замѣчанію. Въ литературѣ всѣхъ народовъ встрѣчаются замѣчательные, первоклассные писатели, которые не отличаются особенною силою творческой мысли. Они обыкновенно проникаются чужою идеей, но за-то передаютъ ее такъ ясно и въ формахъ до-того изящныхъ, что ихъ копія нерѣдко бываетъ выше самого оригинала. Таково было свойство таланта Виргилія. Титъ Ливій и, отчасти, Цицеронъ (въ своихъ философскихъ сочиненіяхъ) также должны быть отнесены къ этому разряду писателей. Въ георгикахъ Виргилія мы находимъ мало творчества и изобрѣтательности. Не только правила земледѣлія, но самыя картины природы и другія подробности, встрѣчаемыя въ этомъ замѣчательномъ произведеніи, принадлежатъ большею частью не Виргилію, а заимствованы имъ у другихъ поэтовъ и даже прозаиковъ, римскихъ и греческихъ [35]).

Въ-древности существовало мнѣніе, принимаемое также многими изъ новыхъ писателей, о томъ, что георгики писаны Виргиліемъ по порученію Мецената, съ цѣлью возбудить въ жителяхъ Италіи охоту къ сельскимъ занятіямъ. Дѣйствительно, Италія находилась въ это время въ очень-печальномъ положеніи; поля ея были опустошены предшествовавшими гражданскими войнами и раздѣлены между ветеранами, которые были неспособны да и не имѣли охоты заняться ихъ улучшеніемъ. Необходимы были побудительныя мѣры для того, чтобъ развить въ земледѣльческомъ классѣ любовь къ сельскимъ занятіямъ; но едва-ли этого можно было достигнуть при посредствѣ поэзіи, которая, конечно, мало дѣйствовала на римскихъ центуріоновъ. Нельзя отрицать, что, сочиняя свои георгики,

---

[35]) Такъ, напримѣръ, многое Виргилій заимствовалъ у Гезіода и Лукреція; мѣсто, въ которомъ онъ описываетъ язву, взято изъ Ѳукидида. Можно, кромѣ-того, указать въ георгикахъ на многія мѣста, которыя заимствованы у Аристотеля, Никандра, Арата. Прибавимъ къ тому, что многіе изъ такъ-называемыхъ «scriptores rei rusticae» не дошли до насъ... Изъ нихъ, безъ-сомнѣнія, Виргилій многое заимствовалъ, равно какъ и изъ утраченныхъ произведеній александрійскихъ поэтовъ. Въ ученой литературѣ встрѣчаются особыя монографіи, въ которыхъ представленъ сводъ мѣстъ, заимствованныхъ Виргиліемъ изъ другихъ авторовъ. На эту тэму писалъ еще Урсинусъ (Орсини), итальянскій ученый XVI-го вѣка, а изъ новыхъ сочиненій можно указать здѣсь на «Eichhoff: Etudes grecques sur Virgile». Paris, 1825.

Виргилій действительно имѣлъ въ виду указанную цѣль, но была ли она достигута — это другой вопросъ, на который мы ужь отвѣтили.

Главный поэтическій трудъ Виргилія—Энеида—такъ же мало, какъ и его буколики удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ эстетической критики. Пора классическаго эпоса уже не возвратится болѣе, и теперь никто не поставитъ Виргилія рядомъ съ Гомеромъ, вліяніе котораго такъ сильно отразилось (разумѣется, чисто-внѣшнимъ образомъ) на произведеніи римскаго поэта. Между гомерическимъ эпосомъ и Энеидою такое же огромное различіе, какое между ихъ творцами. Энеида—трудъ одного человѣка, а Иліада и Одиссея—созданіе цѣлаго народа, по преимуществу эстетическаго [36]). Характеры героевъ Энеиды не могутъ вызвать къ себѣ нашего сочувствія, потому-что въ нихъ мало жизни и естественности. Самъ «благочестивый» Эней является образцомъ всѣхъ возможныхъ добродѣтелей, но только очень-скучнымъ образцомъ: это не человѣкъ, а полубогъ. Не то у Гомера: его Ахиллесъ, Гекторъ, Улиссъ, Ѳерситъ — все это живые люди, со всѣми ихъ доблестями и недостатками. Главное свойство гомерической поэзіи — простота и естественность — исчезли вмѣстѣ съ нею, и въ-замѣнъ ихъ древній эпосъ усвоилъ себѣ ложно-классическую искусственность, которая встрѣтила такое сочувствіе къ себѣ въ новомъ мірѣ и только въ недавнее время окончательно должна была уступить болѣе правильному взгляду на литературу. Виргилій, кромѣ-того, не могъ не подчиниться вліянію александрійской школы, и потому риторическій элементъ часто преобладаетъ въ его произведеніи надъ поэтическимъ. Творецъ Энеиды является гораздо-болѣе краснорѣчивымъ, чѣмъ вдохновеннымъ поэтомъ, хотя и нельзя отрицать, что многія мѣста въ его эпосѣ проникнуты самымъ возвышеннымъ паѳосомъ. Въ самомъ изложеніи Энеиды авторъ вездѣ выказываетъ огромную ученость, плодъ самыхъ тщательныхъ антикварныхъ изслѣдованій, которыя не могутъ, однако, придать особеннаго значенія произведенію изящной словесности, хотя и нельзя не замѣ-

[36]) Это понималъ, впрочемъ, уже Квинтиліанъ, который такъ часто заставляетъ насъ удивляться меткости своего критическаго такта. Вотъ его слова объ отношеніи Виргилія къ Гомеру (Instit. Orat. X, I): «Гомеру мы уступаемъ первенство (предъ Виргиліемъ) за его божественную и безсмертную природу, но за-то у Виргилія больше труда и прилежанія, потому-что ему больше должно было работать (надъ своимъ произведеніемъ)».

тить, что эта глубокая эрудиція является у Виргилія не въ сухихъ александрійскихъ формахъ, а представляетъ живое поэтическое возсозданіе баснословнаго періода римской исторіи [37]). Но, разумѣется, больше всего повредила Энеидѣ, въ литературномъ отношеніи, самая цѣль, съ которою задумалъ ее Виргилій. Онъ хотѣлъ польстить національной гордости своихъ соотечественниковъ и самолюбію родоначальника римскихъ кесарей, и эту чисто-политическую цѣль, конечно, трудно было вполнѣ помирить съ поэзіей.

Тѣмъ не менѣе заслуги Виргилія, относительно римской поэзіи, огромны. Онъ, вмѣстѣ съ Гораціемъ, является средоточіемъ новой литературной школы, которая считала въ рядахъ своихъ даровитѣйшихъ римскихъ писателей. Вотъ почему старая партія преслѣдовала автора «Энеиды» насмѣшками и бранью не только при жизни поэта, но и послѣ его смерти [38]). Виргилій и Горацій первые въ Римѣ установили то самое равновѣсіе между содержаніемъ и формою поэтической рѣчи, котораго латинская проза достигла еще при Цицеронѣ [39]).

При всѣхъ своихъ заслугахъ римской литературѣ, Виргилій остается, однако, поэтомъ формы, а не мысли; ибо самый политическій смыслъ его произведеній, на который мы указали выше, имѣлъ интересъ временный и мѣстный, а не составляетъ той вѣчной и присущей всѣмъ людямъ истины, служенію которой отдала себя поэзія. Виргилія нельзя поставить рядомъ съ тѣми ея избранниками, творенія которыхъ не старѣютъ, но всегда юны, въ которыхъ каждое новое поколѣніе открываетъ новыя достоинства, новый неисчерпаемый источникъ эстетическаго наслажденія. Безмѣрный, безусловный восторгъ къ Виргилію, какъ поэту, еще неочень-давно господствовавшій въ наукѣ, долженъ уступить наконецъ свое мѣсто болѣе-спокойному и строгому, но въ то же время болѣе-зрѣлому и современному взгляду на литературное значеніе

---

[37]) Извѣстно, что Нибуръ высоко цѣнилъ эту сторону виргиліева эпоса. Вотъ, между-прочимъ, слова знаменитаго историка («Röm. Gesch.» I, стр. 112) о римскомъ поэтѣ: «Конечно, ученость говоритъ немного въ пользу поэта, но для правильной оцѣнки Виргилія необходимо признать его огромную эрудицію въ исторіи и древностяхъ всякаго рода, за что справедливо превозносятъ его схоліасты».

[38]) Подробнѣе говорится объ этомъ въ главѣ: «о литературныхъ партіяхъ въ Римѣ въ вѣкъ Августа».

[39]) См. тамъ же.

творца «Энеиды», и этому взгляду слѣдуютъ теперь лучшіе знатоки римской древности [40]).

Всѣ древнія свидѣтельства о Виргиліи, какъ человѣкѣ, сводятся къ тому, что это была личность необыкновенно-благородная и кроткая. Мы не можемъ не замѣтить здѣсь мимоходомъ, что своимъ характеромъ и даже свойствомъ своего таланта онъ много напоминаетъ нашего Жуковскаго.

Несмотря на быстрое и полное сближеніе Виргилія съ Гораціемъ, въ характерѣ этихъ двухъ поэтовъ, при всей одинаковости ихъ литературныхъ и политическихъ стремленій, замѣтно большое различіе. Въ то время, какъ Горацій и мечомъ и перомъ дѣйствовалъ противъ партіи Цезаря, Виргилій съ первыхъ своихъ шаговъ на литературномъ поприщѣ весь отдался служенію монархическаго начала. Мы охотно вѣримъ искренности его убѣжденія, но все же внѣшнимъ къ нему поводомъ было чувство благодарности къ Октавіану и къ другимъ лицамъ, составлявшимъ его партію, слѣдовательно, чувство болѣе или менѣе эгоистическое. Горацій, напротивъ, какъ мы увидимъ, даже въ періодъ близкаго своего знакомства съ Меценатомъ, не такъ скоро поддался его взглядамъ.

Кромѣ-того, пѣвецъ Энея представляется намъ человѣкомъ идеальнымъ: онъ постоянно жилъ въ области фантазіи и старался держать себя въ дали отъ всѣхъ тревогъ бурнаго своего времени. Муза Виргилія никогда не покидала высотъ Парнасса и не толкалась въ народѣ, подобно рѣзвой и бойкой музѣ Горація. Современная ему жизнь Рима, со всѣми ея увлеченіями и колебаніями, съ ея веселою и мрачною, торжественною и будничною обстановкой прошла, такъ-сказать, чрезъ впечатлительную душу поэта и вызвала изъ нея изящные и живые звуки. Съ лѣтами, конечно, Горацій много измѣнился; по-крайней-мѣрѣ, въ его мысли является въ это время преобладающая идея, которая сдѣлалась задачею всей жизни поэта. Жизнь, или поэзія Горація—потому-что въ настоящемъ случаѣ это одно и то же—представляетъ вначалѣ слѣды минутнаго, юношескаго порыва, и затѣмъ зрѣлаго, глубоко-сознаннаго убѣжденія, которое не оставляло его до конца. Повторимъ, что это убѣжденіе въ необходимости для Рима монархіи, Горацій вполнѣ раздѣлялъ съ Виргиліемъ и съ другими лучшими представителями современной ему римской литературы—и вотъ главный источ-

---

[40]) Напримѣръ, Бернгарди, въ своей превосходной книгѣ: «Grundriss der röm. Litteratur», стр. 411.

никъ того братскаго союза между этими поэтами, который неизмѣнно продолжался до самой смерти Виргилія. «О, какія же были объятія, какая радость!» писалъ Горацій, по случаю встрѣчи своей съ Виргиліемъ, въ Синуессѣ, когда они оба сопутствовали Меценату, въ путешествіи его по Италіи. Это было въ 717 году, на первыхъ порахъ знакомства Виргилія съ Гораціемъ. А вотъ начало оды, которою онъ напутствовалъ Виргилія, при отъѣздѣ его въ Грецію, гдѣ поэтъ хотѣлъ отдохнуть отъ преслѣдованія своихъ завистниковъ и заняться окончательною отдѣлкою Энеиды. Горацій обращается съ слѣдующими словами къ кораблю, на которомъ другъ его готовился отплыть въ Аѳины [41]):

Богиня Кипра [42]) твой да охраняетъ путь,
Елены братія [43]), блестящія свѣтила,
И самъ отецъ вѣтровъ, не позволяя дуть
Всѣмъ прочимъ, одному Япигѣ [44]) давши крыла.
Тебя, которому Виргилій ввѣренъ самъ,
Молю тебя, корабль, снеси черезъ пучину
Его мнѣ бережно къ аттическимъ брегамъ
И сохрани души другую половину...» [45]).

Эта ода написана Гораціемъ въ 735 году, послѣднемъ въ жизни Виргилія. Болѣзнь заставила его поспѣшить изъ Греціи въ Римъ, и поэтъ умеръ, едва ступивъ на родную почву Италіи. Ему былъ въ это время пятьдесятъ-второй годъ отъ-роду.

---

[41]) Первой кн. ода 3.

[42]) То-есть Киприда, или Венера.

[43]) Касторъ и Поллуксъ, которыхъ созвѣздіе было путеводнымъ для древнихъ моряковъ.

[44]) Западный вѣтеръ, попутный ѣдущимъ изъ Италіи въ Грецію.

[45]) Запутанность и неясность конструкціи, которыми отличается переводъ приведеннаго мѣста, сдѣланный г. Фетомъ, составляютъ въ настоящемъ случаѣ недостатокъ самого подлинника, слова котораго вызвали поэтому множество объясненій; но еще больше трудностей представляетъ хронологическій вопросъ о времени, къ которому должно быть отнесено разсматриваемое стихотвореніе. Первыя три книги одъ изданы Гораціемъ въ свѣтъ, какъ извѣстно, въ 730 году. Какимъ же образомъ могла попасть сюда ода, написанная поэтомъ въ 735 году? Для удобнѣйшаго разрѣшенія этого труднаго вопроса, нѣкоторые критики утверждали, что здѣсь идетъ рѣчь вовсе не объ авторѣ Энеиды, а о другомъ какомъ-нибудь Виргиліи. Мнѣніе это, разумѣется, не можетъ быть принято. Другіе, допуская тождество упоминаемаго Гораціемъ Виргилія съ авторомъ Энеиды, доказываютъ, что путешествіе его въ Грецію, о которомъ идетъ рѣчь въ разсматриваемой одѣ, должно быть отнесено не къ 735

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Знакомство Горація съ Меценатомъ. — Римское кліентство. — Характеристика Мецената и критическая повѣрка мнѣній, высказанныхъ о немъ въ древности и въ новой наукѣ. — Меценатство Гораціева патрона и причины, которыми оно было вызвано. — Литературный кружокъ Мецената и его авторство. — Девятая сатира Горація. — Поѣздка его въ Брундузій. — Отношенія Горація къ Меценату. — Чувство независимости Горація и глубокая привязанность его къ своему патрону, какъ главные признаки этихъ отношеній. — Смерть Мецената и его завѣщаніе.

1.

Cur me querelis exanimas tuis?
Nec dis amicum est, nec mihi, te prius
Obire, Maecenas, mearum
Grande decus columenque rerum.

Новат.

Мы оставили Горація въ ту многозначительную минуту его жизни, когда онъ, благодаря новымъ своимъ друзьямъ, Виргилію и Варію, былъ представленъ Меценату, въ качествѣ молодаго писателя, подававшаго о себѣ блестящія надежды. Вотъ какъ разсказываетъ самъ поэтъ о первомъ своемъ знакомствѣ съ римскимъ вельможей [1]): «Меня не могутъ назвать счастливымъ за то, что, стеченіемъ обстоятельствъ, я сдѣлался твоимъ другомъ, Меценатъ: не простой случай свелъ меня съ тобою, а сказали тебѣ когда-то, что я за человѣкъ — сначала добрѣйшій Виргилій, а потомъ Варій. Когда я къ тебѣ явился и проговорилъ, заикаясь, нѣсколько словъ

году, а къ другому, болѣе раннему времени, хотя объ этомъ путешествіи ничего никому неизвѣстно. Такого мнѣнія держится, между-прочимъ, Тромпгеллеръ въ своей недавно-вышедшей въ свѣтъ небольшой брошюрѣ: Ein Beitrag zur Würdigung der horazischen Dichtweise. Coburg, 1855. Вопросъ этотъ попрежнему остается неразгаданнымъ, и такъ-какъ все дѣло основывается, при разрѣшеніи его, на одниxъ только предположеніяхъ, то и мы съ такимъ же правомъ можемъ выставить мнѣніе о томъ, что означенная ода написана Гораціемъ въ періодъ времени между изданіемъ трехъ первыхъ и четвертой книгъ его одъ, и потомъ случайно, по ошибкѣ переписчиковъ, попала въ первую книгу одъ, вмѣсто четвертой.

[1]) Уже въ извѣстной намъ отчасти шестой сатирѣ, I-й кн., стр. 52.

— невыразимая застѣнчивость помѣшала мнѣ объясниться подробнѣе — то не выдалъ себя за сына какого-нибудь знатнаго отца, или за человѣка, который объѣзжаетъ на сатурейскомъ конѣ [2]) свои поля, а разсказалъ тебѣ (правдиво и безъ прикрасъ), кто я такой. Ты отвѣтилъ мнѣ, по-своему обычаю, въ немногихъ словахъ; я ушелъ, а спустя девять мѣсяцевъ ты снова пригласилъ меня и велѣлъ мнѣ быть въ числѣ твоихъ друзей. Я очень дорожу тѣмъ, что понравился тебѣ — а ты хорошо умѣешь отличать дурнаго человѣка отъ благороднаго — не знатностью моего отца, а самою жизнью и чистотою сердца».

Приведенныя слова уже не разъ вызывали вопросъ: отчего между первымъ и вторымъ свиданіемъ Горація съ Меценатомъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ? Былъ ли причиною тому Мальтинъ, подъ именемъ котораго, какъ мы уже замѣтили, квесторскому письмоводителю вздумалось посмѣяться надъ римскимъ вельможей, въ одной изъ начальныхъ своихъ сатиръ? или Меценату, какъ человѣку очень-осторожному, хотѣлось навести сначала справки о личности своего новаго кліента? Разумѣется, что на всѣ подобные вопросы, за отсутствіемъ древнихъ свидѣтельствъ, можно отвѣчать въ наше время только гадательно. Можетъ-быть даже, что на первый разъ Горацій не понравился Меценату и произвелъ на него несовсѣмъ-пріятное впечатлѣніе своею излишнею застѣнчивостью. Вѣроятнѣе, впрочемъ, другой отвѣтъ, который даетъ намъ сама исторія: 716-й годъ, когда поэтъ познакомился съ Меценатомъ, былъ однимъ изъ самыхъ неблагопріятныхъ для Октавіана. Секстъ Помпей владѣлъ въ это время Сициліей, которую еще Цицеронъ справедливо называлъ житницею Италіи; подвозъ съѣстныхъ припасовъ къ Риму былъ прерванъ и столицѣ Италіи грозилъ голодъ. Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ Меценату было, безъ сомнѣнія, не до литературы, тѣмъ болѣе, что дѣятельный Агриппа не создалъ еще въ это время флота, оказавшаго впослѣдствіи Октавіану такія услуги.

Какъ бы то ни было, но только положительно извѣстно, что послѣ этого вторичнаго свиданія началась дружба между Мецена-

---

[2]) То-есть, я не разсказалъ Меценату, что у меня, гдѣ-нибудь около Сатуреи, богатыя и обширныя помѣстья. Сервій, въ одномъ изъ примѣчаній своихъ къ георгикамъ Виргилія, говоритъ о городкѣ *Satureium*, лежавшемъ въ окрестностяхъ Тарента. Эти окрестности считались самою живописною мѣстностью въ древней Италіи, и потому наполнены были роскошными помѣстьями и виллами римскихъ богачей.

*

томъ и Горацiемъ и не прекращалась ни на минуту до конца ихъ жизни. Въ Римѣ подобная дружба между вельможею и человѣкомъ въ томъ положенiи, въ которомъ находился Горацiй, называлась клiентствомъ.

Горацiю уже не разъ вмѣняли въ преступленiе его клiентство въ домѣ Мецената. Съ точки зрѣнiя нашего времени такое обвиненiе справедливо: несправедливо только современное воззрѣнiе прилагать къ классической древности и дѣлать его точкою отправленiя при обсужденiи характера отдѣльныхъ личностей, принадлежащихъ этой эпохѣ, требуя отъ нихъ, чтобъ они смотрѣли на вещи и мыслили такъ, какъ мыслитъ и смотритъ на вещи человѣкъ нашего вѣка. Такое явленiе, какъ римское клiентство, не возбудитъ къ себѣ нашего сочувствiя; но, произнося судъ надъ вѣкомъ, мы не можемъ разумно порицать отдѣльныхъ людей за то, что они жили подъ его влiянiемъ. Это значило бы требовать отъ всякаго человѣка, чтобъ онъ возвышался надъ своимъ вѣкомъ; но этого можно только желать (и то тому, кому нравятся несбыточныя желанiя), а не требовать.

Слово клiентъ [3]), конечно, непрiятно звучитъ въ наше время: мы уже перешли ту степень общественнаго развитiя, которая выражается этимъ словомъ, и подобное отношенiе, по-справедливости, кажется теперь унизительнымъ для человѣка, надѣленнаго хотя малою долею самоуваженiя. Не такъ было въ древнемъ Римѣ. Обычай клiентства коренился тамъ въ нравахъ народа и имѣлъ столь твердую историческую основу, что освободить себя отъ этого отношенiя, въ-особенности для молодаго человѣка, было невозможно. Почти все римское народонаселенiе состояло изъ клiентовъ, которые съ ранняго утра обходили своихъ патроновъ, дежурили у нихъ въ прiемныхъ залахъ, сопровождали ихъ на форумъ, и за всѣ свои труды получали такъ-называвшуюся *спортулу* [4]).

Начало клiентства относится ко времени до-историческому. Это

---

[3]) Слово *cliens* происходитъ отъ древней латинской формы *cluere* (κλύειν, то же, что ἀκούειν) и въ этимологическомъ своемъ составѣ совершенно соотвѣтствуетъ нашему слову *послушникъ*.

[4]) Сначала римскiе клiенты обѣдали обыкновенно за столомъ своихъ патроновъ, но съ развитiемъ клiентства этотъ обычай, разумѣется, долженъ былъ изчезнуть и, вмѣсто обѣда, клiенты начали получать *спортулу*. Слово sportula (то же, что sportella, уменьшительное отъ sporta) означаетъ собственно корзиночку, въ которой патроны ежедневно отпускали каждому изъ своихъ клiентовъ различныя, безъ-сомнѣнiя, холодныя кушанья, а иногда эти кушанья замѣнялись небольшою суммою денегъ.

отношеніе образовалось не въ Римѣ, а было древнѣйшимъ учрежденіемъ многихъ италъянскихъ племенъ и, между прочимъ, тѣхъ, которыя вошли въ составъ народа римскаго, при самомъ началѣ его исторіи (то-есть сабинянъ и этрусковъ). Между всѣми мнѣніями о происхожденіи кліентовъ самое вѣроятное то, что они образовались изъ покоренныхъ народовъ древнѣйшей Италіи. Предки кліентовъ принадлежали къ первобытнымъ обитателямъ этой страны. Покоренные побѣдоносными племенами, они продолжали подлѣ нихъ свое существованіе подъ особаго рода покровительствомъ, исходившемъ изъ той охраны, которую даетъ человѣку сама религія. Религіозная основа кліентства облагородила это учрежденіе и не допустила его развиться въ рабство [5]). Вотъ почему римскіе кліенты существенно отличаются отъ ѳессалійскихъ пенестовъ, аттическихъ тетовъ, критскихъ кларотовъ, спартанскихъ илотовъ и другихъ подобныхъ рабствовавшихъ сословій древняго міра, которыя также образовались изъ народовъ покоренныхъ, жившихъ рядомъ съ побѣдителями въ-отношеніи строгой подчиненности. Кліентство было въ Римѣ отношеніемъ наслѣдственнымъ. Кліентъ носилъ родовое имя своего патрона и вмѣстѣ съ своимъ потомствомъ принадлежалъ его семейству и роду. Кліенты при самомъ началѣ утратили свою поземельную собственность и сдѣлались наслѣдственными арендаторами патриціевъ, то-есть патриціи, во владѣніи которыхъ находился *ager publicus*, предоставляли имъ свои поля не въ собственность, а для воздѣлыванія на извѣстныхъ условіяхъ. Кромѣ этого воздѣлыванія земли своихъ патроновъ, кліенты преимущественно занимались въ Римѣ ремеслами и торговлею. Ряды ихъ постоянно пополнялись отпущенниками и обѣднѣвшими плебеями.

Съ теченіемъ времени кліентство охватило собою всѣ классы римскаго народа и мало-по-малу окончательно утратило свой религіозный характеръ. Каждый молодой человѣкъ, желавшій упрочить себѣ положеніе въ римскомъ обществѣ и подвинуться впередъ на военномъ или гражданскомъ поприщѣ, избиралъ для себя руководителемъ и наставникомъ одного изъ знаменитыхъ государственныхъ людей, съ которымъ потомъ уже не разлучался во всю свою

---

[5]) Вначалѣ кліентство считалось въ Римѣ выше даже родственныхъ отношеній. Обидѣть своего кліента считалось для патрона большимъ преступленіемъ, или, вѣрнѣе, грѣхомъ. Потому и Виргилій (Aen. VI, 608), при описаніи тартара, говоритъ, что въ самомъ ужасномъ его мѣстѣ, между прочими грѣшниками, мучатся также души вѣроломныхъ патроновъ.

жизнь. Молодой человѣкъ сопровождалъ своего патрона на форумъ, въ курію, въ деревню, въ провинцію, въ походъ, и постоянно былъ его секретаремъ, довѣреннымъ лицомъ, помощникомъ и собесѣдникомъ.

Въ такомъ отношеніи къ своимъ современникамъ были и римскіе литераторы, особенно тѣ изъ нихъ, которыхъ судьба надѣлила умственными благами щедрѣе, чѣмъ вещественными; напримѣръ, Энній и Луцилій — къ фамиліи Сципіоновъ, Лукрецій — Меммієвъ, Виргилій — къ Азинію Полліону, Тибуллъ — къ Валерію Мессалѣ Корвину, Проперцій — къ Волкацію Туллу и т. д. Конечно, во взаимныхъ отношеніяхъ означенныхъ благородныхъ представителей римскаго общества является намъ свѣтлая сторона патроната и кліентства. Отъ этихъ писателей, разумѣется, далеко до голодной и жалкой толпы кліентовъ, которые съ ранняго утра осаждали переднія римскихъ богачей и такъ живо обрисованы Ювеналомъ въ первой его сатирѣ [6]).

Теперь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть, какой смыслъ имѣло слово кліентство въ отношеніяхъ Горація къ Меценату. Намъ хочется знать степень искренности этихъ отношеній. Что могло привязать нашего поэта къ этому человѣку? Для того, чтобъ дать, по возможности, удовлетворительный отвѣтъ на предложенный вопросъ, мы должны обратить вниманіе на личность знаменитаго гораціева патрона.

2.

> Omnia cum posses tanto tam carus amico,
> Te sensit nemo velle nocere tamen.
> PEDO ALBINOVAN.

> Онъ жилъ для всенародной льготы
> И покровительства наукъ.
> Слова Державина о Шуваловѣ.

Меценатъ — въ этомъ, конечно, всѣ согласны — принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ людей занимающаго насъ періода римской исторіи. Особенное историческое значеніе придаетъ ему то обстоятельство, что онъ игралъ главную роль при переходѣ Римской Республики въ монархію. Послѣ битвы при Акціумѣ, когда Октавіанъ съ большимъ тріумфомъ возвратился въ Италію, Меценатъ, по словамъ Діона Кассія (LII кн.), убѣдилъ его въ необходи-

6) См. Ювеналъ. Двѣ публичныя лекціи Н. М. Благовѣщенскаго. С.-Петерб. 1860, стр. 39.

мости для Рима политической реформы, между тѣмъ, какъ Агриппа настаивалъ на томъ, чтобъ сохранить неприкосновенными его вѣковыя республиканскія учрежденія.

Замѣчательная личность Мецената давно уже вызвала въ новой литературѣ цѣлый рядъ біографій и спеціальныхъ изслѣдованій, имѣвшихъ цѣлью уяснить его характеръ; но, несмотря на то, политическое и нравственное значеніе этого человѣка до-сихъ-поръ остается загадкою или, по-крайней-мѣрѣ, вопросомъ, далеко еще нерѣшеннымъ окончательно.

Между біографіями Мецената первое мѣсто, не только по времени, но отчасти и по достоинству, принадлежитъ сочиненію Мейбома [7]), проникнутаго безграничнымъ уваженіемъ и удивленіемъ къ своему герою. Такое высокое мнѣніе о личности Мецената и безусловный восторгъ къ его доблестямъ господствовали въ наукѣ почти до нашего времени. Находясь подъ вліяніемъ книги Мейбома, всѣ послѣдующіе біографы Мецената единодушно провозгласили его совершеннѣйшимъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкомъ, образцомъ политической мудрости, покровителемъ науки и искусствъ, и щедрымъ патрономъ даровитыхъ писателей — «Musarum euergetes optimus maximus». Имя Мецената со времени Мейбома сдѣлалось въ Европѣ нарицательнымъ для всѣхъ магнатовъ, которые упрочили себѣ память въ исторіи благороднымъ и дѣятельнымъ своимъ сочувствіемъ успѣхамъ литературы и образованности.

Виландъ первый значительно поколебалъ этотъ безусловный восторгъ къ личности августова друга. Въ небольшой, но очень изящно и живо написанной статьѣ, подъ заглавіемъ: «О характерѣ Мецената», нѣмецкій писатель доказываетъ, что знаменитому патрону Горація не доставало многихъ условій и качествъ, образующихъ *великаго человѣка* [8]). Виландъ приводитъ въ своей статьѣ различныя древнія свидѣтельства о характерѣ Мецената, гдѣ онъ далеко не является человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненнымъ. Сводя Мецената съ того пьедестала, на который возвелъ его Мейбомъ, открывая въ характерѣ роскошнаго римскаго вель-

---

[7]) Meibomii liber singularis de C. Cilnii Mæcenatis vita, moribus et rebus gestis. Lugd. Bat. 1653. Это сочиненіе составляетъ въ наше время библіографическую рѣдкость. Экземпляръ его находится въ Императорской Публичной Библ.

[8]) Трактатъ Виланда «Ueber den Charakter des Mæcenas», составляетъ введеніе его къ первому посланію Горація I-й книги. См. Введеніе, примѣч. 3.

можи много недостатковъ, Виландъ тѣмъ не менѣе признаетъ его отличнымъ политикомъ и главнымъ виновникомъ римской политической реформы, требовавшей не мало ума и энергіи. Меценатъ (говоритъ Виландъ) доставилъ боязливому, слабому и нерѣшительному Августу спокойное обладаніе властью.

Послѣ статьи Виланда, двѣ монографіи о Меценатѣ въ-особенности должны обратить на себя вниманіе ученаго: это сочиненія Альберта Ліона и Франдзена.

Ліонъ [9]) съ большимъ стараніемъ собралъ въ своемъ трудѣ всѣ древнія свидѣтельства о Меценатѣ, но эти цитаты заняли значительную часть его книжки (заключающей въ себѣ не болѣе пятидесяти страницъ) и оставили автору мало мѣста для развитія собственнаго своего взгляда на личность гораціева друга. Впрочемъ, при сужденіи о Меценатѣ, онъ руководится мнѣніемъ Виланда. Ліонъ охотно признаетъ въ Меценатѣ покровителя Виргилія, Горація, Проперція, Варія и нѣкоторыхъ другихъ замѣчательныхъ писателей августова вѣка, потому-что, при неопровержимыхъ свидѣтельствахъ древности, не признавать этого невозможно, но въ то же время это покровительство означеннымъ писателямъ авторъ объясняетъ не безкорыстною любовью Мецената къ искусству, а чисто-эгоистическими его побужденіями. «Кромѣ того, какъ человѣкъ тщеславный (говоритъ авторъ), Меценатъ былъ увѣренъ, и не безъ основанія, что эти писатели сохранятъ имя его отъ забвенія. Наконецъ (прибавляетъ Ліонъ), этотъ человѣкъ вообще любилъ общество пріятное и веселое, и потому покровительствовалъ не только литературнымъ знаменитостямъ, но также различнымъ скоморохамъ и параситамъ».

Еще дальше, въ уменьшеніи доброй славы Мецената, идетъ Франдзенъ [10]). Нравственный портретъ августова друга, нарисо-

---

[9]) Mæcenatiana sive de C. Cilnii Mæcenatis vita et moribus. Scripsit atque operum fragmenta quæ supersunt collegit Albert. Lion. Gotting. 1824. Здѣсь особенно замѣчательна IV-я глава «de Mæcenatis scriptis, additis eorum fragmentis», занимающая почти половину этого сочиненія. Авторъ очень тщательно, и полнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, собралъ въ этой главѣ всѣ болѣе или менѣе значительные отрывки изъ сочиненій Мецената, разсѣянные у Харизія, Доната, Плинія, Присціана, Квинтиліана, Сенеки, Сервія, Светонія и у другихъ древнихъ писателей, въ особенности у грамматиковъ.

[10]) C. Cilnius Mæcenas. Eine historische Untersuchung über dessen Leben und Wirken. Von D. P. S. Frandsen. Altona, 1843.

ванный Виландомъ и Ліономъ, все еще кажется Франдзену слишкомъ идеальнымъ и прикрашеннымъ. Въ этотъ портретъ, говоритъ онъ, не внесены многія значительно-искажающія его черты, подмѣченныя древними писателями. Правда, продолжаетъ авторъ, что три лучшіе поэта августова вѣка (Виргилій, Горацій и Проперцій) являются намъ восторженными панегиристами Мецената, но не должно забывать, что они были осыпаны его милостями. Замѣчательно, однако, что два знаменитые писателя этого времени, Тибуллъ и Овидій, вовсе о немъ не упоминаютъ. Молчаніе о Меценатѣ этихъ современныхъ ему поэтовъ вскорѣ затѣмъ смѣнилось даже неблагопріятными отзывами о личности августова любимца, принадлежащими писателямъ непосредственно-слѣдовавшаго за нимъ поколѣнія.

Всѣ эти противоположныя сужденія о Меценатѣ основаны, какъ водится, на свидѣтельствахъ самой древности, которыя въ настоящемъ случаѣ вообще недостаточны, отрывочны и разнорѣчивы. Изъ этого видно, какъ необходима строгая критика этихъ свидѣтельствъ. На основаніи ихъ можно выставить Мецената въ какомъ угодно свѣтѣ. Подобное злоупотребленіе цитатами — дѣло очень обыкновенное между учеными; и до-сихъ-поръ еще рѣдкій изъ нихъ старается доискаться внутренняго побужденія, которое руководило отзывомъ древняго писателя о той или другой исторической личности. Древняя цитата до-сихъ-поръ еще составляетъ для многихъ нѣчто непогрѣшимое и недопускающее никакого сомнѣнія.

Ни одинъ древній авторъ не оставилъ намъ полнаго и сколько нибудь связнаго изображенія личности гораціева патрона. Политическая дѣятельность Мецената и тѣ несомнѣнныя услуги, которыя онъ оказалъ Риму своимъ огромнымъ вліяніемъ на Августа, остаются въ тѣни у древнихъ писателей: они вообще мимоходомъ говорятъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. За-то о частной жизни его нѣтъ недостатка въ отрывочныхъ древнихъ свидѣтельствахъ.

Въ-особенности всею силою своего краснорѣчія вооружается противъ Мецената Сенека, писатель, менѣе всякаго другаго имѣвшій право произносить строгій судъ надъ этимъ человѣкомъ. Сенека (справедливо замѣчаетъ Веберъ) также былъ руководителемъ одного изъ римскихъ кесарей, который былъ отданъ его надзору въ дѣтствѣ, между-тѣмъ, какъ Октавіанъ находился въ зрѣломъ возрастѣ въ то время, когда началось на него вліяніе Мецената.

Результаты этого воспитанія извѣстны. Какъ бы мы неблагопріятно ни смотрѣли на Октавіана, никто, разумѣется, не поставитъ его на одну доску съ Нерономъ. Обращаясь отъ этихъ царственныхъ питомцевъ къ ихъ воспитателямъ, мы и здѣсь открываемъ огромную разницу, которая, нужно признаться, не въ пользу Сенеки. Нельзя сказать, чтобъ обвинительная рѣчь Публія Суилія противъ Сенеки, сохраненная Тацитомъ въ его лѣтописи [11]), вся состояла изъ недоказанныхъ фразъ и простой клеветы на римскаго стоика. Причины его ссылки, въ царствованіе Клавдія, на островъ Корсику, по приговору Сената, достаточно показываютъ, что въ жизни онъ не всегда былъ такимъ же возвышеннымъ моралистомъ, какимъ является намъ въ своихъ сочиненіяхъ [12]). Вслѣдъ затѣмъ Сенека снова возвысился, благодаря покровительству Агриппины, которая ввѣрила ему воспитаніе своего сына; изъ него впослѣдствіи вышелъ Неронъ. Не вдаваясь въ подробное исчисленіе слабыхъ сторонъ въ характерѣ Сенеки, мы только повторимъ вопросъ Суилія: «какимъ любомудріемъ, какими философскими принципами этотъ стоикъ впродолженіе четырехлѣтней своей дружбы съ кесаремъ добылъ себѣ триста мильйоновъ сестерцій?» Безусловное уваженіе къ Сенекѣ, какъ идеалу добродѣтели, распространилъ въ-особенности Липсій, который рѣшительно отвергаетъ вѣроятность всѣхъ обвиненій противъ этого философа. Высокое мнѣніе о немъ Липсія до-сихъ-поръ еще находитъ отголосокъ въ ученой литературѣ. Искусственный паѳосъ и неистощимая декламація Сенеки нашли особенно много сочувствія у французовъ [13]). Его, по справедливости, можно считать родоначальникомъ той *фразы*, которою такъ богата литература этого народа.

Напрасно, впрочемъ, считаютъ Сенеку ожесточеннымъ врагомъ Мецената. Въ-отношеніи къ нему, этотъ Сократъ неронова двора

---

[11]) Tacit. Annal. XIII, 42.

[12]) Впрочемъ, и въ сочиненіяхъ Сенеки можно указать на такія мѣста, которыя находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ обычнымъ тономъ его рѣчи. Укажемъ въ-особенности на трактатъ его «de consolatione ad Polybium». Онъ написанъ Сенекою во время ссылки и имѣетъ цѣлью утѣшить Полибія, всесильнаго отпущенника Клавдія, въ потерѣ брата... Лесть, расточаемая здѣсь Сенекою Клавдію, очень-непріятно дѣйствуетъ на читателя.

[13]) Здѣсь можно указать на сочиненіе Дидерота, изданное въ Парижѣ, въ 1779 г., подъ заглавіемъ: Essai sur la vie et les écrits de Seneque.

(какъ назвалъ недавно римскаго стоика одинъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ) нисколько не нарушилъ исторической правды. Всѣ нападки Сенеки на Мецената ограничиваются почти исключительно изображеніемъ его человѣкомъ роскошнымъ и изнѣженнымъ. Таковъ былъ дѣйствительно Меценатъ и такимъ онъ является даже у панегириста своего, Педона Албинована [14]). Мы не станемъ распространяться о томъ, имѣлъ ли право Сенека ставить Меценату въ упрекъ его роскошь; скажемъ только, что сибаритство Мецената было еще у всѣхъ въ Римѣ, во время Сенеки, на свѣжей памяти, и потому давало ему поводъ разить этотъ недостатокъ, съ суровостью стоика, въ лицѣ гораціева патрона, точно такъ же, какъ, съ другой стороны, Регулъ, съ его сказочными совершенствами, служилъ для нашего философа типомъ старинной римской доблести.

Вообще всѣ обвиненія, взводимыя на Мецената древними писателями, ограничиваются тѣмъ, что это былъ сибаритъ, который покровительствовалъ шутамъ, параситамъ и пантомимамъ. Къ этому прибавляютъ еще, что онъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, любилъ смарагды, бериллы, перлы и вообще драгоцѣнные каменья, расхаживалъ по городу въ распоясанной туникѣ, прикрывалъ голову капюшономъ и, въ довершеніе всего, писалъ очень-плохіе стихи. Все это, конечно, неважныя обвиненія, и мы удивляемся, какимъ образомъ нѣкоторые изъ новыхъ ученыхъ могли придать имъ какое-то особенное значеніе. Между нашими знаменитыми соотечественниками былъ также одинъ, который много напоминаетъ Мецената своимъ сибаритствомъ, внезапными переходами отъ полной апатіи къ напряженной дѣятельности и даже своею страстью къ драгоцѣннымъ каменьямъ. Мы говоримъ о Потемкинѣ. Не-уже-ли, однако, воспоминаніе объ этихъ странностяхъ знаменитаго человѣка можетъ въ комъ-нибудь нарушить уваженіе къ его личности и къ тѣмъ услугамъ, которыя онъ оказалъ своему отечеству? Словомъ, указанные недостатки Мецената не таковы, чтобы могли пятнать честь человѣка, и притомъ они достаточно выкупаются многими привлекательными чертами его характера.

Главное обвиненіе противъ Мецената состоитъ въ томъ, что онъ смотрѣлъ сквозь пальцы на связь своей жены, Теренціи, съ Августомъ. Въ какой мѣрѣ, однако, справедливо это обвиненіе? Извѣстно, что Меценатъ не нашелъ счастья въ своемъ семействѣ.

---

[14]) Ему обыкновенно приписываютъ элегію «in Mæcenatis obitum». Авторъ ея, плохой поэтъ, несомнѣнно, однако, принадлежитъ классической древности.

Онъ, конечно, сдѣлалъ большую ошибку, вздумавъ жениться, несмотря на свои немощи и преклонныя лѣта, на молодой и прекрасной женщинѣ. Меценатъ, какъ видно изъ словъ Сенеки [15]), страстно былъ влюбленъ въ свою красавицу-жену, но не пользовался ея взаимностью. Этому обстоятельству даже, можетъ-быть, должно отчасти приписать его наклонность къ удовольствіямъ и развлеченіямъ. Связь Теренціи съ Августомъ, который былъ почти ежедневнымъ гостемъ въ домѣ Мецената [16]), сильно его тревожила. Кесарь до-того находился подъ вліяніемъ своей страсти къ этой женщинѣ, что рѣшился даже уѣхать съ нею въ Галлію, съ цѣлью прикрыть связь, которая возбуждала много толковъ въ городѣ. Меценатъ смотрѣлъ на все это неравнодушно. Извѣстно, что, въ послѣдніе годы жизни Мецената, Теренція была причиною холодности между нимъ и его счастливымъ соперникомъ [17]).

Горацій, принимавшій такое живое участіе во всемъ, что̀ касалось Мецената, ни словомъ не упоминаетъ о его семейныхъ отношеніяхъ. Поэтъ, конечно, не желалъ коснуться этого щекотливаго вопроса и боялся въ то же время оскорбить Августа. Только одинъ разъ, въ обращеніи своемъ къ Меценату [18]), поэтъ говоритъ своему другу «ureris ipse miser», то-есть «ты самъ, несчастный, сгораешь отъ любви», причемъ схоліастъ замѣчаетъ, что здѣсь рѣчь идетъ о Теренціи. Ее же, какъ нѣкоторые полагаютъ, разумѣетъ Горацій, подъ именемъ Лицимніи, въ слѣдующихъ словахъ двѣнадцатой оды (II-й книги), написанной къ Меценату:

Мнѣ муза пѣть велитъ владычицы прекрасной
Младой Лицимніи красу, и славлю вновь
Я блескъ ея очей и груди сладострастной
 Взаимную любовь.

Какъ въ хороводѣ ей движенье ногъ пристало!
И мановенье рукъ въ борьбѣ игры живой,
Когда, въ кругу младыхъ подругъ, она встрѣчала
 Діаны день святой!

Уже ли бъ ты на кладъ Ахименеса бренный,
Иль тукъ фригійскихъ нивъ, на все, чѣмъ обладать
Дано Аравіи, могъ волосъ драгоцѣнный
 Лицимніи смѣнять?

---

[15]) Sen. de provid. c. 3: morosæ uxoris quotidiana repudia deflet.

[16]) Suet. Octav. гл. 72.

[17]) D. C. 55, 7.

[18]) Въ концѣ 14-й эподы.

Когда она лицо закидываетъ, жгучимъ
Лобзаньямъ отвѣчать, иль хитро ихъ бѣжитъ,
Сама въ огнѣ — и вдругъ лобзаніемъ летучимъ
Тебя предупредитъ [19]).

Но оставимъ въ сторонѣ недостатки [20]) Мецената: мы нисколько не намѣрены защищать ихъ, и взглянемъ на тѣ черты въ его характерѣ, которыми онъ могъ привлечь къ себѣ Горація и новыхъ своихъ почитателей.

Потомокъ древнихъ этрусскихъ лукумоновъ (царей), принадлежа, слѣдовательно, къ одной изъ самыхъ аристократическихъ фамилій Рима, Меценатъ, однако, никогда не давалъ чувствовать окружавшимъ его своихъ общественныхъ преимуществъ. Гордость и тщеславіе вообще не были въ его характерѣ. Онъ избѣгалъ прямаго, или, сказать вѣрнѣе, видимаго участія въ управленіи государствомъ, хотя постоянно былъ правою рукою Августа. Меценатъ никогда не занималъ въ Римѣ какой-нибудь почетной должности и всю жизнь свою оставался частнымъ человѣкомъ. Будучи врагомъ всякихъ внѣшнихъ отличій, онъ никогда не носилъ сенаторской туники съ широкою золотою нашивкою (tunica laticlavia) для того, чтобъ ничѣмъ не отличаться отъ простаго всадника [21]).

---

[19]) Мнѣнія о тождествѣ Лицимніи съ Теренціей держится, между прочимъ, и Вейхертъ, одинъ изъ остроумнѣйшихъ критиковъ нашего времени и лучшихъ знатоковъ римской литературной исторіи времени Августа. Несмотря на это, послѣ всего сказаннаго объ отношеніяхъ Мецената къ его женѣ, трудно допустить, что здѣсь рѣчь идетъ о Теренціи, тѣмъ болѣе, что въ подлинникѣ говорится не о «сладострастной груди», какъ въ русскомъ переводѣ, а о «вѣрной груди» (fidum pectus). Здѣсь, какъ вообще въ переводѣ гораціевыхъ одъ, сдѣланномъ г. Фетомъ, довольно и другихъ отступленій отъ подлинника, но за-то если не слова, то духъ его, особенно въ послѣдней строфѣ, переданъ очень-удачно и художественно. Замѣтимъ еще, что единственное средство согласить портретъ Лицимніи, нарисованный Гораціемъ, съ историческими свидѣтельствами о характерѣ Теренціи — это принять, что разбираемая ода написана въ 726 году, когда она была невѣстою Мецената.

[20]) Нѣкоторые ученые не безъ основанія защищаютъ Мецената и отъ этихъ мелочныхъ, разумѣется, обвиненій, взводимыхъ на него Сенекою. Накрываніе головы капюшономъ и длинная туника Мецената достаточно объясняются его болѣзненностью.

[21]) Сословіе всадниковъ (ordo equester), составляло какъ-бы римское дворянство и, по своему общественному положенію, слѣдовало прямо за сословіемъ сенаторовъ (ordo senatorius). Въ періодъ имперіи широкая золотая нашивка на туникѣ составляла отличіе (insigne) сенаторовъ,

Меценатъ сблизился съ Августомъ при самыхъ первыхъ шагахъ его на трудномъ государственномъ поприщѣ и сдѣлался для тріумвира, а потомъ кесаря вполнѣ-необходимымъ человѣкомъ. Несмотря, однако, на то, что безъ вѣдома Мецената ничто не дѣлалось въ Римѣ, на памяти его не тяготитъ ни одно преступленіе, ни одна несправедливость. Напротивъ, Меценатъ, на сколько могъ, удерживалъ Августа отъ безплодной жестокости и постоянно внушалъ ему просвѣщенный и человѣчный взглядъ на вещи. Однажды (разсказываетъ Діонъ Кассій) Октавіанъ, еще въ бытность свою тріумвиромъ, сидѣлъ въ судѣ и подписывалъ, одинъ за другимъ, смертные приговоры. Мецената извѣстили объ этомъ, и онъ тотчасъ же поспѣшилъ въ судъ, но не могъ пробраться къ своему другу сквозь густую толпу народа, который окружалъ трибуналъ. Тогда, сгарая отъ нетерпѣнія положить немедленно предѣлъ этому кровожадному порыву, Меценатъ взялъ восчаную дощечку, написалъ на ней нѣсколько словъ и, изъ рукъ въ руки, передалъ ее тріумвиру. Октавіанъ прочелъ на ней слѣдующія слова: «Встань же, наконецъ, палачь!» [22]) Эти три слова остались въ исторіи. Во всякомъ случаѣ, человѣкъ, который, имѣя полную возможность безнаказанно дѣлать зло, никому не повредилъ, а, напротивъ, многихъ облагодѣтельствовалъ, заслуживаетъ нѣкоторой доли уваженія.

Вотъ почему Меценатъ умѣлъ возбудить къ себѣ любовь не только Августа, но и народа римскаго. Не даромъ этотъ народъ привѣтствовалъ рукоплесканіями знаменитаго всадника, когда онъ появлялся въ театрѣ [23]).

При всѣхъ недостаткахъ Мецената, говоритъ Веберъ, нельзя въ нѣкоторыхъ сторонахъ его характера не признать возвышенности и рѣдкаго, особенно для того времени, благородства. Эта возвышенность (продолжаетъ нѣмецкій ученый) состоитъ, положимъ, не въ томъ, что онъ цѣлую жизнь остался частнымъ человѣкомъ, хотя легко могъ достигнуть почестей: все это еще можно объяснить осторожностью его и любовью къ спокойствію. Воз-

---

военныхъ трибуновъ и также *illustres equites*, къ числу которыхъ, разумѣется, принадлежалъ Меценатъ. Туники простыхъ всадниковъ имѣли узкую золотую нашивку (tunica angusticlavia).

[22]) Ἀνάστηθι ἤδη ποτὲ, δήμιε! Dio C. LV.

[23]) Объ этомъ говоритъ Горацій въ началѣ двадцатой оды первой книги и въ концѣ семнадцатой оды второй книги. Діонъ Кассій (ibid.) также свидѣтельствуетъ, что Меценатъ не только Августу, но καί τοῖς ἄλλοις πᾶσιν ἤρεσκετο, то-есть, и всѣмъ другимъ нравился.

вышенное значеніе личности Мецената — это твердое, неуклонное, готовое на всѣ жертвы стремленіе къ одной идеѣ, сдѣлавшейся задачею цѣлой жизни этого человѣка, къ идеѣ монархіи, которую онъ хотѣлъ водворить въ Римѣ въ лицѣ Цезаря Октавіана. Эта безграничная приверженность къ другу, часто-неблагодарному и эгоистическому, разрушившему семейное счастье Мецената, но котораго онъ не могъ оставить, потому-что видѣлъ въ Октавіанѣ человѣка, предназначеннаго судьбою осуществить мысль, сдѣлавшуюся для Гораціева патрона второю жизнью, невольно возбуждаетъ удивленіе къ этой необыкновенной личности даже въ томъ, кому она не кажется симпатическою. Тамъ, гдѣ служеніе завѣтной идеѣ вызывало Мецената къ дѣятельности, мы встрѣчаемъ въ немъ человѣка въ высшей степени энергическаго; тутъ онъ не только забывалъ о своемъ сибаритствѣ, но даже о своихъ болѣзняхъ и немощахъ. Извѣстно, что Меценатъ часто страдалъ изнурительною лихорадкою и въ послѣдніе три года своей жизни почти не зналъ, что такое сонъ. Эта двойственность природы Мецената, соединявшей въ себѣ самыя противоположныя крайности, была подмѣчена уже древними писателями [24]). Роскошный и небрежный, сластолюбивый и изнѣженный, онъ быстро переходилъ отъ полной апатіи къ самой напряженной дѣятельности, когда того требовали обстоятельства. Какое значеніе Меценату придавалъ Августъ, не только какъ сотруднику въ дѣлѣ реформы, но и какъ другу своего дома, видно изъ грустныхъ словъ кесаря, когда онъ узналъ о позорѣ своей дочери, Юліи: «Этого не случилось бы, еслибъ живъ былъ Меценатъ» [25]).

Была ли идея, одушевлявшая Мецената, разумна и своевременна? имѣла ли она логическое и историческое основаніе? — вотъ вопросъ, который встрѣчается намъ уже не въ первый разъ. Уясненіе его необходимо, между-прочимъ, для опредѣленія нравственной личности Горація. Поэтому мы постараемся подробнѣе отвѣтить на этотъ вопросъ въ особой главѣ; а теперь предварительно замѣтимъ

---

[24]) Напримѣръ, Веллеемъ Патеркуломъ, который такъ отзывается о Меценатѣ (II, 88): «vir, ubi res vigiliam exigeret, sane exsomnis, providens atque agendi sciens». Видимая праздность Мецената была, по словамъ того же историка (ibid.), притворная: онъ постоянно слѣдилъ за дѣйствіями и образомъ мыслей пылкаго Октавіана. «Speculatus est per summam quietem ac dissimulationem praecipitis consilia juvenis» (то-есть Octaviani).

[25]) Sen. de benef. VI, 32.

только, что смотрѣть на политическую реформу Мецената и Августа, какъ на что-то неожиданное и неподготовленное предшествующею жизнью Рима, смотрѣть какъ на какую-то катастрофу— значитъ вовсе не понимать смысла исторіи. Замѣтимъ еще, что, какъ исполнитель одушевлявшей его идеи, Меценатъ, безспорно, является образцовымъ человѣкомъ. О томъ, что политическая дѣятельность его, была вполнѣ-безкорыстна и не руководилась никакимъ эгоистическимъ чувствомъ, мы не считаемъ нужнымъ распространяться.

3.

Sint Maecenates, non deerunt, Flacce, Marones.
Martial.

Намъ остается теперь обратить вниманіе на ту черту въ характерѣ гораціева патрона, которая доставила ему наиболѣе славы и почета въ потомствѣ. Уже много вѣковъ впереди всѣхъ доблестей Мецената ставятъ его покровительство литературѣ и писателямъ. До-сихъ-поръ мы еще не отвыкли именемъ его называть людей просвѣщенныхъ, которые, располагая большими средствами, выдаются впередъ благороднымъ своимъ и дѣятельнымъ сочувствіемъ наукѣ и искусству. Такъ смотрѣли на Мецената уже въ древности, чему доказательствомъ служатъ, между-прочимъ, только что приведенныя слова Марціала [26]).

На сколько Меценатъ заслужилъ эту славу? рядомъ съ этимъ вопросомъ возникаетъ другой: какія побужденія руководили имъ въ этомъ случаѣ? было ли это сочувствіе къ римскимъ писателямъ вызвано любовью его къ искусству, или какими-нибудь посторонними побужденіями?

Встарину, въ-особенности послѣ Мейбома, подъ вліяніемъ написанной имъ біографіи Мецената, всѣ ученые, касавшіеся этихъ вопросовъ, отвѣчали на нихъ безусловными похвалами римскому вельможѣ. Только чистая, врожденная Меценату, любовь къ изящному и высокому, воспитанная прилежнымъ изученіемъ великихъ созданій греческаго искусства, а не сибаритство, не стремленіе къ эгоистическому наслажденію, не тщеславіе и желаніе какъ бы обязать поэтовъ благодарностью съ тѣмъ, чтобъ они передали имя

[26]) Ювеналъ, въ VII-й сат., ст. 94, вычисляя покровителей римской литературы изъ различныхъ эпохъ ея существованія, первое мѣсто между ними даетъ Меценату.

его потомству, заставили, говорятъ эти ученые, Мецената искать дружбы и общества лучшихъ представителей римской литературы.

Виландъ и Франдзенъ, какъ уже замѣчено, значительно поколебали это высокое мнѣніе о Меценатѣ, какъ покровителѣ науки и искусства. Приведемъ тѣ возраженія, которыми новые критики хотятъ уменьшить заслуги гораціева друга въ разсматриваемомъ отношеніи. Вопервыхъ, говорятъ они, Меценатъ былъ не единственнымъ покровителемъ и патрономъ писателей золотаго вѣка римской литературы. Меценатство началось въ Римѣ задолго до этой эпохи, и въ-особенности усилилось тамъ въ разсматриваемое время, когда каждый вельможа любилъ окружать себя учеными рабами, остроумными кліентами и вообще людьми даровитыми. Каждый вельможа имѣлъ своихъ кліентовъ между поэтами и каждый поэтъ — своего патрона между вельможами. Таковъ былъ обычай [27]). Меценатство корифея римской реформы приняло такіе значительные размѣры, между-прочимъ, потому, что онъ, какъ человѣкъ очень-богатый, располагалъ бо́льшими средствами, чѣмъ другіе римскіе аристократы. Притомъ же онъ любилъ, чтобъ на немъ отражался блескъ окружавшаго его общества людей геніальныхъ. Домъ Мецената, прибавляютъ, былъ открытъ не только для знаменитыхъ римскихъ поэтовъ, но и для всякаго рода паразитовъ. Мецената славятъ за то, что онъ помогъ Виргилію получить обратно отнятое у него поле и подарилъ Горацію его классическую сабинскую виллу. Это еще небольшія благодѣянія, и въ особенности, замѣчаетъ Виландъ [28]), подарокъ, сдѣланный Меценатомъ Горацію, до-того незначителенъ, что еще, можетъ-быть, никогда слава щедраго патрона поэзіи не была куплена богачомъ дешевле, чѣмъ въ настоящемъ случаѣ.

Хотя мы не раздѣляемъ безусловнаго восторга къ Меценату, тѣмъ неменѣе, однако, считаемъ обязанностью сказать нѣсколько словъ въ защиту благородства тѣхъ стремленій, которыя сдружили римскаго вельможу съ литературными знаменитостями августова вѣка. Замѣчательно, что даже Виландъ и Франдзенъ, при всемъ своемъ желаніи заподозрить искренность этихъ дружескихъ отношеній между упомянутыми лицами, кончаютъ свои нападки на

---

[27]) Нѣкоторыя относящіяся сюда подробности можно встрѣтить въ очень-любопытной статьѣ г. Герца «Литераторы и публика въ Римѣ», помѣщенной въ V т. «Пропилей».

[28]) Ueber d. Charakt. des Mæc., стр. 5.

Мецената панегирикомъ этому знаменитому патрону римскихъ писателей. Вотъ, напримѣръ, слова Франдзена[29]): «Если исторія слишкомъ уже и безъ мѣры прославила Мецената, какъ покровителя науки и искусства, то, во всякомъ случаѣ, было бы въ высшей степени несправедливо вовсе отвергать заслуги его въ этомъ отношеніи. Пока не исчезнетъ въ людяхъ любовь къ литературѣ, слава Мецената будетъ сіять въ блескѣ двухъ звѣздъ первой величины, которыя выведены имъ на горизонтъ поэзіи. Творенія Виргилія и Горація увѣковѣчили имя Мецената и доставили ему народность между всѣми націями, способными цѣнить благодѣянія цивилизаціи. Еслибъ за нимъ не было никакихъ другихъ заслугъ, кромѣ той, что онъ взлелѣялъ и воспиталъ музу Горація, то и тогда память о Меценатѣ не исчезла бы въ исторіи и съ уваженіемъ произносилось бы его имя».

Мы нисколько не намѣрены отрицать общепринятаго теперь мнѣнія о томъ, что меценатство гораціева патрона исходило, между-прочимъ, изъ цѣлей политическихъ. Справедливо, что Меценатъ окружалъ себя замѣчательными писателями не только изъ любви къ литературѣ и искусству, но также изъ желанія привлечь на сторону Августа лучшихъ людей своего времени, въ-особенности историковъ и поэтовъ. Меценатъ желалъ и старался, чтобъ эти писатели говорили не только о немъ, но и о подвигахъ Августа и вообще были глашатаями его политической реформы. Меценатъ понималъ значеніе литературы. На ея помощь онъ разсчитывалъ не меньше, чѣмъ на ветерановъ Цезаря, которые окружали колыбель Римской монархіи. Можно ли поставить Меценату въ укоръ этотъ просвѣщенный взглядъ его на литературу? Притомъ не должно забывать, что онъ нисколько не насиловалъ убѣжденія окружавшихъ его писателей и не требовалъ отъ нихъ безусловнаго признанія вѣрности своихъ взглядовъ на политическія нужды римскаго быта. Вѣрность этого замѣчанія уяснится еще болѣе при ближайшемъ разсмотрѣніи отношеній римскаго вельможи къ геніальному его кліенту, которыя достаточно показываютъ, что политика нисколько не мѣшала Меценату искренно любить литературу и достойныхъ ея представителей.

Изъ новыхъ писателей Виландъ едва-ли не больше всѣхъ старался унизить значеніе благороднаго стремленія Мецената вызвать и укрѣпить въ душѣ Августа мысль о необходимости покровитель-

[29]) C. Ciln. Mæc., стр. 173.

ства наукѣ и искусству. Авторъ «характеристики Мецената» силится это благородное его стремленіе приписать исключительно цѣлямъ эгоистическимъ. Странно и даже печально встрѣтить подобный взглядъ у литератора вообще и у Виланда въ-особенности. Знаменитый нѣмецкій писатель, не къ чести своей, забылъ при этомъ, что и самъ онъ былъ обязанъ своимъ положеніемъ въ жизни и при веймарскомъ дворѣ просвѣщенной щедрости, или, если угодно, *политикѣ* правительства, которое и знаменито только тѣмъ, чтó въ благородномъ своемъ покровительствѣ наукѣ и искусству неуклонно шло по слѣдамъ Мецената и Августа. Трудно на разстояніи длиннаго ряда столѣтій проникнуть во всѣ изгибы сердца ихъ, да въ настоящемъ случаѣ едва-ли это и нужно. Наше мнѣніе то, что мы должны благоговѣть передъ каждымъ правительствомъ, которое цѣнитъ людей, отмѣченныхъ талантомъ и знаніемъ, даже и въ такомъ случаѣ, если при этомъ политическій разсчетъ преобладаетъ надъ чисто безкорыстными цѣлями. Дай Богъ, чтобъ такая политика все чаще-и-чаще повторялась въ исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что Меценатъ, а за нимъ и Августъ, заботясь о литературѣ, хотѣли облагородить самую жизнь Рима и, вмѣстѣ съ тѣмъ, придать блескъ своей эпохѣ именами Горація, Виргилія и другихъ знаменитыхъ писателей. Потомство благодарно помнитъ о Медичи, объ Амаліи и Карлѣ-Августѣ, о Великомъ Петрѣ и Великой Екатеринѣ, и никакая клевета, никакое злорѣчіе не отторгнутъ отъ благородной горсти этихъ правителей, память о которыхъ еще долго будетъ жить между людьми, Мецената и Августа.

Около Мецената и Августа, благодаря просвѣщенному ихъ покровительству наукѣ и искусству, образовался кружокъ избранныхъ писателей, корифеями котораго, какъ уже намъ извѣстно, были Горацій, Виргилій и Луцій Варій. Рядомъ съ этими знаменитыми поэтами, очень-видное мѣсто въ литературномъ обществѣ Мецената занималъ Проперцій. Странно, что Горацій такъ мало говоритъ о Проперціи въ своихъ произведеніяхъ, точно такъ же, какъ и Проперцій о Гораціи: оба они какъ-будто не знаютъ другъ друга. Въ то же время Проперцій славитъ Виргилія, какъ поэта [30]), изъ чего Франдзенъ заключаетъ [31]), что римскій элегикъ познакомился съ Меценатомъ при содѣйствіи автора Энеиды. Такая догадка, разумѣется, недостаточна для объясненія холодныхъ отношеній между

[30]) Eleg. II, 34, 59—80.
[31]) См. монографію Франдзена, стр. 220.

Гораціемъ и Проперціемъ. Прибавляютъ еще, что Горацій былъ старше Проперція, по-крайней-мѣрѣ, двѣнадцатью годами; но эта разница въ лѣтахъ еще не такъ велика, чтобъ могла препятствовать ихъ дружбѣ. Притомъ, изъ одъ и посланій Горація мы видимъ, что у него даже въ зрѣлыхъ лѣтахъ не мало было пріятелей между римскою молодёжью. Можетъ-быть, справедливѣе принять, что въ то время, какъ Проперцій сблизился съ Меценатомъ, Горацій бо́льшею частью жилъ въ сабинскомъ своемъ помѣстьѣ, и потому оба поэта имѣли рѣдко случай встрѣчаться другъ съ другомъ. Дѣйствительно, Проперцій познакомился съ Меценатомъ никакъ не раньше 725 года. По-крайней-мѣрѣ, въ первой книгѣ его элегій, изданной въ свѣтъ въ 724 году и посвященной поэтомъ Туллу, вовсе не упоминается о Меценатѣ.

Тамъ, гдѣ Проперцій обращается къ Меценату, господствуетъ въ его произведеніяхъ тонъ подчиненности кліента своему патрону [32]). Здѣсь нѣтъ той вполнѣ-дружеской искренности, какая замѣтна въ подобныхъ стихотвореніяхъ Горація. У Проперція мы встрѣчаемъ даже довольно-непріятную лесть Меценату. Такъ, напримѣръ, онъ старается выставить этого тонкаго дипломата грозою пареянъ и человѣкомъ воинственнымъ, какимъ Меценатъ никогда не былъ. Можетъ-быть даже, что подобные комплименты Проперція были отчасти причиною холодности къ нему нашего поэта.

Съ Тибулломъ Горацій, вѣроятно, познакомился у Мессалы Корвина; ибо нѣтъ свидѣтельствъ, что римскій элегикъ также принадлежалъ къ литературному кружку Мецената. Это, однако, не помѣшало дружбѣ Тибулла съ нашимъ поэтомъ. Изъ произведеній Горація видно, что онъ очень любилъ Тибулла и былъ близкимъ его пріятелемъ [33]). Горацій также былъ знакомъ съ Овидіемъ: по-крайней-мѣрѣ, въ извѣстной элегіи [34]), гдѣ этотъ поэтъ довольно подробно описываетъ свою жизнь, онъ говоритъ, между-прочимъ, что ему случалось слышать, какъ Горацій читалъ свои стихи. Въ старинной біографіи Горація, отъисканной недавно Кирхнеромъ въ берлинской королевской библіотекѣ [35]), говорится даже, что нашъ

[32]) У Проперція находимъ мы два стихотворенія съ обращеніемъ къ Меценату: это первая элегія II-й кн. и девятая элегія III-й кн.

[33]) См. од. I, 33 и Epist. I, 4.

[34]) Trist. IV, El. X, 49.

[35]) Манускриптъ, въ которомъ найдена упомянутая «vita Horatii»

поэтъ помогъ Овидію оставить гражданскую службу, къ которой онъ не чувствовалъ никакой склонности, и обратиться исключительно къ поэзіи, противъ воли отца его, непремѣнно-желавшаго сдѣлать изъ своего сына чиновника. Едва-ли, впрочемъ, это извѣстіе вѣроятно. Еслибъ это было такъ, то Овидій не забылъ бы упомянуть объ услугѣ Горація въ указанной элегіи.

Уже выше замѣчено, что Тибуллъ и Овидій вовсе не упоминаютъ о Меценатѣ въ своихъ произведеніяхъ. Причины, которыми стараются объяснить это молчаніе, неудовлетворительны. Такъ Ліонъ [36]) повторяетъ съ этою цѣлью старое мнѣніе о томъ, будто эти замѣчательные поэты вовсе были неизвѣстны Меценату и не пользовались его милостями. Все это, однако, нисколько не поясняетъ дѣла и попрежнему остается безъ отвѣта вопросъ: почему же они остались неизвѣстными Меценату, который такъ зорко слѣдилъ за движеніемъ современной ему римской литературы? Мы не можемъ заняться подробнымъ рѣшеніемъ этого вопроса и только замѣтимъ, что Овидій съ своими «Amores» казался, можетъ быть, ему слишкомъ-легкимъ поэтомъ (извѣстно, что такимъ онъ казался и Августу), а Тибуллъ имѣлъ уже своего патрона въ лицѣ Мессалы Корвина, и честь быть первымъ въ своемъ кружкѣ предпочиталъ скромной роли второстепеннаго кліента въ литературной свитѣ Мецената [37]).

Еслибъ до насъ вполнѣ дошла богатая литература августова вѣка, то, конечно, списокъ друзей Мецената, занимавшихъ въ ней болѣе или менѣе видное мѣсто, увеличился бы очень-значительно. При утратѣ произведеній этихъ писателей, невозможно также съ точностью опредѣлить характера ихъ отношеній къ римскому вельможѣ. Только случайныя и отрывочныя замѣтки, разсѣянныя въ римской литературѣ, показываютъ, что великолѣпный домъ на Эсквилинскомъ Холмѣ гостепріимно былъ открытъ для всякаго честнаго и нелишеннаго таланта писателя. Неизвѣст-

---

долженъ быть отнесенъ, по мнѣнію Кирхнера, къ исходу XV-го столѣтія. Авторомъ этой біографіи онъ считаетъ какого-нибудь древняго грамматика. Она напечатана въ сочиненіи Кирхнера: Quæstiones Horatianæ.

[36]) Lion: Mæcenatiana, стр. 50.

[37]) Впрочемъ, примѣры такого молчанія нерѣдки въ римской литературѣ. Можно еще объяснить, почему Марціалъ и Стацій не упоминаютъ одинъ о другомъ: это были, вѣроятно, литературные соперники. Но отчего Цицеронъ ни словомъ не упоминаетъ, даже въ своихъ письмахъ, о Катуллѣ, который былъ восторженнымъ почитателемъ римскаго оратора?

но, впрочемъ, были ли литературные друзья Горація, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своихъ произведеніяхъ, въ то же время друзьями или кліентами Мецената. По-крайней-мѣрѣ, это очень-вѣроятно.

Въ десятой сатирѣ (I-й книги) Горацій представляетъ намъ довольно-длинный списокъ друзей своихъ, прибавляя, что онъ особенно дорожитъ ихъ литературнымъ судомъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ, между-прочимъ, Фунданія, котораго Горацій называетъ лучшимъ комикомъ своего времени, поэта Валгія, Октавія, также поэта и историка, Фуска Аристія, одного изъ самыхъ близкихъ пріятелей нашего поэта, и наконецъ братьевъ Висковъ (Visci), о которыхъ онъ всегда отзывается съ большимъ уваженіемъ. Поэта Плоція Тукку, которому, вмѣстѣ съ Варіемъ, умирающій Виргилій завѣщалъ изданіе своей Энеиды, и ученаго греческаго ритора Геліодора Горацій называетъ въ числѣ своихъ спутниковъ въ той сатирѣ, гдѣ такъ живо описано путешествіе его въ Брундузіумъ.

Очень можетъ быть, что всѣ эти писатели были обычными посѣтителями литературныхъ чтеній въ домѣ Мецената, хотя на это и нѣтъ прямыхъ указаній въ древнихъ схоліяхъ. По-крайней мѣрѣ, они имѣли на это не меньше права, чѣмъ Домицій Марзъ, который, какъ объ этомъ не разъ говоритъ Марціалъ [38]), былъ въ милости у римскаго магната [39]).

Меценатъ и самъ былъ литераторъ, но очень-плохой — это единогласный отзывъ всей древности, вѣрность котораго вполнѣ подтверждается уцѣлѣвшими отрывками изъ его произведеній. Самъ Августъ, по словамъ Светонія [40]), постоянно подсмѣивался надъ *кудреватостью* (cincinni) въ слогѣ своего друга, и даже писалъ на него пародіи. Сенека, Квинтиліанъ и авторъ извѣстнаго діалога «О причинахъ порчи римскаго краснорѣчія» сильно и вполнѣ-справедливо порицаютъ въ сочиненіяхъ Мецената крайнюю небрежность въ слогѣ, запутанность конструкціи и страсть къ совершенно-из-

---

[38]) Epigr. VIII, 56 и VII, 29.

[39]) Здѣсь также должно назвать ученаго отпущенника Мецената, Кая Мелисса, о которомъ упоминаетъ Светоній въ числѣ знаменитыхъ грамматиковъ. См. de illustrib. grammat., c. 21. Кромѣ-того, онъ считается изобрѣтателемъ *Comœdia trabeata*, въ которой выводились на сцену всадники и вообще люди высшаго сословія. Эта комедія получила свое названіе отъ *trabea* — парадной одежды римскихъ всадниковъ. Упоминаются также его *libelli ineptiarum*, или *jocorum*. Это, какъ видно, былъ, между-прочимъ, острякъ, какихъ любилъ Меценатъ.

[40]) Въ біографіи Августа, гл. 86.

лишнимъ и неудачнымъ неологизмамъ. Трудно даже объяснить себѣ, какимъ образомъ могъ дойти до такой степени литературной уродливости человѣкъ, который всю жизнь свою провелъ между замѣчательными писателями. Впрочемъ, ученые изслѣдователи отрывковъ изъ утраченныхъ произведеній Мецената (въ-особенности Мейбомъ, Ліонъ и Франдзенъ) согласны въ томъ, что подъ этою искаженною формою нерѣдко скрывается въ нихъ свѣтлая мысль, обличающая въ авторѣ замѣчательно-умнаго человѣка. Сенека, говоря о литературной дѣятельности Мецената, развиваетъ ту же мысль, которую выразилъ Бюффонъ, въ извѣстномъ своемъ изреченіи «le style c'est l'homme» [41]). Небрежность въ слогѣ, по замѣчанію римскаго философа, ничто иное, какъ одно изъ проявленій той же самой *распущенности*, которая вообще составляла характеристическую черту внѣшности Мецената. Сенека прибавляетъ еще, что небрежная и уродливая форма, въ которую Меценатъ облекъ свои произведенія, была не случайная, но преднамѣренная. Незнаемъ, въ какой мѣрѣ справедливо это замѣчаніе. Извѣстно только, что Меценатъ былъ тонкимъ цѣнителемъ чужихъ литературныхъ произведеній и хорошо умѣлъ отличать истинно-даровитыхъ людей отъ простыхъ паразитовъ, въ которыхъ также не было недостатка въ его домѣ. Вотъ почему доступъ въ общество Мецената былъ нелегокъ и многіе безуспѣшно добивались этой чести.

Римъ наполненъ былъ въ эту пору бездарными стихотворцами, которые, какъ это обыкновенно водится, имѣли очень-высокое о себѣ мнѣніе. Отчего, думали они, не попасть и имъ въ милость къ Меценату, если Виргилій и Горацій, люди бѣдные и незнатные, приняты съ отверстыми объятіями роскошнымъ владѣльцемъ богатаго дома на Эсквиліяхъ? Для достиженія своей цѣли, многіе изъ этихъ непризнанныхъ геніевъ старались, между-прочимъ, насильно и безстыдно втереться въ дружбу Горація. Для того, чтобъ отвадить отъ себя такихъ навязчивыхъ друзей, Горацій, по справедливому замѣчанію Гейндорфа, написалъ знаменитую свою девятую сатиру (I-й книги). Здѣсь также поэтъ говоритъ о тонѣ, господствовавшемъ въ литературномъ обществѣ Мецената. Наконецъ, это одна изъ самыхъ изящныхъ и живыхъ сатиръ Горація, надъ которою уже давно истощаетъ свои восторги новая критика. Все это даетъ намъ право и поводъ привести здѣсь это замѣчательное произведеніе въ русскомъ переводѣ, хотя онъ, конечно, далеко не въ состояніи передать неподражаемой игривости подлинника.

[41]) Sen. Epist. 114.

«Шелъ я (пишетъ Горацій) по «Священной Улицѣ» [42]), обдумывая, по своему обычаю, не помню, какіе-то стишки; я весь въ нихъ углубился. Вдругъ подбѣгаетъ ко мнѣ человѣкъ, котораго я знаю только по имени, и схвативъ мою руку, «кáкъ поживаешь, говоритъ, милѣйшій другъ?»—«До-сихъ-поръ хорошо», отвѣчаю я. «Желаю тебѣ всего лучшаго». Такъ-какъ онъ продолжалъ идти за мною, то я предупреждаю его вопросомъ: «Тебѣ чего-нибудь угодно?» а онъ на это: «Мнѣ угодно, чтобъ ты ближе меня узналъ — я человѣкъ ученый». — «Тѣмъ больше я готовъ тебя цѣнить...» Всѣми силами стараясь отъ него уйти, я то прибавлялъ шагу, то останавливался, то говорилъ, самъ не знаю чтò, на ухо своему слугѣ, и въ то время, какъ потъ лилъ съ меня до самыхъ пятокъ, счастливъ ты, Боланъ [43]), думалъ я про-себя, за твой гнѣвливый нравъ, а онъ-то (болтунъ) между-тѣмъ болталъ обо всемъ и хвалилъ то отдѣльные домы, то цѣлый городъ. Видя, что я ему ничего не отвѣчаю, онъ сказалъ: «Тебѣ сильно хочется уйти отъ меня, я уже давно это замѣчаю, но трудъ твой напрасенъ: я не отстану отъ тебя, и все буду за тобою слѣдовать. Куда теперь отсюда твоя дорога?» — «Чтò за нужда тебѣ бродить со мною? я хочу навѣстить одного больнаго, вовсе тебѣ незнакомаго, а живетъ (въ подлинникѣ: лежитъ) онъ далеко отсюда: за Тибромъ, близъ Цезаревыхъ Садовъ» [44]). «Дѣла у меня нѣтъ, и притомъ человѣкъ я нелѣнивый: и туда пойду за тобою». Я опускаю уши, какъ упрямый ослёнокъ, когда на его спину взваливаютъ тяжелую ношу. «Если я только не ошибаюсь въ себѣ» снова начинаетъ болтунъ, «то ты будешь дорожить мною не меньше, чѣмъ твоими пріятелями: Вискомъ и Варіемъ. Кто же, въ-самомъ-дѣлѣ, въ состояніи писать сти-

---

[42]) Священная улица (via sacra) была одною изъ лучшихъ въ Римѣ. Она вела съ форума въ Капитолій.

[43]) Этотъ Боланъ, какъ видно изъ словъ схоліаста, извѣстенъ былъ въ Римѣ своею вспыльчивостью и нецеремоннымъ обращеніемъ съ людьми, которые ему не нравились. Оттого ему нечего было опасаться встрѣчи съ какимъ-нибудь болтуномъ, отъ котораго вѣжливый Горацій никакъ не могъ отдѣлаться.

[44]) Здѣсь идетъ рѣчь о садахъ, которые Юлій Цезарь отказалъ въ своемъ завѣщаніи римскому народу. Sueton. Cæs. 83. Они были расположены въ отдаленной части города, по берегу Тибра. Вѣроятно, больной за Тибромъ былъ выдуманъ Гораціемъ для того, чтобъ отдѣлаться отъ несноснаго спутника.

ховъ больше моего и скорѣе, или танцовать (жестикулировать) [45]) изящнѣе? а пою я такъ, что позавидовалъ бы и самъ Гермогенъ» [46]). Здѣсь я воспользовался случаемъ перебить его: «Есть у тебя мать или родственники, которымъ дорогá твоя жизнь?» — «Никого нѣтъ, всѣхъ похоронилъ». «Счастливцы! теперь я одинъ остался. Доверши! ибо приспѣлъ тотъ печальный, роковой часъ, который предсказала мнѣ, когда я былъ еще ребенкомъ, сабинская старуха, тряся свою гадательную урну [47]): «ни страшный ядъ, ни вражескій мечъ, ни боль въ боку, ни кашель, ни хромая подагра не изведутъ этого ребенка, а сгубитъ его рано или поздно болтунъ; пусть же онъ, когда подростетъ, бѣгаетъ болтуновъ, если только будетъ уменъ». Было уже больше четырехъ часовъ, когда мы подошли къ храму Весты, и случилось такъ, что ему (болтуну) слѣдовало отвѣчать въ это время въ судѣ своему противнику; не исполни онъ этого, ему пришлось бы проиграть свое дѣло [48]). «Если ты хочешь

---

[45]) Подъ выраженіемъ «membra movere» нужно здѣсь разумѣть пантомимную жестикуляцію.

[46]) Въ то время, къ которому относится эта сатира (въ 719 или 20 году), Гермогена Тигеллія уже не было болѣе въ живыхъ. Это былъ извѣстный римскій виртуозъ, который положилъ на музыку стихотворенія Катулла и нѣкоторыхъ другихъ поэтовъ. Гермогенъ не сдѣлалъ этого въ отношеніи къ одамъ Горація и это, вѣроятно, было главною причиною того, что они постоянно находились между собою въ непріятныхъ отношеніяхъ; особенно много выходокъ у Горація противъ Гермогена во II-й и III-й сат. I-й книги.

[47]) Въ такую гадательную урну (divina urna) клались жребіи, то-есть бумажки съ надписями, или что-нибудь подобное. Все это смѣшивалось посредствомъ трясенія урны и затѣмъ вынимался роковой жребій. Нѣтъ нужды прибавлять, что вся эта исторія съ сабинскою старухою выдумана Гораціемъ.

[48]) Когда тяжущіеся являлись къ претору, то излагали ему подробно свое дѣло и затѣмъ обязывались въ назначенный имъ день явиться въ судъ. Они требовали другъ отъ друга ручательства въ томъ, что исполнятъ эту формальность (это называлось, vadari aliquem и vadimonium promittere), и если кто изъ нихъ въ опредѣленное время не являлся въ судъ, то терялъ свое дѣло. Впрочемъ, здѣсь, можетъ-быть, имѣется въ виду и другой случай, очень-обыкновенный въ римскомъ процессѣ. Если кто оспаривалъ у другаго какую-нибудь вещь, то вносилъ сумму денегъ, равнявшуюся ея стоимости. Въ случаѣ потери процесса, онъ утрачивалъ не только самую вещь, но и внесенныя деньги. Такой процессъ назывался въ римскомъ правѣ *litis æstimatio*. На этомъ основаніи мы могли бы перевести выраженіе Горація «perdere litem» словами: заплатить судебныя издержки. Далѣе болтунъ проситъ поэта *adesse*, то-есть, помочь ему, или быть въ числѣ его адвокатовъ. Горацій отговаривается своею неспособностью ораторствовать въ судѣ и незнаніемъ законовъ.

удружить мнѣ», говоритъ онъ, «то замолви за меня словечко». — «Пропади я, если умѣю говорить въ судѣ или знаю наши законы, да притомъ же я спѣшу — ты знаешь куда». — «Право недоумѣваю, на что рѣшиться: оставить тебя или дѣло въ судѣ». — «Меня, пожалуйста». — «Нѣтъ, ни за что», и съ этими словами онъ снова началъ шагать передо мною. Я — такъ-какъ трудно спорить съ такимъ побѣдоносным противникомъ — слѣдую за нимъ. «Какъ съ тобою Меценатъ?» снова начинаетъ онъ, «этотъ человѣкъ для немногихъ [49]) и умнѣйшій человѣкъ! Никто ловче тебя не воспользовался своимъ положеніемъ (при Меценатѣ); а еслибъ ты вздумалъ отрекомендовать ему вотъ этого человѣка (то-есть меня), то имѣлъ бы отличнаго помощника, который съумѣлъ бы играть вторую роль (предоставивъ тебѣ первую). Да пропади я, еслибъ ты не вытѣснилъ (въ такомъ случаѣ изъ дома Мецената) всѣхъ (его кліентовъ)». «Не такъ мы живемъ тамъ, какъ ты думаешь. Нѣтъ другаго дома (въ цѣломъ Римѣ), который былъ бы чище этого и болѣе чуждъ подобнымъ интригамъ. Мнѣ нисколько не мѣшаетъ, говорю я, что одинъ богаче меня, а другой ученѣе: для каждаго тамъ свое мѣсто». «То, что ты разсказываешь, удивительно, просто невѣроятно». «И, однако, это такъ». — «Ты еще больше поджигаешь во мнѣ охоту сблизиться съ Меценатомъ». «Тебѣ стоитъ только захотѣть, и съ твоими талантами ты легко достигнешь своей цѣли; да и человѣкъ это такой, который легко сдается, и потому только первый доступъ къ нему труденъ».—«Такъ я же покажу себя; подкуплю слугъ Мецената подарками; и если меня разъ выпроводятъ, то я все-таки не отстану отъ него, а улучу удобную минуту, повстрѣчаюсь съ нимъ гдѣ-нибудь на перекресткѣ и стану провожать его [50]): жизнь ничего не даетъ смертнымъ безъ большаго труда». Въ то время, какъ болтунъ такъ распоряжается (agit), идетъ намъ на встрѣчу пріятель мой, Фускъ Аристій, который очень хорошо зналъ, что это за человѣкъ. Мы останавливаемся. «Откуда и куда идешь?» спрашиваетъ и въ то же время отвѣчаетъ онъ (болтунъ). Я началъ щипать и жать [51]) безчувственныя руки (моего

[49]) Этимъ выраженіемъ «paucorum hominum», человѣкъ для немногихъ, болтунъ хочетъ сказать, что не многимъ удается попасть въ домъ Мецената.

[50]) Провожать патроновъ на форумъ (deducere), вообще сопутствовать имъ, было одною изъ главныхъ обязанностей римскихъ кліентовъ.

[51]) Здѣсь мы принимаемъ чтеніе *pressare*, вмѣсто обыкновеннаго *prensare*.

пріятеля), кивая ему и кося глазами, чтобъ онъ меня выручилъ, а этотъ злой острякъ смѣется и притворяется (будто не понимаетъ моихъ знаковъ). Желчь начала жечь мою печень. «Ты, помнится, говорилъ мнѣ, что хочешь о чемъ-то потолковать со мною по секрету». — «Да, я помню, но поговорю съ тобою объ этомъ въ другое, болѣе удобное время, а сегодня тридцатая суббота [52]): не захочешь же ты пренебрегать обычаями обрѣзанныхъ іудеевъ».— «Я нисколько не святоша». — «Ну, а у меня это маленькая слабость, какъ у человѣка обыкновеннаго покроя [53]). Извини, пожалуйста, въ другой разъ поговоримъ...» О, не-уже-ли это солнце взошло для меня такъ мрачно! Безсовѣстный человѣкъ изчезъ и оставилъ меня подъ ножомъ. Но вотъ случайно встрѣчается съ болтуномъ его противникъ и громкимъ голосомъ кричитъ ему: «Что жь ты негодяй» и затѣмъ (обращаясь ко мнѣ, прибавляетъ) «Можно взять тебя въ свидѣтели?» Я подставляю ухо [54]). Онъ тащитъ болтуна въ судъ, съ обѣихъ сторонъ начинается крикъ, отвсюду сбѣгается народъ ..Такъ спасъ меня Аполлонъ».

4.

Maecenas quomodo tecum?
Horat.

Вскорѣ послѣ того, какъ нашъ поэтъ во второй разъ явился къ Меценату, оба они отправились въ Брундузій [55]). Мы уже упоминали выше объ этомъ путешествіи римскаго вельможи, котораго окружала блестящая свита, состоявшая изъ дипломатовъ и знаменитыхъ писателей. Горацій восхитительно описалъ это путешествіе въ пятой сатирѣ (І-й книги). Своимъ изяществомъ и живостью она нисколько не уступаетъ только-что приведенному произведенію римскаго поэта. Читая эти исполненныя жизни произведенія, едва вѣришь, что они писаны въ тотъ вѣкъ классической напыщенно-

[52]) Трудно опредѣлить, о какомъ іудейскомъ праздникѣ идетъ здѣсь рѣчь. Даже лучшіе гебраисты, обратившіе вниманіе на выраженіе Горація «tricesima sabbata», не пришли, при объясненіи его, къ какому-нибудь положительному результату. Очевидно, что это не больше, какъ острота Фуска Аристія.

[53]) Такъ должно понимать выраженіе Горація *unus multorum*.

[54]) Это старинный римскій обычай. Если кого хотѣли сдѣлать свидѣтелемъ въ какомъ-нибудь дѣлѣ, то брали его за ухо, говоря при этомъ: memento, quod tu in illa causa testis eris.

[55]) Кирхнеръ, посвятившій изслѣдованію вопроса объ этомъ путешествіи особенную главу, подъ заглавіемъ: «de itinere Brundusino», окончательно доказалъ, что оно должно быть отнесено къ весенней порѣ 717 года. См. Quæst. Horat., стр. 54.

сти, когда поэты наперерывъ старались перещеголять одинъ другаго какъ-бы намѣреннымъ отторженіемъ мысли и слова отъ окружавшей ихъ дѣйствительности, натянутымъ паѳосомъ, сухою александрійскою ученостью и холодною декламацiей. Не даромъ Горацій нажилъ себѣ въ-древности столько литературныхъ враговъ: онъ былъ самымъ блестящимъ и едва-ли не единственнымъ представителемъ *натуральной* школы въ римской поэзіи, и отважно шелъ наперекоръ литературнымъ преданіямъ классической старины. Это проникновеніе литературы жизнью не могло быть оцѣнено надлежащимъ образомъ современниками Горація. Они привыкли съ безсознательнымъ уваженіемъ смотрѣть на авторовъ напыщенныхъ поэмъ. Такой взглядъ господствовалъ даже въ литературномъ обществѣ. Это видно, между прочимъ, изъ почтительнаго обращенія Проперція къ Понтику, творцу забытой «Ѳиваиды». (El. 1, 7). Проперцій ставитъ здѣсь себя гораздо ниже Понтика только потому, что исключительно касается въ своихъ произведеніяхъ чисто житейскихъ предметовъ. Вотъ начало этой элегіи:

«Dum tibi Cadmeae dicuntur, Pontice, Thebae,
Armaque fraternae tristia militiae;
Atque, ita sim felix, primo contendis Homero,
Sint modo fata tuis mollia carminibus;
Nos, ut consuemus, nostros agitamus amores,
Atque aliquid duram quaerimus in dominam.»

Въ концѣ этого стихотворенія, элегикъ проситъ Понтика, чтобы онъ не пренебрегалъ съ обычною своею гордостію его стихами:

«Tu cave nostra tuo contemnas carmina fastu».

Цѣль поѣздки Мецената была дипломатическая, а результатъ ея тотъ, что онъ заключилъ съ Антоніемъ договоръ, по которому этотъ тріумвиръ обязался предоставить свой флотъ въ распоряженіе Октавіана, въ войнѣ его противъ Секста Помпея [56]). Прибавимъ еще, что слѣдствіемъ этого новаго союза между Октавіаномъ и Антоніемъ было извѣстное сраженіе при Навлохѣ [57]), которое

---

[56]) Октавіанъ, недовольный тѣмъ, что Антоній выказалъ мало рвенія къ поддержкѣ его въ войнѣ противъ Секста Помпея, послалъ въ Брундузій (Бриндизи) Мецената и Кокцея, для переговоровъ съ тріумвиромъ. Антоній, дѣйствительно, вмѣстѣ съ Октавіею, явился для этой цѣли, съ своимъ значительнымъ флотомъ изъ 300 кораблей, въ Брундузій, но жители этого города объявили, что не могутъ принять его въ свою гавань. Послѣ этого Антоній принужденъ былъ отплыть въ Тарентъ, куда отправились также послы Октавіана.

[57]) Навлохъ лежалъ на сѣверо-восточномъ берегу Сициліи. Сраженіе при этомъ городѣ происходило 3-го сентября 718 года.

положило конецъ владычеству Секста Помпея въ Сициліи и заставило его удалиться въ Азію.

Во время путешествія въ Брундузій, Меценатъ имѣлъ случай близко узнать Горація, и оно окончательно сдружило этихъ двухъ замѣчательныхъ людей августова вѣка. Выше мы представили довольно-полный очеркъ личности Мецената. Предоставляемъ самимъ читателямъ судить о томъ, на сколько онъ могъ возбудить къ себѣ расположеніе римскаго поэта. Сходство характера, а впослѣдствіи одинаковость убѣжденія — вотъ что̀ сблизило Горація съ Меценатомъ. Потому неудивительно, что это сближеніе было полное и самое искреннее, несмотря на большое различіе въ общественномъ положеніи обоихъ друзей и на то, что въ 716 году поэту было только двадцать-шесть лѣтъ, а его патрону ужь по̀дъ-сорокъ. Даже Виландъ признаетъ искренность этой дружбы и не приписываетъ ее политическому разсчету со стороны Мецената. Еслибъ, замѣчаетъ нѣмецкій писатель, Горацій не былъ такимъ превосходнымъ лирикомъ, то даже и въ такомъ случаѣ изяществомъ и пріятностью своего ума онъ могъ бы легко понравиться Меценату и занять почетное мѣсто въ числѣ друзей его.

Намъ слѣдуетъ теперь ближе обозначить характеръ отношеній Горація къ Меценату. Мы еще будемъ имѣть случай коснуться этого вопроса въ другомъ мѣстѣ [58]), а теперь предварительно замѣтимъ только, что чувство независимости, которое такъ сильно было развито въ душѣ нашего поэта, не допустило его сдѣлаться обыкновеннымъ параситомъ. Съ другой стороны, оно нисколько не помѣшало Горацію питать искреннюю и самую глубокую привязанность къ Меценату. Эти характеристическія черты, рѣзко отличавшія Горація въ толпѣ кліентовъ римскаго вельможи, съ особенною ясностью высказались въ седьмомъ посланіи (I-й книги) и въ той одѣ, начальныя слова которой (cur me querelis exanimas tuis) послужили эпиграфомъ одной изъ главъ предлагаемаго сочиненія.

Означенное посланіе написано поэтомъ, по общепринятому мнѣнію, въ августѣ или сентябрѣ 731 года, слѣдовательно въ то время, когда ему было ужь за сорокъ лѣтъ. Пока Горацій былъ молодъ, жизнь въ Римѣ, если не всегда, то по временамъ очень ему нравилась. Въ эту пору въ немъ совмѣщались какъ-бы два человѣка: сынъ бѣднаго венузинскаго отпущенника, питомецъ сурова-

[58]) Въ главѣ о сабинскомъ помѣстьѣ Горація.

го Орбилія, юноша умѣренный, преданный труду, любившій больше всего на свѣтѣ домашній очагъ и спокойствіе, и, съ другой стороны, блестящій и остроумный фаворитъ Мецената, не всегда разборчивый поклонникъ прекраснаго пола, душа и краса римскихъ разгульныхъ пировъ. Несмотря на свою привязанность къ сельскому быту, Горацій нерѣдко и охотно покидалъ свою сабинскую виллу и любилъ весело пожить въ столицѣ Италіи, представлявшей столько средствъ къ удовольствіямъ разнаго рода. Въ эту пору своей жизни поэтъ часто и нетерпѣливо пробирался по многолюднымъ римскимъ улицамъ въ такъ хорошо-знакомый ему домъ на Эсквиліяхъ [59]).

Но это время прошло. Годы охолодили страсти Горація, а болѣзни и немощи — необходимое слѣдствіе бурно-проведенной молодости — еще болѣе развили въ немъ врожденную любовь къ сельскому уединенію, къ природѣ и книгамъ. Жизнь въ Сабинумѣ сдѣлалась въ это время для него не только удовольствіемъ, но почти необходимостью. Онъ все рѣже-и-рѣже разставался съ своею скромною виллою и ужь не могъ быть попрежнему ежедневнымъ гостемъ Мецената.

Для римскаго вельможи, который такъ искренно любилъ Горація, частыя отлучки его изъ Рима были тяжкимъ лишеніемъ. Къ тому же Меценатъ имѣлъ не мало поводовъ къ хандрѣ въ это время. Люди, которыхъ онъ цѣнилъ больше всего на свѣтѣ, не отвѣчали ему взаимностью. Дружба его съ Августомъ утратила характеръ прежней искренности, и мѣсто ея заступила холодность отношеній [60]). Красавица Теренція, съ которою и безъ которой, по счастливому выраженію Виланда, Меценатъ не могъ жить, постоянно огорчала его своею холодностью, съ отвращеніемъ избѣгала его старческихъ объятій и не скрывала своей привязанности къ Августу. Наконецъ, и Горацій исчезъ изъ дома своего патрона. Старикъ почти лишился сна и жадно искалъ его подъ звуки отдаленной музыки или подъ шумъ искусственныхъ каскадовъ [61]).

Изъ тона разбираемаго посланія видно, что оно написано въ отвѣтъ на неоднократно и настойчиво-повторенную просьбу Мецената о желаніи его видѣть поэта близъ себя въ Римѣ. Горацій

---

[59]) См. шестую сатиру Горація (I-й кн.), отрывки изъ которой поясняющіе наши слова, приведены въ русскомъ переводѣ въ главѣ объ Устикѣ.

[60]) Объ этомъ ясно говоритъ Тацитъ, въ Апп. IV, 24.

[61]) Sen. de Provid.

обѣщалъ своему патрону исполнить его желаніе, но не сдержалъ слова. Это, вѣроятно, подало поводъ къ новой настойчивости, со стороны Мецената, и вызвало у поэта очень-рѣзкое и откровенное объясненіе. Горацій прямо объявляетъ своему патрону, что, несмотря на всю привязанность къ нему, онъ больше всего на свѣтѣ дорожитъ своимъ независимымъ положеніемъ, и готовъ отдать Меценату всѣ его подарки для того, чтобъ имѣть возможность располагать собою по произволу. Рѣзкость тона смягчается въ этомъ посланіи вставными разсказами (о хорькѣ и полевой мыши и, вслѣдъ затѣмъ, о Филиппѣ и Вультеѣ Менѣ), не затѣйливый, но суровый смыслъ которыхъ, разумѣется, былъ хорошо понятенъ Меценату.

Всѣ новые критики, начиная съ Скалигера до Виланда и послѣднихъ издателей Горація, въ восторгѣ отъ этого произведенія и не находятъ достаточно словъ для выраженія своего удивленія къ тѣмъ чувствамъ, которыя внушили его римскому поэту. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что разбираемое посланіе по-крайней-мѣрѣ столько же чести дѣлаетъ Меценату, сколько и своему автору. Горацій зналъ, кому онъ пишетъ. Онъ, какъ видно, былъ убѣжденъ въ томъ, что его патронъ не принадлежалъ къ тѣмъ такъ называемымъ покровителямъ литературы, которые требуютъ отъ писателей безусловной покорности своимъ желаніямъ и прихотямъ. И дѣйствительно, Меценатъ пріобрѣлъ вѣковую славу покровителя благородныхъ представителей искусства не столько подарками, которые онъ имъ дѣлалъ, сколько глубокимъ уваженіемъ къ ихъ личности. Онъ умѣлъ цѣнить чувство самоуваженія и независимости, такъ сильно развитое въ душѣ Горація. Лучшимъ доказательствомъ сраведливости нашихъ словъ служитъ то, что разбираемое посланіе, какъ положительно-извѣстно, нисколько не нарушило дружескихъ отношеній между римскимъ вельможею и его кліентомъ.

Желая ближе ознакомить нашихъ читателей съ этимъ замѣчательнымъ произведеніемъ римской литературы, мы пользуемся удобнымъ случаемъ представить его въ русскомъ переводѣ. «Обѣщавъ тебѣ (пишетъ Горацій къ Меценату) пробыть въ деревнѣ всего пять дней, я, обманщикъ, заставляю ждать себя цѣлый августъ. Но если только ты желаешь, Меценатъ, видѣть меня живымъ и здоровымъ, то, конечно, при моемъ опасеніи заболѣть, ту самую льготу, которую даешь больному, ты предоставишь мнѣ въ то время, когда съ первою смоквою и зноемъ похороннаго распорядителя окружаютъ (въ Римѣ) траурные ликторы, когда каждый

отецъ и каждая мать блѣднѣютъ за своихъ дѣтей, а слишкомъ услужливая ревность (кліентовъ) и дѣлишки на форумѣ влекутъ за собою лихорадки и распечатываютъ завѣщанія [62]). Если же зима покроетъ снѣгомъ Албанскія Горы (то-есть окрестности Рима), то поэтъ твой отправится къ морю [63]) и, скорчившись (отъ холода), будетъ беречь себя и все время проведетъ въ чтеніи, а тебя снова навѣститъ, милый другъ, если только ты позволишь, вмѣстѣ съ зефирами и съ первою ласточкою [64]). Ты обогатилъ меня не такъ, какъ (какой-то) калабріецъ, который принуждалъ своего гостя ѣсть груши (приговаривая): «кушай, пожалуйста».—«Нѣтъ, ужь довольно».—«Да ты возьми съ собою, сколько душѣ угодно.»—«Благодарю покорно».—«Принесешь домой пріятный гостинецъ твоимъ малюткамъ».—«Я такъ цѣню твое радушіе, какъ-будто ты отпустилъ меня съ цѣлымъ грузомъ подарковъ».—«Какъ хочешь; ты вѣдь оставляешь все это на сегодняшній кормъ свиньямъ». Человѣкъ расточительный и глупый даритъ то, чѣмъ онъ самъ не дорожитъ и пренебрегаетъ: вотъ почва, которая ужь много произвела и всегда будетъ производить людей неблагодарныхъ. Человѣкъ же добрый и умный скажетъ, что онъ готовъ на все только для людей достойныхъ: онъ знаетъ, какая разница между настоящими деньгами и фальшивою монетою. Я сдѣлаюсь человѣкомъ достойнымъ, чтобъ не уронить чести того, кто оказалъ мнѣ столько услугъ [65]). Но если ты хочешь, чтобъ я никогда не отходилъ отъ тебя, то возврати мнѣ здоровье, мои черные волосы на узкомъ лбу, возврати пріятную рѣчь, изящный смѣхъ и мою грусть среди пира, когда съ него убѣжала плутовка Цинара [66]). Полевая мышь забра-

---

[62]) Въ августѣ обыкновенно свирѣпствовали въ Римѣ лихорадки. Въ это время тамъ много распечатывалось завѣщаній, то-есть много умирало людей.

[63]) Въ какой-нибудь приморскій городъ, напримѣръ, въ Тарентъ, въ Соренто, въ Велію и т. д. Въ словахъ: «quodsi bruma nives Albanis illinet agris», условная частица *si* неправильно принимается Виландомъ, Пассовомъ и другими переводчиками Горація въ значеніи *particula temporis*, Поэтъ говоритъ, что онъ не только осень, но и зиму проведетъ не въ Римѣ, если она будетъ сурова.

[64]) Выраженіе «contractusque leget» многіе менѣе-правильно принимаютъ въ смыслѣ «будетъ (то-есть твой поэтъ) умѣренно читать».

[65]) То-есть, покровительство, которое ты оказываешь мнѣ, Меценатъ, не сдѣлаетъ тебѣ безчестія. Никто не скажетъ, что ты покровительствовалъ человѣку недостойному.

[66]) Горацій съ грустью говоритъ здѣсь объ утратѣ прежней страсти и свѣжести чувства, какъ о печальныхъ признакахъ исчезнувшей моло-

лась какъ-то чрезъ узкую щель въ хлѣбный амбаръ, отъѣлась тамъ и, разжирѣвъ, безуспѣшно старалась выползти назадъ. Если ты хочешь, сказалъ ей при этомъ издали хорекъ, выйти изъ амбара, то должна проползти чрезъ узкую щель такою же тощею, какою вошла туда [67]). Если смыслъ этой басни относится ко мнѣ (продолжаетъ поэтъ), то я отъ всего отказываюсь. Я не изъ тѣхъ людей, которые прославляютъ (спокойный, беззаботный) сонъ плебея, наѣвшись лакомыхъ блюдъ (въ подлинникѣ: откормленной живности), и моего покоя, моей свободы (otia liberrima) не промѣняю на всѣ богатства Аравіи. Ты часто хвалилъ меня, Меценатъ, за мою скромность, часто ты слышалъ отъ меня названія «царь» и «отецъ», и тѣми же именами я не рѣже привѣтствовалъ тебя заочно [68]). Испытай же, могу ли я безъ сожалѣнія отдать все, что̀ получилъ отъ тебя. Недурно отвѣчалъ сынъ многострадальнаго Улисса, Телемакъ (Атриду, предлагавшему ему въ подарокъ коней): «Итака мѣсто неудобное для коней: нѣтъ тамъ ни обширныхъ равнинъ, ни обильной травы. Я не возьму, Атридъ, твоего подарка: онъ скорѣе самому тебѣ пригодится». Небольшому человѣку и прилично малое; теперь мнѣ нравится уже не царственный Римъ, а тихій Тибуръ и мирный Тарентъ».

Остальную часть этого посланія занимаетъ очень живой раз-

дости. Ту же самую мысль поэтъ выражаетъ въ другомъ мѣстѣ словами: «non sum qualis eram bonae sub regno Cinarae», то-есть «теперь я не тотъ, какимъ былъ когда-то подъ владычествомъ доброй Цинары». Цинара нравилась непостоянному и вѣтреному Горацію болѣе, чѣмъ всѣ другія его любимицы. Она жила недолго. Поэтъ говоритъ о ея смерти въ 13-й одѣ IV-й кн. Сцена, о которой Горацій напоминаетъ Меценату, случилась, вѣроятно, въ его домѣ. Женщины извѣстнаго класса, къ которымъ принадлежала Цинара, составляли необходимую принадлежность римскихъ пировъ. Цинара исчезла съ пира, вѣроятно, не одна, а съ кѣмъ-нибудь, и это возбудило ревность и досаду въ душѣ юноши Горація.

[67]) Мы принимаемъ здѣсь, вслѣдъ за Бентли, чтеніе *nitedula*, вмѣсто обыкновеннаго чтенія *vulpecula* — лисица, потому-что это животное не питается немолотымъ хлѣбомъ. Смыслъ этого разсказа слѣдующій: я не хочу (говоритъ Горацій Меценату) поставить себя твоими подарками въ безвыходное и зависимое положеніе.

[68]) Горацій, конечно, прибавляетъ эти слова для того, чтобъ ослабить ими рѣзкость предъидущихъ. Поэтъ, такъ энергически отстаивая свою независимость, не желаетъ въ то же время показаться человѣкомъ упрямымъ, дерзкимъ и неблагодарнымъ. Словами *rex* и *pater* римскіе кліенты обыкновенно привѣтствовали своихъ патроновъ. У Ювенала (напримѣръ въ 1-й его сатирѣ, ст. 136) и у другихъ римскихъ писателей много примѣровъ, которыми подтверждается такое значеніе этихъ словъ.

сказъ объ адвокатѣ Филиппѣ и преконѣ Вультеѣ Менѣ. Смыслъ этого разсказа, какъ увидитъ читатель, тотъ же, что̀ и въ баснѣ о хорькѣ и о полевой мыши. «Дѣятельный, твердый и знаменитый адвокатъ Филиппъ [69]) возвращался, около восьми часовъ (то-есть около двухъ часовъ пополудни), со службы домой и, жалуясь, по преклонности своихъ лѣтъ, на то, что Карины [70]) такъ далеко отъ форума, увидѣлъ, разсказываютъ, въ пустой и темной лавкѣ цирюльника [71]), какого-то только-что выбритаго человѣка, который спокойно чистилъ ножичкомъ свои ногти. «Деметрій — а это былъ слуга, который ловко понималъ смыслъ приказаній Филиппа — ступай, разспроси и донеси мнѣ, откуда родомъ этотъ человѣкъ, кто онъ такой, какое у него состояніе, кто его отецъ и кто патронъ». Деметрій идетъ, возвращается и разсказываетъ, что это преконъ (глашатай) Вультей, по прозвищу Мена, человѣкъ не богатый, но честный, извѣстный тѣмъ, что онъ и дѣятеленъ и лѣнивъ кстати (во̀-время), умѣетъ зашибить копѣйку и дѣлать изъ нея надлежащее употребленіе; что онъ въ восторгѣ отъ своихъ маленькихъ (незнатныхъ) пріятелей, отъ собственнаго домика (lare certo), и лишь-только кончаетъ свои дѣла, отъ театра и отъ Марсова По-

---

[69]) Здѣсь, вѣроятно, идетъ рѣчь о Луціи Марціи Филиппѣ, который въ 693 году города, былъ консуломъ, а впослѣдствіи цензоромъ. Цицеронъ хвалитъ Филиппа какъ оратора и называетъ его *facetus*, то-есть человѣкомъ острымъ и шутливымъ. Разсказъ Горація совершенно согласенъ съ этимъ отзывомъ Цицерона.

[70]) Каринами (Carinæ) назывался одинъ изъ римскихъ кварталовъ, въ четвертой части (regio) города, гдѣ находились домы Помпея, Антонія, Цицерона и многихъ другихъ знатныхъ лицъ. Здѣсь же построены были храмы Земли, Юноны (Junonis Sororiae) и пр. Домъ Филиппа, какъ видно изъ приведенныхъ словъ, также находился въ этой части города. Впрочемъ, разстояніе отъ форума, находившагося въ седьмой части Рима, до Каринъ было не очень-значительно.

[71]) Такъ понимаемъ мы это мѣсто. Другіе (напримѣръ, Дёрингъ и Пассовъ), въ выраженіи Горація «vacua tonsoris in umbra», слово *vacua* принимаютъ въ смыслѣ *otiosa*. Пассовъ очень-неудачно переводитъ это мѣсто словами: «im müssigen Schoppen des Scherer's». Цырюльня называется пустою, или опустѣвшею потому, что былъ уже восьмой часъ и обычные ея посѣтители разошлись по домамъ. Вультей Мена, безъ-сомнѣнія, сидѣлъ у самаго входа въ лавку, такъ-что темнота, которая въ ней господствовала, не помѣшала Филиппу разсмотрѣть спокойное и беззаботное лицо его. Это самое довольство, которое выражалось на лицѣ Мены, по справедливому мнѣнію Якобса, было причиною того, что Филиппъ обратилъ вниманіе на этого человѣка.

ля [72]). «Мнѣ хочется узнать отъ самого Мены обо-всемъ, что ты разсказываешь. Скажи ему, чтобъ приходилъ ко мнѣ обѣдать». Мена, разумѣется, не вѣритъ и удивляется про-себя (возможности такого почетнаго приглашенія); словомъ, онъ отвѣчаетъ: «Слишкомъ-много чести». — «Какъ, онъ отказывается?» — «Отказывается, негодный человѣкъ: онъ или пренебрегаетъ твоимъ приглашеніемъ, или просто боится тебя». На слѣдующее утро Филиппъ застаетъ Вультея (на рынкѣ), кàкъ тотъ продавалъ простому народу [73]) разный хламъ, и первый его привѣтствуетъ. Вультей начинаетъ извиняться передъ Филиппомъ своими хлопотами и торговыми обязанностями, что не явился къ нему рано утромъ, и потомъ, что не первый замѣтилъ его. «Считай, что я простилъ тебя (отвѣчаетъ Филиппъ), если ты только придешь сегодня ко мнѣ обѣдать». — «Какъ прикажешь». — «Итакъ, приходи ко мнѣ въ десятомъ часу, а теперь ступай и хлопочи о своихъ барышахъ». Вультей является къ обѣду и, насказавъ всего, о чемъ слѣдовало говорить, и о чемъ говорить не слѣдовало, отпускается домой спать. Когда обнаружилось, что Вультей Мена, который, между-тѣмъ, сдѣлался утреннимъ кліентомъ и, наконецъ, постояннымъ гостемъ (Филиппа), замѣтно, подобно рыбкѣ, наклёвывается на скрытую удочку, то, по случаю назначенія «латинскихъ ферій», онъ получаетъ приказаніе сопутствовать (своему патрону) въ его подгородную виллу [74]). И вотъ, усаженный на иноходца, онъ не перестаетъ восхищаться

---

[72]) Оно служило постояннымъ сборнымъ мѣстомъ въ-особенности для людей праздныхъ. Здѣсь римляне обыкновенно занимались гимнастикою, играли въ мячъ и пользовались другими подобными развлеченіями.

[73]) Въ подлинникѣ сказано, что Вультей продавалъ разный хламъ «tunicato popello», то-есть простолюдинамъ, одѣтымъ въ тунику, какъ-бы римскимъ блузникамъ. Туника въ вѣкъ Горація попрежнему была обыкновеннымъ костюмомъ римскаго простолюдина, а тога составляла отличіе (insigne) людей, принадлежавшихъ къ высшимъ классамъ общества. Позже это различіе въ костюмѣ исчезло и Ювеналъ (Sat. I, ст. 96), употребляетъ выраженіе «turba togata» въ томъ же смыслѣ, въ какомъ здѣсь употреблено выраженіе «tunicatus popellus». Вультею Менѣ удобно было соединить свой торговый промыселъ съ обязанностью прекона, потому-что римскіе преконы были, между-прочимъ, дѣйствующими лицами при аукціонахъ.

[74]) Такъ-какъ во время «feriæ Latinæ» всѣ суды и вообще присутственныя мѣста въ Римѣ закрывались на четыре дня, то дѣловые люди обыкновенно пользовались этимъ случаемъ, чтобъ отдохнуть за городомъ. Латинскія феріи назначалъ ежегодно консулъ.

*

сабинскими полями и небомъ [75]). Филиппъ все это видитъ и подсмѣивается. Ища отдыха и пищи для смѣха, онъ даритъ Менѣ семь тысячъ сестерцій, столько же обѣщаетъ въ долгъ и уговариваетъ его купить себѣ поле. Покупаетъ Мена поле. Чтобъ, однако, не задерживать тебя (Меценатъ) больше, чѣмъ слѣдуетъ, излишними подробностями (скажу коротко): изъ городскаго щеголя Мена превращается въ мужика, говоритъ только о бороздахъ да виноградникахъ, садитъ вязы — словомъ, умираетъ надъ работою и старѣетъ отъ корыстолюбія. Но вотъ овцы украдены, козочки погибли отъ заразы, жатва обманула надежду, а быкъ издохъ подъ плугомъ, и Мена, огорченный этими утратами, среди ночи бросается на лошадь и, весь въ гнѣвѣ, скачетъ прямо къ дому Филиппа. Лишь-только Филиппъ увидѣлъ, какъ онъ всклокоченъ и не бритъ, «Ну, говоритъ, Вультей, мнѣ кажется, что ты ужь слишкомъ огрубѣлъ и сталъ скрягою». — «Нѣтъ, патронъ (отвѣчаетъ онъ), ты бы сказалъ, клянусь Поллуксомъ, что я человѣкъ несчастный, еслибъ захотѣлъ дать мнѣ настоящее мое названіе. Умоляю и заклинаю тебя твоимъ геніемъ-хранителемъ [76]), твоею честью (въ подлинникѣ: правою рукою) и богами-пенатами, возврати меня къ прежней моей жизни».

Горацій заключаетъ свой разсказъ о Филиппѣ и Вультеѣ Менѣ слѣдующимъ нравоученіемъ: «Какъ-скоро человѣкъ пойметъ, насколько оставленное имъ лучше вновь-добытаго, пусть онъ благовременно возвратится и устремится къ утраченному. Каждый долженъ мѣрять себя на свою мѣрку» [77]).

Независимое положеніе, въ которое Горацій умѣлъ поставить себя въ отношеніи къ Меценату, нисколько не уменьшило искренней и глубокой привязанности ихъ другъ къ другу. Меценатъ, какъ мы уже замѣтили, былъ человѣкъ болѣзненный, и Горацію не разъ приходилось бояться за жизнь своего патрона. По такому поводу написана семнадцатая ода (II-й кн.), на которую мы указали выше [78]).

---

[75]) Это черта, характеризующая городскаго жителя, который никогда не выѣзжалъ изъ стѣнъ Рима.

[76]) Геній считался у римлянъ охранительнымъ божествомъ, которое невидимо сопутствовало каждому человѣку во всю его жизнь.

[77]) Послѣдній стихъ этого посланія представляетъ римскую поговорку (locutio proverbialis), которая совершенно соотвѣтствуетъ нѣкоторымъ изъ нашихъ пословицъ, напримѣръ: «знай сверчокъ свой шестокъ, по одежкѣ протягивай ножки, не въ свои сани не садись» и пр.

[78]) Время появленія этой оды опредѣляется различно. Франке отно-

Нигдѣ любовь нашего поэта къ Меценату не выразилась такъ сильно, какъ въ этомъ стихотвореніи. Для Горація невыносима мысль, что онъ можетъ лишиться своего друга и благодѣтеля, котораго тревожила боязнь близкой кончины. Поэтъ говоритъ, что онъ не переживетъ этой потери. Вотъ его слова въ переводѣ г. Фета, который, впрочемъ, далеко не выражаетъ глубокаго чувства, составляющаго характеръ подлинника:

Къ чему плачевный стонъ меня терзаетъ твой?
Мнѣ боги изрекать не станутъ приговора,
Чтобъ ты, о Меценатъ! отшелъ передо мной,
Отрада дней моихъ и сильная опора.
Ахъ, еслибъ часть души въ тебѣ меня лишилъ
Злой рокъ до времени, съ другою половиной,
Къ чему останусь я, ни самъ себѣ не милъ,
Ни въ силахъ прошлое возстановить кручиной? [79])
Въ одинъ и тотъ же день со мною ты умрешь.
Не даромъ я клялся въ душѣ нелицемѣрной:
Иду, иду съ тобой, куда ни поведешь,
Послѣдняго пути твой сотоварищъ вѣрный.
Дыханье грозное Химеры огневой [80]),
И самъ сторукій Гигъ [81]), хотя бы воскресили
Его, не разлучатъ вовѣкъ меня съ тобой:
Такъ правда мощная и парки такъ рѣшили [82]).

Предчувствіе поэта сбылось. Онъ, какъ извѣстно, пережилъ своего друга нѣсколькими недѣлями, и даже не успѣлъ оплакать его кончины въ особомъ стихотвореніи. Меценатъ умеръ, послѣ долгихъ страданій, въ осьмомъ году до Р. Хр. Въ томъ же году, 27-го ноября, не стало и Горація.

Мы не считаемъ нужнымъ указывать на всѣ остальныя мѣста въ посланіяхъ, сатирахъ и одахъ римскаго поэта, гдѣ онъ обращается къ своему патрону. Сводъ этихъ мѣстъ представленъ, меж-

---

ситъ ее къ 728 году, а другіе къ 733 или 734. См. у Франдзена, стр. 206—209.

[79]) Въ подлинникѣ не то. Выраженіе «nec superstes integer» означаетъ, что смерть Мецената нарушитъ цѣлостность, или цѣльность существованія Горація, то-есть, какъ-бы разобьетъ его жизнь.

[80]) Многіе писатели представляютъ Химеру чудовищемъ, изрыгающимъ пламя.

[81]) У исполина Гига, сына неба и земли, было сто рукъ и пятьдесятъ головъ.

[82]) Вторая половина этой оды наполнена астрологическими подробностями, имѣвшими большое значеніе въ глазахъ римлянина, но незанимательными для новаго читателя.

ду-прочимъ, Франдзеномъ [83]), который, какъ мы уже замѣтили не отличается особеннымъ пристрастіемъ къ личности Мецената. Несмотря на то, нѣмецкій ученый заключаетъ свое изслѣдованіе этого вопроса слѣдующими словами: «Изъ этого обозрѣнія стихотвореній Горація, имѣющихъ отношеніе къ Меценату, ясно видно, что поэтъ не какой-нибудь продажный льстецъ. Горацій, хотя и выставляетъ хорошія стороны въ характерѣ своего друга и, разумѣется, не очень-сильно порицаетъ его недостатки, но за-то не умалчиваетъ и о слабостяхъ Мецената и говоритъ о нихъ безъ особенной снисходительности. Все это служитъ доказательствомъ тонкаго ума и благороднаго сердца поэта; но, съ другой стороны, и Меценату немало дѣлаетъ чести то, что онъ считалъ его болѣе достойнымъ своей дружбы, чѣмъ всѣхъ другихъ своихъ кліентовъ. Исторія римской поэзіи навсегда сохранитъ почетное воспоминаніе о Меценатѣ, вмѣстѣ съ памятью о знаменитомъ писателѣ, который пользовался его расположеніемъ».

Къ этимъ словамъ нѣмецкаго ученаго мы, съ своей стороны, прибавимъ, что поведеніе Горація въ отношеніи къ Меценату отличалось не только благородствомъ, но и необыкновеннымъ тактомъ. Горацій неподражаемо-хорошо умѣлъ въ своихъ произведеніяхъ привести въ гармонію тонъ полнаго равенства съ отсутствіемъ ребяческой заносчивости и съ должнымъ уваженіемъ къ просвѣщенному аристократу, котораго поэтъ считалъ своимъ другомъ и благодѣтелемъ.

Вообще Горацій является типомъ римскаго кліента, въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова. «Шутъ-предатель (пишетъ онъ къ Лоллію) [84]) отличается отъ друга не меньше, чѣмъ матрона отъ развратной женщины». Меценатъ умѣлъ понимать и цѣнить такой языкъ. Римскій вельможа достаточно былъ надѣленъ отъ природы тактомъ, знаніемъ людей и нравственнымъ чувствомъ для того, чтобъ въ толпѣ льстецовъ, шутовъ и параситовъ, которые его окружали, отличить благороднаго Горація.

Въ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ изъ стихотвореній Мецената мы встрѣчаемъ также нѣсколько такихъ, гдѣ онъ выражаетъ свою привязанность къ римскому поэту. Смыслъ ихъ очень-затемненъ изъисканностью слога и другими недостатками, составляющими характеръ вообще всѣхъ произведеній горацієва патрона. Перепис-

---

[83]) См. Frandsen Mæcen. Leb., стр. 193—220.
[84]) Въ началѣ 18-го посланія 1-й кн.

чики, вѣроятно, также не мало способствовали литературному ихъ неряшеству. Вотъ одинъ изъ этихъ отрывковъ, наиболѣе-удобочитаемый, который Светоній приводитъ въ біографіи Горація:

Ni te visceribus meis, Horati,
Plus iam diligo, tu tuum sodalem
Ninnio videas strigosiorem [85]).

То-есть «если я люблю тебя, Горацій, не больше своей утробы, то пусть ты увидишь твоего пріятеля еще болѣе сухощавымъ, чѣмъ Нинній».

Тамъ же мы находимъ извѣстіе, что Меценатъ, умирая, поручилъ въ своемъ завѣщаніи Горація вниманію Августа. «Horatii Flacci (писалъ къ нему знаменитый покровитель литературы) ut mei esto memor». Когда, спустя нѣсколько времени, тяжкая болѣзнь неожиданно застигла Горація, то онъ, не имѣя никакой возможности выразить свою послѣднюю волю письменно, объявилъ на словахъ, что оставляетъ свое небольшое имущество Августу. Въ глазахъ всякаго разумнаго человѣка эти факты должны имѣть большое значеніе. Положимъ, что можно цѣлую жизнь играть въ дружбу и носить маску, но едва-ли такая игра придетъ на мысль человѣку въ послѣднія его минуты.

Насъ, однако, больше всего занимаетъ вопросъ о политическихъ убѣжденіяхъ Горація. Любопытно знать, какъ онъ велъ себя въ этомъ отношеніи въ періодъ своего знакомства съ Меценатомъ? Мы разсмотримъ этотъ вопросъ въ слѣдующей главѣ.

---

[85]) Послѣдній стихъ въ этомъ отрывкѣ очень-сомнителенъ и представляетъ множество варіантовъ, изъ которыхъ мы, вслѣдъ за Фоссомъ и Митшерлихомъ, выбрали самый вѣроятный. Полагаютъ, что здѣсь рѣчь идетъ о поэтѣ Нинніи Крассѣ. Это, вѣроятно, былъ человѣкъ, извѣстный всѣмъ въ Римѣ своею необыкновенною худощавостью.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Политическія убѣжденія Горація въ начальный періодъ дружбы его съ Меценатомъ. — Сближеніе Горація съ Августомъ и окончательный переходъ поэта на сторону реформы. — Честность этого перехода. — Замѣчательныя подробности объ отношеніяхъ римскаго поэта къ Августу, сообщаемыя Светоніемъ въ біографіи Горація. — Пояснительныя замѣтки къ этой біографіи. — Причины, заставившія Августа домогаться дружбы Горація. — Отношенія Августа къ современной ему литературѣ.—Нравственность Горація въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. — Эротическій элементъ въ его произведеніяхъ и вообще въ древней поэзіи.

Ille velut fidis arcana sodalibus olim
Credebat libris: neque si male cesserat, unquam
Decurrens alio, neque si bene: quo fit, ut omnis
Votiva pateat veluti descripta tabella
Vita senis... Horat.

1.

Еще до знакомства своего съ Меценатомъ, Горацій, какъ мы видѣли, началъ убѣждаться въ безплодности усилій республиканской партіи, особенно послѣ того, какъ она потеряла благороднаго своего вождя. Но между подобнымъ убѣжденіемъ и мыслію о необходимости для Рима монархіи была еще цѣлая бездна.

Дружба съ Меценатомъ, конечно, должна была во многомъ измѣнить образъ мыслей нашего поэта, но очень ошибаются тѣ, которые думаютъ, что начало этой дружбы совпадаетъ по времени съ переходомъ Горація на сторону Августа. Самое это сближеніе съ главнымъ представителемъ римской политической реформы не могло казаться Горацію измѣною прежнимъ его убѣжденіямъ, потому-что Меценатъ, несмотря на свою близость съ Октавіаномъ, не былъ въ Римѣ лицомъ оффиціальнымъ и, въ-отношеніи къ своимъ друзьямъ, держалъ себя совершенно частнымъ человѣкомъ. Внимательный разборъ произведеній Горація, относящихся къ періоду знакомства его съ римскимъ вельможей, вполнѣ подтверждаетъ вѣрность этого замѣчанія и, съ другой стороны, обнаруживаетъ такія черты въ характерѣ нашего поэта, которыя уже не разъ приводили въ восторгъ лучшихъ представителей современной науки,

Прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе наше то обстоятельство, что Горацій, уже другъ Мецената, не прервалъ сношеній съ прежними своими товарищами, съ которыми сблизилъ его лагерь Брута; напротивъ, поэтъ дружески обращается къ нимъ въ своихъ произведеніяхъ. Таковы оды его: къ Луцію Сестію, къ Деллію, къ Септимію, къ Помпею и къ Лицинію Варрону Муренѣ [1]). Все это были частью открытые враги Августа, частью же люди, которые позже, чѣмъ нашъ поэтъ, перешли на сторону реформы. Такъ, напримѣръ, Л. Сестій принималъ живое участіе во всѣхъ войнахъ Брута, и даже впослѣдствіи, когда Августъ, чувствуя свое положеніе достаточно-упроченнымъ, сдѣлалъ его, въ 731 году, консуломъ, не скрывалъ своего уваженія къ памяти бывшаго предводителя республиканской партіи и открыто выставилъ въ своемъ домѣ его изображеніе. Еще замѣчательнѣе дружба Горація съ Варрономъ Муреною. Это былъ родной братъ жены Мецената, Теренціи, и заклятой врагъ Августа. Мурена, замѣшанный впослѣдствіи въ заговорѣ противъ Августа, несмотря на заступничество сестры своей и зятя, былъ казненъ въ 732 году. Въ указанной одѣ, написанной, по мнѣнію Вебера, въ 724 году, особенно замѣчательны слѣдующія слова [2]):

Мудрецъ надѣется, коль угнетенъ судьбою,
И слѣпо счастію не станетъ довѣрять...
Юпитеръ, посѣтя суровою зимою,
Помилуетъ опять.
Коль плохо намъ теперь, не то же обѣщаетъ
Грядущее.

Нѣкоторые ученые не безъ основанія заключаютъ изъ этихъ словъ, что Горацій не скоро разстался съ мечтами, когда-то одушевлявшими его въ лагерѣ Брута.

Другая характеристическая черта произведеній, относящихся къ разбираемому періоду литературной дѣятельности Горація, это — его упорное молчаніе объ Августѣ. Даже порицатели Горація отдаютъ справедливость благородной твердости его характера. Заря новой будущности уже ярко-занималась на римскомъ политическомъ горизонтѣ, уже многіе — кто притворно, а кто искренно —

---

[1]) См. 4-ю оду 1-й кн. и 3, 6, 7 и 10 оды II-й кн. Историческія свидѣтельства о лицахъ, къ которымъ обращается Горацій въ указанныхъ одахъ, собралъ Пассовъ, въ монографіи своей о римскомъ поэтѣ, стр. XXXVI, примѣч. 101.

[2]) Въ переводѣ г. Фета.

привѣтствовали новое свѣтило. Римляне быстро перешли изъ одной крайности въ другую, и даже тѣ изъ нихъ, которымъ когда-то убійство Цезаря казалось дѣломъ вполнѣ-разумнымъ и законнымъ, теперь наперерывъ старались занять видное мѣсто въ первыхъ рядахъ сторонниковъ Октавіана. Между-тѣмъ римскій поэтъ держалъ себя вдали отъ побѣдителя и даже открыто высказывалъ свое расположеніе къ его политическимъ врагамъ. Съ другой стороны, онъ видимо старался удалить изъ своихъ произведеній всѣ намеки о тѣхъ важныхъ событіяхъ, которыя совершались предъ его глазами.

До знакомства съ Меценатомъ, который, какъ видно, предоставилъ полную свободу политическимъ убѣжденіямъ своего кліента, такое молчаніе Горація объясняется очень-просто: онъ не хотѣлъ льстить побѣдителю республиканской партіи и въ то же время не хотѣлъ да и не могъ порицать его. Но вотъ Горацій дѣлается довѣреннымъ лицомъ друга этого побѣдителя, кліентомъ человѣка, принимавшаго, какъ извѣстно, къ сердцу дѣло реформы не менѣе, чѣмъ самъ Октавіанъ — и что же? измѣнилъ ли Горацій своему убѣжденію? — нисколько. Напротивъ, упорное молчаніе объ Августѣ и вообще тонъ, господствующій въ означенное время въ произведеніяхъ Горація, трудно даже согласить съ отношеніями его къ Меценату. Здѣсь мы должны указать на замѣчательный, едва вѣроятный фактъ, который, можетъ-быть, извѣстенъ не всѣмъ порицателямъ Горація, а именно, на то, что онъ, впродолженіе семи лѣтъ, отъ 716 до 722 года, будучи уже близкимъ человѣкомъ къ Меценату, не только ни разу не обнаружилъ своего сочувствія къ Октавіану, но даже ни разу не упомянулъ о немъ [3]), несмотря на то, что побѣдитель при Филиппахъ давно уже сдѣлался всесильнымъ человѣкомъ въ Римѣ и быстро шелъ къ своей цѣли.

Вообще, сочувствіе къ новымъ формамъ римской жизни, побѣда которыхъ надъ прежнимъ порядкомъ для всѣхъ была очевидна, долгое время не проявляется въ Гораціи. Несмотря, однако, на все свое нежеланіе пристать къ какой-нибудь партіи, поэтъ не

---

[3]) За исключеніемъ третьей сатиры I-й книги, гдѣ, въ 4-мъ стихѣ, Горацій совершенно-равнодушно упоминаетъ имя Цезаря. Замѣтимъ, при этомъ, что въ 10-й сатирѣ, ст. 81, говорится совсѣмъ не объ Октавіанѣ, какъ многіе полагали, а о поэтѣ и историкѣ Октавіи. Вообще въ I-й книгѣ сатиръ Горація господствуетъ полное молчаніе объ Августѣ.

могъ вполнѣ равнодушно смотрѣть на событія, имѣвшія такое огромное значеніе для его родины. Лира Горація не могла не отозваться на эти событія. Такъ въ IX-й эподѣ (ст. 7) онъ радуется побѣдѣ Августа надъ Секстомъ Помпеемъ; но не должно забывать, что это былъ не болѣе, какъ морской разбойникъ, а отнюдь не защитникъ римской свободы. Побѣда Августа вызвала радостное чувство въ людяхъ всѣхъ партій, потому-что Секстъ Помпей велъ войну противъ своего отечества, уничтожилъ торговлю и подвозъ съѣстныхъ припасовъ къ Италіи, и постоянно грозилъ общественной безопасности своею арміей, которая состояла изъ рабовъ и не отличалась никакою дисциплиною. Жители Италіи, освобожденные отъ страха, привѣтствовали Октавіана, какъ божество, и воздвигли ему алтари. Горацій не обратилъ вниманія на этотъ общій восторгъ и не счелъ нужнымъ славить Августа (въ особомъ стихотвореніи) за его блистательную побѣду.

Въ Римѣ не мало было въ это время людей, которые съ надеждою смотрѣли на Антонія, какъ на защитника стариннаго римскаго устава, и съ нетерпѣніемъ ждали битвы при Акціумѣ: она должна была рѣшить вопросъ о первенствѣ между Октавіаномъ и его соперникомъ. Умный Горацій не раздѣлялъ съ другими этихъ несбыточныхъ надеждъ: онъ ужь ясно понималъ, что римскую свободу сгубили не Цезарь, не Октавіанъ, а развратъ, роскошь, эгоизмъ и полная утрата тѣхъ доблестей, которыми древніе римляне придали блескъ и величіе своему государству. Горацій понималъ, что:

Не отъ такихъ отцовъ былъ нѣкогда рожденъ
Народъ, который далъ пучинѣ цвѣтъ багровый
Отъ карѳагенскихъ тѣлъ, кѣмъ Пирръ былъ побѣжденъ
И мощный Антіохъ и Аннибалъ суровый.
То были воиновъ-оратаевъ сыны,
Привычные вращать сабинскою киркóю
Бразду, имъ матерью заранѣ внушены
И страхъ и трудъ: они вечернею порою
Несли ей дровъ, когда надъ сумракомъ земли
Отъ солнца выси горъ блистали багряницей —
И безъ ярма волы, качаясь, тихо шли,
И ночь гналась во слѣдъ за ясной колесницей... [4]).

Человѣкъ, призванный, какъ многимъ тогда казалось, ратовать за преданія республики, соединялъ въ себѣ тѣ самые пороки, ко-

[4]) То-есть, солнца. Въ послѣднихъ стихахъ приведеннаго отрывка (изъ 6-й оды III-й кн.), г. Фетъ значительно уклонился отъ словъ подлинника. Впрочемъ, картина та же, что и у Горація.

торые привели къ гибели римскую свободу, и въ то самое время, какъ на него были обращены всѣ надежды, постыдно дремалъ въ объятіяхъ развратной египетской царицы. Впрочемъ, связь Антонія съ Клеопатрою охладила къ нему самыхъ жаркихъ его приверженцевъ. Мысль, что она вмѣстѣ съ своимъ любовникомъ завладѣетъ Римомъ и будетъ царить изъ Капитолія надъ цѣлымъ свѣтомъ, многихъ приводила въ ужасъ и въ негодованіе.

Война противъ Антонія и Клеопатры, и событія, находящіяся въ ближайшей связи съ этою катастрофою, вызвали наконецъ у Горація нѣсколько стихотвореній въ похвалу побѣдителя, но и въ нихъ онъ менѣе всего является льстецомъ Августа. Такъ въ IX-й эподѣ, написанной по случаю битвы при Акціумѣ, поэтъ порицаетъ Антонія и, въ виду блистательной побѣды, въ двухъ словахъ хвалитъ подвигъ Августа. Для того, чтобъ видѣть, какъ умѣренна эта похвала, не худо обратить вниманіе на описаніе битвы при Акціумѣ, оставленное Виргиліемъ [5]).

Очень-близкую связь съ девятою эподой имѣетъ тридцать-седьмая ода первой книги. Хотя Антоній и обезславилъ себя при Акціумѣ тѣмъ, что еще до окончанія битвы бѣжалъ вслѣдъ за Клеопатрою, тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ еще достаточно средствъ для продолженія войны. Несмотря на измѣну нѣкоторыхъ союзниковъ, у Антонія оставалось еще огромное войско, готовое дать отпоръ Октавіану. Въ Римѣ знали это, и потому многіе въ страхѣ ожидали развязки кровавой драмы, которая началась при Акціумѣ. При такихъ обстоятельствахъ получено было извѣстіе о томъ, что Октавіанъ Цезарь овладѣлъ Александріей и, вслѣдъ за тѣмъ, цѣлымъ Египтомъ, а Антоній и Клеопатра лишили себя жизни. Восторгъ, возбужденный въ столицѣ Италіи этимъ извѣстіемъ, былъ, можно сказать, общій. Съ Антоніемъ исчезъ послѣдній поводъ къ гражданской распрѣ, такъ долго терзавшей Римское государство. Радость, которую Горацій выразилъ при этомъ случаѣ въ упомянутомъ стихотвореніи, была, конечно, не притворна, и онъ отъ души приглашалъ своихъ друзей отпраздновать ее, какъ должно. Горацій и здѣсь проникнутъ негодованіемъ при мысли, что повелительница варваровъ готовилась царить въ Римѣ съ отвратительною толпою своихъ евнуховъ; но, съ другой стороны, поэтъ отдаетъ полную справедливость благородной рѣшимости Клеопатры умереть, чтобъ не послужить украшеніемъ тріумфу побѣдителя.

---

[5]) Aen. VIII, 675 и слѣд.

Цезарь (говоритъ поэтъ) устремился на Антонія и Клеопатру, какъ ястребъ на нѣжныхъ голубковъ, какъ охотникъ гемонскій (ѳессалійскій) на зайца....

Но, смерти благородной
Взалкавши, мужества не женскаго полна,
Меча не устрашась, на дальній брегъ свободный
Не бросилась она [6];
Нѣтъ, съ радостнымъ челомъ она взираетъ смѣло
На грустный свой чертогъ, и храбрая стократъ
Ласкаетъ лютыхъ змѣй, чтобъ царственное тѣло
Всосало черный ядъ.
Обдумавъ смерть свою, достойную царицы,
На торжество врагамъ не отдалась она —
И не пошла рабой у гордой колесницы
Великая жена.

Вообще, справедливость составляетъ свѣтлую и привлекательную черту въ поэзіи Горація. Возвышаясь надъ простымъ чувствомъ, отвлекаясь отъ политическихъ и всякихъ другихъ предубѣжденій, онъ всегда безпристрастно выражаетъ и свою симпатію, и свое отвращеніе.

Битва при Акціумѣ окончательно убѣдила Горація въ томъ, что старый порядокъ кончился и государство вступаетъ въ новый періодъ своей исторіи. Желая, однако, отстранить отъ нашего поэта подозрѣніе въ томъ, будто онъ выжидалъ исхода борьбы между Антоніемъ и Августомъ, чтобъ стать на сторону побѣдителя, мы должны указать на одно стихотвореніе Горація, написанное имъ незадолго до битвы при Акціумѣ, гдѣ уже ясно высказывается его новое политическое убѣжденіе. Мы говоримъ о первой эподѣ, которая замѣчательна, между-прочимъ, тѣмъ, что въ ней въ первый разъ, послѣ семилѣтней дружбы поэта съ Меценатомъ, появилось въ произведеніяхъ Горація имя Цезаря. Это стихотвореніе явилось въ тотъ самый годъ (723), который рѣшилъ, кому изъ тріумвировъ суждено было царствовать въ Римѣ: вопросъ о единодержавіи былъ уже рѣшенъ гораздо раньше, именно, со времени битвы при Фарсалѣ. По первоначальному плану, Меценатъ, кажется, долженъ былъ сопутствовать Августу въ походѣ его противъ Антонія; по-крайней-мѣрѣ, въ такомъ смыслѣ написана разбираемая эпода. Поэтъ предлагаетъ себя въ спутники Меценату «готовому дѣлить съ Цезаремъ всѣ опасности». Конечно, этими словами Горацій хотѣлъ

---

[6]) Не бѣжала изъ Александріи.

сказать, что и самъ онъ готовъ раздѣлять эти опасности [7]). Вотъ первое, хотя и косвенное заявленіе поэтомъ сочувствія реформѣ Августа. Эти слова нарушили, наконецъ, упорное молчаніе Горація относительно человѣка, который на-дѣлѣ ужь задолго до того сдѣлался всесильнымъ властителемъ на западѣ Римскаго государства.

Очень-естественно, что сочувствіе Горація, проникнутаго убѣжденіемъ въ необходимости для Рима монархіи, обратилось къ Октавіану. Кромѣ вліянія Мецената, это легко объясняется и другими причинами. Единственнымъ соперникомъ Октавіана могъ быть только Антоній; но мы уже замѣтили, что эта личность никакимъ образомъ не могла возбудить къ себѣ симпатіи въ человѣкѣ, сколько нибудь умномъ и благородномъ. Нѣтъ нужды прибавлять, что въ новомъ своемъ убѣжденіи Горацій стоялъ не отдѣльно отъ другихъ, потому-что республика задолго до того перестала существовать въ Римѣ не только фактически, но и совершенно утратила сочувствіе къ себѣ въ массѣ народа. Отжившая идея стараго порядка существовала въ это время только въ душѣ нѣкоторыхъ мечтателей или политическихъ спекуляторовъ, видѣвшихъ для себя выгоду въ смутахъ и неурядицѣ [8]). Въ царствованіе Августа, дѣйствительно, было нѣсколько попытокъ низвергнуть реформу. Такъ въ 725-мъ году Меценатъ открылъ и подавилъ заговоръ Марка Лепида, сына извѣстнаго тріумвира. Веллей Патеркулъ, говоря объ этомъ происшествіи, прибавляетъ, что Лепидъ былъ молодой человѣкъ, болѣе отличавшійся красивою наружностью, чѣмъ обдуманностью [9]). О заговорѣ Лицинія Мурены мы уже упомянули выше. Въ этомъ дѣлѣ, которое относится къ 732 году, принималъ участіе также Фанній Цепіонъ. Вслѣдъ затѣмъ, былъ уличенъ въ преступныхъ замыслахъ противъ Августа и казненъ римскій сенаторъ

---

[7]) Приведенная эпода была, вѣроятно, написана Гораціемъ вслѣдствіе частнаго разговора съ Меценатомъ, когда планъ похода противъ Антонія не былъ еще измѣненъ. Въ этомъ походѣ Агриппа, очевидно, могъ оказать Августу гораздо-болѣе услугъ, чѣмъ невоинственный Меценатъ; къ тому же присутствіе его было необходимо въ Римѣ, гдѣ не дремали враги Августа. При Акціумѣ, какъ извѣстно, Агриппа блистательно оправдалъ его надежды.

[8]) Мы нисколько не отрицаемъ, впрочемъ, что между политическими врагами Августа могли быть и были люди очень-благородные. Такъ, напримѣръ, въ Сенатѣ слышались по временамъ свободные голоса (Tac. Ann. III, 75 и Sueton. Aug. 54). Замѣчательно также, что между старымъ поколѣніемъ римскихъ поэтовъ этого времени не мало было противниковъ реформы. См. Вейхерта въ Poet. lat. reliquiæ, стр. 355.

[9]) Vell. Pater. II. гл. 88.

Эгнацій Руфъ, вмѣстѣ съ своими сообщниками. Наконецъ, должно упомянуть о заговорѣ Корнелія Цинны, который былъ помилованъ по просьбѣ Ливіи, но, впрочемъ, это событіе относится къ тому времени, когда нашего поэта не было ужь въ живыхъ. Горацій ясно понималъ всю безвременность и безплодность этихъ попытокъ; онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что возбужденіе въ народѣ сочувствія къ отжившей идеѣ повело бы только къ трагическому фарсу и къ новому кровопролитію. Мы ужь видѣли, какимъ путемъ дошелъ Горацій до этого взгляда на окружавшую его дѣйствительность. Послѣ всего сказаннаго выше, мы имѣемъ полное право замѣтить, что, изучая, на основаніи произведеній римскаго поэта, любопытный психологическій процессъ, совершившійся въ душѣ его, вникая въ этотъ постепенный переходъ его отъ одного убѣжденія къ другому, противоположному, мы вездѣ видимъ въ Гораціи человѣка честнаго, и даже затруднимся указать на другое лицо, въ какой бы то ни было исторіи, въ которомъ бы подобное превращеніе совершилось такъ логически и благородно, безъ всякаго участія постороннихъ и эгоистическихъ цѣлей.

Изъ другихъ событій, относящихся къ разсматриваемому періоду жизни Горація, мы должны упомянуть здѣсь о подаркѣ, сдѣланномъ ему Меценатомъ, который, разумѣется, вполнѣ готовъ былъ обогатить своего друга, еслибъ только онъ пожелалъ этого. Подарокъ этотъ, такъ радовавшій Горація во всю его жизнь, состоялъ въ небольшомъ помѣстьѣ, невдалекѣ отъ Тибура. Мы не имѣемъ, впрочемъ, нужды распространяться здѣсь о скромной сабинской виллѣ нашего поэта, потому-что посвятили изслѣдованію этого вопроса отдѣльную главу. Результатъ, къ которому оно привело насъ тотъ, что еслибъ Горацій хотѣлъ торговать своими убѣжденіями, то, навѣрное, продалъ бы ихъ гораздо дороже [10]).

2.

Въ 725 году, 14-го секстиля (sextilis), или августа, какъ впослѣдствіи (въ 746 г.) названъ былъ этотъ мѣсяцъ, Цезарь Октавіанъ, послѣ продолжительнаго отсутствія, возвратился съ Востока въ Римъ. Этотъ годъ былъ однимъ изъ самыхъ блистательныхъ въ его жизни. Много причинъ соединилось для того, чтобъ увеличить блескъ тріумфа при въѣздѣ Октавіана въ столицу Италіи. Блистательная побѣда при Акціумѣ, обращеніе обширной и бога-

[10]) См. въ главѣ «Сабинское помѣстье Горація».

той страны въ римскую провинцію, гибель враговъ Октавіана — все это обѣщало утомленному безпрерывными войнами Риму спокойную и безопасную будущность. Дѣло монархіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желаннаго мира рѣшено было окончательно, потому-что Октавіанъ не имѣлъ болѣе соперниковъ. Въ это-то время Меценатъ представилъ Октавіану своего друга, уже всѣмъ извѣстнаго въ Римѣ поэта, въ произведеніяхъ котораго все яснѣе-и-яснѣе начало отражаться сочувствіе къ возникавшей политической реформѣ. Неизвѣстно положительно, зналъ ли до этого времени Октавіанъ о новомъ замѣчательномъ писателѣ, который быстро занялъ такое видное мѣсто въ рядахъ римскихъ поэтовъ. Конечно, все время отъ 713 до 725 года было посвящено Октавіаномъ дѣлу реформы, и необыкновенныя усилія, которыхъ она требовала, легко могли отвлечь его отъ литературы; это, однако, не помѣшало ему обратить вниманіе на Виргилія, и едва-ли можно допустить, что Горацій, другъ Мецената, такъ долго оставался незамѣченнымъ тѣмъ самымъ человѣкомъ, который вслѣдъ за тѣмъ употребилъ столько усилій, чтобъ приблизить къ себѣ римскаго поэта. Меценату, разумѣется, легко было найти удобный случай представить своего геніальнаго кліента Октавіану гораздо-раньше того времени, какъ онъ возвратился въ Римъ изъ Египта. Отчего же прошло столько лѣтъ, прежде чѣмъ Горацій сблизился съ Октавіаномъ? Съ чьей стороны было нежеланіе этого сближенія? Можетъ быть, Октавіанъ намѣренно выказывалъ такъ долго невниманіе къ поэту, досадуя на него за то, что онъ не хотѣлъ примкнуть къ реформѣ.

Со времени знакомства Горація съ Августомъ начали появляться, одно за другимъ, тѣ стихотворенія римскаго поэта, гдѣ все болѣе-и-болѣе высказывалось новое его направленіе. Несмотря на то, и въ это время мы встрѣчаемъ между произведеніями Горація такія, которыя трудно согласить съ отношеніями его къ главѣ Римскаго государства. Приверженцы реформы, какъ видно, еще до 725 года старались вызвать поэта къ прославленію подвиговъ Августа. Горацій постоянно отклонялъ отъ себя подобныя просьбы, потому что, вѣроятно, не довѣрялъ еще въ это время своему новому чувству. Въ такомъ тонѣ онъ отвѣчалъ Випсанію Агриппѣ (въ 6-й одѣ I-й кн.) и самому Меценату (въ 12-й одѣ II-й кн.) на предложеніе его написать лирическій панегирикъ Октавіану, когда онъ готовился возвратиться въ Римъ побѣдителемъ Антонія. Смыслъ всѣхъ подобныхъ отвѣтовъ Горація друзьямъ и сторонникамъ Августа можно выразить въ слѣдующихъ словахъ: «я не чувствую

въ себѣ призванія быть Гомеромъ вашихъ подвиговъ». Такой отвѣтъ, разумѣется, нисколько не пятналъ этихъ подвиговъ; поэтъ не относился къ нимъ непріязненно, но въ то же время не отказывался всенародно отъ прежнихъ своихъ убѣжденій, которыя заставили его послѣдовать за Брутомъ. Мы видимъ, что никакія убѣжденія не могли сначала склонить Горація стать въ ряды хвалителей Августа. Поэтъ какъ-бы выжидалъ, чтобъ самыя событія подкрѣпили его новый образъ мыслей и упрочили за Августомъ, вмѣстѣ со славою хорошаго правителя, благодарность римскаго народа.

Замѣчательно, однако, что такой же отвѣтъ мы встрѣчаемъ у Горація на подобныя предложенія даже и въ то время, когда онъ окончательно перешелъ на сторону Августа. Длятого, чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на разговоръ римскаго поэта съ Требаціемъ [11]). Поэтъ говоритъ, что онъ никакъ не можетъ отстать отъ своей привычки писать стихи, несмотря на то, что они (именно сатиры) уже много надѣлали ему хлопотъ. На это Требацій замѣчаетъ ему (ст. 10): «если тебя увлекаетъ такая страсть къ авторству, то попробуй описать подвиги непобѣдимаго Цезаря, и ты будешь щедро награжденъ за свой трудъ». Горацій, по своему обычаю, отвѣчаетъ, что у него не достанетъ ни силъ, ни таланта на прославленіе военной доблести Августа. Требацій не

---

[11]) Въ 1-й сатирѣ II-й кн. Эта сатира написана никакъ не раньше 725 года. Кай Требацій Теста достаточно извѣстенъ изъ писемъ Цицерона, который посвятилъ ему свои «Topica». Это былъ извѣстный римскій юристъ, учитель Антистія Лабеона. Во время войны Цезаря съ Помпеемъ онъ держалъ, подобно Цицерону, сторону послѣдняго, но потомъ былъ помилованъ Цезаремъ. Августъ очень дорожилъ Требаціемъ и часто съ нимъ совѣтовался о государственныхъ дѣлахъ. Предположеніе, что Требацій уже не существовалъ въ то время, къ которому относится разбираемая сатира, очень-неосновательно, ибо, въ такомъ случаѣ, поэтъ очень неумѣстно вмѣшалъ бы въ свое произведеніе (ст. 84) имя Октавіана. Нѣтъ сомнѣнія, что Горацій съ точностью передалъ намъ въ этой замѣчательной сатирѣ свой разговоръ съ Требаціемъ, который, конечно, въ это время былъ уже очень старъ. Веберъ (стр. 190), какъ кажется намъ, безъ достаточной причины, на основаніи разбираемой сатиры, предполагаетъ, что Августъ, по возвращеніи съ Востока, поручилъ высказать поэту свое сочувствіе къ его произведеніямъ не Меценату, а Требацію. Вѣроятно, прибавляетъ нѣмецкій ученый, онъ въ то же время передалъ Горацію приглашеніе явиться къ Августу, и таково, кажется, было начало знакомства его съ римскимъ поэтомъ.

удовлетворенъ этимъ отвѣтомъ и прибавляетъ: «но ты могъ бы, однако, представить его человѣкомъ справедливымъ и твердымъ, подобно тому, какъ умный Луцилій представилъ Сципіона». Эти слова вызываютъ у поэта слѣдующій отвѣтъ: «такъ я и поступлю, когда представится къ этому удобный случай». Наконецъ, точно такъ же уклончиво отвѣчалъ Горацій Юлу Антонію, въ одной изъ своихъ одъ [12]), которая относится къ 738 году.

Нѣкоторые ученые и въ этихъ послѣднихъ отвѣтахъ Горація видѣли нежеланіе его славить подвиги Августа; но такое предположеніе очень-странно, потому-что въ то время, когда Требацій и въ особенности Юлъ Антоній требовали у Горація панегириковъ Августу, поэтъ успѣлъ уже вполнѣ высказать къ нему сочувствіе въ своихъ произведеніяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что друзья Горація ждали отъ него эпическихъ панегириковъ монархіи, въ родѣ тѣхъ, какіе писали Варій, Виргилій и Овидій. Горацій, вообще отличавшійся необыкновеннымъ тактомъ, вполнѣ-здраво цѣнилъ свой талантъ и не признавалъ въ себѣ призванія эпическаго поэта. Вотъ, кажется намъ, настоящій смыслъ отвѣтовъ его Требацію и Юлу Антонію. Не можемъ, однако, не замѣтить, что, независимо отъ литературнаго воззрѣнія на свой талантъ, въ Гораціи едва-ли еще не болѣе дѣйствовало въ этомъ случаѣ нравственное чувство, ибо, иначе, чтó могло бы заставить его не писать плохихъ эпическихъ панегириковъ Августу? Всякій панегирикъ Горація, конечно, былъ бы принятъ съ благодарностью сторонниками реформы, да и едва-ли бы его эпосъ уступилъ, въ литературномъ отношеніи, множеству другихъ подобныхъ произведеній, которыми наводнена была въ это время римская поэзія.

Еще любопытнѣе для насъ тѣ произведенія Горація, гдѣ онъ, несмотря на свои отношенія къ Августу, открыто славитъ благороднѣйшихъ представителей римской республики, и притомъ, заклятыхъ враговъ Юлія Цезаря и его преемника. Вообще, между стихотвореніями Горація, изъ разбираемаго періода его литературной дѣятельности, не мало встрѣчается такихъ, которыя, конечно, многихъ должны были удивлять въ Римѣ своею смѣлостью. Такъ, напримѣръ, въ то время, когда все соревновало въ лести Августу, Горацій, въ одѣ своей къ Азинію Полліону [13]), который трудился надъ исторіей войны между Помпеемъ и Цезаремъ, почтилъ память Катона Утическаго, нехотѣвшаго пережить паденія Римской Рес-

[12]) См. вторую оду IV-й кн.

[13]) Первая ода II-й кн.

публики. Поэтъ говоритъ, что, читая отрывки изъ этой исторіи, онъ переносится своимъ воображеніемъ въ самый пылъ описанныхъ Полліономъ сраженій....

Ужъ рокотомъ роговъ, грозящихъ и трескучихъ,
Нашъ слухъ наполнилъ ты; уже труба трубитъ,
Ужь блескъ оружія смутилъ коней летучихъ
И взоры всадниковъ страшитъ.
И мнится, я внемлю словамъ краснорѣчивымъ
Вождей, взывающихъ подъ пылью боевой,
И духомъ лишь Катонъ упорствуетъ строптивымъ,
Хоть покоренъ весь кругъ земной.

Еще замѣчательнѣе, что въ одной изъ одъ своихъ къ Августу [14]), современной приведенному стихотворенію, Горацій не побоялся славить «благородную смерть Катона» (Catonis nobile letum) и поставить его имя рядомъ съ знаменитѣйшими именами римской исторіи. Въ посланіи къ Тибуллу [15]), поэтъ съ почетомъ упоминаетъ о Кассіи изъ Пармы, убійцѣ Цезаря, а въ двадцатомъ посланіи I-й книги (ст. 28) хвалится тѣмъ, что когда-то былъ въ милости у Брута. Горацій—мы можемъ это смѣло сказать—вездѣ высказываетъ благородный образъ мыслей; вездѣ, гдѣ только представлялся удобный случай, онъ славитъ знаменитыхъ людей изъ лучшей поры республики и, проникнутый сочувствіемъ и удивленіемъ къ нравамъ этой эпохи [16]), скорбитъ объ упадкѣ римской доблести [17]).

Какъ же согласить эти чувства Горація съ его переходомъ на сторону реформы? Въ этомъ мы не видимъ никакого психологическаго противорѣчія. Выказывая открыто свое сочувствіе ко всѣмъ благороднымъ проявленіямъ римской жизни, въ лучшую пору ея существованія, Горацій платитъ дань своему чувству, но умъ преобладаетъ у него надъ чувствомъ. Зрѣлое и спокойное размышленіе открыло ему новую сторону вопроса о политическихъ нуждахъ Рима, и поэтъ убѣдился, что идея, которой онъ служилъ такъ честно, въ-сущности прекрасная и возвышенная, была не по плечу измельчавшему поколѣнію его современниковъ. За этотъ именно умъ, за преобладаніе ума надъ чувствомъ, мы искренно уважаемъ Горація. Чувствительныхъ и увлекающихся людей всегда было много на свѣтѣ, по-крайней-мѣрѣ, гораздо-больше, чѣмъ людей истин-

[14]) Въ 12-й одѣ I-й кн., ст. 35.
[15]) 4-е посланіе I-й кн., ст. 3.
[16]) Для примѣра, указываемъ на 15 оду II-й кн., ст. 10 и слѣд.
[17]) Напримѣръ, въ 5-й и 6-й одахъ III-й кн.

но-умныхъ. При всемъ уваженіи къ чувству, составляющему такую необходимую принадлежность въ нашей нравственной природѣ, отъ человѣка, который хочетъ жить не безплодно, будемъ требовать прежде всего ума зрѣлаго и стойкаго. Иначе, даже подающихъ большія надежды юношей, увлекающихся отъ недостатка самостоятельности и оригинальности, и разныхъ слабоумныхъ поклонниковъ всякой эфемерной идеи, нерѣдко проповѣдуемой какимъ-нибудь мѣстнымъ микроскопическимъ авторитетомъ, придется поставить выше многихъ людей мыслящихъ.

3.

До-сихъ-поръ мы брали доказательства честности убѣжденій Горація изъ самыхъ его произведеній, но здѣсь является намъ на помощь древняя біографія поэта, написанная Светоніемъ, достовѣрность которой, какъ мы уже замѣтили выше, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Эта біографія почти исключительно наполнена подробностями объ отношеніяхъ Горація къ Августу, о которыхъ намъ теперь слѣдуетъ говорить. Еслибъ одинъ этотъ драгоцѣнный историческій документъ былъ извѣстенъ массѣ читателей, то нашъ поэтъ не нуждался бы ни въ какой защитѣ. Дѣйствительно, изъ этой біографіи оказывается, что онъ держалъ себя съ Августомъ такъ же независимо, какъ и съ Меценатомъ — дѣло едва-вѣроятное, еслибъ оно не было подтверждено неопровержимыми доказательствами. Светоній сохранилъ нѣсколько отрывковъ изъ писемъ Августа къ Меценату и къ самому Горацію, и изъ нихъ ясно видно, какъ всемощный правитель Рима заискивалъ расположеніе бѣднаго поэта, и какъ, съ другой стороны, онъ не поддавался этой дружбѣ. Мы считаемъ необходимымъ сообщить нашимъ читателямъ этотъ замѣчательный документъ римской литературной исторіи, съ опущеніемъ тѣхъ подробностей, которыя приведены уже выше. «Послѣ того (говоритъ Светоній) какъ Горацій вошелъ въ милость сначала къ Меценату, а потомъ къ Августу, онъ пріобрѣлъ не малую дружбу того и другаго. До какой степени любилъ Горація Меценатъ — достаточно видно изъ слѣдующей эпиграммы...» (Затѣмъ слѣдуетъ у Светонія уже приведенное нами небольшое стихотвореніе Мецената, въ которомъ онъ выражаетъ свое расположеніе къ поэту). «Но еще больше это видно (продолжаетъ біографъ) изъ завѣщанія Мецената, въ которомъ онъ обращается къ Августу съ слѣдующими словами: «Помни

о Гораціи Флаккѣ не меньше, чѣмъ обо мнѣ самомъ». Переходя потомъ къ характеристикѣ отношеній римскаго кесаря къ Горацію, Светоній сообщаетъ слѣдующія любопытныя подробности: «Августъ (говоритъ онъ) предлагалъ Горацію должность своего секретаря, какъ это значится въ слѣдующемъ письмѣ кесаря къ Меценату: «Прежде меня самого доставало на переписку съ друзьями, теперь же я, какъ человѣкъ очень-занятый и больной, хочу отнять у тебя (для этой цѣли) нашего Горація [18]). Итакъ, пусть онъ отъ твоего *параситскаго* [19]) стола явится къ моему царскому съ тѣмъ, чтобъ помогать мнѣ въ моей перепискѣ». И когда поэтъ отказался отъ этой должности, то онъ (Августъ) не разсердился на него и не переставалъ выказывать ему знаки своего расположенія. Есть письма, изъ которыхъ я, для доказательства этого, приведу небольшіе отрывки: «Возьми себѣ какую-нибудь должность при мнѣ (писалъ Августъ къ Горацію), хотя бы съ тѣмъ, чтобъ сдѣлаться постояннымъ моимъ собесѣдникомъ (въ подлинникѣ: convictor — сожителемъ), ибо я охотно вошелъ бы съ тобою въ такія отношенія, еслибъ только это дозволило твое здоровье». И въ другой разъ: «какъ я помню о тебѣ, ты можешь слышать отъ нашего Септимія, ибо случилось, что была о тебѣ рѣчь въ его присутствіи; и если ты, по своей гордости, пренебрегъ моею дружбою, то я не плачу тебѣ за это тою же монетою» [20]). Кромѣ того, между другими шутками, Августъ часто называлъ Горація «милѣйшимъ человѣчкомъ» (homuncionem lepidissimum) и обогатилъ его не однимъ подаркомъ [21]). Августъ имѣлъ до-того высокое мнѣніе о про-

---

[18]) Въ этомъ мѣстѣ мы слѣдуемъ чтенію, принятому Бентли: *a te cupio abducere*, вмѣсто обыкновеннаго чтенія: *Horatium nostrum te cupio adducere*, то-есть, хочу, чтобъ ты привелъ ко мнѣ нашего Горація.

[19]) Августъ хочетъ сказать этими словами, что Горацій не имѣлъ въ домѣ Мецената никакого опредѣленнаго занятія.

[20]) Въ подлинникѣ: neque enim, si tu superbus amicitiam nostram sprevisti; ideo nos quoque ἀνθυπερφρονοῦμεν». Греческое слово, которое здѣсь употребилъ Августъ, даетъ собственно этому мѣсту слѣдующій смыслъ: «я не горжусь передъ тобою, въ возмездіе за твою гордость».

[21]) Это выраженіе не точно. Извѣстно, что Горацій никогда не былъ богатымъ человѣкомъ; напротивъ, онъ вездѣ называетъ себя «pauper», то-есть бѣднякомъ. Это слово, впрочемъ, не должно принимать въ нашемъ смыслѣ: оно постоянно означаетъ у Горація человѣка, имѣющаго все необходимое для жизни, и въ то же время лишеннаго средствъ къ роскоши; потому оно отличается своимъ значеніемъ отъ *inops*, *egenus* и другихъ подобныхъ словъ.

изведеніяхъ Горація и до-того былъ убѣжденъ въ ихъ безсмертіи, что не только поручилъ ему написать стихотвореніе на столѣтнее торжество Рима, но и другое — на побѣду пасынковъ своихъ, Тиберія и Друза, надъ Винделиками [22]). Онъ принудилъ его, по той же причинѣ, къ тремъ книгамъ одъ, спустя долгое время, прибавить четвертую. Прочитавъ нѣкоторыя сатиры Горація, Августъ такъ жаловался на то, что въ нихъ ни разу не упомянуто его имя: «Знай, что я сержусь на тебя за то, что въ большей части подобнаго рода произведеній ты не обращаешься преимущественно ко мнѣ. Или ты боишься, чтобъ твоя дружба со мною не послужила для тебя позоромъ въ потомствѣ?» Такимъ-образомъ, онъ вынудилъ у Горація эклогу (посланіе), которая начинается слѣдующими словами: «Между-тѣмъ, кесарь, какъ ты одинъ несешь на себѣ такое бремя важныхъ (государственныхъ) дѣлъ, оружіемъ водворяешь безопасность въ Италіи, украшаешь ее добрыми нравами, исправляешь законами, я бы погрѣшилъ противъ общественной пользы, еслибъ отнялъ у тебя время длиннымъ произведеніемъ» [23]). Роста Горацій былъ небольшаго и тученъ, какимъ онъ и самъ изображаетъ себя въ своихъ сатирахъ [24]), и описываетъ его Августъ въ слѣдующемъ письмѣ: «Діонисій [25]) доставилъ мнѣ твое небольшое стихотвореніе [26]), которое я, не жалуясь на его краткость, какъ бы оно ни было мало, вполнѣ одобряю. Мнѣ кажется, однако, ты боишься, чтобъ твои стихотворенія не были больше, чѣмъ самъ ты. Но если тебѣ недостаетъ роста, то нѣтъ у тебя недостатка въ тучности, и потому тебѣ позволяется писать хоть на бутылкѣ, чтобъ обхватъ твоихъ свертковъ былъ какъ можно болѣе раздутъ, на подобіе твоего брюшка» [27]).

[22]) Здѣсь разумѣются 4 и 14 оды Горація IV-й кн.

[23]) Эти слова составляютъ начало знаменитаго посланія Горація къ Августу. Этимъ произведеніемъ начинается вторая книга посланій римскаго поэта.

[24]) Напримѣръ, въ третьей сатирѣ II-й кн., ст. 308. Ср. четвертое посланіе I-й кн., ст. 15.

[25]) Это былъ отпущенникъ Августа.

[26]) Въ подлинникѣ сказано «libellum». Слово *liber*, или *libellus*, можетъ означать въ латинскомъ языкѣ одинъ исписанный листъ бумаги. Поэтому можно предположить, что это письмо къ Горацію написано Августомъ по поводу какой-нибудь оды, которую поэтъ поручилъ передать кесарю одному изъ его приближенныхъ. Едва-ли здѣсь рѣчь, какъ нѣкоторые полагаютъ, о первомъ посланіи Горація II-й книги. Это посланіе заключаетъ въ себѣ 270 стиховъ, и потому не могло быть названо «libellus».

[27]) Для того, чтобъ вполнѣ понять эту дружескую остроту Августа,

Затѣмъ слѣдуетъ у Светонія извѣстное мѣсто о зеркальной спальнѣ (speculatum cubiculum) Горація, которое вызвало столько наивныхъ декламацій противъ поэта. Лессингъ, въ своихъ «Rettungen des Horaz», подробно доказываетъ всю нелѣпость этой, безъсомнѣнія, позднѣйшей вставки въ біографію Горація, внесенной сюда, какъ это часто случалось, какимъ-нибудь досужимъ грамматикомъ, или просто переписчикомъ. Не говоря уже о томъ, что латынь въ словахъ этой вставки рѣзко отличается отъ другихъ мѣстъ біографіи, замѣтимъ, что Августъ, такъ много заботившійся, по словамъ Горація, «украсить Италію добрыми нравами» не позволилъ бы такого поведенія, или, по-крайней-мѣрѣ, не приблизилъ бы къ себѣ человѣка, такъ грязно выставлявшаго на позоръ свой развратъ. Стоитъ только припомнить себѣ ссылку Овидія, одною изъ главныхъ причинъ которой, какъ онъ самъ говоритъ, былъ цинизмъ въ его произведеніяхъ, чтобъ убѣдиться въ невѣроятности приведеннаго свидѣтельства. Лессингъ неопровержимо доказалъ, что оно внесено въ біографію Горація изъ Сенеки, который то же самое и почти тѣми же словами разсказываетъ о какомъ-то Гостіи[28]).

Оставляя въ сторонѣ этотъ нелѣпый разсказъ, скажемъ нѣсколько словъ въ поясненіе другихъ приведенныхъ біографическихъ замѣтокъ о Гораціи, невольно останавливающихъ на себѣ вниманіе читателя. Нельзя не сознаться, что эти замѣтки дѣлаютъ честь не только Горацію, но и Августу. Его отношенія къ поэту истинно-изумительны. Нужно было имѣть возвышенный взглядъ на вещи, чтобъ, въ качествѣ повелителя почти цѣлаго міра, не оскорбиться упорствомъ бѣднаго поэта, такъ рѣзко отклонившаго отъ себя предложеніе человѣка, воля котораго для всѣхъ служила закономъ. Августъ, разумѣется, не нуждался въ секретарскихъ способностяхъ Горація и только искалъ предлога приблизить его

необходимо припомнить себѣ, что древніе навертывали свои рукописи (volumina) на палочки, или деревянные цилиндры, отъ толщины которыхъ, разумѣется, зависѣла толщина манускрипта. Такимъ-образомъ смыслъ остроты Августа слѣдующій: если ты не желаешь, Горацій, чтобъ свертки твоихъ произведеній были длиннѣе тебя, то позаботься, по-крайней-мѣрѣ, о томъ, чтобъ они были такъ же толсты, какъ ты; а достигнешь ты этого лучше всего, если вмѣсто палочки, будешь навертывать ихъ на бутылку. Этимъ послѣднимъ словомъ мы должны были передать смыслъ употребленнаго Августомъ выраженія: «sextariolus». Это уменьшительное слова *sextarius*, которое обозначало извѣстную мѣру жидкостей (именно шестую часть конгія — *congius*).

[28]) Natur. quæst. 1, 16.

къ себѣ. Рѣшительное нежеланіе поэта сдѣлаться домашнимъ секретаремъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приближеннымъ лицомъ Августа, конечно, многихъ удивило въ Римѣ и непріятно подѣйствовало на самого кесаря. Это видно изъ словъ, которыя вырвались у него въ письмѣ къ Горацію, гдѣ Августъ упрекаетъ поэта въ томъ, что онъ пренебрегъ его дружбою. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что предлогъ, подъ которымъ Горацій уклонился отъ предложенной ему должности, имѣлъ отчасти свое основаніе. Можетъ-быть, онъ дѣйствительно опасался, что безпокойная придворная жизнь разрушительно подѣйствуетъ на его здоровье. Горацій, несмотря на свою тучность, о которой упоминаетъ Светоній, былъ человѣкъ болѣзненный. Это видно, между-прочимъ, изъ приведенныхъ выше словъ его къ Меценату (въ началѣ седьмаго посланія первой книги). Вообще Горацій нерѣдко говоритъ о своихъ немощахъ съ тою же милою откровенностью, съ какою сообщаетъ намъ и другія подробности своей жизни. Онъ особенно-часто и съ раннихъ лѣтъ страдалъ глазными воспаленіями [29]), что, конечно, было большою помѣхою для секретарской должности, которую предлагалъ ему кесарь. Частое посѣщеніе водъ сдѣлалось для поэта необходимостью, и вотъ причина поѣздокъ его въ Баіи [30]), гдѣ онъ пользовался горячими сѣрными ключами. Наконецъ, извѣстный римскій гидропатъ и придворный врачъ Августа, Антоній Муза присовѣтовалъ ему леченіе холодною водою въ Клузіумѣ и Габіяхъ. Горацій рано отжилъ. На сороковомъ году жизни въ немъ уже обнаружились всѣ признаки преждевременной старости: онъ хандритъ, ищетъ солнца и жалуется на зябкость своего тѣла. Густые, черные волосы уже задолго до этой поры исчезли съ его «узкаго лба» [31]). При такихъ условіяхъ, придворная жизнь не могла быть по душѣ Горацію, и не удивительно, что онъ предпочиталъ свой сельскій домикъ палатамъ Августа. Во всякомъ случаѣ, однако, главная причина этого предпочтенія заключалась въ характерѣ поэта, а не въ физическихъ его немощахъ. Человѣкъ искательный и честолюбивый не пожертвовалъ бы блистательнымъ положеніемъ при дворѣ могуществен-

---

[29]) См. пятую сатиру I-й кн., ст. 30.

[30]) 15-е посланіе I-й кн., ст. 10. Подробности о жизни римлянъ въ этомъ городѣ собраны въ статьѣ моей, подъ заглавіемъ «Баіи», помѣщенной въ III томѣ «Пропилей», стр. 337 и слѣд.

[31]) Всѣ эти подробности основаны на свидѣтельствахъ самого Горація, въ указанномъ посланіи его къ Меценату, а также въ 20 посланіи I-й кн., ст. 24, въ концѣ 14-й оды III кн. и т. д.

наго монарха любви къ спокойствію и даже заботѣ о своемъ здоровьѣ.

Другой упрекъ, который мы находимъ въ письмахъ Августа къ Горацію, именно въ томъ, что поэтъ не обращается къ нему въ своихъ произведеніяхъ, требуетъ также поясненія. Августъ, какъ видно, не былъ удовлетворенъ почтительнымъ сочувствіемъ, которое Горацій выказывалъ ему въ своихъ одахъ. Поэтъ обращался въ нихъ къ нему какъ къ человѣку общественному, оказавшему большія услуги Риму, какъ къ кесарю, слава котораго гремѣла въ цѣломъ свѣтѣ. Августъ не хотѣлъ, чтобъ тонъ этихъ произведеній хотя сколько-нибудь казался оффиціальнымъ; онъ желалъ, чтобъ Горацій обнаружилъ къ нему дружескія отношенія, какъ къ частному человѣку. Кесарь былъ не прочь отъ того, чтобъ потомство видѣло, какъ близокъ былъ къ нему любимый его поэтъ. Несмотря на то, Горацій и впослѣдствіи не измѣнилъ тона въ своихъ произведеніяхъ, посвященныхъ Августу; ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ той дружеской искренности, которая такъ привлекательна въ стихотвореніяхъ нашего поэта, обращенныхъ къ Меценату.

Чтó жь, однако, заставило всемощнаго императора такъ настойчиво домогаться дружбы Горація? Мы уже отвѣтили на этотъ вопросъ, говоря объ отношеніяхъ его къ Меценату. Положимъ, что какъ Августомъ, такъ и его сотрудникомъ въ дѣлѣ реформы руководило въ этомъ случаѣ не столько удивленіе къ геніальности Горація, сколько эгоистическое желаніе воспользоваться этою геніальностью для цѣлей политическихъ. Нельзя не согласиться, что такая политика невольно внушаетъ уваженіе къ какому бы то ни было правительству, и остается только пожалѣть о томъ, что она такъ рѣдко встрѣчается въ исторіи. Къ-счастью, однако, мы можемъ доказать, что и другое еще болѣе возвышенное чувство заставило Августа обратить вниманіе на Горація. Извѣстно, что этотъ кесарь много и искренно заботился объ улучшеніи народной нравственности, которая, при безпрестанныхъ смутахъ, такъ низко пала въ Римѣ, въ послѣднее время республики. Однимъ изъ лучшихъ средствъ для этого онъ считалъ сатиру, потому-что смотрѣлъ на литературу не только какъ на опору своей реформы, но и какъ на могущественное нравственное средство искоренить общественное зло. Мы бы не рѣшились выставить здѣсь эту замѣчательную черту въ характерѣ Августа, еслибъ не нашли у самого Горація полнаго подтвержденія нашей мысли, въ одномъ изъ тѣхъ мѣстъ произведеній его, которыя почему-то не обратили на себя должнаго вниманія изслѣдователей римской литературной ста-

рины. Это мѣсто находится въ концѣ уже извѣстной намъ сатиры, гдѣ поэтъ передалъ читателямъ разговоръ свой съ Требаціемъ. Онъ старается отклонить Горація отъ сатиры, какъ отъ дѣла опаснаго, и убѣждаетъ его обратиться къ какой-нибудь другой отрасли литературы. Истощивъ всѣ свои доводы, Требацій прибавляетъ (ст. 80): «Совѣтую, однако, быть осторожнымъ, чтобъ тебѣ не надѣлало хлопотъ незнаніе слѣдующаго освященнаго временемъ закона: того, кто сочинитъ на кого нибудь пасквиль, ожидаетъ судъ и расправа»[32]). Поэтъ отвѣчаетъ на это слѣдующимъ каламбуромъ: «Да, это, если кто сочинитъ *пасквильные стихи*, а что, если эти стихи будутъ *не пасквильные*[33]), если одобритъ ихъ такой судья, какъ самъ кесарь? что если поэтъ, оставаясь самъ человѣкомъ честнымъ, задѣнетъ[34]) такими стихами людей, заслуживающихъ порицаніе?» — «Въ такомъ случаѣ», отвѣчаетъ Требацій, «смѣхъ уничтожитъ судейскій приговоръ, и ты уйдешь отъ наказанія».

Мы уже имѣли случай замѣтить, что разговоръ съ Требаціемъ, безъ-сомнѣнія, переданъ поэтомъ съ большою точностью. Горацій, разумѣется, не рѣшился бы вмѣшать въ этотъ разговоръ имени кесаря, еслибъ не былъ уполномоченъ имъ вооружаться въ своихъ произведеніяхъ противъ общественныхъ недостатковъ. Вотъ, между прочимъ, лучшее объясненіе смѣлости гораціевой сатиры, въ которой поэтъ нерѣдко разилъ, подъ собственными ихъ именами, людей, опозорившихъ себя порочною жизнью.

Утѣшительно уже въ древности встрѣтить такой просвѣщенный взлядъ на литературу. Горацій, какъ видно, хорошо понималъ призваніе писателя и, вмѣстѣ съ Августомъ, возвышался, въ этомъ

---

[32]) Пасквили были запрещены въ Римѣ еще децемвиральнымъ законодательствомъ. Сохранились даже самыя слова одного изъ законовъ XII-ти таблицъ, который грозитъ пасквилисту смертью. Впослѣдствіи, какъ видно изъ словъ Горація (1-е посланіе II-й книги, ст. 154), памфлетистовъ подвергали въ Римѣ тѣлесному наказанію. Эта строгость была смягчена послѣдующимъ римскимъ законодательствомъ, и при Августѣ, какъ видно изъ словъ Требація, человѣкъ, оскорбленный пасквилемъ, имѣлъ право потребовать въ судъ своего обидчика.

[33]) Мы старались здѣсь передать въ нашемъ переводѣ игру словъ, которая встрѣчается въ подлинникѣ. Выраженіе «mala carmina» означаетъ въ латинскомъ языкѣ и худыя стихотворенія (въ литературномъ отношеніи) и пасквиль.

[34]) Вмѣсто «latraverit», мы приняли здѣсь чтеніе «laceraverit», одобренное Бентли и Гейндорфомъ.

отношеніи, надъ своими современниками, которые усматривали въ сатирикѣ не больше, какъ худаго патріота и человѣка неблагонамѣреннаго. Августъ уважалъ здоровую сатиру и не любилъ только выходокъ, въ родѣ тѣхъ, какими была наполнена древняя аттическая комедія, которая глумилась безъ разбора надъ Клеономъ и надъ Сократомъ. Вотъ почему въ царствованіе Августа ателланы не появлялись на римской сценѣ.

Вообще, нельзя сомнѣваться въ томъ, что Августъ любилъ литературу. Онъ всѣми средствами поощрялъ даровитыхъ писателей [35]), учредилъ въ Римѣ двѣ общественныя библіотеки (октавіанскую и палатинскую), постоянно присутствовалъ на публичныхъ чтеніяхъ (recitationes publicae), причемъ, по словамъ Светонія [36]), благосклонно и терпѣливо выслушивалъ стихи, историческія произведенія, рѣчи и діалоги. Августъ получилъ самое тщательное воспитаніе, сперва въ Римѣ, а потомъ въ Аполлоніи, и принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего вѣка. Онъ и самъ охотно занимался литературою, и притомъ гораздо съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ Меценатъ. Къ сожалѣнію, изъ сочиненій Августа ни одно не дошло до нашего времени. Разумѣется, больше всего стоитъ пожалѣть объ утратѣ его мемуаровъ (въ формѣ автобіографіи), которые онъ посвятилъ своимъ друзьямъ, Меценату и Агриппѣ. Древніе авторы упоминаютъ и о другихъ сочиненіяхъ Августа, которыя могли бы теперь служить важнымъ пособіемъ для уясненія одного изъ самыхъ любопытныхъ періодовъ римской исторіи. Такъ, напримѣръ, въ древности существовали сборники писемъ, рѣчей и законовъ Августа, его «отвѣтныя письма Бруту о Катонѣ», стихотвореніе, подъ заглавіемъ «Сицилія» и пр. Въ молодости, Августъ принялся съ большимъ рвеніемъ за сочиненіе трагедіи «Аяксъ». Этотъ греческій герой, какъ извѣстно, кончилъ жизнь свою тѣмъ, что, въ припадкѣ бѣшенства, бросился на свой мечъ. Недовольный своимъ произведеніемъ, Августъ уничтожилъ его, и на вопросъ, что дѣлаетъ «Аяксъ», отвѣчалъ, что онъ бросился на губку. Этою остротою авторъ неудавшейся трагедіи хотѣлъ сказать, что стеръ ее губкою [37]).

---

35) «Ingenia seculi sui omnibus modis fovit». Suet. Octav. 89 c.

36) Светоній ibid.

37) Объ отношеніяхъ Августа къ современной ему римской литературѣ говоритъ Светоній, въ его біографіи, гл. 84—90.

Впослѣдствіи, зорко слѣдя за быстрымъ развитіемъ, которое приняла римская литература, Августъ постоянно обращалъ особенное вниманіе не только на ея содержаніе, но и на внѣшность. Съ одной стороны, онъ не одобрялъ слишкомъ-смѣлыхъ нововведеній въ языкѣ, а съ другой — излишней приверженности къ старымъ формамъ. Извѣстно, что то и другое направленіе имѣло въ Римѣ жаркихъ приверженцевъ [38]). Врагъ архаизмовъ и неудачныхъ неологизмовъ, Августъ требовалъ въ литературномъ изложеніи ясности мысли и слова. Въ письмѣ къ внучкѣ своей, Агриппинѣ, отрывокъ изъ котораго сохранилъ Светоній, кесарь говоритъ: «Должно стараться о томъ, чтобъ и на письмѣ и на словахъ не затруднять своей рѣчи». Мы уже видѣли, что онъ не одобрялъ «кудреватости» въ слогѣ Мецената. Точно такъ же онъ порицалъ Тиберія за его пристрастіе къ стариннымъ и вышедшимъ изъ употребленія оборотамъ рѣчи, и не терпѣлъ многорѣчивости и цвѣтистости такъ-называвшихся азіатскихъ ораторовъ (asiatici oratores). Все это разумѣется, заставляло Августа высоко цѣнить произведенія Виргилія и Горація, такъ какъ они возвели римскую стихотворную рѣчь на высокую степень совершенства.

4.

Разсказъ о зеркальной спальнѣ Горація, такъ неудачно вставленный въ древнюю біографію поэта, даетъ намъ поводъ сказать нѣсколько словъ о его нравственности, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, тѣмъ болѣе, что въ новой литературѣ она вызвала не мало декламацій и порицаній. Уясненіе этого вопроса необходимо, кромѣ того, для правильнаго пониманія не только произведеній Горація, въ которыхъ эротическій элементъ занимаетъ такое видное мѣсто, но и вообще всей древне-классической поэзіи. Мы, впрочемъ, не намѣрены усильно защищать Горація, въ разсматриваемомъ отношеніи: онъ и самъ никогда не имѣлъ притязанія казаться человѣкомъ добродѣтельнымъ и, подобно другимъ древнимъ поэтамъ, откровенно перечислилъ въ своихъ стихотвореніяхъ всѣ грѣхи своей молодости, о чемъ обыкновенно умалчиваютъ новые писатели. Уже изъ этого видно, что въ-древности нравственность понимали иначе, чѣмъ въ наше время.

Эротическая поэзія, съ ея исключительно-чувственнымъ и нерѣдко циническимъ характеромъ, не есть явленіе времени Августа:

---

[38]) Подробнѣе говорится объ этомъ въ главѣ «о литературныхъ партіяхъ въ Римѣ въ вѣкъ Августа».

она началась въ Римѣ задолго до Горація и была слѣдствіемъ греческаго (преимущественно александрійскаго) вліянія на римскую литературу. Это вліяніе не одинаково подѣйствовало на римлянъ: однимъ изъ нихъ оно внушило вкусъ къ утонченной роскоши, къ богатству, безъ разбора средствъ къ его пріобрѣтенію, и неумѣренную страсть къ наслажденію, другимъ — стремленіе къ аскетической мудрости, къ идеямъ соціальныхъ улучшеній, къ реформѣ и безпощадной морали. Съ одной стороны, греческая цивилизація образовала въ Римѣ людей, требовавшихъ отъ жизни только наслажденія, чего бы оно ни стоило, смотрѣвшихъ на нее, какъ на короткій срокъ, предоставленный смертнымъ благодѣтельною судьбою съ тѣмъ, чтобъ они имъ воспользовались; съ другой — суровыхъ мыслителей, недовольныхъ настоящимъ и прошедшимъ, и мечтавшихъ о лучшемъ будущемъ, котораго они ждали отъ философіи. Эти благородные, возвышенные моралисты, которымъ, впрочемъ, часто не доставало пониманія окружавшей ихъ среды, серьёзно смотрѣли на жизнь. Кліенты, пурпуръ, женщины и другія ея приманки для нихъ не существовали. Наука и созерцательная дума замѣняли имъ все на свѣтѣ [39]).

Этотъ дуализмъ, плодъ греческой культуры, проникъ въ римскую жизнь уже въ періодъ республики. Крайними представителями его въ римской литературѣ являются въ это время Катуллъ и Лукрецій. Переходя отъ одного изъ нихъ къ другому, едва вѣришь, что это современники. Оба они отличались жаждою знанія, оба черпали его изъ греческихъ источниковъ, по какъ различно подѣйствовало на нихъ иноземное вліяніе!

Аскетическій и суровый взглядъ на жизнь Лукреція, восторженнаго представителя эпикуровой философіи, въ благородномъ и неискаженномъ ея значеніи, нашелъ немногихъ послѣдователей между римскими поэтами. Самыми замѣчательными изъ нихъ были Персій и отчасти Ювеналъ, которые, впрочемъ, оба, по своимъ нравственнымъ убѣжденіямъ, примыкали къ ученію стоиковъ.

За то, между послѣдователями другаго направленія, мы встрѣчаемъ много писателей, и родоначальникомъ ихъ можно считать Валерія Катона. Онъ первый, въ вѣкъ Суллы, познакомилъ рим-

---

[39]) ...nil dulcius est bene quam munita tenere Edita doctrina sapientum templa serena. Слова Лукреція, въ началѣ II-й кн. произведенія его «De rerum natura».

лянъ съ эротическою лирикою, которая вслѣдъ за тѣмъ достигла полнаго своего развитія въ мелкихъ стихотвореніяхъ Катулла. Эта новая отрасль поэзіи вызвала къ дѣятельности цѣлый рядъ элегиковъ, и они, какъ выразители субъективнаго чувства, должны быть отнесены къ разряду лирическихъ поэтовъ. Варронъ, Цинна, а за ними, въ вѣкъ Августа, Корнелій Галлъ, Валгій Руфъ, Проперцій, Тибуллъ, Овидій усвоили себѣ девизъ Катулла *vivamus atque amemus*, и такимъ-образомъ сдѣлались выразителями стремленій огромнаго большинства своихъ соотечественниковъ, которые уже задолго до этой поры утратили старинную римскую доблесть и превратились въ чувственныхъ сибаритовъ.

Горацій также въ одной, конечно, значительной части своихъ произведеній примкнулъ къ этому направленію. Тѣмъ не менѣе было бы совершенно-несправедливо смотрѣть на него, какъ на поэта по преимуществу эротическаго и легкаго, всю жизнь свою посвятившаго на прославленіе вина и женщинъ. Такой взглядъ на Горація, во всякомъ случаѣ, одностороненъ, потому-что, платя дань вѣку, римскій поэтъ часто возвышается надъ нимъ и даже, въ значительной части своихъ лирическихъ произведеній, является намъ человѣкомъ нравственнымъ, глубокимъ мыслителемъ и отличнымъ знатокомъ современнаго ему римскаго быта. Это замѣчаніе, разумѣется, еще больше относится къ его посланіямъ и сатирамъ. Августъ и Меценатъ смотрѣли на Горація какъ на серьезнаго и могущественнаго дѣятеля въ литературѣ,—слѣдовательно, не считали его человѣкомъ легкимъ, и этотъ единственно-вѣрный взглядъ на римскаго поэта, несмотря на всѣ усилія его порицателей, не измѣнился и до-сихъ-поръ.

Направленіе разбираемаго отдѣла стихотвореній Горація, въ общемъ своемъ характерѣ, то же самое, какое преобладаетъ въ произведеніяхъ другихъ представителей римской эротической лирики. Она въ-особенности нравилась испорченнымъ римлянамъ своимъ свободнымъ, *эманципированнымъ* взглядомъ на супружество и любовь, который элегики внесли въ литературу. Изъ эротической лирики почти совершенно изгнана честная римская матрона и мѣсто ея заступила здѣсь гетера. Римскіе эротики, и между ними въ особенности Овидій, превращаютъ любовь къ этой женщинѣ въ искусство, въ цѣлую науку, надъ которою работаетъ у нихъ часто голова, а не сердце. Любовь является у этихъ поэтовъ съ чисто-чувственной своей стороны, но за-то выраженіе ея въ этомъ направленіи доведено ими до совершенства.

Владычество гетеры въ римской эротической поэзіи имѣло тѣсную и необходимую связь съ нравами разсматриваемой эпохи. Открытая связь съ женщинами, которымъ въ Греціи было усвоено это имя, нисколько не считалась въ древности предосудительною. Ихъ не должно смѣшивать съ тѣми жалкими жертвами разврата, которыя толпились около цирка и въ Субурѣ [40]), нагло выставивъ на-показъ свои продажныя прелести. Гетера, при всемъ своемъ развратѣ, была, въ глазахъ древняго человѣка, существомъ очень изящнымъ. Женщины этого класса почти всѣ были рабскаго происхожденія, но получали обыкновенно такое блестящее (разумѣется, только внѣшнее и сообразное съ ихъ жалкихъ положеніемъ) воспитаніе, какимъ могла похвалиться рѣдкая матрона. Презрѣнные спекуляторы обыкновенно брали ихъ еще дѣтьми и не щадили на это денегъ, въ полной увѣренности, что воротятъ современемъ потраченный капиталъ съ большими процентами. Въ вѣкъ Августа Римъ наполненъ былъ такими женщинами, и между ними не мало встрѣчалось гречанокъ. Музыка, пѣніе, танцы, а нерѣдко и литературное образованіе, то-есть начитанность въ греческихъ и римскихъ поэтахъ — все это, въ соединеніи съ прекрасною наружностью, увеличивало соблазнъ и усиливало вліяніе гетеръ въ римскомъ обществѣ. Не только молодежь, но и люди государственные открыто посѣщали гетеръ. Знатные юноши, поэты и артисты добивались случая попасть въ ихъ общество. Этому, безъ сомнѣнія, много способствовало также жалкое положеніе женщины въ Римѣ. Идеальное уваженіе, которымъ она окружена въ новомъ мірѣ, не существовало въ древности. Вотъ главная причина того, что даже римская матрона, которой общество не отказывало, по-крайней-мѣрѣ, въ наружномъ почетѣ, низко пала уже въ періодъ республики, и у древнихъ писателей встрѣчается не мало указаній на развратъ, которымъ она себя обезславила. Разводъ, бывшій, по словамъ Геллія [41]), въ первые пять вѣковъ существованія Рима чѣмъ-то неслыханнымъ, сдѣлался тамъ въ это время явленіемъ очень-обыкновеннымъ. Это еще болѣе увеличило общій развратъ, и строгіе законы, которыми Августъ старался обуздать его, не привели къ желанному результату. Кончилось тѣмъ, что нравственная порча проникла въ его собственное семейство и заста-

---

[40]) Такъ называлась одна изъ самыхъ оживленныхъ улицъ въ древнемъ Римѣ.

[41]) Noct. att. IV, 8.

вила кесаря скорбѣть о позорѣ, которымъ покрыла себя дочь его, Юлія.

Матрона, нерѣдко унижавшаяся своимъ развратомъ до гетеры, не мало содѣйствовала тому положенію, которое эта послѣдняя заняла въ римскомъ обществѣ. Длятого, чтобъ видѣть, кàкъ легко смотрѣли на связь съ подобными женщинами даже очень серьёзные люди, можно указать на одно изъ писемъ Цицерона, гдѣ онъ разсказываетъ о своемъ обѣдѣ у Волумнія Евтрапела [42]). Еще болѣе открывается взглядъ Цицерона на этотъ предметъ въ рѣчи его «за Целія». Стоитъ только обратить вниманіе на тѣ доводы которыми ораторъ защищаетъ своего кліента, чтобъ убѣдиться въ этомъ.

Послѣ всего сказаннаго мы не рѣшимся обвинять Горація въ томъ, что онъ смотрѣлъ на свои отношенія къ прекрасному полу не строже своихъ современниковъ. Впрочемъ, онъ и въ этомъ отношеніи былъ человѣкомъ съ правилами, отъ которыхъ никогда не отступалъ. Связь съ замужнею женщиною, какъ это ясно видно изъ произведеній поэта, всегда казалась ему дѣломъ беззаконнымъ и преступнымъ. Горацій никогда не былъ женатъ и, слѣдуя общему примѣру, съ молодыхъ лѣтъ жадно предался всѣмъ соблазнамъ римской жизни. Вслѣдъ за возвращеніемъ своимъ въ Римъ, въ 712 году, поэтъ влюбился въ Неэру, которая вскорѣ ему измѣнила, на что онъ такъ горько жалуется въ одномъ изъ лучшихъ своихъ юношескихъ стихотвореній, въ пятнадцатой эподѣ.

Неэра открываетъ собою длинный списокъ любимицъ Горація, уже не разъ приводившій въ удивленіе новыхъ ученыхъ. Этотъ списокъ кончается Филлидою, какъ объ этомъ говоритъ самъ поэтъ въ одной изъ своихъ одъ [43]), написанной въ 740 году, когда Горацію было уже за пятьдесятъ лѣтъ.

Мы не послѣдуемъ за новыми учеными, которые подвергли самому тщательному и подробному изученію вопросъ о женщинахъ, упоминаемыхъ въ произведеніяхъ Горація [44]). Замѣтимъ, впрочемъ, что многія изъ нихъ существовали только въ его воображеніи, а не въ дѣйствительности, частью же заимствованы поэтомъ изъ

---

[42]) Epist. ad div. I. IX, ep. 32.

[43]) Од. IV, II.

[44]) Изъ спеціальныхъ изслѣдованій этого вопроса укажемъ на трудъ Тейфеля «de Horatii amoribus», помѣщенный въ Jahn's Jahrbüch. Suppl. Bd. VI, стр. 325—374.

греческой лирики. Сравненіе одъ Горація съ отрывками, уцѣлѣвшими отъ греческихъ лириковъ, показываетъ, что онъ вообще много ими пользовался.

Очень естественно, что эта страшная порча нравовъ необходимо должна была отразиться и въ литературѣ. На тò, чтò мы клеймимъ позоромъ, римляне смотрѣли очень-легко, и потому нравственное чувство древняго читателя не возмущалось тѣмъ, чтò намъ кажется отвратительнымъ. Вообще не должно забывать, что условія, среди которыхъ жили древніе народы, самая ихъ религія, направленная къ возбужденію въ человѣкѣ животной чувственности — все это должно было развить въ нихъ особенный, своеобразный взглядъ на нравственность. Потому греки и римляне имѣли также свое воззрѣніе на то, чтò намъ, по справедливости, кажется непростительнымъ литературнымъ цинизмомъ. Онъ не только былъ ими терпимъ, но считался даже достоинствомъ и эстетическою красотою произведенія поэзіи, если выражался въ немъ въ чувственно-изящной формѣ.

Съ другой стороны, чтобъ имѣть успѣхъ въ публикѣ и угодить ея вкусу, поэты должны были рисовать соблазнительныя картины. Этимъ направленіемъ увлекались даже такіе писатели, которые смотрѣли на порокъ съ суровостью стоиковъ. Не странно, что Катуллъ, Горацій, Овидій и Марціалъ поддались общей модѣ, такъ какъ они больше или меньше сочувствовали ей. Лучшимъ доказательствомъ того, кàкъ трудно отрѣшиться писателю отъ господствующаго въ литературѣ направленія, если оно коренится въ самыхъ нравахъ народа, созданныхъ исторіей, служитъ Ювеналъ, который съ ожесточеніемъ преслѣдуетъ порокъ въ своихъ сатирахъ, а между-тѣмъ не пропускаетъ случая, часто безъ всякой видимой необходимости, нарисовать соблазнительную картину или употребить циническое слово. Ювеналъ, по остроумному замѣчанію одного новаго критика, какъ-бы радуется тому, что вѣкъ, страшную порчу котораго онъ такъ нещадно разоблачаетъ предъ своими читателями, представлялъ такой грязный и неистощимый матеріалъ для его бичующей сатиры.

Примѣръ Ювенала въ то же время достаточно показываетъ, что не всегда справедливо переносить характеръ древнихъ произведеній на личность ихъ авторовъ. Притомъ, сами древніе поэты протестуютъ противъ такого суда. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ на этотъ счетъ Катуллъ въ своемъ стихотвореніи, адресованномъ къ Фурію и Аврелію: «Нравственный поэтъ долженъ быть чело-

вѣкомъ цѣломудреннымъ; но нѣтъ необходимости, чтобъ тѣмъ же характеромъ отличались и его стихи; они тогда только и имѣютъ соль и прелесть, когда сладострастны и не очень стыдливы» [45]). Такой взглядъ господствовалъ въ римской литературѣ и тогда, когда она уже отжила свой золотой вѣкъ. Такъ Плиній-младшій, въ одномъ изъ своихъ писемъ, обращается съ слѣдующими словами къ Натерну, при посылкѣ ему мелкихъ своихъ стихотвореній: «Если нѣкоторыя изъ нихъ покажутся тебѣ немного-вольными, то ты, какъ человѣкъ образованный, подумай только, что даже великіе и самые серьезные люди, писавшіе подобные стихи, не только не удерживались въ нихъ отъ цинизма въ содержаніи, но даже отъ неприкрытыхъ (nudis) словъ, которыхъ я избѣгаю не потому, что нравственнѣе — откуда же это? — а потому-что робче, чѣмъ эти люди. Съ другой стороны, я знаю, что лучшее правило для подобныхъ стиховъ то, которое далъ Катуллъ» [46]). И вслѣдъ за тѣмъ, Плиній выписываетъ уже приведенныя выше слова Катулла

Мы старались приведенными подробностями указать на должную точку, съ которой необходимо смотрѣть на то, что намъ по справедливости кажется неприличнымъ въ произведеніяхъ Горація. Нисколько не прославляя цинизма, такъ непріятно поражающаго новаго читателя въ стихотвореніяхъ римскаго поэта, мы не должны, однако, забывать при этомъ, что онъ не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ своего вѣка и отъ тона, господствовавшаго въ литературѣ, которая всегда служитъ лучшимъ отраженіемъ нравовъ современной ей эпохи. Потому, вмѣсто безплодныхъ и несовсѣмъ-справедливыхъ укоровъ Горацію въ безнравственности, пожалѣемъ о порчѣ того вѣка, который такъ живо, всѣми своими сторонами, рисуется въ его произведеніяхъ.

---

[45]) Nam castum esse decet pium poetam
Ipsum, versiculos nihil necesse est,
Qui tum denique habent salem ac leporem,
Si sint molliculi ac parum pudici...

См. въ лахмановомъ изданіи Катулла (Берлинъ, 1829), стр. 10.

[46]) Plin. Epist. IV, 14 ep.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Общественное положеніе Горація въ періодъ знакомства его съ Августомъ.— Хандра Горація и ея причины. — Разумность перехода его на сторону реформы. — Нравственное состояніе римскаго общества въ послѣднее время республики. — Римскія провинціи этого времени. — Значеніе Августовой реформы и ея историческая необходимость. — Августъ, какъ общественный дѣятель и частный человѣкъ. — Услуги, оказанныя имъ Риму. — Панегирики Горація Августу. — Значеніе апоѳеозы въ древности. — Благородный характеръ практичности Горація.

1.

Намъ остается дополнить біографію Горація очень-немногими подробностями, да и тѣ основаны большею частью не на положительныхъ свидѣтельствахъ древности, а на однѣхъ только догадкахъ.

Изъ коллегіи квесторскихъ писцовъ поэтъ вышелъ, вѣроятно, уже въ 716 или въ 717 году, въ то время, какъ онъ сблизился съ Меценатомъ. Но и послѣ этого Горацій не прекращалъ сношеній съ прежними товарищами и охотно помогалъ имъ, пользуясь своею дружбою съ сильными людьми [1]). Вообще нельзя не замѣтить, что быстрая и большая перемѣна, послѣдовавшая въ жизни поэта, нисколько не подѣйствовала на его характеръ. Горацій менѣе всего походилъ на выскочку и счастье нисколько его не измѣнило.

Очень-естественно, что, впослѣдствіи, близкое знакомство съ Августомъ не могло не отразиться на общественномъ положеніи Горація. Вѣроятно, уже въ началѣ этого знакомства (то-есть въ 725 году) онъ былъ включенъ въ число римскихъ всадниковъ, и очень можетъ быть даже, что золотое кольцо и другія внѣшнія отличія (insignia) этого благороднаго сословія были вручены поэту при первомъ свиданіи его съ кесаремъ или непосредственно вслѣдъ за этимъ событіемъ. Это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что, какъ извѣстно, въ 725 году Октавіанъ возложилъ на себя обязанности

---

[1]) Это участіе къ дѣламъ своихъ бывшихъ товарищей и вообще услужливость римскаго поэта ясно рисуются, между-прочимъ, въ шестой его сатирѣ (1-й кн.), отрывки изъ которой мы привели, въ русскомъ переводѣ, въ главѣ о сабинскомъ помѣстьѣ Горація.

*

ценсора съ тѣмъ, чтобъ преобразовать римскій Сенатъ и, очистивъ его отъ негодныхъ членовъ, придать этому учрежденію значеніе въ глазахъ народа. Въ то же время Октавіанъ возвысилъ въ званіе патриціевъ и всадниковъ нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ къ нему лицъ и, очень можетъ быть, въ числѣ ихъ былъ и Горацій. Вѣроятно, въ это же время предложено было поэту секретарское мѣсто, отъ котораго онъ отказался, несмотря на то, что оно лучше всего могло дать ему вліяніе на Августа, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и на общественныя дѣла. На этотъ отказъ, вѣроятно, намекаетъ Горацій въ заключительныхъ словахъ прекрасной оды, которою начинается третья книга его лирическихъ стихотвореній [2]):

Если ни пурпуръ, ни камня фригійскаго
Блескъ — омраченной душѣ не отрада,
Если не сладокъ растенья индійскаго
Дымъ и не радуетъ сокъ винограда,
Такъ колоннадой къ чему исполинскою
Входъ мнѣ въ дому украшать прихотливой?
Такъ для чего же долину сабинскую
Роскошью я замѣню хлопотливой?

Новое общественное положеніе, въ которое судьба поставила Горація, окончательно отняло бы у него возможность дѣйствовать противъ реформы даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ онъ не сочувствовалъ ей, или, по-крайней-мѣрѣ, не убѣдился въ ея необходимости. Воля цѣлой націи, пользы государства, или, такъ-какъ рѣчь идетъ о Римѣ, почти цѣлаго міра, признательность народа за дѣйствительно-великія услуги, оказанныя побѣдителемъ Брута и Антонія дѣлу порядка и общей безопасности — все это окончательно должно было рѣшить давно уже спорный вопросъ о формѣ римскаго управленія въ пользу монархіи; а ходъ событій указалъ на Октавіана, какъ на исполнителя неизбѣжной реформы. Наконецъ, личное чувство Горація, котораго не могла не тронуть безпримѣрная ласка Мецената и Августа [3]), присоединилось къ со-

[2]) Въ такомъ случаѣ, общепринятое мнѣніе, что эта ода написана въ 736 году, оказывается несправедливымъ, и снова подтверждается невѣрность теоріи Бентли, по которой *всѣ* оды Горація написаны послѣ эподъ и сатиръ. Нѣтъ сомнѣнія, что уже до 725 года Горацій успѣлъ обнаружить свой лирическій талантъ, который привлекъ на сторону поэта больше друзей и почитателей, чѣмъ его сатира.

[3]) Подробный сводъ мѣстъ, въ которыхъ Горацій обращается къ Августу, представленъ Фельдбаушемъ, въ его брошюрѣ: «de Horatio non adulatore. Heidelb. 1839. Характеръ этого сочиненія уже достаточно опредѣляется его заглавіемъ.

зрѣвшему въ немъ убѣжденію въ необходимости для Рима новаго порядка.

Оно возникло въ душѣ поэта не безъ тяжелой внутренней борьбы, и слѣды ея рѣзко отразились на произведеніяхъ Горація. Природная веселость его нерѣдко омрачалась грустью, и конечно, не даромъ одинъ изъ древнихъ схоліастовъ оставилъ, между-прочимъ, слѣдующую замѣтку къ 295 стиху посланія къ пизонамъ: «dicitur Horatius fuisse melancholicus», то-есть: говорятъ, что Горацій былъ меланхоликъ. Эта хандра, которую повременамъ испытывалъ Горацій, особенно-сильно выразилась въ посланіи его къ Цельзу Албиновану [4]). Поэтъ проситъ свою музу поклониться отъ него Цельзу и пожелать ему счастья. «Если (продолжаетъ Горацій) онъ спроситъ тебя, чтó я дѣлаю, то скажи, что, при всѣхъ моихъ прекрасныхъ намѣреніяхъ, живу ни хорошо, ни весело, не потому, что градъ побилъ мои лозы и зной попортилъ оливы, или стадо мое захирѣло на далекихъ пастбищахъ, а потому-что, ослабѣвъ духомъ болѣе, чѣмъ тѣломъ, не хочу я никого слушать и ничего знать, что бы облегчило мою немощь; сержусь на вѣрныхъ моихъ врачей [5]), негодую на друзей, зачѣмъ они спѣшатъ отклонить меня отъ этого гибельнаго нравственнаго оцѣпѣненія [6]); гоняюсь за тѣмъ, что мнѣ вредно; бѣгу того, чтó, по собственному моему сознанію, для меня полезно, и какъ какой-нибудь вѣтренникъ, въ Римѣ люблю Тибуръ, а въ Тибурѣ — Римъ» [7]). Якобсъ [8]) относитъ

---

[4]) Восьмое посланіе I-й кн.

[5]) Подъ врачами здѣсь должно разумѣть врачевателей души, то-есть философовъ.

[6]) Такъ должно понимать слово *veternus* (ст. 10). Дёдерлейнъ, недавно издавшій посланія Горація (Horazius Episteln, von L. Döderlein, Leipzig, 1856), въ объяснительныхъ замѣчаніяхъ къ этому мѣсту несправедливо утверждаетъ, что слово *veternus* означаетъ здѣсь смерть. Горацій, говоритъ онъ, выражаетъ здѣсь, въ припадкѣ хандры, свое желаніе умереть. Объясненіе это очень-неудачно.

[7]) Конецъ этого посланія также очень-замѣчателенъ. «Спроси его (Цельза, говоритъ Горацій своей музѣ), какъ онъ здоровъ, какъ ведетъ себя и свои дѣла, какъ онъ съ молодымъ Нерономъ и съ его когортою? Если Цельзъ скажетъ: хорошо, то сначала порадуйся этому, а потомъ не забудь шепнуть ему на ухо слѣдующее наставленіе: мы готовы выносить тебя, Цельзъ, въ такой же мѣрѣ, въ какой ты — свое счастье». Эти послѣднія слова объясняются тѣмъ, что Цельзъ находился въ свитѣ Тиберія Нерона, во время похода его въ Азію, и, какъ говорится, шелъ въ гору.

[8]) Vermischte Schriften, V Bd. стр. 336.

хандру Горація къ недовольству поэта своими созданіями, далекими отъ того идеала, который виталъ въ душѣ его. Это, по словамъ нѣмецкаго ученаго, та самая грусть, какую испытываетъ повременамъ истинный художникъ, и какой не знаетъ только самодовольная посредственность.

Это мнѣніе едва-ли справедливо. Очевидно, грусть Горація была слѣдствіемъ внутренней борьбы, изъ которой выработалось, наконецъ, его политическое убѣжденіе. Этой борьбы не испытываетъ, конечно, человѣкъ самодовольный и слабоголовый, такъ какъ душа его гостепріимно и безъ разбора усвоиваетъ себѣ чужое мнѣніе. Онъ получаетъ свое убѣжденіе извнѣ, уже готовое, результатъ ходячей, часто эфемерной идеи. Такой человѣкъ не хандритъ, а только рисуется своею поддѣльною хандрою, и, по словамъ поэта,

Что ему книга послѣдняя скажетъ,
То на душѣ его сверху и ляжетъ.

Хандра человѣка самостоятельнаго, особенно если ему, подобно Горацію, суждено жить и дѣйствовать въ переходное время, когда печальное настоящее борется съ сомнительнымъ будущимъ, другаго рода. Она тяжела и мучительна, но не безплодна. Безъ нея Горацій никогда не достигъ бы той зрѣлости мысли, которою отличаются его произведенія.

Здѣсь мы прекращаемъ скудныя біографическія замѣтки о римскомъ поэтѣ. Прибавимъ въ заключеніе, что, со времени сближенія съ Августомъ, когда новое убѣжденіе окончательно утвердилось въ душѣ Горація, жизнь его потекла мирно и спокойно. Молитва поэта «упрочить за нимъ дарованныя ему блага» была услышана «сыномъ Маіи» [9]), и Горацій — употребимъ снова его выраженіе — «вышелъ сытымъ гостемъ съ пира жизни» [10]). О смерти поэта мы уже упомянули выше.

Внѣшняя жизнь писателя вообще большею частью не отличается особеннымъ разнообразіемъ и обиліемъ фактовъ; тѣмъ болѣе жизнь такого писателя, какъ Горацій, который, не смотря на всѣ благопріятныя обстоятельства, дававшія ему полную возможность занять видное мѣсто при дворѣ Августа, постоянно не любилъ выдаваться впередъ и избѣгалъ прямаго, не литературнаго вліянія на общественныя дѣла.

---

[9]) 6-я сат. II-й кн., ст. 5.
[10]) 1-я сат. I кн., ст. 119.

Въ писателѣ больше всего занимаетъ насъ его мысль, его убѣжденіе — словомъ, жизнь духа, богатство которой въ человѣкѣ геніальномъ всегда представляетъ обильный, поучительный и въ высокой степени интересный предметъ для психологическаго изученія.

Эта внутренняя жизнь писателя необходимо находится въ тѣсной связи съ окружающею его дѣйствительностью: онъ выразитель стремленій и надеждъ, доблестей и недостатковъ своего вѣка. Посмотримъ на Горація съ этой стороны и для того, чтобъ судить о немъ безпристрастно и правильно, вглядимся ближе въ тотъ періодъ римской исторіи, подъ впечатлѣніями котораго сложилось его политическое убѣжденіе.

2.

До-сихъ-поръ мы преимущественно говорили о томъ, какъ честенъ былъ переходъ Горація отъ республиканской партіи къ монархической. Но одна честность убѣжденія еще недостаточна для того, чтобъ возбудить къ человѣку наше уваженіе и симпатію: для этого необходимо, чтобъ убѣжденіе его не только было честно, но и разумно, чтобъ оно подчинялось зрѣлой мысли, берущей верхъ надъ безотчетнымъ увлеченіемъ, источникъ котораго не умъ, а чувство.

Итакъ, теперь предстоитъ намъ вопросъ: было ли новое убѣжденіе Горація разумно, то-есть исторически-разумно, или оно пошло наперекоръ пользамъ Римскаго Государства и естественно-послѣдовательному ходу его исторіи? Для рѣшенія этого любопытнаго вопроса, необходимо было бы представить полную картину римскаго быта въ послѣднее время республики, а это — обильная тэма для многотомнаго сочиненія. Мы коснемся занимающаго насъ вопроса на столько, сколько это нужно для нашей цѣли.

Массѣ читателей обыкновенно остаются неизвѣстными спеціальныя и добросовѣстныя изслѣдованія о томъ или другомъ вопросѣ науки. Часто ходячее убѣжденіе о лицахъ и событіяхъ историческихъ проникаетъ въ публику изъ такихъ писателей, которые менѣе всего имѣютъ право (разумѣю право нравственное) всенародно произносить надъ ними свой судъ.

Мы увѣрены въ томъ, что Горацію много повредила, во мнѣніи нѣмецкихъ читателей, остроумная, но лишенная историческаго смысла выходка извѣстнаго юмориста Бёрне [11]). Горацій, говоритъ онъ,

---

[11]) См. Börne's: Gesammelte Schriften, III T. и Fr. Jakobs: Vermischte Schriften, V T., стр. 318 и слѣд.

первый изъ писателей «вздумалъ варить свой супъ на огнѣ божественнаго генія». Какъ! (продолжаетъ нѣмецкій юмористъ) неуже-ли Горацій является намъ въ своихъ произведеніяхъ римляниномъ, онъ, котораго отроческіе глаза видѣли еще время свободы? Затѣмъ приводятся столько разъ повторенныя обвиненія Горація въ трусости, въ томъ, что при Филиппахъ, онъ, по собственному сознанію, бросивъ свой щитъ, бѣжалъ съ поля битвы и пр. и пр. Послушать этихъ строгихъ судей Горація, такъ окажется, что ему предстоялъ выборъ между свободою и деспотизмомъ, и что онъ, не задумавшись, изъ корыстныхъ разсчетовъ, быстро перешелъ отъ одной къ другому. Такой взглядъ совершенно-ошибоченъ.

Разсмотримъ же ближе главное изъ приведенныхъ обвиненій. Конечно, ранняя молодость Горація совпадаетъ, по времени, съ такъ-называемымъ періодомъ римской свободы. Но что жь это была за свобода? Какія впечатлѣнія могъ вынести Горацій изъ отроческой поры своей жизни? Куда ни обращались его глаза, вездѣ онъ могъ видѣть только щедро-награжденныхъ сообщниковъ Суллы, эти пошлыя и безсмысленныя орудія грубой силы и неслыханнаго деспотизма, противъ которыхъ негдѣ было искать защиты. Задолго еще до юности Горація прошло счастливое время Римскаго Государства, такъ краснорѣчиво прославленное древними историками и ораторами, когда, по свидѣтельству Саллюстія [12]), лучшіе граждане соревновали другъ передъ другомъ своими доблестями, при всѣхъ случаяхъ выказывали свой возвышенный характеръ и справедливостью укрѣпляли могущество Рима. Настало другое время, когда слово свобода утратило свой смыслъ для массы римлянъ и сдѣлалось лозунгомъ партій, передовые люди которыхъ подъ знаменемъ этого слова терзали государство и совершали неслыханныя злодѣйства. Все въ выродившемся Римѣ указывало на необходимость власти твердой и сосредоточенной въ одномъ лицѣ, и Юлій Цезарь не безъ причины казался многимъ своимъ современникамъ человѣкомъ, призваннымъ спасти Римское Государство отъ конечной гибели [13]). Такъ смотрятъ на время, которое пришлось видѣть отроческимъ глазамъ Горація, всѣ замѣчательные новые историки,

---

[12]) См. у Саллюстія въ b. Cat. гл. 7 и слѣд.
[13]) Plut. Brut. гл. 2.

отъ Мейнерса [14]) до Друмана [15]), Шлоссера [16]) и послѣдняго изслѣдователя римской старины, Моммзена [17]).

Римская Республика имѣла свой блестящій періодъ. Мы говоримъ о томъ времени, когда, вслѣдствіе знаменитой борьбы сословій (съ одной стороны, патриційско-консервативной, а съ другой, плебейско-прогрессивной партіи), политическая жизнь римлянъ выработала тотъ стройный и величественный государственный организмъ, которому еще долго будетъ удивляться потомство. Онъ возникъ чрезъ взаимное ограниченіе власти, то-есть вслѣдствіе развитія и уравновѣшенія политическихъ правъ среди тѣхъ государственныхъ элементовъ, изъ которыхъ составился народъ римскій. Полибій справедливо удивлялся [18]) этому стройному развитію римскихъ государственныхъ учрежденій, созданію народа, замѣчательнаго попреимуществу своимъ практическимъ смысломъ. Греческій историкъ, говоря о блестящей порѣ Рима, очень-вѣрно замѣчаетъ, что трудно опредѣлить, какое устройство имѣлъ онъ въ это время: аристократическое, демократическое или монархическое. До того каждый изъ этихъ элементовъ, вслѣдствіе своего развитія, казался преобладающимъ, и до того они взаимно уравновѣшивались. Въ дѣйствіяхъ Сената, народа и собраній по куріямъ (представлявшихъ собою аристократическій элементъ въ римскомъ обществѣ), мы находимъ въ первую половину періода республики полное согласіе, такъ-что эти три разнообразные элемента нисколько не мѣшали государственному единству. Все это сдѣлало пятый и шестой вѣкъ политической жизни Рима одною изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ исторіи человѣчества.

Этотъ порядокъ, однако, оказался непрочнымъ. Онъ могъ существовать только до-тѣхъ-поръ, пока самый народъ римскій от-

---

[14]) Называемъ его здѣсь преимущественно потому, что онъ посвятилъ спеціальное изслѣдованіе вопросу о послѣднемъ времени Римской Республики, въ своей: Gesch. des Verfalls der Sitten und der Staatsverfassung der Römer. Leipzig, 1782.

[15]) Gesch. Roms in seinem Uebergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung. Königsberg, 1834.

[16]) Заглавіе сочиненія Шлоссера приведено въ первой главѣ о Гораціи, въ примѣч. 6.

[17]) Röm. Geschichte von Theod. Mommsen. Berlin, 1857.

[18]) Въ шестой книгѣ своего знаменитаго историческаго труда, которая, къ сожалѣнію, дошла не въ цѣлости, а въ отрывкахъ. Она была посвящена Полибіемъ спеціальному изображенію римскаго государственнаго устройства.

личался добрыми нравами, уваженіемъ къ закону и его представителямъ, готовностью самопожертвованія, когда того требовали пользы и честь государства, и благородною національною гордостью.

Постепенный упадокъ римскаго государственнаго устройства, по мнѣнію древнихъ и новыхъ историковъ, начинается со времени Гракховъ. Оба элемента, борьба которыхъ такъ возвысила Римъ, все болѣе-и-болѣе утрачиваютъ съ этого времени свой первобытный характеръ и постепенно искажаются: аристократическій элементъ [19]) вырождается въ олигархію и даже въ тираннію (время Суллы и пр.), а демократическій—въ охлократію [20]). Сенатъ теряетъ свое значеніе, государственное единство нарушается и быстро исчезаетъ. Съ одной стороны, страшная нравственная порча проникаетъ въ родовую и бюрократическую аристократію, а съ другой — продажная масса народа, получивъ большое политическое значеніе, но утративъ старинную римскую доблесть, отдаетъ себя на служеніе частнымъ интересамъ, а не государственнымъ. Борьба сословій смѣнилась въ Римѣ борьбою за всемірное владычество, совершенно несовмѣстное съ духомъ его республиканскихъ учрежденій, а за нею послѣдовала борьба за верховную власть. Предводители различныхъ партій оспориваютъ эту власть одинъ у другаго, при помощи нестройной толпы, которая безъ раздумья и охотно продавала свое содѣйствіе тому, кто больше за него платилъ. Среди такой неурядицы быстро и низко пало римское общество.

Дѣйствительно, поколѣніе со всѣми отвратительными признаками эгоизма, разврата, непризнаванія общественной пользы — словомъ, то жалкое поколѣніе, какимъ оно рисуется намъ въ римской сатирѣ періода имперіи, появилось не вдругъ и не могло вдругъ появиться: оно было воспитано и подготовлено послѣднимъ временемъ республики. Вглядываясь ближе въ характеръ событій, лицъ и нравовъ этого времени, мы видимъ, что уже тогда вполнѣ образовались и выработались въ Римѣ тѣ отношенія, которыя составили главный характеръ его имперіи. Уже до времени битвы на Поляхъ Фарсальскихъ въ Римѣ существовала только одна тѣнь старинняго республиканскаго устройства, да и эта тѣнь необходи-

[19]) Въ это время къ прежней, то-есть къ родовой римской аристократіи присоединилась новая — бюрократическая (nobilitas imaginum). Она образовалась послѣ того, какъ плебеи получили право занимать высшія государственныя должности (jus honorum).

[20]) См. Röm. Alterthümer von Ludwig Lange. Berlin, 1856. I Bd. стр. 36.

мо должна была исчезнуть при ужасныхъ потрясеніяхъ, испытанныхъ имъ вслѣдъ за этимъ событіемъ. Реформа была неизбѣжна, но ей привелось возникнуть изъ элементовъ уже разлагавшагося и неизлечимо-больнаго государственнаго организма. Могла ли же она имѣть утѣшительныя послѣдствія?

Это полное разложеніе государственнаго организма рѣзко бросается въ глаза даже при поверхностномъ изученіи всѣхъ сторонъ какъ общественнаго, такъ и частнаго быта римлянъ въ тотъ періодъ ихъ исторіи, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь. Обезпечивалъ ли законъ хоть сколько-нибудь права, имущество и самую честь гражданина? Было ли какое-нибудь уваженіе къ закону, стремленіе поддержать его ненарушимость, предохранить его отъ вреднаго вліянія партій? На всѣ эти вопросы, вслѣдъ за Шлоссеромъ [21]) и другими изслѣдователями римской старины, можно отвѣчать только отрицательно. Нигдѣ, справедливо замѣчаетъ знаменитый историкъ, неурядица не доходила до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какъ въ Римѣ, и для примѣра указываетъ на тѣ едва-вѣроятныя событія, которыя такъ живо обрисованы въ рѣчахъ Цицерона. Дѣйствительно, стоитъ только припомнить себѣ заговоръ Катилины, подробности удаленія Цицерона изъ вѣчнаго города, исторію Милона и Клодія (все это происшествія, тѣсно-связанныя одно съ другимъ), чтобъ убѣдиться въ томъ, какая страшная анархія господствовала въ Римѣ.

Рядомъ съ неслыханнымъ насиліемъ, съ кровопролитными драками и убійствами, почти ежедневно происходившими на площадяхъ и улицахъ Рима, большею частью потому, что Катилинѣ, Клодію, Долабеллѣ и тому подобнымъ людямъ вздумалось, во что̀ бы ни стало, добыть себѣ званіе трибуна или консула, мы видимъ безпрестанный и самый явный подкупъ. Искатели мѣстъ (petitores) выставляли на форумѣ, при столахъ мѣнялъ и банкировъ (mensarii), своихъ клевретовъ, и они открыто вербовали не только избирателей, но и убійцъ. Наемныя шайки гладіаторовъ каждому предлагали свои услуги для дневнаго грабежа и убійства. Такъ Клодій съ толпою этихъ разбойниковъ впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ

---

[21]) Указываемъ здѣсь преимущественно на тотъ отдѣлъ въ исторіи Шлоссера, который озаглавленъ словами: Leben und Staat der letzten Zeit der Republik. См. III Т. I Abtheil., стр. 122—157. Ср. въ исторіи Моммзена главу подъ заглавіемъ: Die alte Republik und die neue Monarchie. III Bd., гл. XI, стр. 442—549.

держалъ въ страхѣ друзей Цицерона въ то время, какъ они рѣшились вызвать его изъ ссылки; и конечно, помѣшалъ бы возвращенію въ Римъ знаменитаго оратора, еслибъ одинъ изъ самыхъ приверженныхъ его почитателей, Милонъ, также не набралъ, съ своей стороны, наемныхъ убійцъ и не старался отразить силу силою. Подкупательная система, несмотря на множество законовъ, направленныхъ противъ этого зла [22]) правительствомъ, получила въ Римѣ, уже въ VII-мъ вѣкѣ его существованія, правильную организацію. Уже въ это время тамъ образовались цѣлыя товарищества (sodalitates, sodalitia), которыя вели списки гражданъ-избирателей и раздѣляли между своими членами трудъ подкупа. Сумма, назначавшаяся для этой цѣли кандидатами на разныя должности, обыкновенно ввѣрялась, до окончанія комицій, *посредникамъ* (sequestres) и множеству другихъ подобныхъ агентовъ (divisores).

Въ то же время лица, поставленныя во главѣ управленія, а за ними и остальные чиновники, распоряжались государственною казною, какъ своею собственностью. Контроль за ними былъ невозможенъ, и это безсмысленное расхищеніе казны не могло быть остановлено до-тѣхъ-поръ, пока — настоящій владыка государства — народъ безпрестанно требовалъ для себя дорогихъ забавъ, раздачи денегъ и великолѣпныхъ зрѣлищъ, а солдаты—добычи и раздѣла полей. Не странно, что, при такомъ безобразномъ управленіи, несмѣтныя сокровища, собранныя побѣдами Лукулла, Помпея и Цезаря, были растрачены быстро и совершенно-безплодно.

Гладіаторскія игры, звѣриныя травли, безчеловѣчные тріумфы, главнымъ украшеніемъ которыхъ служили обыкновенно скованные правители отдаленныхъ странъ, благородные защитники свободы своихъ подданныхъ — все это гибельно дѣйствовало на нравы римлянъ и пріучало народъ смотрѣть на цѣпи, кровь и убійства, какъ на законныя средства для удовлетворенія своей необузданной прихоти. Кто хотѣлъ пользоваться милостями этой одичавшей толпы, необходимо долженъ былъ прибѣгать къ указаннымъ средствамъ.

Даже воспоминаніе о наружномъ величіи древняго Рима оставляетъ въ душѣ тяжелое чувство. Всѣ эти великолѣпныя зданія, общественныя и частныя, эти пышные дворцы, базилики и порти-

---

[22]) Въ римскомъ законодательствѣ VII и VIII вѣка отъ осн. г. мы находимъ длинный и непрерывный рядъ законовъ *de ambitu*, направленныхъ противъ подкупа и другихъ злоупотребленій при выборѣ чиновниковъ.

ки достались ему большею частью цѣною крови и неслыханнаго притѣсненія множества народовъ.

Безпредѣльная страсть къ пріобрѣтенію, какими бы то ни было средствами, овладѣвшая римлянами, равнялась только ихъ расточительности. Недаромъ Горацій и другіе сатирики преимущественно и до пресыщенія нападаютъ на эти два порока. Средствами къ пріобрѣтенію служилъ не честный трудъ, а насиліе, грабежъ, измѣна и всякая низость. Даже высшія правительственныя лица не стыдились этихъ пороковъ, а, напротивъ, всенародно выставляли ихъ какъ-будто напоказъ, и общественное мнѣніе нисколько не возмущалось такимъ позоромъ. Крассъ, напримѣръ, готовъ былъ на всякую низость, чтобъ удовлетворить своему корыстолюбію, и награбленное имъ богатство не только не уронило его въ мнѣніи современниковъ, а, напротивъ, выдвинуло въ первый рядъ римскихъ гражданъ и купило ему народную любовь. Наконецъ, цѣлая безобразная жизнь Антонія, которую, безъ-сомнѣнія, нѣсколько въ преувеличенномъ видѣ изобразилъ Цицеронъ въ своихъ Филиппикахъ, разумѣется, помѣшала бы этому тріумвиру занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ государствѣ, еслибъ въ римскомъ обществѣ оставались какіе-нибудь слѣды нравственнаго чувства. Такъ было въ центрѣ Римскаго Государства; посмотримъ, чтó дѣлалось въ остальныхъ его частяхъ.

3.

> Difficile est dictu, Quirites, quanto in odio simus apud exteras nationes propter eorum, quos ad eas per hos annos cum imperio misimus, libidines et injurias. Quod enim fanum putatis in illis terris nostris magistratibus religiosum, quam civitatem sanctam, quam domum satis clausam ac munitam fuisse?
>
> Cic.

При мысли о Римскомъ Государствѣ, до-сихъ-поръ еще обыкновенно имѣютъ преимущественно въ виду столицу Италіи и забываютъ, что оно раскинулось почти на цѣлый, извѣстный въ древности, міръ. Для-того, чтобъ имѣть правильное и полное понятіе о характерѣ римскаго управленія въ тотъ періодъ республики, который привелось видѣть «отроческимъ глазамъ» Горація, разумѣется, необходимо перейти изъ Италіи въ обширныя страны и цѣлыя царства, обращенныя въ ея провинціи.

Положеніе этихъ странъ было самое безотрадное. Римляне вообще смотрѣли на свои провинціи, какъ на помѣстья (praedia), какъ на доходную статью, которая должна была приносить имъ хорошіе проценты. Конечно, римское правительство заботилось о матеріальномъ благосостояніи этихъ странъ, стараясь объ ихъ колонизаціи, улучшеніи земледѣлія и путей сообщенія, объ открытіи новыхъ рынковъ для сбыта ихъ продуктовъ; старалось также неслишкомъ обременять свои провинціи налогами, но все это дѣлалось не изъ филантропическихъ побужденій, а скорѣе изъ цѣлей экономическихъ и коммерческихъ. Римское законодательство заботилось также о томъ, чтобъ защитить провинціи отъ притѣсненія и насилія проконсуловъ и другихъ чиновниковъ, которымъ было ввѣрено ихъ управленіе, но, къ-сожалѣнію, всѣ эти мѣры нисколько не вели къ желанной цѣли. Проконсулы и пропреторы также проникнуты были убѣжденіемъ, что провинціи созданы на то, чтобъ приносить, по возможности, значительный доходъ римскому народу; но считая себя ближайшими его представителями, прибѣгали къ самымъ возмутительнымъ средствамъ для собственнаго обогащенія.

Грабежъ, безпрерывно и открыто производившійся въ провинціяхъ римскими чиновниками, нисколько не уступаетъ тому, которымъ пріобрѣли себѣ историческую знаменитость турецкіе паши добраго стараго времени. Ни одно правительство, говоритъ Моммзенъ [23]), не доходило до такой степени несправедливости къ покореннымъ народамъ, какъ римское. Воображеніе, прибавляетъ онъ, отказывается представить себѣ возможность шагнуть еще далѣе въ этомъ отношеніи.

Непосредственное и самое гибельное вліяніе на провинціи имѣли проконсулы [24]), которыхъ окружала толпа чиновниковъ, называвшаяся *когортою*. Къ ней принадлежали легаты, квесторы, *contubernales*, то-есть друзья проконсула, большею частью знатные мо-

---

23) При нашихъ показаніяхъ, основанныхъ на знакомствѣ съ древними источниками, мы ссылаемся преимущественно на новыхъ писателей, потому-что еще для многихъ у насъ имѣетъ значеніе не самое дѣло, а авторитетъ того, кто о немъ говоритъ; притомъ, мы дѣлаемъ это для избѣжанія множества древнихъ цитатъ. Относительно римскихъ провинцій, онѣ очень-тщательно собраны въ-особенности Марквардтомъ, извѣстнымъ продолжателемъ Беккера. См. Handbuch der röm. Alterth. III T. 1 Abtheil. Вся эта часть посвящена вопросу о римскихъ провинціяхъ.

24) Римскія провинціи управлялись сначала преторами, а потомъ проконсулами и пропреторами. Эти имена, впрочемъ, нерѣдко смѣшиваются и слово «проконсулъ» нерѣдко встрѣчается, какъ общее названіе.

лодые люди, нерѣдко этимъ способомъ начинавшіе свою военную и гражданскую службу, ликторы, преконы, писцы, толмачи, гаруспексы и проч. Всѣ эти люди, разумѣется, были заражены общимъ духомъ грабежа и насилія.

Проконсулы и пропреторы обыкновенно отправлялись въ провинціи съ цѣлью обогатиться или, по-крайней-мѣрѣ, поправить свои дѣла, очень-часто приходившія въ совершенное разстройство отъ предварительнаго занятія ими городскихъ должностей въ самомъ Римѣ. Достиженіе консульства и преторства (а изъ лицъ, облеченныхъ этимъ званіемъ, преимущественно выбирались высшіе провинціальные чиновники) стоило въ Римѣ огромныхъ денегъ. Кромѣ неизбѣжнаго при выборахъ подкупа, чего стоили кандидатамъ на эти должности великолѣпныя игры и зрѣлища, которыми они старались заслужить благосклонность народа! Всѣ эти издержки надобно было воротить провинціальному чиновнику съ процентами, тѣмъ болѣе, что иногда, по минованіи законнаго срока службы, ему приходилось откупаться огромными суммами отъ обвиненія во взяткахъ: извѣстно, что ограбленные провинціалы нерѣдко обращались съ подобными жалобами къ римскому Сенату. Годовой срокъ, на который обыкновенно ввѣрялось проконсулу управленіе провинціею, еще болѣе увеличивалъ зло. Онъ, вмѣстѣ съ своею когортою, спѣшилъ воспользоваться этимъ короткимъ срокомъ, и съ каждымъ годомъ несчастная, истощенная уже прежними поборами страна, подвергалась новому, истинно-вражескому нашествію.

Мы сказали, что жители провинцій могли жаловаться Сенату на притѣсненія проконсуловъ, но эти жалобы рѣдко имѣли успѣхъ, да притомъ были соединены съ огромными издержками. Для этого нужно было посылать въ Римъ цѣлыя депутаціи и множество свидѣтелей; нужно было подкупать судей и стараться пересилить вліяніе бюрократовъ, которые, разумѣется, крѣпко стояли за своего собрата [25]).

Рядомъ и обыкновенно за-одно съ проконсулами свирѣпствовали въ римскихъ провинціяхъ откупщики (publicani). Они принадле-

[25]) Къ этой бюрократической знати принадлежали также бо̀льшею частью *патроны*, которые представляли жалобы провинціаловъ Сенату. Почти всѣ провинціи имѣли своихъ патроновъ въ значительныхъ римскихъ фамиліяхъ (gentes), гдѣ патронатъ наслѣдственно переходилъ отъ отца къ сыну. Напримѣръ, патронами Сициліи были Марцеллы, Кипра — Катоны и т. д. Провинціи, впрочемъ, не всегда обращались съ просьбою о заступничествѣ къ своимъ обычнымъ патронамъ. Такъ, въ извѣстномъ дѣлѣ Верреса, сицилійцы обратились съ жалобою къ Цицерону.

жали къ богатому сословію всадниковъ, составляли между собою общества, или компаніи, и брали на откупъ подати цѣлыхъ обширныхъ государствъ. Заплативъ казнѣ откупную сумму, они до крайности истощали провинціи произвольными поборами, причемъ дѣло, конечно, не обходилось безъ насилій всякаго рода и жестокостей. Гибельный гнетъ еще болѣе увеличился, когда въ 631 году, закономъ К. Гракха (lex judiciaria или sempronia), судебная власть была отнята у Сената и предоставлена всадникамъ. Эта мѣра была въ высшей степени несправедлива, потому-что разсмотрѣніе жалобъ на откупщиковъ предоставляла лицамъ, принадлежавшимъ къ тому самому сословію, которое угнетало провинціи. Впослѣдствіи семпроніевъ законъ былъ уничтоженъ Суллою, и судебная власть снова перешла къ Сенату, но и послѣ этого судьба провинціаловъ немного улучшилась. Ихъ жалобы на жестокость и произволъ откупщиковъ обыкновенно ни къ чему не вели, потому-что проконсулы были въ полной зависимости отъ денежной знати, такъ какъ она, при первомъ удобномъ случаѣ, всегда могла отмстить за себя; а такой случай могъ легко представиться, напримѣръ, въ то время, когда проконсулъ отдавалъ Сенату отчетъ въ своемъ управленіи. Поэтому проконсулы обыкновенно дѣйствовали за-одно съ откупщиками и нерѣдко отдавали въ ихъ распоряженіе своихъ солдатъ, для удобнѣйшаго сбора недоимокъ.

Наконецъ, необходимымъ дополненіемъ проконсуловъ и откупщиковъ были ростовщики (negotiatores), которые снабжали обѣднѣвшихъ провинціаловъ деньгами за неслыханные проценты.

Ужасное положеніе римскихъ провинцій еще болѣе увеличилось, когда, кромѣ этихъ привилегированныхъ грабителей, вездѣ, на сушѣ и на морѣ, появилось множество разбойниковъ, ибо правительство наконецъ не заботилось даже объ обыкновенныхъ полицейскихъ мѣрахъ, для водворенія общей безопасности. Въ Сардиніи и въ Малой Азіи разбой сдѣлался явленіемъ не временнымъ, а постояннымъ. Въ Африкѣ и въ Испаніи всѣ зданія, находившіяся внѣ городскихъ стѣнъ, какъ во времена средневѣковаго варварства, были укрѣплены бойницами и башнями. Все это, разумѣется, должно было сильно останавливать развитіе торговли и промышленности.

А чего стоилъ провинціямъ блескъ римскихъ тріумфовъ и кровавыхъ зрѣлищъ, которыя безпрестанно возобновлялись въ амфитеатрѣ и въ циркѣ, для удовлетворенія безсмысленной прихоти горсти людей, вообразившихъ, что цѣлый міръ на то только и созданъ,

чтобъ праздный римскій народъ могъ требовать «panem et circenses!»

Печальныя послѣдствія всѣхъ страшныхъ притѣсненій, которыя терпѣли отъ римлянъ покоренные ими народы, достаточно извѣстны. Общее разореніе повсемѣстно господствовало къ концу періода республики отъ Таго до Евфрата, и многіе, когда-то цвѣтущіе города, напримѣръ, Самосъ и Галикарнассъ, совершенно опустѣли. Въ то же время на всемъ этомъ пространствѣ господствовала глубокая, хотя и затаенная ненависть противъ римскаго ига, и послѣ всего сказаннаго, не нуждаются въ поясненіи приведенныя выше слова Цицерона: «Трудно сказать, квириты, въ какой мы ненависти у чужеземныхъ народовъ за произволъ и несправедливости тѣхъ, которыхъ мы посылали къ нимъ въ эти годы съ военною властью. Какой храмъ въ этихъ странахъ былъ для нашихъ чиновниковъ достаточно-святымъ, какой городъ неприкосновеннымъ, какой домъ достаточно-запертымъ и укрѣпленнымъ?» [26]) Еще сильнѣе выразился недавно одинъ изъ послѣднихъ историковъ Рима. Кто желаетъ, говоритъ Моммзенъ, убѣдиться въ томъ, ка́къ ни́зко можетъ пасть человѣкъ въ угнетеніи своего ближняго и въ способности терпѣть невыносимое иго, тотъ долженъ обратиться къ исторіи, которая сохранила память о римскихъ олигархахъ и о томъ, съ какою покорностью выносили ихъ тираннію греки, финикіяне и сирійцы [27]).

Наконецъ, при Августѣ, покоренные Римомъ народы вздохнули свободно послѣ вѣковаго гнета: это общій голосъ исторіи. Получивъ въ 731 году проконсульскую власть надъ всѣми провинціями, онъ тщательно занялся ихъ устройствомъ. Въ основаніе этого устройства положена была новая для Рима идея о томъ, что провинціи имѣютъ такое же право на защиту и покровительство закона, какъ и сама Италія. Августъ уничтожилъ господствовавшее въ періодъ республики различіе между римскимъ гражданиномъ и провинціаломъ, изъ которыхъ первый постоянно смотрѣлъ на втораго, какъ побѣдитель на побѣжденнаго. Мѣры, принятыя Августомъ, для водворенія въ провинціяхъ порядка и законности, вообще были превосходны, такъ-что деспотизмъ его преемниковъ не могъ вполнѣ уничтожить благодѣтельнаго ихъ вліянія. Уничтоженію произвола провинціальныхъ чиновниковъ много содѣйствовалъ, между

---

[26]) Pro lege Manil., гл. 22.
[27]) См. Моммзенъ l. c.

прочимъ, учрежденный Августомъ трибуналъ изъ бывшихъ консуловъ (viri consulares), который разбиралъ жалобы и апелляціи провинціаловъ [28]). Въ то же время проконсуламъ, легатамъ, прокураторамъ и другимъ провинціальнымъ чиновникамъ положено жалованье, чего прежде не было. Это жалованье (въ 100 и 200 тысячъ сестерцій) совершенно ихъ обезпечивало, а иногда доходило до огромной цифры. Всѣ эти и подобныя имъ мѣры имѣли результатомъ то, что первыя столѣтія Римской Монархіи были самымъ цвѣтущимъ періодомъ въ исторіи Африки, Испаніи, Галліи и другихъ римскихъ провинцій.

Въ приведенныхъ фактахъ открывается свѣтлая и, нужно признаться, благодѣтельная сторона реформы Августа. Потому, понятно свидѣтельство Тацита [29]) о томъ, что жители провинцій, составлявшіе огромное большинство римскаго народа, вполнѣ сочувствовали этой реформѣ.

4.

Слово реформа, въ обыкновенномъ своемъ значеніи, несовсѣмъ идетъ къ преобразованіямъ Августа. Его реформа меньше всего походила на насильственный переворотъ, разомъ уничтожившій всѣ вѣковыя учрежденія древняго Рима. Внѣшнія республиканскія формы, какъ извѣстно, были удержаны Августомъ, хотя и утратили прежнее свое значеніе. Это самое очень облегчило переходъ на его сторону даже тѣмъ, въ комъ еще живы были преданія римской старины. При сужденіи о Гораціи, никакъ не должно упускать изъ вида этого обстоятельства. Не только при Августѣ, но и послѣ него, въ первые три вѣка имперіи, римскія государственныя учрежденія во многомъ еще, разумѣется, чисто внѣшнею стороною, напоминали республиканское устройство. Полный и окончательный переходъ Рима въ монархію послѣдовалъ при Константинѣ-Великомъ.

Оставивъ республиканскія формы неприкосновенными, Августъ старался только о томъ, чтобъ сосредоточить въ своемъ лицѣ всѣ прежнія курульныя должности. Онъ понялъ, что верховная власть,

---

[28]) Suet. Aug. 33.

[29]) Вотъ замѣчательныя слова Тацита: «Neque provinciae illum rerum statum (то-есть реформу Октавіана) abnuebant, suspecto senatus populique imperio ob certamina potentium et avaritiam magistratuum, invalido legum auxilio, quæ vi, ambitu, postremo pecunia turbabantur». Annal. I, 2 c.

тайная цѣль его желаній, не можетъ опираться на произволъ и насиліе: потому все, чтó способствовало къ увеличенію этой власти, онъ старался получить законнымъ путемъ. Основою его политики было соединеніе новаго монархическаго начала съ прежними республиканскими формами. Переданыя ему Сенатомъ и народомъ постепенно и по частямъ, онѣ должны были наконецъ сростись въ цѣлостность монархической власти.

Послѣ побѣды надъ Антоніемъ, Октавіанъ принялъ титулъ императора. Этотъ титулъ никому не могъ показаться въ Римѣ незаконнымъ, потому-что существовалъ тамъ уже въ періодъ республики. Такъ назывались въ это время лица, получавшія, вслѣдствіе приговора народныхъ собраній по куріямъ, военную власть (lex curiata de imperio): слѣдовательно, это было общее названіе полководцевъ, а также проконсуловъ и пропреторовъ, обязанныхъ вести войны во ввѣренныхъ имъ провинціяхъ. Значительная разница между прежнимъ и новымъ порядкомъ состояла въ томъ, что титулъ императора навсегда остался за Августомъ и перешелъ на его преемниковъ, между-тѣмъ какъ полководцы періода республики слагали съ себя это званіе вмѣстѣ съ окончаніемъ войны. Даже и въ періодъ имперіи этотъ титулъ не сдѣлался исключительною принадлежностью кесарей, но попрежнему придавался полководцамъ и тріумфаторамъ [30]).

Разсказываютъ, что Октавіанъ хотѣлъ принять названіе Ромула, но это ему отсовѣтовали. За-то въ 727 году, по предложенію Мунація Планка, Октавіану поднесенъ былъ Сенатомъ титулъ Августа [31]). Избѣгая нелюбимыхъ народомъ титуловъ, онъ не захотѣлъ назваться диктаторомъ, а принялъ названіе *Princeps*, которое также существовало въ періодъ республики и обозначало старшаго члена Сената (princeps senatus). Что же касается титула *Cæsar*, то это было собственно родовое имя, наслѣдственное у первыхъ шести

---

[30]) Титулъ императора уже Юлію Цезарю былъ предоставленъ Сенатомъ на всю жизнь. Замѣтимъ еще, что, какъ титулъ полководцевъ и тріумфаторовъ, слово императоръ ставилось послѣ ихъ имени, наприм., Cicero Imperator.

[31]) Въ-древности существовали два производства этого названія (отъ *augur* и глагола *augeo*), которыя приводитъ Овидій въ своихъ Fasti, I, ст. 670 и слѣд. Согласно съ этимъ производствомъ, слово *Augustus* значитъ или *освященный*, то-есть *вышечеловѣческій* (inauguratus), или *возвеличенный*, вознесенный. Греческіе писатели переводятъ это названіе словомъ σεβαςὸς, то-есть достопочтенный.

*

римскихъ императоровъ, принадлежавшихъ, или по рожденію, или по усыновленію, къ дому Юлія Цезаря. Впослѣдствіи это имя оставили за собою и прочіе императоры.

Мы не имѣемъ въ виду представить здѣсь подробный историческій перечень всѣхъ другихъ почетныхъ титуловъ, изъ которыхъ постепенно сложилась кесарская власть Августа. Повторимъ только, что всѣ они были предоставлены ему Сенатомъ и народомъ. Благодаря этой умной политикѣ, реформа, начиная съ 725 г., не стóила Августу почти ни одной капли римской крови. Конечно, этому много способствовало почти общее желаніе новаго порядка.

Тацитъ, въ самомъ началѣ «Лѣтописи» [32]), коротко, но съ обычнымъ своимъ искусствомъ представилъ намъ мысли, желанія и чувствованія римскаго народа въ ту минуту, когда Августъ, сдѣлавшись первымъ лицомъ въ Римѣ, долженъ былъ рѣшить судьбу этого государства. Августъ, говоритъ, между-прочимъ, знаменитый историкъ, привлекъ на свою сторону римлянъ «пріятностью покоя» (dulcedine otii), и они охотно предпочли «безопасность настоящаго опасной старинѣ». Это почти общее чувство, которымъ былъ проникнутъ цѣлый народъ римскій, выражаетъ и Горацій въ слѣдующихъ словахъ:

...Не смущусь ни войною
Я, ни насильственной смертью, коль правитъ
Цезарь землею [33]).

Римляне, говоритъ поэтъ въ другой одѣ [34]), высоко цѣнятъ правленіе Августа:

Затѣмъ, что бродитъ волъ покойно средь полей,
Обильные плоды Цереры край питаютъ,
И плаватель летитъ вдоль стихнувшихъ морей,
И честь навѣты не пугаютъ.
Развратъ не сталъ домовъ почетныхъ осквернять,
Порокъ преслѣдуемъ законами и мнѣньемъ,
И сходствомъ чадъ своихъ гордиться можетъ мать —
А кара рядомъ съ преступленьемъ.
Про Скиѳовъ и Парѳянъ и знать мы не хотимъ,
Суроваго никто Германца не боится:
Вѣдь Цезарь между насъ могучъ и невредимъ,
Такъ кто жь Иберца устрашится?

Припомнивъ себѣ всѣ ужасы междоусобной войны и страшную анархію, господствовавшую въ Римѣ, мы вполнѣ поймемъ смыслъ

---

[32]) Tacit. Annal. I, 2.
[33]) Horat. од. III, 14.
[34]) Од. IV, 5.

приведенныхъ словъ Тацита и Горація. Нужно ли прибавлять, что эти слова выражаютъ въ то же время главную причину успѣха реформы Августа? Печальна та эпоха въ жизни народа, когда чувство самохраненія беретъ верхъ надъ всѣми другими его чувствами, но, какъ слѣдствіе исключительнаго положенія, это явленіе понятно и уже не разъ повторялось въ исторіи.

Въ настоящее время понятнѣе, чѣмъ когда-нибудь возможность переворота, въ родѣ того, о которомъ идетъ рѣчь. Недавно на нашихъ глазахъ повторилось то же самое явленіе въ одномъ изъ могущественныхъ государствъ Запада, напуганномъ тѣми ужасами и потоками крови, которые, во имя свободы и братства, готовили ему демагоги. Какъ бы ни была хороша идея сама-по-себѣ, ей не можетъ сочувствовать человѣкъ, если она является въ видѣ искаженномъ, если святая истина, ею выражаемая, служитъ только орудіемъ деспотизма, всегда отвратительнаго, каково бы ни было начало, изъ котораго онъ исходитъ. Маріи, Катилины и Клодіи такъ же невыносимы, какъ Тиберіи, Калигулы и Нероны. Первыхъ Горацій хорошо зналъ, какъ ихъ современникъ, и по свѣжему еще преданію, а послѣднихъ ему не привелось видѣть. Всѣ эти чудовищные представители древняго Рима носили различныя названія: диктаторовъ, трибуновъ и кесарей, но для Горація и другихъ мыслящихъ людей его времени дѣло было не въ названіи, а въ томъ началѣ, которое прикрывалось этими именами. Начало это было деспотизмъ. Промежуточная эпоха, когда онъ уступилъ, навремя, мѣсто болѣе-разумной политикѣ (а царствованіе Августа именно и является намъ такою эпохою въ римской исторіи), должна была привлечь къ себѣ сочувствіе не только массы народа, но и людей избранныхъ, способныхъ проникать въ сущность явленій, не останавливаясь на обманчивой ихъ поверхности. Дѣйствительно, царствованіе Августа, что бы о немъ ни говорили, составляетъ блистательную страницу въ римской исторіи: оно рѣзко отдѣляется не только отъ послѣдующаго печальнаго времени монархіи, но и отъ непосредственно-предшествующаго ему періода республики.

Горацію привелось видѣть свѣтлую сторону римской монархіи, и потому нисколько не странно, что она, подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ только-что исчезнувшей анархіи, вызвала у него восторженный панегирикъ. Гораздо-страннѣе, что Тацитъ, эта благородная и самая возвышенная личность среди всѣхъ писателей древности, послѣ горькаго опыта многихъ лѣтъ, такъ рѣзко выказавшихъ всю ужасающую сторону новаго начала, считалъ его не-

избѣжнымъ, и даже во времена Домиціана не сочувствовалъ людямъ, которые желали возврата къ прежнему порядку [35]). Правда, что знаменитый историкъ вездѣ въ своихъ произведеніяхъ проникнутъ уваженіемъ и удивленіемъ къ старинной доблести римскаго народа. Мрачными красками и съ глубокою скорбью истиннаго патріота рисуетъ онъ печальное время, въ которое суждено ему было жить. Какъ человѣкъ благородный, онъ всѣми силами своей души негодуетъ на деспотизмъ, рабство и вообще на нравственную порчу своего вѣка; несмотря на то, мы бы очень ошиблись, еслибъ представили себѣ Тацита безусловнымъ поклонникомъ минувшей поры Римской Республики. Онъ нисколько не похожъ на Гельвидія Приска и вообще на тѣхъ изъ своихъ современниковъ, которые желали возвратить невозвратно-утраченное. Потому, хотя Тацитъ и отзывается съ уваженіемъ о ихъ благородныхъ стремленіяхъ, но нигдѣ не хвалитъ этихъ мечтателей за ихъ политическій смыслъ. Онъ понималъ, что возвратъ къ отжившимъ, и потому утраченнымъ формамъ римской жизни былъ въ его время вполнѣ-невозможенъ. Для этого въ самомъ обществѣ недоставало тѣхъ элементовъ, при которыхъ только и могъ существовать прежній порядокъ. Исторія вполнѣ оправдываетъ такой взглядъ на Римскую Имперію. Воспользовались ли римляне хотя однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ случаевъ для возстановленія республики, которые представлялись имъ почти всякій разъ, какъ кесари, одинъ за другимъ, кончали свое поприще? Ни Юлій Цезарь, ни Августъ не основали въ Римѣ династіи, и кесарская власть не была наслѣдственною. Уже Калигула, Клавдій и Неронъ являются избранниками преторіанцевъ. Съ Нерономъ поколѣніе потомковъ Цезаря вовсе изчезаетъ на римскомъ тронѣ, и государство переходитъ изъ рукъ въ руки, при посредствѣ избранія или усыновленія. Наслѣдственность власти не имѣла при этомъ никакой обязательной силы, и кончилось тѣмъ, что не было въ Римѣ человѣка, который бы не могъ разсчитывать на санъ императора. О возвратѣ къ минувшему никто и не думалъ въ это время, за исключеніемъ двухъ-трехъ благородныхъ мечтателей; большинство не думало о республикѣ, разумѣется, изъ апатіи, а люди мыслящіе — вслѣдствіе убѣжденія въ ея невозможности. Они были, кромѣ-того убѣждены, и

---

[35]) Подробнѣе говоритъ объ этомъ Целль, въ превосходномъ своемъ изслѣдованіи: Tacitus als Staatsmann in seinem praktischen Leben. Оно помѣщено въ Feriensschriften von Karl Zell. III Sammlung, стр. 66 и слѣд.

совершенно-справедливо, въ томъ, что и при другомъ управленіи Калигулы и Нероны явились бы подъ новыми именами, и притомъ во множествѣ экземпляровъ, потому-что гнилая почва римской жизни способна была производить одни только плевелы. Титы, Антонины и Траяны были бы рѣдкостью и при республиканскомъ устройствѣ Римскаго Государства, въ періодъ его упадка, и власть ихъ не могла быть, при этомъ условіи, въ такой же мѣрѣ благодѣтельною, какъ во время монархіи, потому-что на каждомъ шагу встрѣчала бы для себя неодолимыя препятствія въ окружающей средѣ.

Таковъ былъ взглядъ Тацита на имперію, и этотъ взглядъ раздѣляютъ съ нимъ и новые писатели, глубоко-изучившіе римскую исторію. Она доказала, говоритъ Друманъ [36]), что республиканскія формы могутъ существовать извѣстное время только при простотѣ и неиспорченности нравовъ, отъ которыхъ эти формы заимствуютъ свою жизнь и силу, а не наоборотъ. Римское Государство перешло къ монархіи въ то время, когда все хорошее въ немъ или выродилось, или вовсе исчезло, когда никакая форма управленія не могла уже излечить больнаго тѣла его, когда это тѣло горѣло неизлечимымъ антоновымъ огнемъ страстей и пороковъ. Потому, напрасно чувствительные историки такъ горько жалуются на судьбу римскаго народа въ періодъ имперіи. Положеніе его въ это время дѣйствительно было печально и безвыходно, но эта безвыходность нисколько не была историческая, а нравственная. Мы уже замѣтили выше, что въ благопріятныхъ случаяхъ и поводахъ выйти изъ этого положенія не было недостатка; недоставало для этого нравственныхъ средствъ, безъ которыхъ не могъ существовать старый порядокъ. Вотъ почему голосъ Гельвидія Приска и подобныхъ ему патріотовъ не находилъ для себя отголоска и раздавался въ пустынѣ. Вотъ почему и умный Горацій уже въ свое время хорошо понималъ то, въ чемъ впослѣдствіи убѣдился благородный Тацитъ.

5.

Но возвратимся къ Августу и къ его реформѣ. Мнѣнія новыхъ историковъ объ этой личности очень часто не въ ея пользу. Августъ принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ дѣятелямъ, которые достигаютъ власти вслѣдствіе исключительныхъ обстоя-

---

[36]) Geschichte Roms etc. Слова Друмана взяты нами изъ предисловія его къ этому знаменитому сочиненію.

тельствъ, нарушающихъ обычный ходъ дѣлъ, и становятся въ враждебное отношенie къ прежнимъ элементамъ государственной жизни, противорѣчащимъ ихъ политикѣ. Такiе люди возбуждаютъ, по разнымъ причинамъ, нелюбовь къ себѣ не только въ свое время, но нерѣдко и въ потомствѣ, которое осужденiемъ ихъ иногда выражаетъ свою антипатiю къ аналогическимъ явленiямъ въ окружающей его средѣ. Не всегда историкъ можетъ отрѣшиться отъ возбуждаемыхъ ею впечатлѣнiй, и они нерѣдко руководятъ его судомъ о лицахъ и событiяхъ, принадлежащихъ вѣкамъ отдаленнымъ.

Впрочемъ, очень немногiе изъ новыхъ писателей отрицаютъ подвиги Августа и услуги, оказанныя имъ Римскому Государству. Несмотря на то, личность его, какъ мы уже замѣтили, является въ новой литературѣ большею частью въ неблагопрiятномъ свѣтѣ. Даже блескъ, которымъ окружено царствованiе этого кесаря, многiе стараются приписать Агриппѣ, Меценату и другимъ его сподвижникамъ. Мы не можемъ здѣсь войти въ подробное изслѣдованiе того, въ какой мѣрѣ справедливо это мнѣнiе. Замѣтимъ только, что въ томъ и состоитъ главная заслуга хорошаго правителя, чтобъ окружить себя способными и достойными помощниками. Все царствованiе Августа показываетъ, ка́къ онъ умѣлъ пользоваться и людьми и обстоятельствами. Во всякомъ случаѣ, осуждая Августа, какъ трiумвира, историкъ не можетъ не отдать справедливости кесарскому перiоду его дѣятельности, его неуклонному стремленiю водворить въ Римѣ миръ, справедливость и порядокъ. Освободясь отъ влiянiя своихъ товарищей, Антонiя и Лепида, Августъ очень измѣнился, и притомъ къ лучшему [37]). Онъ воспользовался своимъ положенiемъ, чтобъ безъ всякаго потрясенiя, безъ всякой видимой реформы сосредоточить въ своихъ рукахъ верховную власть, раздѣленную до того времени между многими, большею частью недостойными лицами. Принявъ эту власть, по совѣту Мецената, Августъ вскорѣ послѣ того торжественно объявилъ о намѣренiи своемъ сложить ее съ себя и передать Сенату и народу. Конечно, это было притворство, и мы вполнѣ вѣримъ Тациту, который говоритъ что, подъ видомъ отказа, Августъ пламенно желалъ этой власти (specie recusantis flagrantissime optaverat). Множество голосовъ, от-

[37]) Такъ объясняли себѣ жестокость Августа въ бытность его трiумвиромъ многiе изъ его современниковъ. Объ этомъ ясно говоритъ Тацитъ: multa Antonio, dum interfectores patris ulcisceretur, multa Lepido concessisse...» См. Annal. I, 9.

части, вѣроятно, подготовленныхъ, поднялось въ Сенатѣ противъ этого предложенія. Одни говбрили искренно, другіе увлечены были общимъ примѣромъ, нѣкоторые, наконецъ, молчали изъ страха. Августъ уступилъ, казалось, неохотно общему желанію и согласился только на десять лѣтъ удержать за собою власть, чтобъ привести въ порядокъ дѣла государства. Такимъ образомъ его тайное желаніе получило видъ законности: Августъ уступилъ общей волѣ, которая предлагала ему больше, чѣмъ онъ взялъ.

Рѣзкую перемѣну, которая съ этого времени обнаружилась въ характерѣ Августа, многіе (и въ-особенности Виландъ) также стараются объяснить себѣ его притворствомъ. Нисколько не желая выставлять характеръ Августа въ идеальномъ свѣтѣ, мы, однако несогласны съ этимъ мнѣніемъ. Трудно притворяться всю жизнь, да притомъ Авгутъ впослѣдствіи не имѣлъ въ этомъ никакой нужды. Мы объясняемъ себѣ это измѣненіе въ характерѣ Августа, согласно съ приведенными выше словами Тацита, гораздо-проще. Дѣло въ томъ, что обстоятельства, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ, какъ тріумвиръ, и впослѣдтвіи, какъ кесарь, были неодинаковы. Всѣми дѣйствіями Августа руководилъ политическій разсчетъ, и жестокость, которую онъ не разъ обнаружилъ, въ бытность свою тріумвиромъ, происходила не отъ кровожадности, а потому, что казалась ему необходимою. Обдуманно и твердо стремился Октавіанъ къ своей цѣли, и ничто не могло заставить его отступить предъ нею. Тутъ всѣ средства казались ему позволенными. Когда же цѣль была достигнута, подобныя мѣры сдѣлались бы не только лишними, но и вредными. Вотъ почему въ это время замѣнили ихъ кротость, справедливость и другія качества, которыми Августъ привлекъ къ себѣ наконецъ не только массу народа, но и самыхъ упорныхъ своихъ противниковъ.

Притомъ, не только какъ общественный, но и какъ частный человѣкъ, Августъ отличался многими похвальными качествами. Это былъ хорошій семьянинъ, вѣрный и неизмѣнный другъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ, нисколько-незараженный мелкимъ тщеславіемъ. Лучше всего это видно изъ отношеній его къ Горацію, о которыхъ мы говорили выше. Въ домашней жизни Августъ избѣгалъ пышности и ничѣмъ не отличался отъ простаго гражданина. Въ комиціяхъ онъ подавалъ голосъ наравнѣ съ самыми незначительными членами своей трибы, и при выборахъ обходилъ, по римскому обычаю, избирателей, прося ихъ о голосѣ въ пользу своихъ кліентовъ. Нерѣдко являлся онъ и въ судъ, въ качествѣ

свидѣтеля или защитника людей, принадлежавшихъ къ низшимъ классамъ римскаго общества. Не желаніе блеска, а личная и общественная безопасность заставили его учредить преторіанцевъ, сдѣлавшихся впослѣдствіи такимъ страшнымъ бичомъ Рима, и городскія когорты (cohortes urbanae), которыя должны были наблюдать за порядкомъ въ столицѣ, съ ея двумя мильйонами жителей, привыкшихъ къ мятежу и праздности.

Подробный разборъ всѣхъ мѣръ, принятыхъ Августомъ, для водворенія въ Римскомъ Государствѣ порядка и безопасности, не входитъ въ планъ этого сочиненія. Замѣтимъ только, что благодарность и восторженная хвала огромной массы подданныхъ кесаря, невыносимо страдавшихъ при прежней неурядицѣ, были ему отвѣтомъ на его реформу. Число недовольныхъ ею составляло незначительную горсть людей, да и тѣ большею частью руководились при этомъ не желаніемъ общаго блага, а чисто-личными интересами. Не должно забывать, что побѣда Августа главнымъ образомъ была одержана надъ властолюбивою римскою аристократіей, которая явно стремилась къ олигархіи и подъ конецъ республики вполнѣ достигла своей цѣли. Римская знать, родовая и бюрократическая, больше всего теряла отъ реформы Августа, и она, во всякомъ случаѣ, была въ интересахъ народа. Онъ еще прежде скорбѣлъ о смерти Юлія Цезаря и искренно былъ на сторонѣ его преемника, долгое правленіе котораго не безъ причины казалось огромной массѣ его подданныхъ одною изъ самыхъ счастливыхъ эпохъ въ римской исторіи. Августъ старался также передать свою власть въ хорошія руки. Такъ, по смерти Марцелла, онъ назначилъ преемникомъ себѣ Агриппу, обойдя своихъ пасынковъ, но судьба устроила иначе. Не виноватъ Августъ и въ томъ, что, по кончинѣ его, по выраженію Тацита, «все въ Римѣ ринулось въ рабство» [38]).

Внѣшняя политика Августа была столь же успѣшна, какъ и внутренняя. Онъ возстановилъ честь и блескъ римскаго имени у самыхъ отдаленныхъ народовъ Востока и Запада. Блестящія посольства, одно за другимъ, являлись къ Августу, съ изъявленіемъ покорности и уваженія Римскому Государству. Онъ попеременно принималъ пословъ эѳіопской царицы Кандаки, скиѳовъ и британцевъ. Большой эффектъ произвело также посольство Пора, одного изъ могущественныхъ владѣтелей Индіи. Но особенно народной

---

[38]) Tacit. Annal. I, 7. «At Romæ ruere in servitium consules, Patres, Eques» etc....

гордости римлянъ льстила покорность, изъявленная пареянскимъ царемъ Фраатомъ. Онъ возвратилъ римлянамъ ихъ орлы и плѣнниковъ, которые, со времени несчастнаго похода Красса противъ пареянъ, томились у нихъ въ неволѣ. Это событіе знаменовало постоянно лестный въ глазахъ грековъ и римлянъ окончательный тріумфъ Европы надъ Азіею. Народъ воздвигъ храмъ Марсу Мстителю и съ торжествомъ перенесъ въ него трофеи, возвращенные отъ врага, предъ которымъ не разъ робѣли римскіе легіоны.

Слава Августа росла съ каждымъ днемъ. Знаменательныя событія, придавшія новый блескъ и величіе Римскому Государству, разумѣется, должны были возвысить виновника ихъ въ глазахъ огромной массы народа. Онъ смотрѣлъ на своего повелителя какъ на существо вышечеловѣческое, какъ на избранника боговъ, и панегирики Августу, раздававшіеся въ литературѣ, въ народныхъ собраніяхъ и въ Сенатѣ, несмотря на всю свою неумѣренность, были тѣмъ неменѣе отголоскомъ мнѣнія цѣлой націи. Горацій отъ души раздѣлялъ съ народомъ этотъ восторгъ, и для того, чтобъ вполнѣ оцѣнить римскаго поэта и понять его лирическій порывъ, необходимо перенестись мыслью къ тѣмъ событіямъ, которыми онъ былъ вызванъ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этихъ событій, на которыя холодно смотритъ новый историкъ, дѣлаются понятными восторженныя слова Горація, обращенныя къ Юпитеру [39]), и такъ удачно переданныя г. Фетомъ:

Отецъ мірозданья и вѣчный блюститель!
Ты Цезарю въ стражи избранный судьбами,
Даруй, чтобъ второй по тебѣ повелитель
    Былъ Цезарь надъ нами.
Ведетъ ли въ тріумфѣ, отрадномъ гордынѣ,
Онъ Пареовъ, предъ Римомъ кичливыхъ безъ мѣры,
Дрожатъ ли предъ мощнымъ въ восточной пустынѣ
    Индійцы и Серы,
Меньшой по тебѣ, онъ да правитъ вселенной;
Ты жъ горній Олимпъ сотрясай колесницей,
Ты рощи нечистыя жги раздраженной
    Громовой десницей.

Въ приведенномъ отрывкѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ произведеніяхъ Горація говорится объ Августѣ, какъ о божествѣ. Это обоготвореніе римскаго кесаря не принадлежитъ, впрочемъ, исключительно Горацію, а господствуетъ и у другихъ современныхъ

---

[39]) Въ концѣ 12-й оды I кн.

ему писателей. Не смотря на то, оно легко можетъ показаться новому читателю невыносимою и преступною лестью, если онъ не обратитъ вниманія на значеніе апоѳеозы въ древности. Выше мы уже коснулись мимоходомъ этого вопроса. Прибавимъ здѣсь, въ поясненіе его, еще нѣсколько замѣчаній.

6.

Идея апоѳеозы, замѣтимъ прежде всего, возникла въ Римѣ не въ періодъ имперіи, а гораздо-раньше этого времени. Она даже не была явленіемъ исключительно-римскимъ, ибо коренилась въ нравахъ обоихъ народовъ классической древности и составляла существенно необходимый элементъ въ ихъ религіи. Боги языческой старины вообще были, между прочимъ, ничто иное, какъ люди, обоготворенные за ихъ услуги человѣчеству. Въ такомъ отношеніи къ своей родинѣ находились основатели городовъ и другіе ея благодѣтели, которые, какъ высшія существа, и послѣ смерти своей неослабно радѣли, по убѣжденію древняго человѣка, о пользахъ того или другаго дѣла, стоившаго имъ столько труда и заботъ. Такое представленіе много способствовало развитію религіи древнихъ народовъ. Подъ именемъ божества (δαίμων, numen) они часто понимали высшее, могущественное, безсмертное, но человѣкообразное существо, своими благодѣяніями роду человѣческому, упрочившее себѣ право на благодарность и почитаніе смертныхъ [40]). Такъ возникло у грековъ почитаніе *героевъ*, то-есть избранныхъ людей, которые своими доблестями возвышались до самыхъ боговъ. Между героемъ и богомъ часто не было никакого различія. Герою, такъ же, какъ и богу, воздвигались храмы и приносились жертвы. Для примѣра, укажемъ на поклоненіе ахейцевъ Арату.

При такомъ вѣрованіи, разстояніе между человѣкомъ и божествомъ не могло быть особенно-значительнымъ. Греки, какъ извѣстно, боготворили даже своихъ атлетовъ за красоту и силу ихъ тѣла? Очевидно, что, при такихъ условіяхъ, отъ могущественнаго правителя до божества былъ одинъ только шагъ.

---

[40]) Объ этомъ, равно-какъ и о значеніи апоѳеозы у древнихъ народовъ см. Fr. Creuzer: Symbolik und Mythologie der alten Völker и проч. Leipzig 1842. III Th. стр. 717 и слѣд. Также у Виланда, въ его изданіи посланій Горація, II ч., стр. 79 и слѣд. Ср. стр. 178 и слѣд. Вновь разсмотрѣны всѣ относящіеся сюда вопросы въ сочиненіи Преллера «Römische Mythologie», Berlin, 1858. См. стр. 770 и слѣд. Ср. стр. 66, 486, 499 и слѣд.

Были и другіе пути, которыми апоѳеоза необходимо должна была проникнуть въ религію римлянъ. Они ужъ съ глубокой древности чтили души своихъ предковъ подъ именемъ *ларовъ* (lares). Это были домашніе боги. Они, по вѣрованію римлянъ, никогда не переставали принимать живое участіе въ тѣхъ семействахъ, къ которымъ когда-то сами принадлежали. Лары приносили этимъ семействамъ счастье и старались отвратить отъ нихъ невзгоду. Такъ, между прочимъ, возникло въ Римѣ обоготвореніе человѣка.

Наконецъ, апоѳеоза имѣла тѣсную связь съ почитаніемъ *геніевъ*, которое перешло въ Римъ отъ этрусковъ. Подъ именемъ генія римляне разумѣли общность нравственной природы человѣка. Образъ его дѣйствія, направленіе и характеръ—словомъ, духовная индивидуальность человѣка, все это, по древнему вѣрованію, относилось къ вліянію на него генія. Горацій называетъ его въ одномъ мѣстѣ «богомъ человѣческой природы» [41]).

Геній вводилъ человѣка въ жизнь и, какъ охранительное божество, не разлучался съ нимъ во все ея продолженіе [42]). Такъ какъ въ религіи грековъ и римлянъ не было опредѣленныхъ догматовъ, и о каждомъ божествѣ господствовало нѣсколько мнѣній, то и въ настоящемъ случаѣ нѣкоторые вѣрили въ существованіе при каждомъ человѣкѣ двухъ геніевъ, добраго и злаго (находившихся въ постоянной между собою борьбѣ), а другіе, какъ Горацій, принимали одного генія, который, смотря по дѣйствіямъ человѣка, былъ то благосклоненъ къ нему, то неблагосклоненъ. Потому, первою заботою человѣка было расположить къ себѣ своего генія, жить съ нимъ въ согласіи, веселить его и мирить съ собою, если это было нужно, жертвами и возліяніями [43]). Чѣмъ сильнѣе,

---

[41]) Epist. II, 2, ст. 183. Считаемъ не лишнимъ выписать здѣсь классическое мѣсто о геніи:

Cur alter fratrum cessare, et ludere, et ungi
Praeferat Herodis palmetis pinguibus; alter,
Dives et importunus, ad umbram lucis ab ortu
Silvestrem flammis et ferro mitiget agrum,
Scit Genius, natale comes qui temperat astrum,
Naturæ deus humanæ, mortalis in unum —
Quodque caput, vultu mutabilis, albus et ater.

[42]) Геніи женщинъ назывались юнонами. Рабы клялись геніями, а служанки юнонами своихъ господъ. Римляне клялись геніемъ Августа, а впослѣдствіи — его преемниковъ.

[43]) Отсюда извѣстныя выраженія: *indulgere genio* и *defraudare genium.*

возвышеннѣе былъ геній, тѣмъ совершеннѣе и счастливѣе считался человѣкъ, находившійся подъ его руководствомъ. Если геній постоянно и неуклонно велъ человѣка къ славѣ и къ великимъ подвигамъ, то онъ считался существомъ вышечеловѣческимъ, божественнымъ (δαιμόνιος).

Мы сказали, что апоѳеоза возникла въ Римѣ задолго до Августа. Уже Ромулъ былъ обоготворенъ римлянами подъ именемъ Квирина. Точно также и Эней. Въ періодъ республики мы встрѣчаемъ въ Римѣ множество примѣровъ самой странной апоѳеозы. Жители провинцій нерѣдко воздвигали въ это время алтари и храмы въ честь самыхъ безпутныхъ римскихъ проконсуловъ, которые открыто грабили страны, ввѣренныя ихъ управленію.

Теперь понятно, что Августъ, нисколько не оскорбляя нравственнаго чувства своихъ подданныхъ, могъ, по примѣру Александра Македонскаго, допустить возданіе себѣ такихъ почестей, которыя въ нашихъ глазахъ, конечно, возмутительны. Выше замѣчено, что еще въ 718 году, послѣ побѣды надъ Секстомъ Помпеемъ, многіе города Италіи провозгласили Октавіана своимъ охранительнымъ божествомъ. Уже въ это время римляне начали выставлять изображеніе Октавіана между ларами и приносить ему жертвы. Въ 727 году Сенатъ торжественно декретомъ своимъ возвелъ его въ рангъ божества. Августъ могъ принять это названіе, какъ новый титулъ, изобрѣтенный неистощимою и, конечно, пошлою лестью его подданныхъ. Онъ, однако, не сдѣлалъ этого. Несмотря на то, что Сенатъ и народъ не разъ порывались провозгласить Августа божествомъ, онъ позволилъ воздвигать храмы своему генію не въ самомъ Римѣ и не въ Италіи, а только въ провинціяхъ, и то вмѣстѣ съ *Dea Roma*, хотя, по словамъ Светонія [44]), кесарю было не безъизвѣстно, что проконсулы безраздѣльно пользовались этою честью. *Dea Roma* уже въ періодъ республики имѣла капища во многихъ греческихъ городахъ; и храмы, посвященные въ провинціяхъ генію Августа, вмѣстѣ съ богинею, олицетворявшею собою вѣчный городъ, не могли казаться римлянамъ чѣмъ-то непристойнымъ. Съ 735 года, въ самомъ Римѣ появилось множество алтарей, воздвигнутыхъ въ честь Августа, но не съ тѣмъ, чтобъ приносить ему на нихъ жертвы, а съ цѣлью молиться при

---

[44]) Sueton. Aug. 52 c.

этихъ алтаряхъ за главу Римскаго Государства, какъ за человѣка смертнаго [45]).

Горацій, какъ оказывается, виноватъ въ апоѳеозѣ Августа не одинъ, а вмѣстѣ со всѣми своими современниками. Нельзя, однако, не замѣтить, что и въ этомъ случаѣ нашъ поэтъ велъ себя гораздо-лучше многихъ собратовъ своихъ по литературѣ. Не раньше 727 года, онъ отозвался на голосъ народа, который включилъ Августа въ число своихъ ларовъ, между-тѣмъ какъ Варій и Виргилій задолго до этого времени привѣтствовали въ своихъ произведеніяхъ римскаго кесаря, какъ новое божество, ниспосланное для спасенія государства. Притомъ, по справедливому замѣчанію Пассова, выраженія: *deus*, *divus*, *numen* употребляются Гораціемъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ Августѣ, не въ прямомъ ихъ значеніи (какъ, напримѣръ, Овидіемъ), но съ цѣлью обозначить недосягаемое величіе могущественнаго императора, какъ существа смертнаго, для котораго, однако, обычныя въ подобныхъ случаяхъ слова казались римлянамъ недостаточными. Наконецъ, не должно забывать, что приведенныя слова, сдѣлавшись въ Римѣ оффиціальными, получили характеръ условныхъ выраженій, какія употребляются и въ новыхъ языкахъ тамъ, гдѣ говорится о царственныхъ особахъ, или о лицахъ, принадлежащихъ къ ихъ семейству.

7.

Оправдывая Горація, мы нисколько не имѣли въ виду представить его идеаломъ нравственнаго совершенства. Къ Горацію не идетъ даже названіе человѣка добродѣтельнаго, но имя честнаго человѣка, какъ мы старались доказать, принадлежитъ ему неотъемлемо.

Горацій не былъ существомъ идеальнымъ и въ другомъ значе-

---

[45]) Прибавимъ еще, что послѣ Августа апоѳеоза (consecratio) римскихъ кесарей (разумѣется, тѣхъ, которые умирали естественною смертію) вошла въ постоянный обычай и производилась по опредѣленію Сената, или новаго правителя. Послѣ погребенія кесаря, восковое изображеніе его, впродолженіе семи дней обыкновенно выставлялось во дворцѣ, на ложѣ изъ слоновой кости. Затѣмъ, въ назначенный день, всадники и сенаторы выносили это изображеніе на форумъ, а оттуда на Марсово Поле. Здѣсь оно ставилось на костеръ, который зажигался новымъ императоромъ. Въ эту минуту выпускался съ костра орелъ, который, какъ старались увѣрить народъ, относилъ къ богамъ душу почившаго кесаря. Послѣ этого онъ получалъ названіе *divus*, ему строили храмы и воздавали божескія почести.

ніи этого слова. Въ зрѣлыя лѣта своей жизни, онъ является намъ человѣкомъ практическимъ, и въ этомъ случаѣ обнаруживаетъ въ своемъ характерѣ чисто-римскій отпечатокъ. «Въ то время, какъ ты (пишетъ онъ къ Лоллію) занимаешься въ Римѣ декламаціей, я перечиталъ въ Пренестѣ пѣвца троянской войны (Гомера), который яснѣе и лучше Хризиппа и Крантора учитъ различать, чтò хорошо и чтò худо, *чтò полезно* и *чтò безполезно*» [46]). Мы уже выше замѣтили, что тáкое практическое направленіе нисколько не исключаетъ благороднаго и возвышеннаго образа мыслей. Зрѣло обдумавъ, чтò полезно и чтò безполезно, развѣ не можетъ человѣкъ болѣзненно отвращаться отъ всего пошлаго и горячо сочувствовать разумному прогрессу? Человѣкъ практическій (въ благородномъ значеніи этого слова), какимъ представляется намъ Горацій, конечно, не похожъ на утописта. Такой человѣкъ неспособенъ увлечься идеей на томъ только основаніи, что она нравится разгоряченному его воображенію, особенно если ей, по ея непримѣнимости къ жизни, вѣчно или, по-крайней-мѣрѣ, еще очень-долго суждено жить въ области фантазіи. Это направленіе не исключаетъ, однако, горячаго сочувствія къ потребностямъ настоящей минуты и нисколько не предполагаетъ полнаго примиренія съ существующимъ порядкомъ, такъ какъ оно необходимо ведетъ къ застою и неподвижности. Люди, къ которымъ мы отнесли римскаго поэта, во всякомъ случаѣ, выше мелкихъ утопистовъ, утопистовъ — Маниловыхъ (а ихъ всегда немало водилось на свѣтѣ), мечтающихъ о томъ «кáкъ бы хорошо было построить мостъ чрезъ рѣку, а на немъ огромнѣйшій домъ съ высокимъ бельведеромъ». Къ сожалѣнію, Маниловы часто не думаютъ при этомъ, достаточно ли твердъ грунтъ, на которомъ придется укрѣпить предполагаемый мостъ, и не провалится ли онъ въ рѣку, вмѣстѣ съ огромнѣйшимъ своимъ бельведеромъ. Разумѣется, мы этимъ нè хотимъ сказать, что живой и просвѣщенный человѣкъ можетъ или долженъ жить безъ идеаловъ. Нѣтъ, такая жизнь недостойна человѣка, но въ такой-же мѣрѣ недостойно его дѣлать свой идеалъ нормою для всѣхъ и нарушать историческое движеніе къ прогрессу. Во всякомъ случаѣ, мы не преклонимся предъ тѣми мелкими реформаторами (а такихъ не мало развелось въ наше время), которые, во имя своего недодуманнаго идеала, готовы деспоти-

---

[46]) См. начало втораго посланія I-й кн.

чески регламентировать цѣлый міръ и свою волю поставить выше всего на свѣтѣ.

Практичность Горація выразилась и въ самой его морали. Она вообще отличается снисходительностью. Горацій постоянно имѣетъ въ виду ограниченность человѣческой природы, и потому не требуетъ отъ нея полнаго совершенства. Въ тоже время поэтъ вездѣ старается показать смѣшную сторону порока и пустаго увлеченія. Для него одинаково-смѣшны утопіи стоиковъ и грязный цинизмъ эпикурейцевъ. Горацій вездѣ старается указывать средній путь между крайностями и въ желаніи уклониться отъ порока видитъ уже добродѣтель [47]). Она для него не столько цѣль жизни, сколько средство быть счастливымъ, а порокъ — прямое слѣдствіе людскаго неразумія. Поэтъ не требуетъ невозможныхъ жертвъ отъ человѣка, но за то учитъ его умѣренности и довольству малымъ, что̀, по вѣрному убѣжденію Горація, составляетъ главное условіе независимости, постоянно руководившей не только его словами, но и поступками.

Съ точки зрѣнія нашего времени, нравственная система, построенная Гораціемъ, можетъ быть, особенно въ своихъ частностяхъ, подвергнута строгой критикѣ, и уже древніе моралисты далеко ушли отъ него въ тѣхъ требованіяхъ отъ человѣка, которыя они поставили непремѣннымъ условіемъ его нравственнаго совершенства. Но и здѣсь не должно забывать, когда и для кого писалъ Горацій. Въ его время безпощадная мораль едва-ли была умѣстна. Непримѣнимая къ жизни, безъ отголоска въ обществѣ, она — какъ это дѣйствительно и случилось — могла имѣть въ Римѣ только значеніе пышной фразы. Римская сатира отозвалась на порокъ двоякимъ образомъ: негодованіемъ и насмѣшкою. Соединеніе въ сатирѣ этихъ, повидимому, противоположныхъ качествъ въ негодующій, или лирическій смѣхъ чуждо древности и принадлежитъ нашему вѣку. Первому изъ указанныхъ направленій слѣдовалъ, какъ извѣстно, въ своей сатирѣ Ювеналъ. «Если природа отказала мнѣ въ стихѣ, то родитъ его негодованіе [48])», говоритъ благородный обличитель домиціанова вѣка. Горацій пошелъ въ

---

[47]) Virtus est vitium fugere, et sapientia prima Stultitia caruisse. Epist. I, I, 41.

[48]) Si natura negat, facit indignatio versum. Sat. I, 79.

своихъ произведеніяхъ другою дорогою. Онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что

«Шутка часто сильнѣе разитъ, чѣмъ суровое слово» [49]).

Но нерѣдко подъ этой шуткой у римскаго поэта скрывается самый возвышенный взглядъ на жизнь. Трудно указать на другаго древняго автора, которымъ бы такъ просто и, что главное, такъ отъ души высказано было столько благородныхъ мыслей, какими наполнены произведенія Горація. Кáкъ много встрѣтитъ у него читатель возвышенной и притомъ чисто-житейской, общечеловѣческой морали, а не условной, какъ у Персія, и не утопической, которою нерѣдко грѣшитъ самъ Ювеналъ! Вольтеръ, сдвинувшій столько вѣковыхъ кумировъ съ ихъ высокихъ подножій, не посягнулъ на честь Горація, и въ слѣдующемъ обращеніи къ нему очень-мѣтко указываетъ на ту сторону произведеній римскаго поэта, о которой здѣсь рѣчь:

Avec toi l'on apprend à souffrir l'indigence,
A jouir sagement d'une honnête opulence,
A vivre avec soi-même, à servir ses amis,
A se moquer un peu de ses sots ennemis,
A sortir d'une vie ou triste, ou fortunée,
En rendant grâce aux dieux de nous l'avoir donnée [50]).

Мы кончили характеристику Горація, какъ общественнаго дѣятеля. Теперь необходимо еще ближе разсмотрѣть его, какъ частнаго человѣка и, въ заключеніе, опредѣлить признанное вѣками литературное значеніе нашего поэта, такъ какъ онъ является намъ главою новой школы, которая въ короткій срокъ своего существованія окончательно возвысила римскую поэзію. Разсмотрѣнію этихъ вопросовъ мы посвятимъ два послѣдніе отдѣла предлагаемаго сочиненія.

---

[49]) ...Ridiculum acri
Fortius et melius magnas plerumque secat res. Sat. 1, 10, ст. 14.

[50]) Épître à Horace. См. Mélanges de littérature ancienne et moderne par M. Patin. Paris 1840, стр. 139; ср. стр. 142—151.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Сабинское помѣстье Горація. — Новыя изслѣдованія о его виллѣ. — Извѣстія о ней, встрѣчаемыя у самого Горація. — Выводъ изъ нихъ и характеристика Горація, какъ частнаго человѣка.

1.

.......«Nihil supra
Deos lacesso nec potentem amicum
Largiora flagito,
Satis beatus unicis Sabinis»...
Horat. Od. II, I, ст. 11—15.

Девятнадцать столѣтій отдѣляютъ насъ отъ Горація, а онъ остается по прежнему любимцемъ и другомъ всѣхъ, кто только достаточно надѣленъ вкусомъ, чтобы чувствовать изящное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ состояніи оцѣнить все благородство, все человѣческое достоинство римскаго поэта, одного изъ лучшихъ людей классической древности. Этотъ энтузіазмъ естественно долженъ былъ привести къ тщательному изученію Горація, какъ человѣка и писателя, — и въ настоящую пору, какъ мы уже видѣли, накопилась о немъ такая огромная масса книгъ и брошюръ, какую едва ли въ состояніи одолѣть самый усидчивый ученый.

Устика — такъ называлось Сабинское помѣстье Горація — также не разъ уже обращала на себя вниманіе археологовъ, которые тщательно собрали свидѣтельства римскаго поэта о его классической виллѣ.

Между всѣми подобными трудами, самое видное мѣсто безспорно принадлежитъ сочиненію французскаго аббата Капмартена де-Шопи (Capmartin de Chaupy.) Это былъ одинъ изъ самыхъ восторженныхъ поклонниковъ Горація. Почтенный аббатъ употребилъ все свое состояніе и десять лѣтъ жизни на то, чтобы на мѣстѣ изучить вопросъ о Гораціевой виллѣ и ея окрестностяхъ.

Плодомъ этихъ усильныхъ трудовъ французскаго археолога были три толстые тома (in-8), въ которыхъ онъ со всѣми малѣйшими подробностями изложилъ результаты своихъ изслѣдованій [1]).

[1]) Вотъ полное заглавіе этой книги: Découverte de la maison de campagne d'Horace. Ouvrage utile pour l'intelligence de cet auteur et qui donne

*

Аббатъ де-Шопи представляетъ собою очень любопытный типъ ученаго, постоянно и восторженно занятаго одною и тою же мыслію. Въ страшные дни первой французской революціи де-Шопи принужденъ былъ оставить Парижъ и поселиться на время въ одномъ городкѣ южной Франціи. Здѣсь встрѣтилъ его Кампенонъ (Campenon), который почти ежедневно имѣлъ случай наблюдать этого замѣчательнаго человѣка и оставилъ о немъ нѣсколько не лишенныхъ интереса воспоминаній [2]). Аббатъ, по словамъ Кампенона, не избѣгалъ общества, но постоянно оставался совершенно чуждымъ всему, что̀ около него говорилось и дѣлалось: онъ всегда былъ угрюмъ и углубленъ въ свою думу. Современность, несмотря на весь свой трагическій, животрепещущій интересъ, немного его занимала. Зато, лишь только начинался разговоръ о Гораціи, молчаливый аббатъ совершенно какъ-бы перерождался, и рѣчь его текла неудержимымъ потокомъ. Горацій былъ для него не просто писателемъ отдаленной эпохи, изученію котораго онъ посвятилъ много времени, а живымъ человѣкомъ, съ которымъ онъ никогда не разставался. Отъ Горація слышалъ аббатъ то или другое мнѣніе, Горацій подавалъ ему тотъ или другой совѣтъ, съ которымъ онъ сообразовалъ всѣ свои дѣйствія и поступки. Всегда казалось, будто аббатъ только что вернулся съ прогулки изъ Тибура, Тарента или Байй, гдѣ онъ долго и много бесѣдовалъ съ своимъ неразлучнымъ пріятелемъ. Аббатъ каялся, что не всегда и не во всемъ онъ былъ согласенъ съ Гораціемъ, но наконецъ, однако, послѣ многихъ и жаркихъ споровъ, онъ обыкновенно уступалъ мнѣніямъ и взглядамъ своего «*старагю друга*». Никто, даже дамы, не освобождались отъ безчисленныхъ цитатъ изъ римскаго поэта, которыя де-Шопи приводилъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Этими цитатами онъ обыкновенно отвѣчалъ на всѣ вопросы и объяснялъ всѣ явленія общественной и частной жизни современнаго ему быта. Неудовольствіе свое противъ пожилыхъ женщинъ онъ обыкновенно выражалъ ворчаньемъ сквозь зубы: «старая Канидія».—Однажды, разсказываетъ Кампенонъ, за большимъ обѣдомъ, на которомъ присутствовалъ аббатъ, обратила на себя общее вниманіе одна молодая дѣвушка, которая въ скоромъ

---

occasion de traiter d'une suite considérable de lieux antiques. — Par M. l'Abbé Capmartin de Chaupy. — A Rome 1767—1769. Сочиненіе это посвящено папѣ Клименту XIII.

[2]) Въ книгѣ, на которую указано въ одномъ изъ слѣдующихъ примѣчаній.

времени должна была выйдти замужъ. Она отличалась необыкновенно живымъ и веселымъ характеромъ, и на этомъ основаніи мнѣнія гостей о семейномъ счастіи будущаго ея мужа были различны. Сосѣдъ аббата сообщилъ ему также, между прочимъ, свое замѣчаніе, не очень лестное для невѣсты. Аббатъ пристально посмотрѣлъ на нее и потомъ очень серьёзно прибавилъ: «дѣйствительно, въ ней есть что-то, напоминающее Лалагу». [3]).

Мы не безъ цѣли привели эти подробности о добромъ аббатѣ. Уже заранѣе можно предвидѣть, что сочиненіе его о классической виллѣ Горація не безъ недостатковъ. Дѣйствительно, многорѣчивость аббата, его увлеченіе своимъ предметомъ, не знающее мѣры, безпрестанные эпизоды и отступленія отъ главной темы — все это много повредило огромному и добросовѣстному труду французскаго археолога въ мнѣніи его критиковъ [4]). Но при этомъ не должно забывать, что сочиненіе, о которомъ идетъ рѣчь, имѣетъ также свои хорошія стороны и, во всякомъ случаѣ, рѣзкій отзывъ Виланда объ авторѣ его не совсѣмъ справедливъ [5]). Не малая заслуга аббата де-Шопи заключается въ томъ, что онъ весьма вѣрно опредѣлилъ мѣстоположеніе почти всѣхъ окрестностей Устики, упоминаемыхъ Гораціемъ, и указалъ на мѣстности, которыя соотвѣтствуютъ имъ въ нынѣшней Италіи. Многіе выводы его вполнѣ подтверждены новѣйшими археологическими открытіями.

Многорѣчивость аббата де-Шопи дѣлаетъ очень затруднительнымъ чтеніе его книги, которая потому большей части ученыхъ извѣстна только по заглавію. Кромѣ того, это сочиненіе давно уже

---

[3]) Горацій ожесточенно преслѣдуетъ въ своихъ стихахъ старуху Канидію и представляетъ ее вѣдьмою. Подъ именемъ Лалаги нужно разумѣть любимицу Горація, Цинару.

[4]) Конечно, трудно было наполнить три большіе тома исключительно описаніемъ Устики. Потому аббатъ дѣлаетъ частыя отступленія отъ своего главнаго предмета. Онъ не только описываетъ окрестности Тибура и Рима, но и другія чѣмъ-нибудь замѣчательныя мѣстности древней Италіи, отъ Тибра до Іоническаго моря. «Признаюсь (говоритъ авторъ на стр. 34-й предисловія къ своему труду), я съ большимъ рвеніемъ ухватился за случай написать сочиненіе, которое, оставаясь однимъ, представляетъ въ то же время какъ бы два произведенія: одно, составляющее изслѣдованіе о загородномъ домѣ Горація, и другое, которое содержитъ въ себѣ почти полный трактатъ о древностяхъ наиболѣе интересной части Италіи.»

[5]) Wieland: Horazens Briefe Leipzig 1790. I, Th., стр. 250 и слѣд.

составляетъ библіографическую рѣдкость [6]), и вотъ почему, еще въ 1821 г., Кампенонъ сдѣлалъ изъ него извлеченіе, которое онъ предпослалъ своему изданію Горація [7]). Кампенонъ, впрочемъ, во всемъ безусловно слѣдуетъ своему руководителю и проникнутъ вѣрою въ его непогрѣшимость. Извлеченіе Кампенона не отличается полнотою, и на многія характерическія подробности въ книгѣ аббата де-Шопи онъ не обратилъ вниманія.

Я не намѣренъ утомлять вниманіе читателей подробнымъ перечнемъ остальныхъ сочиненій, относящихся къ литературѣ вопроса о виллѣ Горація, но не могу умолчать о небольшой, но прекрасной статьѣ Фридриха Якобса, въ которой онъ очень живо описываетъ Устику [8]). О томъ же предметѣ можно встрѣтить болѣе или менѣе подробныя изслѣдованія въ Виландовомъ изданіи посланій Горація (также въ изданіяхъ: Шмидта, Оббаріуса, Дюнцера), въ монографіяхъ: Вебера, Пассова, барона Валькенара, Тейфеля, и въ другихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ изученію знаменитаго римскаго поэта [9]). Наконецъ, въ 1854 году, извѣстные французскіе типографы братья Дидоты, приготовляя новое изданіе Горація, которое теперь уже вышло и составляетъ одинъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ современнаго типографическаго искусства, поручили одному французскому ученому, г. Ноэлю де Верже, посѣ-

[6]) Экземпляръ этой книги, которымъ я пользовался, принадлежитъ Публичной Библіотекѣ.

[7]) Oeuvres d'Horace traduites par MM. Campenon de l'Academie française, et Després, Conseiller honoraire de l'Université, accompagnées du commentaire de l'abbé Galiani. — Изданіе это, вышедшее въ Парижѣ, въ 1821 г., не имѣетъ особеннаго значенія въ наукѣ. Я не имѣлъ его подъ руками, и извлеченіе Кампенона изъ книги аббата де-Шопи извѣстно мнѣ въ нѣмецкомъ переводѣ: Untersuchungen über das Landhaus des Horaz und über die verschiedenen Landsitze, die in seinen Gedichten erwähnet werden. Aus dem Französischen des Hrn. Campenon. Leipzig. 1826 г.

[8]) Въ V-мъ томѣ его «Vermischte Schriften» (Leipzig 1834) помѣщенъ цѣлый рядъ небольшихъ, но очень изящно и умно (по-нѣмецки) написанныхъ статей о Гораціи, подъ общимъ заглавіемъ «Lectiones Venusinæ.»

[9]) Кромѣ того, извѣстія о виллѣ Горація собраны въ разныхъ описаніяхъ римской Кампаньи, наприм. у Христіана Мюллера (Rom's Campagna и пр. Leipzig, 1824). Онъ пользовался незадолго до того времени изданною книгою извѣстнаго римскаго археолога Нибби: Viaggio antiquario ne' contorni di Roma. Подробное указаніе на остальную литературу о виллѣ Горація можно найдти въ статьѣ Оббаріуса, помѣщенной въ «Archiv für Philol. und Pädagogik» Зеебоде и Яна. 1832. 1. ч. стр. 581.

тить мѣсто виллы Горація и еще разъ произвести на немъ топографическія изслѣдованія. Это порученіе было исполнено при содѣйствіи римскаго археолога Піетро Роза, который составилъ подробные планы всей мѣстности. Результатъ изслѣдованій состоитъ въ томъ, что вилла Горація лежала нѣсколько выше на подошвѣ горы Корньялетто (древняго Лукретиля), чѣмъ предполагали прежде [10]).

Лучшимъ источникомъ, по вопросу о Сабинской виллѣ Горація, остаются его творенія, въ которыхъ онъ такъ часто обращается къ обстоятельствамъ своей жизни и рисуетъ ее такъ откровенно, правдиво и подробно. Дѣйствительно, новыя изслѣдованія не прибавляютъ въ сущности ничего особеннаго къ тѣмъ свидѣтельствамъ объ Устикѣ, которыя такъ охотно сообщаетъ намъ римскій поэтъ. Всякій, кто только прилежно вчитывался въ посланія, сатиры и оды Горація, и безъ того знаетъ, что его классическая вилла находилась въ землѣ Сабинской, въ глубокой долинѣ, которую орошалъ источникъ Дигенція (Digentia), въ окрестностяхъ деревни Манделы и городка Варіи, въ нѣсколькихъ миляхъ (къ сѣверу) отъ Тибура (Тиволи). Эта тѣнистая долина со всѣхъ сторонъ замыкалась горами, изъ которыхъ Лукретиль (Lucretilis) и Устика, соименная виллѣ, были ближе другихъ къ жилищу поэта. Эти горы, лѣсъ, огромныя скалы, поросшія мохомъ и кустарникомъ, придавали долинѣ Дигенціи, отличавшейся здоровымъ климатомъ, видъ угрюмый, но тѣмъ не менѣе живописный: природа являлась здѣсь во всемъ своемъ дикомъ величіи. Близъ дома, куда всегда съ такимъ восторгомъ спѣшилъ Горацій изъ душнаго Рима, и гдѣ написана едва ли не большая часть его изящныхъ стиховъ, находились развалины храма Вакуны [11]).

Неутомимые археологическіе поиски аббата де-Шопи очень опредѣлительно и неоспоримо доказали, что всѣмъ этимъ мѣстностямъ, о которыхъ упоминаетъ Горацій, вполнѣ соотвѣтствуетъ въ нынѣшней Италіи долина Личенца (Licenza), съ рѣкою того же имени. Нѣкоторые города и деревни въ окрестностяхъ этой долины до сихъ поръ еще носятъ свои классическія названія, въ болѣе или менѣе искаженномъ видѣ. Личенца, Дигенція римскаго поэта,

---

[10]) Извѣстія объ этихъ новѣйшихъ розысканіяхъ помѣщены въ Дидотовскомъ изданіи Горація (Paris 1855) и во французскомъ Атенеумѣ, Bulletin archeologique, avril 1855.

[11]) Вакуна — богиня, принадлежавшая къ мѣстному сабинскому культу. Въ ней находили сходство съ Минервою, Венерою, Діаною и съ другими богинями римской миѳологіи.

протекаетъ всю долину и, въ 14 миляхъ къ сѣверу отъ Тиволи, впадаетъ въ Тевероне (древній Аніо). На одинъ изъ притоковъ Личенцы, называемый теперь Ратини, французскій археологъ смотритъ какъ на тотъ источникъ, о которомъ не разъ упоминаетъ римскій поэтъ (напримѣръ во 2-мъ стихѣ 6-й сатиры II-й книги), и при сліяніи котораго съ Дигенціей расположена была его вилла[12]). Горацій не называетъ этого притока, и многіе очень ошибочно смѣшиваютъ его съ Бандузіей[13]).

Дорога изъ Рима въ виллу Горація шла на Тибуръ и оттуда, далѣе къ сѣверу, по правому (западному) берегу рѣки Аніо (Тевероне): это древняя via Valeria. Въ 8-ми миляхъ отъ Тибура лежалъ по этой дорогѣ небольшой городъ Варія (теперь Vico-Varo). Милю еще далѣе, сворачиваютъ влѣво, направляясь къ западу и въѣзжаютъ въ долину Личенца. Слѣдуя по этому пути, который идетъ вдоль рѣки Личенцы (Дигенціи), пріѣзжаютъ къ мѣстечку Rocca-Giovane, гдѣ найдены развалины храма Вакуны, а на другой сторонѣ рѣки, къ востоку отъ Rocca-Giovane, открыты слѣды Манделы (близъ деревни Bardela). Здѣсь-то, нѣсколько выше впаденія рѣчки Ратини въ Личенцу, на значительномъ возвышеніи, лежало, по новѣйшимъ розысканіямъ, сабинское помѣстье Горація[14]). Длинный рядъ вѣковъ, которые прошли съ тѣхъ поръ, какъ замолкъ геніальный владѣлецъ этого уголка Италіи, не оставилъ почти никакихъ слѣдовъ отъ его жилища.

Одна изъ ошибокъ аббата де-Шопи, плодъ излишняго его увлеченія, состоитъ въ томъ, что онъ вездѣ говоритъ «château d'Horace», вездѣ старается представить скромное помѣстье Горація великолѣпною виллою и распространяется о томъ, какіе богатые доходы она ему приносила. Странно читать подобные возгласы,

---

[12]) Аббатъ де-Шопи утверждаетъ, что современное названіе этого источника (то-есть Ратини) образовалось изъ *fonte del Oratino* (fons Horatii), или сокращенно *Ratino* — названія, которое этотъ источникъ *долженъ былъ имѣть* въ періодъ среднихъ вѣковъ.

[13]) Это имя принадлежало тому источнику, который протекалъ въ окрестностяхъ родины Горація, Венузіи (теперь *Venosa*). Горацій воспѣлъ Бандузію въ 13-й одѣ III-й книги.

[14]) Подробныя топографическія карты окрестностей Тибура и Устики приложены къ сочиненію аббата де-Шопи, къ книгѣ барона Валькенара: Histoire de la vie et des poésies d'Horace (Paris 1840), къ нѣмецкому переводу статьи Кампнона и къ новому Дидотовскому изданію Горація.

послѣ того какъ самъ Горацій такъ подробно и съ обычною откровенностію описалъ намъ свое маленькое хозяйство.

Чтобы представить занимающій насъ вопросъ въ настоящемъ его свѣтѣ, мы должны обратить вниманіе на тѣ мѣста въ произведеніяхъ римскаго поэта, гдѣ онъ такъ привлекательно описываетъ свою деревенскую жизнь.

Еслибы дѣло шло только о топографическомъ характерѣ и другихъ подобныхъ особенностяхъ Сабинума, то мы едва ли бы взяли на себя этотъ трудъ. Насъ побудили къ этому другія причины. Вопросъ о сабинской виллѣ Горація имѣетъ самое близкое отношеніе къ характиристикѣ его, какъ человѣка. Здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаются неумолимые факты, живо рисующіе намъ эту прекрасную, благородную личность, такъ легкомысленно, неосновательно униженную и опозоренную нѣкоторыми (впрочемъ, къ чести ученаго міра, очень немногими) современными писателями.

2.

Сабинская вилла, подаренная Горацію Меценатомъ, также, между прочимъ, уже не разъ служила поводомъ къ нападкамъ на римскаго поэта. Мы уже имѣли случай подробно говорить о характерѣ той исторической пріязни, которая соединяла этихъ двухъ замѣчательныхъ людей Августова вѣка. Повторимъ, что нигдѣ въ римскомъ мірѣ кліентство не представляется намъ въ болѣе привлекательномъ видѣ, какъ въ этой дружбѣ всемощнаго вельможи съ бѣднымъ поэтомъ. Эти два человѣка, столь сходные по характеру, почти съ самой первой встрѣчи сдѣлались необходимы другъ для друга, и Меценатъ имѣлъ много причинъ дорожить пріязнію Горація. Наперснику и руководителю Августа необходимъ былъ отдыхъ среди людей не чиновныхъ. Наружная безпечность Мецената, безъ сомнѣнія, была только маскою, которою прикрывалась постоянная его озабоченность. Иначе и быть не могло, если припомнимъ, что онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ политической реформѣ Августа, которая, противорѣча вѣковымъ преданіямъ Рима, необходимо должна была имѣть, особенно въ началѣ, много противниковъ. Меценатъ, постоянно болѣзненный (онъ почти цѣлую жизнь страдалъ изнурительною лихорадкою), принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые легко переходятъ отъ напряженной дѣятельности къ полному бездѣйствію и къ апатіи. Въ эти минуты онъ нуждался въ обществѣ и въ развлеченіи, и все, что было

въ Римѣ веселаго и остроумнаго, собиралось въ его эсквилинскомъ домѣ. Но, кромѣ этихъ паразитовъ, знаменитый другъ Августа любилъ окружать себя людьми замѣчательными по своимъ талантамъ, аристократами ума, лучшими представителями римской литературы, въ которыхъ, благодаря отчасти ему же, не было въ это время недостатка: вотъ его главный и вполнѣ заслуженный патентъ на уваженіе и славу въ потомствѣ. Между своими приближенными Меценату трудно было найдти человѣка болѣе блестящаго, даровитаго, остроумнаго, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе возбуждавшаго къ себѣ довѣріе, чѣмъ Горацій. Лица, въ положеніи Мецената, нерѣдко бываютъ окружены завистливыми интриганами и жадными, честолюбивыми подчиненными, которые невольно отталкиваютъ отъ себя человѣка съ умомъ свѣтлымъ и не вполнѣ еще утратившаго вѣру въ необходимость нравственныхъ побужденій. Такой человѣкъ, болѣе чѣмъ другой, въ состояніи оцѣнить своихъ приближенныхъ и, несмотря на все различіе въ общественномъ положеніи и житейской обстановкѣ, искренно привязаться къ тому изъ нихъ, чистота намѣреній котораго, по его убѣжденію, несомнѣнна. Такими именно типами — проницательнаго патрона и благороднаго кліента — являются намъ Меценатъ и Горацій. Говоря о качествахъ своего друга, римскій поэтъ обыкновенно хвалитъ его за то, что онъ такъ хорошо умѣлъ отличать человѣка съ истинными заслугами отъ простаго выскочки, честнаго отъ безчестнаго, даровитаго отъ бездарнаго [15]). Меценату особенно должно было нравиться въ Гораціи его безкорыстіе, тѣсно связанное съ чувствомъ человѣческаго достоинства и независимости, которое такъ сильно было развито въ сынѣ бѣднаго отпущенника и высказывалось имъ такъ смѣло и свободно [16]). У могущественнаго вельможи, передъ которымъ все преклонялось при дворѣ Августа, не было недостатка ни въ желаніи, ни въ средствахъ обогатить любезнаго своего Горація [17]), а между тѣмъ онъ всю жизнь свою оставался

---

[15]) См. наприм. въ сатирахъ I, 9, ст. 43 и слѣд.

[16]) См. въ особенности 7-е посланіе I-й книги, проникнутое благороднѣйшими чувствами. Выше мы уже привели нѣсколько отрывковъ изъ этого посланія. Мы уже видѣли, что подъ незатѣйливою простотою этихъ разсказовъ, столь обычною Горацію, скрывается такая возвышенность чувствъ, какую не часто можно встрѣтить въ лучшихъ созданіяхъ класcической литературы.

[17]) Въ 16-й одѣ III-й книги, ст. 38, Горацій обращается къ Меценату съ слѣдующими словами:

«Nec, si plura velim, tu dare deneges.»

бѣднякомъ. Человѣкъ, которому такъ легко было сдѣлаться всесильнымъ временщикомъ, всю жизнь свою провелъ такимъ же бѣднымъ, скромнымъ и умѣреннымъ поэтомъ, какимъ, по настоянію Виргилія и Варія Руфа, въ первый разъ явился въ эсквилинскія хоромы Мецената. Горацій постоянно отказывался отъ всѣхъ милостей и подарковъ, до которыхъ были такъ падки даже лучшіе люди древности.

Сабинская вилла составляла все состояніе Горація, единственный подарокъ, который онъ принялъ отъ своего патрона. Здѣсь мѣсто сказать о томъ, что мнѣніе, и до сихъ поръ раздѣляемое многими, будто, кромѣ Устики, римскій поэтъ имѣлъ еще другое помѣстье, въ окрестностяхъ Тибура, совершенно ложно и основано на неправильно понятомъ выраженіи, которое встрѣчается въ древней біографіи Горація, написанной Светоніемъ [18]). Еще страннѣе основывать это мнѣніе на словахъ Горація въ одѣ къ Септимію (II, 6) [19]), гдѣ поэтъ говоритъ только о томъ, что онъ хотѣлъ бы жить и умереть въ окрестностяхъ Тибура или Тарента. Вообще любовь Горація къ этимъ мѣстностямъ, которыя и теперь считаются лучшими въ Италіи, не разъ высказывается въ его произведеніяхъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ имѣлъ здѣсь гдѣ-нибудь виллу. Наконецъ, въ прекрасномъ отрывкѣ, который послужилъ эпиграфомъ для этой главы, римскій поэтъ ясно говоритъ, что онъ вполнѣ доволенъ *единственною* своею виллою, Сабинумомъ. Вѣроятно, слухъ о тибурскомъ помѣстьѣ Горація возникъ отъ того, что онъ часто гостилъ у Мецената, въ его великолѣпной виллѣ, находившейся въ окрестностяхъ Тиволи. Мы готовы, впрочемъ, согласиться, что и Горацій имѣлъ въ этихъ мѣстахъ небольшой клочокъ земли, которому, однако, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть присвоено пышное названіе «praedium Tiburtinum».

---

[18]) Вотъ слова Светонія: vixit plurimum (Horatius) in secessu ruris sui Sabini *aut* Tiburtini. Изъ этихъ словъ видно, что вилла Горація, по своему мѣстоположенію, могла быть названа, по мнѣнію его біографа, и сабинскою и тибурскою. Конечно, это свидѣтельство Светонія можно объяснить и другимъ образомъ, но тогда оно будетъ находиться въ противорѣчіи съ показаніями самого Горація.

[19]) Это тотъ самый Тицій Септимій, котораго Горацій такъ ловко рекомендуетъ Клавдію Нерону въ 9-мъ посланіи I-й книги. Септимій былъ также поэтъ; онъ сочинялъ оды, въ которыхъ подражалъ Пиндару, и трагедіи. См. «De Titio Septimio poeta» у Вейхерта въ его Poet. lat. vitæ et carm. reliquiæ. Lips. 1830, стр. 365.

Устика была подарена Горацію въ 722 г., или около этого времени, не задолго до битвы при Акціумѣ. Это помѣстье служило какъ-бы вознагражденіемъ за потерю, разумѣется, очень небольшаго состоянія, оставленнаго Горацію его отцомъ; ибо римскій поэтъ, какъ сторонникъ Брута и Кассія, по возвращеніи въ Римъ послѣ сраженія при Филиппахъ, испыталъ на себѣ всю тягость проскрипцій и долго не имѣлъ почти никакихъ средствъ для жизни [20]). Незначительная должность квесторскаго писца, которую онъ принужденъ былъ принять въ это время, чтобы не умереть съ голода, конечно очень мало его обезпечивала. Прибавимъ еще, что подарокъ сдѣланъ прямо Меценатомъ, и потому ничѣмъ не обязывалъ Горація въ отношеніи къ Августу, который нисколько не былъ замѣшанъ въ это дѣло. Богатому Меценату ничего не стоило удѣлить своему другу небольшой участокъ земли изъ своихъ огромныхъ владѣній, и мы имѣемъ нѣкоторое право замѣтить при этомъ случаѣ, что еще можетъ-быть никогда подобная дешевая щедрость богача не надѣлала столько шуму въ потомствѣ.

Дѣйствительно, какъ оказывается изъ описаній самого Горація, помѣстье его было незавидное. Первый намекъ объ Устикѣ мы находимъ въ 3-й сатирѣ (II-й кн. ст. 5 и 10), которая написана Гораціемъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ онъ былъ введенъ во владѣніе своею виллою.... Барскій домъ находился въ это время въ самомъ печальномъ видѣ, почти въ развалинахъ, и поэтъ долженъ былъ употребить довольно времени и хлопотъ, чтобы сдѣлать свое жилище удобообитаемымъ (см. ст. 307). Кромѣ этого дома, въ деревнѣ было всего не болѣе пяти избъ, какъ можно заключить изъ довольно темныхъ словъ, которыми Горацій начинаетъ свое Посланіе «къ старостѣ» (villicus) [21]). Изъ 6-й сатиры (II-й книги), которая также относится къ 723 году, или, по крайней мѣрѣ, написана вслѣдъ за предыдущею, мы узнаемъ, что нашъ поэтъ окончательно устроился въ своей виллѣ и наслаждается природою

---

[20]) См. Epist. II, 2, ст. 49:

«Unde simul primum me dimisere Philippi,
Decisis humilem pennis, inopemque paterni
Et laris et fundi...»

[21]) 14-е посланіе I-й книги. Вотъ его начало: villice silvarum et mihi me reddentis agelli, Quem tu fastidis, *habitatum quinque focis*, et Quinque bonos solitum Variam dimittere patres... и пр. Обширный комментарій къ этому мѣсту см. въ изданіи Оббарія.

и деревенскимъ покоемъ. Городская жизнь, со всѣми ея заботами и суетою, кажется ему невыносимою. «Небольшое поле (говоритъ Горацій), садъ и подлѣ дома невысыхающій ручей, да къ тому еще немного лѣсу — вотъ чего я желалъ: то, что дали мнѣ боги, и больше и лучше. Прекрасно! Я ни о чемъ больше не молю тебя, сынъ Маіи (Меркурій), развѣ только о томъ, чтобы ты упрочилъ за мною обладаніе этими дарами.»

Съ тѣхъ поръ, какъ Горацій сдѣлался сабинскимъ помѣщикомъ, онъ проводилъ въ Устикѣ большую часть своего времени. О причинахъ этого предпочтенія деревенской жизни городской — римскій поэтъ нерѣдко говоритъ въ своихъ произведеніяхъ, а мы не имѣемъ никакого повода сомнѣваться въ искренности его словъ. Однимъ изъ главныхъ побужденій, которыя заставляли Горація, при первой возможности, покидать Римъ и отправляться, по знакомой уже намъ via Valeria, въ долину Дигенціи, была сильно развитая въ немъ любовь къ сельской жизни. Вотъ, напримѣръ, что онъ пишетъ къ Фуску Аристію [22]): «Я, любитель деревни, привѣтствую, Фускъ, тебя, любителя городской жизни. Вѣдь мы только въ этомъ и расходимся, а во всемъ остальномъ почти близнецы. Мы живемъ душа въ душу, словно братья: чего не хочетъ одинъ, того не хочетъ и другой. Точно также, какъ старинные и всѣмъ извѣстные голубки, мы и желаемъ одного и того же. Но ты сидишь въ своемъ гнѣздѣ (т. е. въ городѣ, въ Римѣ), а я въ восторгѣ отъ ручейковъ очаровательной деревни, отъ скалъ, поросшихъ мохомъ, и отъ рощи. Словомъ, я оживаю, я царствую, лишь только оставляю то, что всѣ вы, вмѣстѣ съ толпою, превозносите до самаго неба. Какъ бѣглый слуга жреца, я не хочу медовыхъ жертвенныхъ лепешекъ: мнѣ нуженъ хлѣбъ, который для меня вкуснѣе всякихъ сластей [23]). Если должно жить сообразно съ природою, и для постройки дома необходимо прежде всего отыскать удобное мѣсто, то скажи, знаешь ли ты что-нибудь лучше жизни въ блаженной деревнѣ? Гдѣ зимы теплѣе? Гдѣ вѣтерокъ пріятнѣе умѣряетъ ярость каникулъ, или того времени, когда свирѣпый левъ

[22]) Это былъ извѣстный грамматикъ, поэтъ и ораторъ. Къ нему также написана Гораціемъ 22-я ода I кн., начинающаяся словами:

«Integer vitæ scelerisque purus» и проч.

[23]) При нѣкоторыхъ римскихъ жертвоприношеніяхъ эти лепешки составляли необходимую принадлежность, и потому ихъ постоянно было такое множество въ домахъ жрецовъ, что они кормили ими своихъ слугъ...

(созвѣздіе льва) принимаетъ въ себя неистово палящее солнце [24])? Гдѣ же зависть и забота менѣе всего мѣшаютъ спать? Развѣ мурава благоухаетъ и блеститъ хуже мозаики изъ ливійскихъ мраморовъ? Развѣ вода, готовая разорвать свинцовыя трубы въ городскихъ улицахъ, чище той, которая, журча, волнообразно струится въ покатомъ ложѣ деревенскаго ручья? — Вѣдь вы же сами разводите сады между разноцвѣтными мраморными колоннами портиковъ и хвалите тотъ домъ, изъ котораго на далекое пространство виднѣются поля. Гони природу палкой, а она все-таки не отстанетъ отъ тебя и, хоть тайкомъ, но побѣдительно сломитъ въ тебѣ твою нелѣпую спѣсь».

Впрочемъ, любовь къ деревенскому быту Горацій раздѣлялъ со всѣми своими соотечественниками, и потому эта черта не составляетъ какой-нибудь особенности въ его характерѣ. Дѣйствительно, наклонность къ сельской жизни является намъ какъ-бы врожденною у Римлянъ. Она еще болѣе увеличивалась отъ тѣхъ неудобствъ, которыми, особенно до огромнаго пожара при Геронѣ, была окружена жизнь въ Римѣ. Высокіе дома, узкія, извилистыя улицы и постоянная на нихъ давка, духота и нездоровый климатъ — все это дѣлало жизнь въ Римѣ невыносимою, не только лѣтомъ, но и осенью, которая, выражаясь пластическимъ языкомъ Горація, обставляла тамъ похоронныхъ поставщиковъ траурными ликторами, заставляла каждаго отца и каждую мать блѣднѣть за своихъ дѣтей и распечатывала духовныя завѣщанія тружениковъ, вѣчно прикованныхъ дѣлами къ римскому форуму [25]).

Потому, при первомъ дыханіи весны, и въ особенности въ ту пору, когда начинался лѣтній зной, все, что только имѣло въ Римѣ какую-нибудь возможность бѣжать изъ душнаго города, спѣшило на просторъ сельской жизни, на морское побережье, въ очаровательныя долины и вообще въ мѣста, какія и были только въ Италіи, — гдѣ природа, искусство и роскошь соединили все, чтобы привести въ восторгъ даже самаго взыскательнаго эпикурейца.

Горацій хочетъ сказать, что всѣ приманки и развлеченія городской жизни, отъ частаго ихъ повторенія, такъ же ему наскучили, какъ жертвенныя лепешки — слугѣ жреца. Потому, лишь только поэтъ оставляетъ городъ, деревенская жизнь такъ же ему нравится, какъ слугѣ жреца — простой хлѣбъ послѣ медовыхъ лепешекъ.

[24]) Подъ этимъ выраженіемъ разумѣется здѣсь августъ мѣсяцъ, одинъ изъ самыхъ знойныхъ въ Италіи.

[25]) См. начало 7-го посланія I-й книги.

Всѣ эти пышныя тускуланскія, пренестинскія, тибуртинскія, албанскія и другія виллы, которыя въ такомъ множествѣ были разсѣяны по живописнымъ мѣстностямъ страны, по преимуществу живописной, наполнялись въ это время своими роскошными владѣльцами: здѣсь обыкновенно отдыхали послѣ трудовъ почти всѣ римскія знаменитости, политическія и литературныя.

Дикая долина Дигенціи, въ которой находилась скромная деревушка Горація, не принадлежала къ числу этихъ аристократическихъ мѣстностей древней Италіи, и не была застроена великолѣпными виллами, пріютами нѣги и едва вѣроятной въ наше время роскоши. Небогатые помѣщики и трудолюбивые земледѣльцы были единственными обитателями этого захолустья. Живя вдали отъ большихъ городовъ, они сохранили старинные обычаи и простоту своихъ предковъ, которая представлялась здѣсь въ такомъ рѣзкомъ контрастѣ съ утонченнымъ развратомъ Рима. Означенная полоса земли, покрытая на огромное пространство дико растущимъ лѣсомъ, не отличалась также особеннымъ плодородіемъ, и только неиспорченное, закаленное въ работѣ, сабинское племя могло извлекать изъ этой неблагодарной почвы скудныя средства для своего существованія. Все это, разумѣется, не могло нравиться избалованному вкусу римскихъ сибаритовъ [26]).

Для Горація, напротивъ, въ Устикѣ соединялось все, что было необходимо для его здоровья, небольшаго состоянія и даже литературной славы, ибо здѣсь чаще всего посѣщало римскаго поэта вдохновеніе и творчество. Здѣсь онъ находилъ здоровый климатъ, первобытную природу и надежное убѣжище отъ римской жизни со всѣми ея приманками и соблазнами, противъ которыхъ не всегда могъ устоять нашъ поэтъ: онъ и не скрываетъ этого. Наскучивъ пышными пирами, безсонными ночами, Хлоями, Лидіями, Цинарами, Пиррами и цѣлою ватагою римскихъ Цирцей, Горацій нетерпѣливо стремился въ свою виллу отдохнуть тѣломъ и душою.

3.

Зависть, которая преслѣдовала героя нашего разсказа, съ тѣхъ поръ какъ онъ сблизился съ Меценатомъ и Августомъ, въ особен-

---

[26]) Единственный пунктъ въ этой мѣстности, который славился красотами своей природы, была долина въ окрестностяхъ Реаты (Reate), не даромъ прозванная *rosea*. Поэты нерѣдко сравнивали ее съ темпейскою долиною Греціи.

ности дѣлала для него подъ часъ несносною жизнь въ столицѣ Италіи. Открытая пріязнь людей, отъ которыхъ зависѣла участь цѣлаго свѣта, льстила самолюбію Горація гораздо меньше, чѣмъ бы слѣдовало ожидать, имѣя въ виду, что подобное тщеславіе всегда составляло слабую сторону человѣчества, не только древняго, но и новаго. Горацію не нравилось столь привлекательное для многихъ положеніе временщика-кліента, въ которое поставила его судьба; онъ видимо тяготился тѣмъ, что обращалъ на себя въ Римѣ общее вниманіе, и то, что почти каждый изъ его современниковъ постарался бы самодовольно выставить на показъ, заставляло поэта бѣжать подальше отъ людей, которымъ его слава и удача не давали покоя. Вотъ почему восторгъ Горація не зналъ мѣры, когда въ заброшенномъ уголкѣ Италіи судьба послала ему пріютъ, гдѣ онъ могъ дышать свободно.... Мы уже привели выше начало шестой его сатиры, гдѣ поэтъ съ такою радостію говоритъ о томъ, что задушевное его желаніе, жизнь среди природы, въ собственной хатѣ, вдали отъ городскаго шума, наконецъ исполнилось. Восторгъ Горація, въ слѣдующихъ за тѣмъ частяхъ этой прекрасной сатиры, еще болѣе увеличивается, при мысли о тѣхъ непріятностяхъ, которыя постоянно досаждали ему въ Римѣ. Тамъ, несмотря ни на какую погоду, онъ долженъ былъ съ ранняго утра, большею частію по чужимъ дѣламъ, отправляться на форумъ и въ судъ, въ качествѣ свидѣтеля или поруки за людей, отъ которыхъ, кромѣ неблагодарности, ему нечего было ждать. Но вотъ несносныя дѣла кончились, и Горацій спѣшитъ къ своему Меценату. Здѣсь новыя непріятности, столь обыкновенныя въ многолюдномъ городѣ. «Лишь только (говоритъ Горацій, ст. 27) я заявилъ (въ судѣ) ясно и опредѣлительно то, отъ чего, кромѣ вреда, и ждать нечего, мнѣ должно силою прокладывать себѣ дорогу въ народѣ и толкать ротозѣевъ. Что тебѣ нужно, сумасшедшій, чего спѣшишь? съ такими словами запальчиво пристаетъ при этомъ ко мнѣ какой нибудь негодяй. Ты готовъ растолкать все, что у тебя на дорогѣ, когда бѣжишь къ твоему Меценату; только онъ одинъ у тебя и на умѣ. Да (продолжаетъ поэтъ), нечего лгать; мнѣ пріятенъ, слаще меда домъ Мецената, но, лишь только я прихожу на мрачныя Эсквиліи [27]), множество чужихъ дѣлъ осаждаютъ меня со всѣхъ сто-

---

[27]) Эсквиліи (то-есть Эсквилинскій холмъ) Горацій называетъ мрачными, вѣроятно потому, что на мѣстѣ, гдѣ находились домъ и сады Мецената, прежде было кладбище для простаго народа (commune sepulcrum plebi, какъ говоритъ Горацій Sat. 1, 8, 10 ст.)

ронъ. Росцій велѣлъ напомнить тебѣ (говорятъ мнѣ), чтобы ты явился завтра, около двухъ часовъ (то-есть, по нашему, къ 7 часамъ утра) на форумъ, къ колодцу [28]). Писцы просили тебя, Квинтъ: не забудь побывать сегодня у нихъ, для совѣщанія объ общемъ дѣлѣ, весьма важномъ и совершенно новомъ [29]). Похлопочи, говоритъ другой, чтобы Меценатъ приложилъ печать (государственную) къ этой бумагѣ. Ты скажешь ему: постараюсь, а онъ все пристаетъ къ тебѣ и прибавляетъ: о, если ты только захочешь, то сдѣлаешь [30]). Семь или около восьми лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Меценатъ принялъ меня въ число своихъ приближенныхъ, для того, конечно,

---

[28]) Колодцемъ (puteal) называлось на римскомъ форумѣ возвышеніе, нѣчто въ родѣ жертвенника, имѣвшее видъ верхней части колодца (откуда и названіе). Сюда обыкновенно сходились тѣ, кому нужно было потолковать о своихъ дѣлахъ.

[29]) Мы уже выше имѣли случай замѣтить, что Горацій, возвратясь въ Римъ, послѣ сраженія при Филиппахъ, принужденъ былъ обстоятельствами занять незначительную должность *scriba quaestorius*, то-есть квесторскаго писца. Повторимъ, что названіе писецъ не должно принимать здѣсь въ томъ смыслѣ, какой мы придаемъ этому слову въ наше время... Писцами въ Римѣ назывались секретари или дѣлопроизводители у различныхъ чиновниковъ, напримѣръ: у преторовъ эдиловъ, трибуновъ, квесторовъ и т. д. Горацій, по словамъ Светонія, былъ письмоводителемъ у квестора: этимъ званіемъ онъ началъ и кончилъ свою гражданскую службу въ Римѣ. Во всякомъ случаѣ, эта должность была незначительная, и можно положительно утверждать, что Горацій не занималъ ея болѣе въ то время, къ которому относится эта сатира. Но писцы, какъ видно, пользовались дружбою Горація съ сильными людьми и, по прежнему, обращались къ нему въ своихъ дѣлахъ. Видно также, что Горацій, несмотря на перемѣну въ своемъ положеніи, не пренебрегалъ прежними своими товарищами, что̀ дѣлаетъ ему не мало чести. Подъ «общимъ дѣломъ» нужно здѣсь разумѣть дѣло, касавшееся всей коллегіи писцовъ, къ которой поэтъ уже не принадлежалъ болѣе. О *scribae* см. Ernesti въ Clav. Cic. s. v.

[30]) Вюстеманъ, въ своемъ изданіи сатиръ Горація (Лейпцигъ. 1843, стр. 427), неизвѣстно почему, полагаетъ, что хлопоты и заботы, о которыхъ говоритъ поэтъ, имѣли тѣсную связь съ должностію секретаря, которую будто бы онъ занималъ при Меценатѣ. Эта догадка не подтверждается никакими свидѣтельствами древности и даже находится съ ними въ явномъ противорѣчіи. Такъ Светоній, въ своей біографіи Горація, приводитъ очень любопытный отрывокъ изъ письма Августа къ Меценату, гдѣ цезарь высказываетъ желаніе сдѣлать Горація своимъ домашнимъ секретаремъ и прибавляетъ, что это для него все же лучше, чѣмъ быть паразитомъ, то-есть человѣкомъ, не имѣющимъ никакихъ опредѣленныхъ занятій при Меценатѣ.

чтобы въ дорогѣ имѣть кого-нибудь при себѣ въ своей повозкѣ, и съ кѣмъ бы онъ могъ довѣрчиво толковать о неважныхъ дѣлахъ въ такомъ родѣ: который часъ? можно ли сравнить Ѳракійца Галлину съ Сиромъ?[31]) или: утренній холодъ порядочно кусаетъ особенно того, кто не принялъ противъ него никакихъ мѣръ. Вотъ рѣчи (которыя ведетъ со мною Меценатъ и), которыя безопасно укладываются даже въ дырявомъ ухѣ[32]). Во все это время, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, я все болѣе и болѣе возбуждаю зависть. Нашъ-то, говорятъ, вмѣстѣ (съ Меценатомъ) смотрѣлъ на представленіе (въ циркѣ или въ театрѣ), игралъ въ мячъ на Марсовомъ полѣ — и всѣ хоромъ подхватываютъ: вотъ счастливецъ! Идетъ ли по Риму, отъ ростръ по всѣмъ перекресткамъ, какая-нибудь страшная молва, — первый встрѣчный обращается ко мнѣ съ вопросомъ: скажи, любезный другъ, — ты долженъ же знать, потому что близокъ къ самимъ богамъ (къ Меценату и Августу) — не слышалъ ли ты чего нибудь о Дакахъ[33])? — Ничего не слышалъ, отвѣчаю я. — Какой же ты вѣчно насмѣшникъ! — Да пусть меня погубятъ боги, если я что-нибудь знаю. — А что? гдѣ кесарь намѣренъ отвести ветеранамъ обѣщанныя земли — въ Сициліи или въ Италіи? Въ то время, какъ я клянусь, что ничего не знаю, всѣ съ удивленіемъ смотрятъ на меня, какъ на человѣка необыкновенно скрытнаго. Въ этихъ дрязгахъ проходитъ цѣлый день, между тѣмъ какъ я молитвенно взываю въ душѣ: о деревня! когда я тебя увижу! когда, среди старинныхъ книгъ, сна и лѣни, мнѣ можно будетъ пріятно забыться отъ этой исполненной заботъ жизни! О, когда же появятся на моемъ столѣ — Пиѳагорова родня[34])— бобы и овощи съ жирною ветчиною! О, божественныя ночи

---

[31]) Имена извѣстныхъ въ то время гладіаторовъ.

[32]) Подъ «дырявымъ ухомъ» разумѣетъ Горацій человѣка, не умѣющаго хранить ввѣренную ему тайну.

[33]) Даки — народъ, жившій по обоимъ берегамъ Дуная (гдѣ теперь Молдавія, Валахія и Трансильванія), были дѣйствительно въ это время страшны Римлянамъ своими набѣгами. Только Траянъ покорилъ въ послѣдствіи этотъ народъ и обратилъ его земли въ римскую провинцію. Въ 723 г. Даки держали сторону Антонія и готовы были устремиться на Италію, что возбуждало въ Римѣ не мало страха.

[34]) Пиѳагоръ, въ философію котораго входило ученіе о переселеніи душъ (метемпсихоза), запретилъ своимъ ученикамъ употреблять въ пищу не только мясо, но и бобы, на томъ основаніи, что въ нихъ легко могла обитать душа какого-нибудь родственника. Schol. Cruq.: dubitabat enim Pythagoras, an in eo corpore lateret anima patris sui an alterius propinqui, qua de re ridet eum Horatius et ejus sequaces.

и ужины, которыми я угощаюсь вмѣстѣ съ друзьями передъ собственными ларами и, отвѣдавъ напередъ самъ, кормлю баловней слугъ кушаньями съ своего стола. Мои гости, не стѣсняясь безсмысленнымъ уставомъ бражничества [35]), осушаютъ разной величины бокалы, какъ кому угодно: кто посильнѣе, тотъ большіе, а не то хмѣлѣютъ отъ небольшихъ, если это имъ пріятнѣе. И вотъ, при этомъ заходитъ разговоръ не о чужихъ виллахъ, да домахъ, и не о томъ, хорошо или худо пляшетъ какой-нибудь Лепосъ [36]), а бесѣдуемъ мы о томъ, что ближе насъ касается и чего не знать— дурно, напримѣръ: о томъ, что приноситъ счастіе человѣку — богатство или добрыя дѣла? что влечетъ насъ къ дружбѣ — корыстный разсчетъ или другое болѣе благородное чувство? въ чемъ состоитъ истинное и высшее благо? При этомъ сосѣдъ мой Цервій разскажетъ кстати какую-нибудь стариковскую побасенку. Если, напримѣръ, кто-нибудь изъ гостей съ восхищеніемъ отзовется о богатствѣ Ареллія [37]), не вѣдая, какихъ оно стоитъ ему заботъ, то Цервій начинаетъ такъ...» И за тѣмъ слѣдуетъ у Горація неподражаемо-изящный и въ то же время глубоко-нравственный разсказъ о томъ, какъ городская мышь убѣдила свою старинную пріятельницу, полевую мышь, оставить скромную нору въ лѣсу и отправиться на житье въ городъ: тамъ у городской мыши была отличная квартира въ великолѣпномъ домѣ. Въ простотѣ сердца, полевая мышь послѣдовала за своею пріятельницею и, очарованная новымъ своимъ жилищемъ, расположилась — дѣло было ночью — на пышномъ ложѣ изъ слоновой кости, покрытомъ драгоцѣнною золотою тканью. Началось угощеніе. Городская мышь безпрестан-

---

[35]) На римскихъ пирахъ выбирался обыкновенно распорядитель попойки (magister convivii или rex bibendi), приказаніямъ котораго всѣ неуклонно должны были слѣдовать. Онъ назначалъ число стакановъ, которые каждый долженъ былъ выпить, а иногда приказывалъ осушать ихъ въ одинъ пріемъ. Исполненіе подобныхъ приказаній, безъ сомнѣнія, порядочно надоѣло Горацію въ Римѣ, а потому онъ, и не безъ причины, называетъ ихъ безсмысленными.

[36]) Это не имя, а прозвище извѣстнаго въ то время танцора, къ которому благоволилъ Августъ, какъ замѣчаетъ древній схоліастъ Горація. Можетъ-быть даже, что здѣсь рѣчь идетъ о знаменитомъ пантомимѣ Батиллѣ. См. статью «Римскія пантомимы», помѣщенную въ IV-й книгѣ «Пропилей».

[37]) Это былъ, вѣроятно, также одинъ изъ сосѣдей Горація и притомъ самый богатый помѣщикъ въ долинѣ Дигенціи.

но подбѣгаетъ къ полевой съ остатками великолѣпнаго ужина и, по лакейскому обычаю (vernіliter), полизавъ напередъ сама, подаетъ ихъ своей гостьѣ, которая не помнитъ себя отъ восторга. Но это счастіе длится недолго. Вдругъ съ шумомъ растворяются двери, вбѣгаютъ слуги съ метлами, раздается оглушительный лай собакъ, сторожившихъ великолѣпный домъ, и обѣ мыши, въ большомъ страхѣ, черезъ первую щель спѣшатъ подъ-полъ. Нѣтъ, не хочу я, говоритъ тамъ полевая мышь своей притихшей пріятельницѣ, такого счастія. Прощай! я отправляюсь назадъ въ свою лѣсную нору, гдѣ живу хоть не роскошно, но за то спокойно. Эта басня такъ проста, что не нуждается въ поясненіи. Меценатъ былъ достаточно уменъ для того, чтобы понять ея смыслъ и мораль.

Вмѣстѣ съ лѣтами, наслажденія юности, которыя въ такомъ изобиліи представляла жизнь въ Римѣ, окончательно утратили для Горація свою прелесть, — и вотъ новая причина, которая заставляла его цѣнить Устику. Это ясно видно изъ посланія «Къ старостѣ» [38]), которое написано Гораціемъ въ то время, когда ему было уже за 40 лѣтъ [39]). Это посланіе, не столько замѣчательное въ литературномъ отношеніи, сколько по чувству, которымъ оно вызвано, представляетъ также нѣсколько подробностей, относящихся къ тѣмъ сторонамъ въ характерѣ римскаго поэта, на которыя мы почли не лишнимъ обратить вниманіе нашихъ читателей.

Поэтъ, какъ видно, былъ очень недоволенъ своимъ старостою, который прежде занималъ при немъ должность слуги въ Римѣ и, отвѣдавъ наслажденій городской жизни, не могъ помириться съ скучною, какъ ему казалось, обстановкою деревенскаго быта.

Очевидно, впрочемъ, что староста послужилъ Горацію не бо-

[38]) Слово «villicus» обыкновенно принимаютъ въ значеніи «управитель», но оно гораздо ближе подходитъ къ тому значенію, которое мы соединяемъ съ словомъ староста. Villicus обыкновенно принадлежалъ къ крестьянамъ-земледѣльцамъ, и ему ввѣрялся надзоръ за остальными крестьянами. Обязанностію его было смотрѣть за полевыми работами и вообще блюсти барскій интересъ.

[39]) Кирхнеръ, а за нимъ и Валькенаръ относятъ это посланіе къ 732 г., а, по мнѣнію Вебера, оно написано между 731 и 734 г. Прибавимъ еще, что оно написано въ Римѣ, гдѣ поэтъ былъ задержанъ смертію Квинта Элія Ламіи. Эта смерть огорчила брата покойнаго, Луція Элія Ламію, и Горацій, какъ другъ дома, почелъ своею обязанностію остаться на нѣкоторое время при своемъ пріятелѣ и отложить свой отъѣздъ въ деревню. Дружескія отношенія Горація къ Л. Э. Ламіи видны также изъ 26-й оды I-й кн. и 17-й оды II-й кн.

лѣе, какъ предлогомъ для разсматриваемаго посланія. Положимъ, что староста былъ дѣйствительно худъ, небреженъ къ своей должности; но развѣ поэтъ не могъ найдти другаго, менѣе литературнаго способа для его вразумленія? Произведенія Горація назначались прежде всего для чтенія въ томъ обществѣ, которое собиралось у Мецената, и потомъ уже расходились въ публикѣ, нетерпѣливо жаждавшей новыхъ стиховъ знаменитаго поэта. — Какое было дѣло всѣмъ этимъ людямъ до старосты Горація?

Множество мнѣній было высказано объ этомъ посланіи, и самое распространенное изъ нихъ то, будто Горацій имѣлъ цѣлію оправдать себя въ глазахъ своихъ друзей, которымъ не нравились его частыя поѣздки въ деревню и вообще перемѣна, послѣдовавшая въ привычкахъ поэта и въ образѣ его жизни [40]). Это мнѣніе справедливо только отчасти. Посланіе къ старостѣ очевидно состоитъ въ связи съ тѣми произведеніями Горація, гдѣ онъ говоритъ объ Устикѣ и вообще о своей любви къ сельской жизни. Частое повтореніе этой темы невольно приводитъ къ заключенію, что поэтъ имѣлъ при этомъ въ виду не просто прославленіе деревенскаго быта, ибо оно и безъ того сдѣлалось общимъ мѣстомъ въ римской поэзіи, а другую цѣль [41]). Извѣстно, сколько враговъ доставило Горацію расположеніе къ нему Мецената. Его подарокъ, безъ сомнѣнія, много увеличилъ толпу этихъ мелкихъ завистниковъ. Поэтъ не могъ отвѣчать прямо на всѣ клеветы и нападки; онъ не могъ прямо доказывать, что подарокъ Мецената былъ вовсе не такъ значителенъ, какъ многіе воображали: подобный тонъ былъ бы несообразенъ съ «urbanitas» Горація и съ его чувствомъ благодарности къ своему патрону. Отвѣтъ Горація могъ быть только косвеннымъ, и вотъ главный источникъ тѣхъ его произведеній, на которыя мы указали выше. Горацій, какъ видно, дорожилъ общественнымъ мнѣніемъ и не безъ благородной гордости пользовался удобнымъ случаемъ показать всѣмъ и каждому, начиная съ самого Мецената, что не корысть, а другія, т. е. благородныя побужденія заставили его примкнуть къ тому тѣсному кружку замѣчательныхъ людей, который образовался около римскаго вельможи.

Къ этому содержанію Горацій присоединилъ въ Посланіи къ старостѣ любимую свою тему о непостоянствѣ людей, о томъ, что

---

[40]) Сводъ другихъ мнѣній о цѣли этого посланія представленъ въ Оббаріевомъ изданіи Посланій Горація. Fascic. sextus, стр. 195 и слѣд.

[41]) См. Якобса, Vermischte Schriften, ч. V. стр. 66.

никто изъ нихъ недоволенъ своею участью. Староста поэта походилъ въ этомъ случаѣ на остальныхъ смертныхъ. Когда онъ былъ еще городскимъ слугою, то желалъ жить въ деревнѣ, а достигнувъ своей цѣли, началъ жалѣть о своемъ прежнемъ житьѣ въ городѣ [42]).

Оставляя въ сторонѣ дальнѣйшую характеристику старосты Горація, которая не представляетъ для насъ особеннаго интереса, обратимъ вниманіе на тѣ мѣста въ разбираемомъ посланіи, которыя касаются самого поэта и имѣютъ отношеніе къ его сабинской виллѣ. «Ты знаешь (говоритъ Горацій, ст. 16), что я человѣкъ постоянный [43]) и всегда неохотно оставляю деревню, когда ненавистныя дѣла влекутъ меня въ Римъ.» Исчисливъ, въ слѣдующихъ стихахъ, тѣ грязныя городскія приманки, воспоминаніе о которыхъ не давало покоя старостѣ, поэтъ продолжаетъ такъ (ст. 32): «Когда-то мнѣ шли и щегольскія (тонкія) тоги и умащенные волосы, когда-то, какъ тебѣ извѣстно, я безъ подарковъ нравился грабительницѣ Цинарѣ и среди бѣлаго дня пилъ прозрачный Фалернъ.... Теперь приноситъ мнѣ удовольствіе скромный обѣдъ и сонъ на травѣ, подлѣ ручья. Не стыдно мнѣ, что я когда-то шалилъ; стыдно было бы не прекратить вовремя шалость. Тамъ (въ деревнѣ) никто не косится на меня за мое счастье, никто не отравляетъ мою жизнь скрытою ненавистью, никто не грызетъ меня. Сосѣди мои только подсмѣиваются, видя какъ я самъ таскаю землю и ворочаю камни.»

4.

Въ заключеніе нашего обзора тѣхъ мѣстъ въ произведеніяхъ Горація, гдѣ поэтъ говоритъ о своей сабинской деревнѣ, укажемъ на посланіе его къ Квинцію [44]), которое, по мнѣнію Кирхнера, долж-

---

42) Ст. 14:

«Tu mediastinus tacita prece rura petebas,
Nunc urbem et ludos et balnea villicus optas.»

43) Это не совсѣмъ справедливо, и римскій поэтъ нерѣдко самъ называетъ себя человѣкомъ непостояннымъ. Но здѣсь идетъ рѣчь о привязанности Горація къ деревенскому быту, которой онъ, дѣйствительно, никогда не измѣнялъ.

44) Вѣроятно, это тотъ же самый Квинцій Гирпинъ, къ которому обращается Горацій въ 2-й одѣ, II-й книги. Мы и здѣсь не можемъ согласиться съ Виландомъ, сужденіе котораго о Квинціи (I ч., стр. 233), основанное на характеристикѣ этого человѣка, представленной Гораціемъ, кажется намъ не совсѣмъ справедливымъ. Еслибы Квинцій дѣйствительно былъ таковъ, какимъ представляетъ его Виландъ, то едва ли бы Горацій могъ считать его въ числѣ своихъ друзей.

но быть отнесено къ 738 году. Здѣсь наконецъ мы находимъ нѣсколько строкъ, посвященныхъ описанію Устики.

Квинцій, безъ сомнѣнія, не менѣе другихъ удивлялся тому, что Горацій предпочиталъ деревенскую жизнь городской, и вотъ поэтъ начинаетъ свое посланіе описаніемъ сабинской виллы, для того, конечно, чтобы показать своему пріятелю, что и вдали отъ Рима можно жить счастливо. Вотъ слова Горація: «Чтобы ты не освѣдомлялся болѣе о томъ, любезный Квинцій, кормитъ ли сабинская деревня своего владѣльца пашнями, лугами, обогащаетъ ли его оливами, яблоками и вьющимися по вязамъ виноградными лозами, я опишу тебѣ подробно (въ подлинникѣ: болтливо) наружный видъ и мѣстоположеніе моего поля. Длинная цѣпь горъ прерывается здѣсь тѣнистою долиною; солнце, при своемъ восходѣ, освѣщаетъ правый ея край, лѣвый застилается туманомъ въ то время, когда оно исчезаетъ на своей быстрой колесницѣ. Ты бы пришелъ въ восторгъ отъ умѣренности здѣшняго климата. А еслибы ты увидѣлъ, въ какомъ изобиліи кустарники производятъ красноватый дёренъ и дикія сливы, какое наслажденіе доставляютъ дубы и ясени, стаду—множествомъ своихъ плодовъ, а владѣльцу—обильною тѣнью, ты бы согласился со мною, что въ эти мѣста какъ-будто перенесенъ цвѣтущій Тарентъ. Есть здѣсь и ручей, который могъ бы быть названъ рѣкою, и вода его, не менѣе холодная и чистая, чѣмъ въ Гебрѣ, обтекающемъ Ѳракію, цѣлительна для моей больной головы и для желудка. Это-то пріятное и, повѣрь мнѣ, очаровательное убѣжище сохраняетъ здоровье твоего друга невредимымъ въ ненастные сентябрскіе дни».

Нецеремонный тонъ этого посланія показываетъ, что оно писано Гораціемъ къ близкому пріятелю. Изъ слѣдующихъ за тѣмъ словъ мы узнаемъ также, что это былъ человѣкъ, избалованный счастіемъ. Горацій предостерегаетъ Квинція отъ лести, которая такъ портитъ людей, и совѣтуетъ ему, при сужденіи о себѣ, обращать болѣе вниманія на собственное безпристрастное мнѣніе, чѣмъ на судъ толпы льстецовъ [45]).

Но, что̀ главное, приведенныя слова Горація, отъ которыхъ, по справедливому замѣчанію Дюнцера, вѣетъ довольствомъ, счастіемъ и неподдѣльнымъ восторгомъ, окончательно убѣждаютъ насъ, вопервыхъ, въ томъ, что Устика была для Горація дороже

[45]) Ст. 18:

Jactamus jam pridem omnis te Roma beatum,
Sed vereor, ne cui de te plus quam tibi credas.

всего на свѣтѣ, и, вовторыхъ, что это было ничтожное помѣстье, которое едва обезпечивало его существованіе. Здоровый климатъ, живописная мѣстность, надежный пріютъ, гдѣ поэтъ чувствовалъ себя совершенно свободнымъ отъ нелюбимой имъ роли кліента, и куда не проникала вся эта мелкая суета столичной жизни — вотъ за что̀ такъ цѣнилъ Горацій свою деревню. Больше онъ ничего отъ ней и не требовалъ. Замѣчательно, что, при описаніи своей виллы, Горацій ни слова не говоритъ о доходахъ, которые она ему приносила, несмотря на то, что, какъ видно изъ начальныхъ словъ приведеннаго посланія, о нихъ-то именно и любопытствовалъ Квинцій. Дубы, ясени, дёренъ, сливы и прохладная тѣнь — вотъ на что̀ указываетъ Горацій, въ отвѣтъ на очевидный вопросъ своего пріятеля, вотъ главный доходъ, который онъ получалъ отъ своей деревни. Староста, скотница и восемь рабовъ [46]), которые воздѣлывали небольшое поле поэта — вотъ вся его деревенская обстановка. Прибавимъ здѣсь кстати, что городская прислуга Горація состояла изъ трехъ рабовъ [47]), и тогда мы будемъ имѣть полное понятіе о его скромныхъ привычкахъ и умѣренности. Но эта умѣренность Горація происходила, какъ мы видимъ, не только отъ его нелюбви къ роскоши, но и отъ того, что онъ прожилъ весь свой вѣкъ человѣкомъ далеко не богатымъ.

Бѣдный поэтъ — вездѣ не рѣдкость, но за то вездѣ рѣдкость человѣкъ, который, не на словахъ только (потому что кто же вѣритъ только словамъ?), а на самомъ дѣлѣ смотритъ на жизнь глазами мудреца и, руководимый благороднымъ чувствомъ независимости (мы уже выше видѣли, что именно такимъ чувствомъ былъ проникнутъ Горацій), гордо отказывается отъ денегъ, почестей, словомъ отъ всего, о чемъ уже такъ давно и такъ усердно хлопочутъ люди. Изъ римскихъ бѣдняковъ-поэтовъ укажемъ при этомъ случаѣ на Марціала, которому, какъ писателю, принадлежитъ также одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ между древними классиками. Но какая же неизмѣримая разница между Марціаломъ и Гораціемъ? Бо̀льшая часть эпиграммъ Марціала наполнена горькими жалобами на бѣдность и безпрестанными просьбами, съ примѣсью часто невыносимой лести, обращенной то къ Домиціану, то къ дру-

---

[46]) Это ясно видно изъ словъ, которыми Горацій оканчиваетъ 7-ю сатиру II-й книги (ст. 117). О женской прислугѣ, безъ означенія ея числа, Горацій упоминаетъ въ 11-й одѣ IV-й книги.

[47]) См. 6-ю сатиру I-й кн., ст. 116.

гимъ милостивцамъ. Марціалъ безпрестанно проситъ своихъ покровителей прислать ему то денегъ, то тогу, то пару башмаковъ, то починить крышу дома, въ которомъ онъ жилъ, потому что квартира его, во время дождя, оказывалась очень неудобною. Въ одной изъ своихъ эпиграммъ онъ говоритъ, что еслибы Юпитеръ и Домиціанъ пригласили его въ одно и то же время къ себѣ на обѣдъ, то онъ, конечно, предпочелъ бы обѣдать у Домиціана. Въ другомъ мѣстѣ, обращаясь къ нему, онъ прибавляетъ: «Если ты и отказываешь мнѣ, кесарь, въ моихъ просьбахъ, то не запрещай, по крайней мѣрѣ, просить тебя, потому что не статуи изъ золота и мрамора дѣлаютъ людей богами, а милости и мольбы, которыя къ нимъ возносятся.» Вообще Марціалъ предоставилъ, въ своихъ произведеніяхъ, гораздо болѣе простора остроумію, чѣмъ выраженію благороднаго, возвышеннаго чувства, котораго нельзя, однако, не требовать отъ всякаго, особенно первостепеннаго писателя. Не то у Горація. Онъ, напротивъ, гордится своею бѣдностію и вполнѣ доволенъ, безъ всякой фразы, своимъ положеніемъ.

Нравственная порча, достигшая, при Домиціанѣ, такихъ колоссальныхъ и отвратительныхъ размѣровъ, уже въ царствованіе Августа давно не составляла для Рима особенной новости. Перенесемся мысленно въ тотъ вѣкъ, когда даже передовые люди не часто были разборчивы на средства къ обогащенію, для того, чтобы окружить себя блескомъ и роскошью, и согласимся, что между современниками Горація не много найдется такихъ, которыхъ бы удовлетворила бѣдная сабинская вилла. Да, много благородства въ душѣ долженъ былъ имѣть человѣкъ, который, находясь въ положеніи Горація, могъ восхищаться своимъ скромнымъ пріютомъ въ дикой долинѣ Дигенціи, казавшейся даже старостѣ поэта скучнымъ пустыремъ и захолустьемъ [48]). Повторимъ, что этотъ человѣкъ былъ или легко могъ быть временщикомъ не только Мецената, но и Августа. Припомнимъ еще разъ, какъ могущественный императоръ дорожилъ дружбою бѣднаго поэта, какъ искалъ этой дружбы [49]). Горацію стоило пожелать, и у него, вмѣсто Устики, явилось

---

[48]) См. въ Посланіи къ старостѣ (I, 14) ст. 18:

«Non eadem miramur; eo disconvenit inter
Meque et te: nam, quæ deserta et inhospita tesqua
Credis, amoena vocat, mecum qui sentit, et odit,
Quæ tu pulcra putas...»

[49]) См. древнюю біографію Горація, написанную Светоніемъ. Въ по-

бы столько же великолѣпныхъ виллъ, сколько ихъ было у Сенеки, у племянника его, Лукана, у Квинтиліана [50]), Плинія [51]) и другихъ прославленныхъ писателей древности, которые одолжены были своими богатствами щедрости римскихъ кесарей. Оставляя въ сторонѣ этихъ писателей, я считаю не лишнимъ остановиться здѣсь не надолго на одномъ изъ главныхъ представителей римской литературы, который, хотя и не относился къ періоду монархіи, былъ, однако, ближайшимъ современникомъ Горація. Я говорю о Цицеронѣ, громовыя Филиппики котораго римскій поэтъ могъ еще, въ ранней своей молодости, слышать изъ устъ самого оратора.

Біографы Цицерона насчитываютъ до двадцати виллъ, которыми онъ владѣлъ въ лучшихъ мѣстностяхъ древней Италіи [52]). Всѣ эти виллы отличались необыкновенною пышностію. Обширные покои были наполнены въ нихъ статуями и картинами знаменитѣйшихъ греческихъ художниковъ, а мебель, работы лучшихъ мастеровъ, была сдѣлана изъ драгоцѣннаго матеріала [53]). Въ особенности Тускуланская вилла Цицерона, принадлежавшая прежде Суллѣ,

---

длинности этого драгоцѣннаго историческаго документа, какъ уже выше замѣчено, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

[50]) О богатствѣ этихъ писателей говоритъ, между прочимъ, Ювеналъ въ VII-й своей сатирѣ. Здѣсь онъ упоминаетъ и о Гораціи, но слова сатирика (ст. 62): «satur est, quum dicit Horatius euhoe!» не даютъ еще никакого повода утверждать, что Горацій былъ человѣкомъ богатымъ. Ювеналъ говоритъ только, что Горацій *былъ сытъ* въ то время, какъ писалъ свои вакхическія оды.

[51]) Плиній младшій оставилъ намъ подробное описаніе своихъ виллъ. Такъ, въ 17-мъ письмѣ II-й книги, онъ говоритъ о своемъ «Laurentinum», а въ 6-мъ письмѣ V-й кн описываетъ свою Тускуланскую виллу. О роскоши римскихъ виллъ можно судить также по описаніямъ ихъ, которыя встрѣчаются у Папинія Стація. См. Silvae I, 3 и II, 2.

[52]) Миддлетонъ, въ извѣстной своей біографіи Цицерона, которая представляетъ не просто панегирикъ, а скорѣе апоѳеозу римскаго оратора, насчитываетъ 14 виллъ, принадлежавшихъ ему въ разныхъ мѣстахъ Италіи. См. нѣмецкій переводъ этого сочиненія, сдѣланный Зейделемъ: Römische Gesch. zu Cicero's Zeit. Danzig 1791. Этого счета держится и Ширлицъ въ сочиненіи своемъ «Vorschule zum Cicero», Wetzlar 1836, стр. 368. Аббатъ де-Шопи, въ упомянутомъ сочиненіи о виллѣ Горація, т. I, стр. 146 и слѣд., посвятилъ цѣлый отдѣльный трактатъ изслѣдованію этого вопроса. По его счету, число виллъ Цицерона восходило до девятнадцати.

[53]) Еще Плиній Старшій (Hist. Nat. XIII, 15) любовался принадлежавшимъ Цицерону столомъ изъ кедроваго дерева, за который онъ заплатилъ 80 тысячъ сестерцій (около 4000 р. с.).

отличалась этимъ великолѣпіемъ и уже въ древности пользовалась общею извѣстностію. Тускуланумъ находился въ окрестностяхъ Рима, близъ нынѣшняго Фраскати, и потому Цицеронъ могъ очень удобно отдыхать здѣсь отъ всѣхъ тревогъ своей бурной политической жизни. Укажемъ еще на Астурскую виллу Цицерона (въ древнемъ Лаціумѣ, близъ Torre d'Astura), которая была знаменита своею библіотекою. Близъ Байй у римскаго оратора также была прекрасная Путеоланская вилла (Puteolanum, въ окрестностяхъ нынѣшняго Пуццоли), въ послѣдствіи принадлежавшая императору Адріану, гдѣ онъ и умеръ. Затѣмъ, кромѣ родовой Арпинской виллы, Цицерону принадлежали еще: Форміанская, Куманская, Помпейянская и т. д. Всѣ эти виллы, какъ мы уже замѣтили, блистали роскошью, и Цицеронъ не даромъ назвалъ ихъ, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Аттику, «Italiae ocelli», то-есть очами Италіи [54]).

Мы, разумѣется, нисколько не имѣемъ намѣренія уничтожать вѣковое уваженіе къ памяти знаменитаго римскаго оратора и сами глубоко чтимъ его за многое. Но невольно представляется вопросъ: откуда взялось такое богатство у бѣднаго арпинскаго всадника? Даже безусловные хвалители Цицерона затрудняются отвѣтомъ на этотъ вопросъ, или представляютъ объясненія не вполнѣ удовлетворительныя. Положимъ, что Цицеронъ, какъ знаменитый адвокатъ, долженъ былъ получать большіе доходы, но всегда ли адвокатская дѣятельность его была безупречна? Къ сожалѣнію, и въ этомъ случаѣ не всегда легко освободить Цицерона отъ взводимыхъ на него обвиненій, и вообще внимательное изученіе твореній римскаго оратора, особенно его рѣчей и писемъ, много мѣшаетъ тому идеальному воззрѣнію на него, которое до сихъ поръ еще господствуетъ въ наукѣ.

Но возвратимся къ Горацію. Тѣ стороны въ характерѣ римскаго поэта, на которыя мы указали выше, вполнѣ достаточны, по нашему убѣжденію, для того, чтобы включить его, какъ человѣка, въ ряды самыхъ благородныхъ личностей древняго міра. Намъ особенно въ Гораціи нравится то, что слова у него никогда не были въ разладѣ съ жизнію. Это придаетъ имъ въ нашихъ глазахъ большое значеніе. Личность римскаго поэта нигдѣ не является, между прочимъ, въ такомъ привлекательномъ свѣтѣ, какъ тамъ, гдѣ онъ

---

[54]) Ep. 6 I. XVI. Цицеронъ, по объясненію Виланда, хочетъ сказать этими словами, что его виллы такъ же блестятъ между всѣми другими виллами Италіи, какъ выразительные глаза — на прекрасномъ лицѣ.

говоритъ о своемъ пренебреженіи къ случайнымъ благамъ жизни. Мы уже знаемъ, изъ какого чистаго и благороднаго источника проистекало это убѣжденіе Горація, высказываемое въ его стихахъ такъ изящно и свободно. Приведемъ въ доказательство справедливости этой мысли начальныя слова той оды, отрывокъ изъ которой послужилъ эпиграфомъ настоящей главы:

«Слоновой костью не блистаетъ
Въ дому моемъ и златомъ потолокъ,
На рядъ столповъ не налегаетъ
Изъ мрамора гиметтскаго брусокъ;
Чертоговъ царственныхъ Аттала
Сомнительнымъ родствомъ я не стяжалъ,
Кліентка честная не ткала
Мнѣ никогда пурпурныхъ покрывалъ.
Но честь и жила вдохновенья
Во мнѣ чиста, и, бѣдный, богачу
Я дорогъ: бóльшаго значенья
Я отъ боговъ, отъ знатныхъ не хочу;
Другаго счастья мнѣ не нужно,
Когда однимъ Сабиномъ я богатъ....

Въ другой одѣ поэтъ прямо говоритъ Меценату, что не хочетъ отъ него подарковъ и милостей. Г. Фетъ передалъ это мѣсто менѣе удачно въ слѣдующихъ стихахъ:

«Потокъ прозрачныхъ водъ, лѣсокъ мой не великой
И съ неизмѣнныхъ нивъ прибытокъ годовой
Я съ африканскимъ бы не промѣнялъ владыкой:
  Я счастливѣй его судьбой.
Хотъ не калабрскія мнѣ пчелы носятъ меду,
Не лестригонскій вакхъ въ мои амфоры влитъ,
И галльской шерстію, пушистою въ породу,
  Меня овца не подаритъ,
Однакожь нищеты не знаю я докучной,
А больше пожелай — и ты бъ не отказалъ....»

Намъ нравится въ Гораціи и то, что онъ высказываетъ свою мораль просто, безъ всякаго желанія рисоваться передъ читателемъ своими добродѣтелями, и съ полнымъ преобладаніемъ зрѣлой мысли надъ безотчетнымъ чувствомъ. Это не строгая, утопическая мораль римскихъ стоиковъ, часто требовавшихъ отъ человѣка невозможнаго. Потому слова ихъ нерѣдко бывали простою, а подчасъ и нелѣпою фразою. Эта фраза сдѣлалась наконецъ въ Римѣ общимъ мѣстомъ, на которое никто не обращалъ особеннаго вниманія. Примѣнить ее къ жизни никто и не думалъ, и не рѣдко случалось, что сами моралисты, надѣвъ на себя личину Куріевъ, проводили жизнь

въ вакханаліяхъ [55]). Въ пластическомъ языкѣ древнихъ Грековъ такія фразы очень мѣтко назывались *губными* и противополагались словамъ, исходящимъ отъ сердца, т. е. словамъ прочувствованнымъ и выстраданнымъ.

Горацій открыто признавалъ за собою человѣческія слабости, и потому не смотрѣлъ свысока на остальныхъ людей. Несмотря на то, какъ человѣкъ и писатель, многими сторонами своего характера онъ приближается къ тому возвышенному идеалу, съ которымъ мы соединяемъ мысль о всемъ благородномъ и прекрасномъ, что̀ только выработала жизнь новыхъ народовъ. Этотъ идеалъ, называемый *европеизмомъ*, создался, конечно, при многихъ условіяхъ, которыхъ не знала классическая древность, но она же положила первое ему основаніе. Горацій болѣе, чѣмъ многіе другіе писатели древности, носитъ въ своей прекрасной личности отблески этого идеала и отвѣчаетъ названію Европейца.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О литературныхъ партіяхъ въ Римѣ Августова вѣка. — Аналогія въ литературныхъ явленіяхъ древняго и новаго міра.—Слѣды партій въ римской литературѣ до Горація. — Римская поэзія въ вѣкъ Августа. — Полемика Горація и ея причины. — Литературные враги Виргилія и Горація.—Бавій и Мевій.— Римскіе литературные староверы.—Латинская стихотворная рѣчь въ періодъ республики.—Реформа, произведенная въ этой рѣчи поэтами Августова вѣка.— Причины разлада между двумя литературными школами этого времени.—Ихъ достоинства и недостатки. — Политическое значеніе поэтовъ Августова вѣка.

1.

«In omni re difficillimum est formam (quae χαραχτήρ graece dicitur) exponere optimi: quod aliud aliis videtur optimum.» Cic. Or. c. XI.

Изученіе классической древности интересно, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что она представляетъ намъ собою міръ отжившій, замкнутый, гдѣ мы можемъ прослѣдить каждое событіе, каж-

---

[55]) «Qui Curios simulant et bacchanalia vivunt.» Слова Ювенала о римскихъ стоикахъ, въ началѣ II-й сатиры, ст. 3.

дое явленіе отъ начала его до конца. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы усматриваемъ не только самое явленіе, но и результаты, къ которымъ оно привело, чего мы не видимъ при изученіи эпохъ болѣе близкихъ къ намъ по времени, потому что будущее ихъ намъ неизвѣстно. Вотъ почему правильное пониманіе исторіи древняго міра даетъ намъ до нѣкоторой степени возможность вѣрно судить, если не о всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, о нѣкоторыхъ аналогическихъ явленіяхъ въ современной намъ жизни. Въ этомъ замкнутомъ мірѣ мы находимъ, между прочимъ, рѣшеніе и такихъ общечеловѣческихъ вопросовъ, которые всегда и вездѣ составляли предметъ жаркихъ споровъ, а потому и въ настоящее время невольно обращаютъ на себя вниманіе людей образованныхъ и мыслящихъ. Говоря это, я имѣю здѣсь исключительно въ виду вопросы литературные и эстетическіе, тѣсно связанные съ убѣжденіемъ нашимъ въ степени достоинства или недостатковъ отдѣльныхъ писателей и цѣлыхъ направленій, господствующихъ въ литературѣ какого нибудь народа, въ извѣстный періодъ ея существованія. Въ литературѣ каждаго народа, въ пору его дѣятельной жизни и развитія, одно направленіе смѣняется другимъ, или даже одновременно существуетъ нѣсколько направленій, и каждое изъ нихъ находитъ своихъ приверженцевъ и представителей, несогласныхъ между собою во взглядахъ на искусство и на тѣ условія, которымъ оно должно подчиняться. Не рѣдко, при извѣстной степени зрѣлости и развитія общества, наступаетъ перемѣна вкуса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, эстетическаго взгляда на искусство; существующее не удовлетворяетъ болѣе вновь возникающимъ требованіямъ, и въ литературѣ начинается борьба между новымъ и старымъ направленіемъ. Даже тотъ, кто принимаетъ непосредственное и жаркое участіе въ такой борьбѣ, не всегда ясно сознаетъ ея значеніе и цѣль. Судя по горечи, съ которою ведется такая борьба, по личностямъ, которыя къ ней обыкновенно примѣшиваютъ, можно подумать, что дѣло касается частныхъ интересовъ и отдѣльныхъ лицъ, что каждый отстаиваетъ только себя, а не дѣло общее и народное. Даже и по окончаніи борьбы, когда новое направленіе пускаетъ глубокіе корни въ литературѣ и дѣлается въ ней господствующимъ, всегда и долго еще находятся люди, которые не могутъ отдѣлиться отъ прежнихъ литературныхъ преданій и, по выраженію Горація [1]), «въ старческіе годы отказаться отъ того, чему они учились въ молодости».

[1]) Horat. Epist. II, 1, v. 84—85.

Подобное явленіе не разъ встрѣчаемъ мы и въ римской литературѣ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ никому еще не пришло на мысль изложить систематически исторію литературныхъ партій въ древне-классической словесности [2]). А между тѣмъ, она нуждается въ такомъ сочиненіи гораздо болѣе, чѣмъ литературы новыхъ народовъ, произведенія которыхъ мы легко можемъ имѣть подъ рукою, и потому не всегда затрудняемся въ критической ихъ оцѣнкѣ. Въ отношеніи же къ древне-классической литературѣ, мы далеко не находимся въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ: бóльшая часть ея произведеній утрачена для насъ безвозвратно, и потому, при сужденіи о заслугахъ и достоинствѣ ихъ авторовъ, мы нерѣдко должны довольствоваться не всегда удовлетворительными и часто разнорѣчивыми отзывами, переданными намъ древностію. Нерѣдко даже извѣстные ученые успокоиваются на подобныхъ отзывахъ и не обращаютъ должнаго вниманія на внутреннія побужденія, которыя заставили древняго писателя судить о своемъ собратѣ такъ, а не иначе.

Духъ партіи рано проникъ въ римскую литературу. По мнѣнію Нибура [3]), имъ отличалась уже жреческая лѣтопись (Annales Maximi), постоянно бывшая покровительницею патриційскихъ интересовъ. Составители ея, верховные жрецы, долгое время исключительно принадлежали къ знатнѣйшимъ патриційскимъ фамиліямъ, и по-

---

[2]) Между тѣмъ какъ исторія политическихъ партій въ древнемъ мірѣ нѣсколько разъ уже была подвергаема въ новѣйшихъ литературахъ спеціальному разсмотрѣнію, и еще не очень давно явилось по этому предмету сочиненіе Ваксмута: Geschichte der politischen Parteiungen des Alterthums. Braunschweig. 1853. Долгое время спустя послѣ того, какъ настоящее изслѣдованіе было напечатано отдѣльною брошюрой, я отыскалъ, по указанію самого автора, очень небольшую статью въ «Mélanges de littérature ancienne et moderne par M. Patin» (Paris, 1840), подъ заглавіемъ: «Des ècoles littéraires et des poétes du siècle d'Auguste» (стр. 81—102). Это собственно одна изъ вступительныхъ лекцій Патена, или, какъ онъ назвалъ ее «discours, prononcé en 1837—38, à la faculté des lettres, pour l'ouverture du cours de poésie latine.» Я долженъ признаться въ томъ, что эта лекція очень удивила меня рѣшительнымъ отсутствіемъ какого либо положительнаго содержанія. Здѣсь во множествѣ фразъ не указано ни одной характеристической черты, которая бы сколько нибудь опредѣляла и выясняла разсматриваемый вопросъ. Самый этотъ вопросъ поставленъ неправильно, такъ какъ авторъ ни слова не говоритъ объ отношеніяхъ поэтовъ Августова вѣка къ дѣятелямъ прежнихъ періодовъ римской литературы.

[3]) Röm. Gesch. I Th. III Ausg. Berlin, 1828. стр. 290.

тому не могли отдѣлиться отъ интересовъ своего сословія. Жреческая лѣтопись почти исключительно была наполнена сказаніями о доблестяхъ патриціевъ, о связи ихъ съ самими богами, о небесныхъ знаменіяхъ, которыя открывали имъ волю небожителей, и тому подобными извѣстіями. Все это заставило плебеевъ съ недовѣрчивостію и нелюбовью смотрѣть на лѣтопись, и вотъ, можетъ быть, почему Катонъ Старшій, которому она хорошо была извѣстна, какъ разсказываетъ древній его біографъ [4]), описывалъ въ своихъ «Origines» войны Рима, не называя военачальниковъ: ему не хотѣлось, конечно, говорить о Корнеліяхъ и Фабіяхъ, подвигами которыхъ была наполнена лѣтопись. Плебеи, съ своей стороны, также создали особый видъ литературы, который долженъ былъ увѣковѣчить память о заслугахъ ихъ отечеству. Въ эпическихъ пѣсняхъ, которыя родились въ устахъ народа, и потомъ внесены были Титомъ Ливіемъ въ его разсказъ о начальномъ періодѣ римской исторіи, господствуетъ плебейскій духъ и ненависть къ патриціямъ [5]). Всѣ цари, явившіеся защитниками народа, превознесены въ этихъ пѣсняхъ до самого неба: такъ, наприм., Сервій Туллій поставленъ въ нихъ на ряду съ божественнымъ Нумою Помпиліемъ. Основатель римской республики и Муцій Сцевола, оба плебеи, выставлены въ этихъ народныхъ пѣсняхъ героями, а патриціи всюду являются здѣсь въ неблагопріятномъ свѣтѣ.

Такимъ образомъ, отголосокъ партій, конечно, еще не литературныхъ, а политическихъ [6]), мы встрѣчаемъ въ Римѣ уже въ памятникахъ, предшествовавшихъ тамъ собственной литературѣ, а потому неудивительно, что, вмѣстѣ съ ея появленіемъ, обѣ партіи, о которыхъ мы говоримъ, нашли себѣ представителей въ Энніи и Невіи. Первый изъ нихъ сдѣлался орудіемъ патриціевъ, а второй постоянно оставался защитникомъ интересовъ народа [7]). Плебейское направленіе поэзіи Невія очень ясно высказывается во мно-

---

[4]) Corn. Nepos, Cat. 3 c.

[5]) Подробности объ этихъ эпическихъ пѣсняхъ Римлянъ можно найти въ моемъ изслѣдованіи «De carminibus convivalibus eorumque in vetustissima Romanorum historia condenda momento». Petrop. 1854.

[6]) Мы упоминаемъ здѣсь объ этихъ партіяхъ на томъ основаніи, что онѣ отразились въ литературѣ Римлянъ, въ самый ранній періодъ ея существованія.

[7]) Эта мысль прежде другихъ была высказана Блюмомъ, въ его Einleit. in Roms alte Gesch., стр. 20, и потомъ подробнѣе развита въ извѣстномъ сочиненіи Клусмана: Cn. Nævii, poetæ Romani, vitam descrips., carmin. reliquias colleg., poesis rationem expos. Ernest. Klussmann. Jenæ, 1843.

гихъ, уцѣлѣвшихъ до нашего времени, отрывкахъ изъ произведеній этого писателя [8]). Въ особенности, въ комедіяхъ своихъ, онъ не щадилъ современныхъ ему римскихъ аристократовъ, и потому онѣ характеромъ своимъ приближались къ древней аттической комедіи [9]). Энній, напротивъ, постоянно находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ римской знати.

Эта борьба римскихъ политическихъ партій, отразившаяся, какъ мы замѣтили, въ произведеніяхъ Невія и Эннія, повторилась также въ комедіяхъ Плавта и Теренція, но здѣсь къ ней примѣшивается уже литературный характеръ. Плавтъ, наученный, вѣроятно, примѣромъ Невія, устранилъ, какъ извѣстно, отъ своихъ комедій характеръ политическій; но тѣмъ не менѣе онъ является намъ въ своихъ произведеніяхъ чисто плебейскимъ писателемъ, назначавшимъ свои комедіи исключительно для простаго народа. Потому комедіи его написаны языкомъ низшихъ слоевъ современнаго ему римскаго общества, и Плавтъ, въ угоду своей публикѣ, не скупился въ нихъ на грязныя остроты и выходки. Совершенно другимъ характеромъ отличаются комедіи Теренція: въ нихъ въ первый разъ выступаетъ въ римской поэзіи стремленіе къ изяществу. Языкъ этихъ комедій тотъ самый, который господствовалъ въ лучшемъ тогдашнемъ римскомъ обществѣ;—это языкъ, которымъ говорили Сципіонъ Африканскій и его друзья аристократы, — покровители Теренція [10]). Но это самое было причиною тому, что народъ не любилъ комедій Теренція и не всегда удостоивалъ выслушивать ихъ до конца [11]).

---

[8]) Сюда въ особенности относятся отрывки изъ Невія, приведенные Клусманомъ на стр. 15, 135, 173, 191 и пр.

[9]) Извѣстно даже, что, за свои выходки противъ Метелловъ и Сципіоновъ, Невій попалъ въ тюрьму (Gell. Noct. Att. III, 3), откуда былъ въ послѣдствіи освобожденъ народнымъ трибуномъ.

[10]) Въ древней біографіи Теренція, которую прежде приписывали Элію Донату, и которая, по всей вѣроятности, написана Светоніемъ, приводится пасквиль въ стихахъ, гдѣ неизвѣстный намъ авторъ, безъ сомнѣнія одинъ изъ литературныхъ враговъ Теренція, что видно изъ намѣреннаго употребленія имъ архаизмовъ (напр. слова *ipsus* въ 5-мъ ст.) смѣется надъ нимъ за его дружбу съ патриціями. Многіе въ Римѣ даже не хотѣли вѣрить тому, что Теренцій самъ писалъ свои комедіи. Замѣчательно, что Теренцій въ своемъ прологѣ къ «Adelphi» не очень старается опровергнуть это подозрѣніе и не отрицаетъ, что «*nobiles homines*» помогали ему въ его литературныхъ трудахъ.

[11]) См. Prolog. in «Hecyram».

Вникая въ постепенное развитіе римской литературы, мы замѣчаемъ еще во многихъ ея памятникахъ, явившихся на свѣтъ въ долгій промежутокъ времени отъ Катона до Домиціана, борьбу двухъ началъ — національнаго съ пришлымъ, иноземнымъ. Эта борьба представляется намъ въ римской литературѣ съ двухъ сторонъ,—со стороны формы и мысли. Въ первомъ случаѣ она выразилась постепенною, хотя и медленною, уступкою архаизмовъ, т. е. древне-латинскихъ формъ языка, новымъ и изящнымъ формамъ римской рѣчи, явившимся при сильномъ вліяніи на нее, благодаря трудамъ многихъ писателей, языка греческаго. Окончательная побѣда новыхъ формъ языка надъ старыми является намъ въ римской прозѣ въ вѣкъ Цицерона, а въ поэзіи не раньше царствованія Августа.

Другая сторона этой борьбы имѣетъ тѣсную связь съ тою, о которой мы только что сказали. Это также была борьба стараго съ новымъ, римской національности съ иноземнымъ на нее вліяніемъ, начавшимся вмѣстѣ съ VI-мъ вѣкомъ отъ основанія города. Эта борьба также постоянно раздѣляла римскихъ писателей на двѣ партіи, изъ которыхъ одна, и при томъ сильнѣйшая, не переставала указывать на греческое образованіе, какъ на источникъ и необходимую подпору всей умственной жизни Римлянъ, а другая преслѣдовала его горькимъ упрекомъ, какъ причину изнѣженности и порчи римскихъ нравовъ. Эта нелюбовь къ греческому проглядываетъ иногда даже въ такихъ римскихъ писателяхъ, которые вполнѣ усвоили себѣ греческое образованіе, наприм. въ Цицеронѣ. При всемъ своемъ уваженіи къ греческой литературѣ и образованности, онъ никогда не могъ искоренить въ себѣ стариннаго римскаго склада ума, или того, что̀ многіе называли въ Римѣ *rusticitas*. Съ другой стороны, главнымъ представителемъ и поклонникомъ греческаго изящества является намъ въ римской литературѣ Горацій, который всю жизнь свою боролся съ любителями римской старины. И послѣ Горація находимъ мы въ Римѣ писателей, которыхъ раздѣляло это двоякое направленіе. Такъ Персій, восторженный послѣдователь Горація, постоянно ратуетъ въ своихъ сатирахъ за *doctores Graji*; а Ювеналъ, въ противоположность ему, проникнутъ непримиримою ненавистію ко всему греческому, и отсюда происходитъ его, доведенное до крайности, пристрастіе къ Риму времени Куріевъ и Цинцинната.

2.

Не будемъ, однако, предупреждать нашего изслѣдованія и обратимся къ главной его задачѣ, къ вѣку Августа, когда литературныя партіи особенно рѣзко обозначились въ римской словесности, или, говоря точнѣе, въ римской поэзіи, которую мы здѣсь исключительно имѣемъ въ виду.

Можно сказать, что этотъ вѣкъ, со стороны поэтическаго своего содержанія, начинается Виргиліемъ и Варіемъ, и оканчивается Овидіемъ. «Virgilium vidi tantum», говоритъ этотъ поэтъ въ своихъ Trist. IV, 52. Если къ этимъ двумъ именамъ мы прибавимъ еще Горація, Проперція, Тибулла и дидактическихъ стихотворцевъ: Грація и Манилія, то обозначимъ почти все, что дошло до насъ изъ поэтическаго творчества Римлянъ въ такъ называемый золотой вѣкъ ихъ литературы. Это, однако, только малая часть того, что произвелъ онъ въ разсматриваемомъ отношеніи. Произведенія множества другихъ поэтовъ этого времени, пользовавшихся вполнѣ заслуженною знаменитостью, погибли большею частію безслѣдно. Вотъ, напримѣръ, Л. Юлій Калидъ, котораго Корнелій Непотъ (въ біографіи Помпонія Аттика, гл. 12) называетъ самымъ изящнымъ поэтомъ послѣ Лукреція и Катулла. Такихъ знаменитостей вѣкъ Августа насчитываетъ очень много. Кромѣ именъ, отъ нихъ ничего не осталось. Мы, напримѣръ, какъ уже выше замѣчено, лишены возможности читать трагедію и поэму Варія, элегіи Галла, комедіи Фунданія, эпическія произведенія Рабирія и Корнелія Севера. Азинія Полліона, Педона Албинована, Мацера и многія другія имена мы знаемъ только потому, что о нихъ упоминаютъ риторъ Сенека, Веллей Патеркулъ и цѣлый рядъ позднѣйшихъ писателей, извѣстныхъ подъ именемъ грамматиковъ. Квинтиліанъ, безспорно, лучшій римскій критикъ, многихъ изъ этихъ поэтовъ ставитъ очень высоко, а Горацій о нѣкоторыхъ изъ нихъ отзывается, какъ о своей литературной ровнѣ. Затѣмъ слѣдовала огромная масса второстепенныхъ поэтовъ и подражателей, которыхъ такъ не любилъ Горацій. Утрата ихъ произведеній, разумѣется, не можетъ казаться особенно чувствительною.

Не смотря, однако, на эту относительную скудость литературныхъ памятниковъ Августова вѣка, мы и теперь ясно можемъ прослѣдить рѣшительный переворотъ, совершившійся въ римской поэзіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ усматриваемъ, что для нея наступила въ разсматриваемое время новая, блистательная эпоха.

Поэзія не могла окончательно развиться въ Римѣ при безпрестан-

ныхъ смутахъ, междуусобіяхъ и неурядицѣ, особенно въ послѣднее время существованія республики. Эта пора римской жизни, благодаря политической зрѣлости, которой достигло государство, много содѣйствовала развитію нѣкоторыхъ отраслей римской литературы, въ особенности развитію краснорѣчія, въ самыхъ этихъ смутахъ находившаго для себя пищу, ибо онѣ постоянно выдвигали впередъ многихъ государственныхъ людей, или ораторовъ,— чтỏ въ республиканскомъ Римѣ было одно и тоже [12]). Римская поэзія періода республики не была въ такихъ счастливыхъ условіяхъ и не имѣла такой тѣсной связи съ самою жизнію. Только съ воцареніемъ Августа настала для нея благопріятная пора; только въ это время нашли наконецъ поэты въ Римѣ тишину и спокойствіе, поощреніе и ясно выраженное сочувствіе въ образованныхъ классахъ общества, и полное вниманіе со стороны людей, которые, стоя во главѣ римскаго управленія, старались всѣми силами привлечь къ себѣ лучшихъ тогдашнихъ писателей. Августъ и его приближенные смотрѣли на литературу, какъ на опору и надежное средство упрочить политическую реформу, для которой имъ нужны были глашатаи. Впрочемъ, и время было такое, что сами писатели, по крайней мѣрѣ лучшіе изъ нихъ, безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ, въ слѣдствіе искренняго убѣжденія, перешли на сторону реформы и приняли дѣятельное въ ней участіе.

При такихъ условіяхъ, въ эти 40 или 50 лѣтъ правленія Августа (если считать, какъ и слѣдуетъ, новый періодъ, наступившій въ римской литературѣ, со времени сраженія при Акціумѣ), поэзія достигла въ Римѣ еще небывалаго и окончательнаго совершенства. Въ тоже время вся римская поэзія періода республики подвергнута была строгой и созрѣвшей критикѣ. Въ этомъ, кромѣ другихъ указаній, не оставляетъ никакого сомнѣнія ясная и послѣдовательная полемика противъ старинныхъ римскихъ поэтовъ, которую мы находимъ въ твореніяхъ Горація, гдѣ такъ опредѣленно высказываются его литературныя убѣжденія и взгляды. Всякаго, кто только внимательно читалъ Горація, безъ сомнѣнія, поражали постоянно неблагопріятные его отзывы о всѣхъ поэтахъ, принадлежащихъ разнымъ періодамъ римской литературы. Начиная съ Ливія Андроника до Катулла и Кальва, никто изъ нихъ не избѣгнулъ его сатиры и насмѣшки, хотя многіе изъ этихъ поэтовъ постоянно находили для себя въ Римѣ хвалителей и поклонниковъ, и при томъ

[12]) О вліяніи политическихъ смутъ на развитіе краснорѣчія прекрасно говоритъ авторъ Dialog. de oratorib. гл. 36, 37 и passim.

между людьми, не уступавшими Горацію своимъ образованіемъ (въ числѣ ихъ можно указать на Цицерона) [13]), да и въ самый вѣкъ Августа пользовались безусловнымъ почетомъ, со стороны большинства римской публики. Если мы даже допустимъ, что нелюбовь къ Луцилію, такъ рѣзко высказываемая Гораціемъ (особенно въ IV-й и X-й сатирахъ I-й книги), происходила отъ того, что онъ завидовалъ литературной славѣ этого сатирика, то чѣмъ объяснить себѣ ожесточенныя нападки Горація на Эннія, Пакувія, Плавта и другихъ писателей начальнаго періода римской литературы, съ которыми онъ не имѣлъ ничего общаго? Рѣшеніе этого вопроса, какое намъ случалось встрѣчать у новѣйшихъ критиковъ, не всегда удовлетворительно. Такъ Вейхертъ [14]) старается объяснить этотъ вопросъ личными побужденіями Горація [15]), оскорбленнаго будто бы тѣмъ, что современники этого поэта мало цѣнили собственныя его заслуги въ литературѣ [16]).

Въ этомъ мнѣніи есть своя доля правды, но тѣмъ не менѣе странно было бы объяснять упорную полемику Горація противъ старинныхъ римскихъ поэтовъ исключительно только слѣдствіемъ его раздраженнаго авторскаго самолюбія. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что многіе въ Римѣ недружелюбно встрѣтили первыя произведенія Горація, съ которыми онъ выступилъ на литера-

---

[13]) Объ отношеніи Цицерона къ старинныемъ поэтамъ, и о томъ значеніи, которое они имѣютъ въ ряду писателей римскихъ, подробнѣе говорится въ статьѣ «О судьбахъ римской трагедіи», въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., 1848, № 6.

[14]) Въ разсужденіи «De Q. Horatii Flacci obtrectatoribus», изданномъ сначала отдѣльно (въ 1821 г.) и потомъ перепечатанномъ въ его: «Poetarum latinorum Hostii etc.... vitae et carminum reliquiæ. Lips. 1830, стр. 270—330.

[15]) Такого взгляда держится и Штиглицъ въ книгѣ своей: De M. Pacuvii Duloreste. Lips. 1826, стр. 5.

[16]) Первыя сатиры, изданныя Гораціемъ, говоритъ Вейхертъ (стр. 329), возбудили въ Римѣ много толковъ. Многимъ не понравился тонъ этихъ сатиръ, и, порицая ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, враги Горація громко объявили, что эти первыя его литературныя произведенія далеко уступали сатирамъ Луцилія. Оскорбленный этимъ предпочтеніемъ произведеній старинннаго римскаго писателя собственнымъ своимъ твореніямъ, Горацій, продолжаетъ Вейхертъ, сначала вооружился противъ Луцилія (въ 4-й Сат. I-й книги), и когда этимъ возбудилъ противъ себя гнѣвъ и порицаніе многочисленныхъ почитателей этого поэта, то, для оправданія своего мнѣнія о Луциліи, онъ снова подвергъ строгой критикѣ не только его сатиры, но и вообще произведенія всѣхъ старинныхъ римскихъ поэтовъ, и старался показать въ нихъ все достойное порицанія.

турное поприще. Сатира молчала въ Римѣ со времени Луцилія, который смѣло и открыто преслѣдовалъ порокъ и, по выраженію Ювенала [17]), «гремѣлъ своими стихами, какъ бы обнаженнымъ мечемъ.» При появленіи Горація, время это уже миновало, и возобновленіе имъ давно забытой сатиры возбудило противъ него много жалобъ, какъ противъ нарушителя общественнаго порядка и порицателя семейнаго быта римскихъ гражданъ [18]). Чѣмъ больше въ это время было въ римскомъ обществѣ людей порочныхъ, тѣмъ больше было недовольныхъ никому неизвѣстнымъ дотолѣ писателемъ, который вдругъ, съ такою неотразимою логикою и психологическою вѣрностію, началъ указывать имъ на ихъ недостатки [19]). Негодовали и на то, что талантъ Горація, обратившійся къ злословію и порицанію римской жизни, нашелъ для себя поощреніе и поддержку между лицами близкими къ Октавіану, которому суждено было сдѣлаться единодержавнымъ правителемъ Рима [20]) Чтò это за человѣкъ, спрашивали многіе, который осмѣливается обнаруживать предъ свѣтомъ наши недостатки? И вмѣстѣ съ тѣмъ, узнавали, что это человѣкъ темный, — *homo novus* и въ гражданскомъ, и въ литературномъ смыслѣ; узнавали, что это сынъ отпущенника, — обстоятельство немаловажное въ Римѣ, гдѣ, даже и въ періодъ республики, многіе любили возводить свой родъ до

---

[17]) Ювен. Сат. I, ст. 165.

[18]) Гор въ I Сат. II кн., въ самомъ началѣ:

Sunt, quibus in satira videor nimis acer... etc...

Горацій и самъ хорошо понималъ, что его сатиры доставятъ ему много враговъ, и потому онъ всегда уклонялся отъ публичныхъ ихъ чтеній, бывшихъ въ то время въ большой модѣ въ Римѣ. Такъ говоритъ онъ въ 4-й Сат. I кн., ст. 22 и слѣд.

...........«vulgo recitare timentis ob hanc rem
Quod sunt, quos genus hoc (т. е. satiricum) minime juvat, utpote plures
Culpari dignos.....

[19]) «Всѣ такіе люди боятся стиховъ и ненавидятъ поэтовъ», говоритъ Горацій въ 4-й Сат. I, кн. ст. 33:

«Omnes hi metuunt versus, odere poetas.»

[20]) Дѣйствительно, при самомъ началѣ своей литературной дѣятельности, Горацій былъ уже въ близкихъ отношеніяхъ къ Меценату. Путешествіе по Италіи, которое Горацій совершилъ, въ 717 году, въ свитѣ Мецената, и такими живыми красками описалъ въ V-й Сатирѣ I-й книгѣ, окончательно скрѣпило ихъ дружбу. Около этого же времени начали появляться въ свѣтъ первыя его сатиры.

баснословныхъ боговъ и героевъ [21]). Въ тоже время многіе изъ собратовъ Горація по литературѣ легко могли сдѣлаться его врагами, потому что не видѣли поощренія своимъ, по ихъ мнѣнію, болѣе національнымъ и патріотическимъ стремленіямъ, и полагали, что направленіе, которому слѣдовалъ Горацій, заслуживало скорѣе наказанія, чѣмъ поддержки [22]).

Итакъ, причины разлада Горація съ своими современниками были, какъ мы видимъ, многоразличны. Мы готовы допустить, что иные, по нелюбви къ Горацію, какъ человѣку, расходились съ нимъ и во взглядѣ на искусство; но все это, съ одной стороны, недостаточно для объясненія упорной его полемики противъ своихъ предшественниковъ, а съ другой — страннаго, по видимому, предпочтенія, которое многіе изъ современниковъ Горація оказывали шероховатымъ и не изящнымъ еще стихамъ старинныхъ римскихъ писателей, не придавая особеннаго значенія собственнымъ его художественнымъ созданіямъ.

Для того, чтобы вполнѣ объяснить это явленіе, необходимо допустить, что главная, если не исключительная, причина нелюбви Горація къ предшественникамъ своимъ на поприщѣ поэзіи была чисто литературная [23]), и происходила изъ особеннаго взгляда на искусство той литературной эпохи, которой онъ, вмѣстѣ съ Виргиліемъ, Варіемъ Руфомъ и нѣкоторыми другими избранниками, былъ однимъ изъ лучшихъ представителей. Нападая на старинныхъ поэтовъ, Горацій стоялъ не за свое только, какъ нѣкоторые думаютъ, а за общее дѣло; высказываемыя имъ литературныя убѣжденія, и взгляды, на основаніи которыхъ онъ осудилъ своихъ предшественниковъ, были не только его убѣжденіями, а взглядами цѣлой партіи, образовавшейся въ вѣкъ Августа.

3.

Намъ кажется, что односторонность мнѣнія Вейхерта легко доказать, обративъ вниманіе на литературную жизнь Виргилія. Если бы,

---

[21]) Горація, по его выраженію (Сат. 6, I-й кн. ст. 46), постоянно «грызли» за то, что онъ сынъ отпущенника:

Nunc ad me redeo libertino patre natum,
Quem rodunt omnes libertino patre natum etc......

[22]) См. Weber Qu. Horatius Flaccus als Mensch u. Dichter. Jena 1844, стр. 132.

[23]) Какъ совершенно правильно понялъ Мансо въ сочиненіи своемъ: Ueber Horazens Beurtheilung der ältern Dichter der Römer, помѣщенномъ въ его Vermischte Abhandlungen u. Aufsätze. Breslau, 1821, стр. 89—106.

дѣйствительно, многіе изъ современниковъ Горація нападали на него—не какъ на представителя извѣстной школы ея противники, а просто какъ люди имъ затронутые, то чѣмъ объяснить себѣ ожесточенные нападки на Виргилія,— человѣка въ высшей степени кроткаго и незлобиваго?[24]).

Извѣстно, какой шумъ въ римскихъ литературныхъ кружкахъ произвели творенія Виргилія. Каждое изъ нихъ, при своемъ появленіи, возбуждало, съ одной стороны, восторженныя похвалы[25]), а съ другой — ожесточенную брань[26]), и вызывало не только критики, но и пародіи. Литературные противники Виргилія глумились и надъ цѣлыми его произведеніями[27]), и надъ отдѣльными въ нихъ стихами; критиковали языкъ этихъ произведеній[28]), указы-

---

[24]) Такимъ изображаетъ намъ Виргилія древній его біографъ, Тиберій Клавдій Донатъ въ P. Virg. Maronis vita, гл. VII, §§ 65—68. Еще важнѣе для насъ свидѣтельство Горація о характерѣ Виргилія, въ V-й Сат. I-й кн., ст. 40. Прибавимъ къ этому, что у Виргилія мы встрѣчаемъ только двѣ выходки: противъ Анзера, да еще противъ Бавія и Мевія. Первая изъ этихъ выходокъ, являющаяся намъ подъ видомъ латинскаго каламбура, въ которомъ Виргилій скромно назывеетъ себя «гусемъ (Анзеромъ) между звонкими лебедями», находится въ IX-й его эклогѣ, ст. 36. Вотъ это мѣсто:

«Nam neque adhuc Vario videor, nec dicere Cinna
Digna, sed argutos inter strepere anser olores».

Уже Сервій, мнѣнію котораго слѣдуетъ также, лучшій изъ старинныхъ издателей Виргилія, де ла Церда, въ комментаріи своемъ къ этимъ стихамъ, замѣтилъ, что въ нихъ скрывается насмѣшка надъ поэтомъ Анзеромъ, сторонникомъ и панегиристомъ Антонія. Гейне безъ всякаго основанія утверждаетъ, что въ приведенныхъ словахъ IX-й эклоги нѣтъ никакого намека на литературнаго и политическаго врага Виргилія. О Бавіи и Мевіи мы скажемъ ниже.

[25]) Donat. XII, § 4: Aeneidos vix tum cœptae tanta extitit fama, ut Sext. Propertius non dubitarit sic prædicare:

Cedite Romani scriptores, cedite Graii,
Nescio quid maius nascitur Jliade.

См. Проперц. кн. II, эл. 25, ст. 61.

[26]) См. Tib. Claud. Donat. vita P. Virgil. Mar., гл. XVI, §§ 61—65.

[27]) Такъ, по выходѣ въ свѣтъ буколикъ, кто-то написалъ *Antibucolica*, а при появленіи Энеиды, слѣдовательно уже послѣ смерти Виргилія, Карвилій Пикторъ сочинилъ *Aeneidomastix*, т. е. бичь Энеиды. См. Donat. §§ 61 и 62.

[28]) О пародіяхъ на отдѣльные стихи Виргилія и о насмѣшкахъ надъ языкомъ въ его произведеніяхъ, подробнѣе будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

вали на заимствованія изъ другихъ писателей [29]), которыми Виргилій, дѣйствительно не отличавшійся особеннымъ творчествомъ, не рѣдко пользовался,—словомъ, употребляли всѣ средства, чтобы унизить знаменитаго друга Мецената и Августа во мнѣніи его современниковъ. Древній біографъ Виргилія [30]), изъ котораго мы заимствовали эти подробности, представилъ намъ длинный списокъ его литературныхъ враговъ. Безъ Доната мы бы не знали даже именъ: Карвилія Пиктора, Гереннія, Перилія Фаустина, Октавія Авита, Анзера, Корнифиція, — этихъ римскихъ Готшедовъ, какъ называетъ ихъ Фоссъ [31]), этихъ мелкихъ завистниковъ знаменитаго писателя, которые преслѣдовали его, можетъ быть, частію по причинамъ нисколько не литературнымъ, а частію потому, что слѣпо держались литературныхъ преданій старины и не могли идти въ уровень съ эстетическими требованіями своего вѣка [32]).

[29]) Октавій Авитъ, по свидѣтельству Доната (§ 63), вѣроятно преувеличенному, написалъ 8 томовъ Ὁμοιοτελεύτων, въ которыхъ были обозначены съ точностію стихи, заимствованные Виргиліемъ изъ другихъ авторовъ.

[30]) Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о Донатѣ, который, по общепринятому мнѣнію, принадлежитъ къ исходу IV-го и началу V-го вѣка по Р. Х. Шаткій авторитетъ этого писателя многими вовсе отвергается. Дѣйствительно, можетъ быть, ни одно изъ произведеній древности не дошло до насъ въ такомъ искаженномъ видѣ, съ такими нелѣпыми позднѣйшими вставками, какъ эта біографія Виргилія. Но въ этомъ множествѣ странныхъ и пустыхъ извѣстій, которыя здѣсь встрѣчаются на каждомъ шагу, мы находимъ нѣсколько важныхъ указаній, авторъ которыхъ, очевидно, близко зналъ описываемое имъ время, или почерпалъ извѣстія свои изъ хорошихъ источниковъ. Все это заставило уже Гейне, въ примѣчаніяхъ своихъ къ самому началу этой біографіи, утверждать, что ея основа принадлежитъ древности, а все остальное — позднѣйшія искаженія и вставки. См. также Pauly Real-Encykl. Bd. II, стр. 1247. Особенно тѣ мѣста этой біографіи, гдѣ Донатъ ссылается на Асконія Педіана, сочиненіе котораго «*contra obtrectatores Virgilii*» онъ легко могъ имѣть подъ рукою, заслуживаютъ, кажется намъ, полной нашей вѣры.

[31]) Des Publ. Virg. Maro ländliche Ged. übers. u. erklärt v. Joh. Heinr. Voss. Altona, 1797. I. Bd. стр. 146.

[32]) Въ числѣ враговъ Виргилія Донатъ называетъ также Випсанія Агриппу. Это можетъ показаться страннымъ, потому что Агриппа былъ очень близокъ къ Меценату и Августу, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ тому литературному кружку, который образовался при его дворѣ. Притомъ похвалы, которыя расточаетъ Виргилій Агриппѣ въ своей Энеидѣ (VIII, ст. 682 и слѣд.), также показываютъ, что онъ находился къ нему въ дружескихъ отношеніяхъ. Безъ сомнѣнія, Агриппа, который, какъ из-

Нельзя при этомъ не пожалѣть объ утратѣ сочиненія Асконія Педіана «противъ порицателей Виргилія», о которомъ упоминаетъ Донатъ: оно, безъ сомнѣнія, объяснило бы намъ многое въ литературныхъ явленіяхъ этого времени.

Если и добродушный Виргилій нажилъ себѣ такъ много враговъ, то тѣмъ болѣе долженъ былъ имѣть ихъ Горацій, нелюбившій, особенно въ началѣ своего литературнаго поприща, щадить тѣхъ, кто, по его мнѣнію, заслуживалъ порицанія. Пантилій, Деметрій, Фанній, Маркъ Тигеллій Гермогенъ и другіе враги Горація, темныя имена которыхъ онъ увѣковѣчилъ въ потомствѣ нещадною бранью не только въ своихъ сатирахъ и посланіяхъ, но и въ одахъ [33]), должны быть отнесены, безъ сомнѣнія, къ тому же лагерю, куда принадлежали и противники Виргилія.

Изъ нихъ больше другихъ извѣстны намъ Бавій и Мевій. Эти имена принадлежатъ двумъ жалкимъ стихотворцамъ, которые, вѣроятно изъ зависти, враждебно относились вообще къ литературѣ Августова вѣка, и въ особенности къ поэтической дѣятельности Виргилія и Горація. Скромный Виргилій, такъ неохотно пускавшійся въ полемику, соединилъ эти имена въ слѣдующемъ стихѣ одной изъ своихъ эклогъ (III, ст. 90):

«Qui Bavium non odit, amet tua carmina, Maevi!»

Смыслъ этого стиха, очевидно, такой: кто находитъ удовольствіе въ чтеніи стиховъ Бавія, того вкусъ пусть испортится до такой степени, чтобы онъ и Мевія считалъ хорошимъ поэтомъ. Видно, что Бавій и Мевій вооружились противъ Виргилія въ самомъ началѣ его литературной дѣятельности, такъ какъ третья эклога, въ которой онъ счелъ нужнымъ отвѣтить на ихъ брань, относится къ 712 году [34]). Съ другой стороны, приверженцы

вѣстно, при всѣхъ своихъ военныхъ и гражданскихъ доблестяхъ, уступалъ многимъ изъ придворныхъ Августа своимъ образованіемъ и вкусомъ, не могъ вполнѣ сочувствовать изящнымъ произведеніямъ поэтовъ Августова вѣка.

[33]) Особенно въ этомъ отношеніи замѣчательно одно мѣсто въ 10 Сат. I-й кн., ст. 78 и слѣд.:

«Men'moveat cimex Pantilius? aut cruciet, quod
Vellicet absentem Demetrius? aut quod ineptus
Fannius Hermogenis lædat conviva Tigelli?»

[34]) Фоссъ, въ упомянутомъ изданіи, на стр. 145, утверждаетъ, впрочемъ, безъ достаточнаго основанія, что Виргилій отстаивалъ въ этомъ случаѣ не себя, а патрона своего, Азинія Полліона, также извѣстнаго писателя и приверженца Августа.

новой школы также старались не остаться въ долгу у ея противниковъ. Стараясь позорить ихъ всѣми способами, друзья Горація и Виргилія вдавались, какъ это и теперь нерѣдко водится въ литературной полемикѣ, въ оскорбительныя личности и не оставляли въ покоѣ даже домашней жизни писателей противнаго лагеря.

Интересна въ этомъ отношеніи слѣдующая эпиграмма на Бавія, написанная Домиціемъ Марзомъ [35]):

«Omnia cum Bavio communia frater habebat,
Unanimi fratres sicut habere solent:
Rura, domum, nummos atque omnia, denique, ut aiunt,
Corporibus geminis spiritus unus erat.
Sed postquam alterius mulier communis utrique
Nupsit, deposuit alter amicitiam.»

Эту эпиграмму можно передать на русскій языкъ такъ: «Братъ Бавія имѣлъ съ нимъ все общее, какъ это водится между согласными братьями: деревни, домъ, деньги — словомъ, все, и, какъ говорится, въ этихъ двухъ тѣлахъ была одна душа. Но послѣ того, какъ и любезная одного изъ нихъ сдѣлалась общею, то второй братъ отложилъ въ сторону свою дружбу» [36]).

Изъ этого пасквиля видно, между прочимъ, что Бавій имѣлъ брата, подъ которымъ, по мнѣнію Вейхерта, можно разумѣть Мевія (?). Изъ другихъ обстоятельствъ жизни Бавія мы знаемъ еще, что онъ служилъ въ одной изъ римскихъ провинцій [37]),—вѣроятно, въ Каппадокіи, гдѣ онъ и умеръ. Гіеронимъ счелъ нужнымъ отмѣтить въ хроникѣ Евсевія годъ смерти этого писаки и при Олимпіадѣ 186, 3, помѣстилъ слѣдующія слова: «M. Bavius poeta, quem

---

[35]) Эту эпиграмму приводитъ древній схоліастъ Виргилія, Филаргирій, въ замѣчаніяхъ своихъ къ выписанному стиху буколикъ. Глаголъ *nubere* очевидно употребленъ здѣсь въ смыслѣ *concubitus*, а слово *mulier* вмѣсто *concubina*. Домицій Марзъ, какъ уже выше замѣчено, принадлежалъ къ литературной свитѣ Мецената.

[36]) Филаргирій прибавляетъ, что эта эпиграмма находилась въ «*Cicuta*». Безъ сомнѣнія, подъ этимъ названіемъ (по русски: свирѣль, гудокъ) извѣстенъ былъ въ древности сборникъ мелкихъ стихотвореній Домиція Марза, подобно тому какъ сборникъ стихотвореній Папинія Стація назывался «Silvae». Точно также и Марціалъ назвалъ отдѣльные сборники своихъ эпиграммъ *Xenia* и *Apophoreta*.

[37]) Филаргирій l. c. говоритъ: «Ex quibus (это мѣстоимѣніе относится здѣсь къ Бавію и Мевію) Bavius curator fuit» и пр. Очень неопредѣленное слово *curator*, можетъ быть, значитъ здѣсь тоже, что *Procurator*. Такъ назывались въ періодъ имперіи начальники провинцій. Можетъ также быть, что Бавію была ввѣрена какая-нибудь часть управленія въ Каппадокіи.

Virgilius in Bucolicis notat, moritur in Cappadocia». Третій годъ 186 Олимп. соотвѣтствуетъ 720 году отъ основанія Рима. О жизни Мевія намъ ничего неизвѣстно. Ниже мы приведемъ образцы пародій, которыя онъ, вмѣстѣ съ Бавіемъ, писалъ на стихи Виргилія.

Ученое и добросовѣстное изслѣдованіе Вейхерта о всѣхъ названныхъ нами порицателяхъ Горація доказало только, что мы очень мало о нихъ знаемъ. Побѣда новой школы привела скоро въ забвеніе плоды ихъ ничтожной литературной дѣятельности, и тѣмъ самымъ исторія произнесла надъ ними свой справедливый судъ. Вмѣстѣ съ утратою произведеній представителей этой партіи, для насъ изчезъ, безъ сомнѣнія, значительный запасъ любопытныхъ подробностей о тѣхъ препятствіяхъ, съ которыми должна была бороться въ Римѣ новая школа поэтовъ; но и при тѣхъ ограниченныхъ средствахъ, которыми въ настоящее время располагаетъ наука, мы можемъ еще довольно вѣрно обозначить характеръ литературной борьбы, происходившей въ Римѣ въ вѣкъ Августа.

Эта борьба эстетическихъ началъ и воззрѣній на искусство, слѣды которой являются намъ уже въ раннихъ памятникахъ римской литературы, принимаетъ въ ней характеръ рѣзкій и страстный особенно со времени Цицерона.

На ряду съ толпою почитателей, Цицеронъ имѣлъ также множество не только политическихъ, но и литературныхъ враговъ [38]);— этихъ послѣднихъ у него было, конечно, не меньше, чѣмъ у Горація и Виргилія. Цицерона также провозгласили исказителемъ роднаго языка, называли Аллоброгомъ, т. е. варваромъ [39]), и упрекали въ надутости, излишествѣ и даже безсиліи его рѣчи [40]). Наконецъ, ему ставили въ вину и то, что онъ *parum antiquus*.

Во время Цицерона, новыя требованія коснулись только тѣхъ отраслей римской литературы, которыя имѣли связь съ самою политическою жизнію Рима. Въ вѣкъ Августа очередь дошла и до

---

[38]) Одинъ изъ нихъ, какой-то Ларгій Лициній, написалъ даже противъ Цицерона особую книгу, подъ заглавіемъ: *Ciceromastix.* См. Gell. Noct. Att. XVII, 1. Карвилій Пикторъ, при выборѣ заглавія для сочиненія своего противъ Виргилія (Aeneidomastix), безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду памфлетъ Ларгія Лицинія.

[39]) Ювен. VII, сат., ст. 214:

«Rufum, qui toties Ciceronem Allobroga dixit.»

[40]) Dialog. de oratorib. c. 18: «Satis constat ne Ciceroni quidem obtrectatores defuisse, quibus inflatus, tumens nec satis pressus, sed supra modum exsultans et superfluens et parum antiquus videretur». Впрочемъ, въ этомъ мѣстѣ многіе читаютъ: «parum atticus».

поэзіи. Горацій, повторимъ еще разъ, является намъ глашатаемъ новой школы поэтовъ, и произноситъ приговоръ прошедшему не отъ себя только, не отъ своего лица, но какъ представитель новаго направленія въ литературѣ своего народа. Вмѣстѣ съ движеніемъ образованія, въ Римѣ появились въ это время и новыя эстетическія требованія, которымъ не могли болѣе удовлетворять произведенія писателей, пользовавшихся дотолѣ безотчетнымъ авторитетомъ. Существовавшее, не удовлетворяя болѣе лучшихъ представителей новаго поколѣнія, возникшаго съ этими новыми требованіями отъ искусства, было отвергнуто имъ, какъ отжившее, между тѣмъ какъ масса народа, составлявшая большинство, осталась еще надолго вѣрною литературнымъ преданіямъ старины. И вотъ, въ Римѣ снова началась литературная борьба, участники которой дѣйствовали — не какъ отдѣльныя лица противъ отдѣльныхъ лицъ, а какъ поколѣніе противъ поколѣнія. Это была борьба новаго съ старымъ, гдѣ дѣло шло не о достоинствахъ или недостаткахъ того или другаго писателя, но о значеніи цѣлаго ряда писателей, проникнутыхъ одинаковымъ направленіемъ [41]). Строгіе и рѣзкіе приговоры представителей новой литературной эпохи, въ родѣ тѣхъ, какіе мы находимъ у Горація, проистекали не изъ личныхъ, эгоистическихъ побужденій, но изъ духа времени, изъ перемѣнившагося воззрѣнія на литературу [42]). Подъ первымъ, еще свѣжимъ впечатлѣніемъ новаго направленія въ искусствѣ, литературные приговоры обыкновенно бываютъ страстны, а потому не всегда справедливы. Писатели предшедшихъ эпохъ порицаются безусловно, и переходъ отъ безграничнаго удивленія имъ къ безотчетному ихъ порицанію совершается быстро и не рѣдко безъ всякой постепенности. И все это потому, что они не отвѣчаютъ новому направленію, возникающему въ литературѣ! Вообще, замѣчу здѣсь кстати, примѣненіе эстетической критики къ стариннымъ писателямъ какой бы то ни было литературы, не выдающимся изъ толпы своимъ геніемъ, несправедливо; произведенія ихъ должны быть разсматриваемы на основаніи только исторической критики, необходимость которой смутно понимали въ Римѣ, хотя мы и нападаемъ на слѣды ея у самого Горація [43]) и особенно въ нѣкоторыхъ отзывахъ Квинтиліана. [44]).

[41]) См. Manso: Vermischte Abhandl., и пр. стр. 94.

[42]) Такъ смотримъ мы наприм, па отзывы Горація о Плавтѣ, въ посланіи къ Пиз., ст. 270 и слѣд. Ср. I-е Посл. Гор. II-й кн., ст. 170 и слѣд.

[43]) Наприм. въ X-й Сат. I-й кн., въ отзывѣ его о Луциліи.

[44]) Особенно въ Institut. Orat. X, 27, гдѣ мы читаемъ справедливый

4.

Но возвратимся къ предмету нашего изслѣдованія. Мы уже видѣли, какое упорное противодѣйствіе, въ римскихъ литературныхъ кружкахъ и въ массѣ публики, встрѣтила себѣ новая школа поэтовъ, явившаяся въ Римѣ въ самомъ началѣ періода Имперіи. Дѣйствительно, между современниками Виргилія и Горація существовала сильная партія, которая, высоко ставя заслуги старинныхъ римскихъ писателей, не придавала никакого значенія литературной дѣятельности поэтовъ Августова вѣка. Эта партія, образовавшаяся въ Римѣ еще до времени единодержавія Августа, съ перемѣною образа правленія усилилась, безъ сомнѣнія, еще болѣе, потому что къ литературнымъ увлеченіямъ легко могли присоединиться въ эту пору также политическія, которыя многихъ заставляли въ преувеличенномъ видѣ смотрѣть на все, чѣмъ ознаменовалъ себя періодъ римской свободы. Разумѣется, при такомъ направленіи умовъ, число почитателей Эннія, Пакувія, въ особенности Луцилія, и другихъ старинныхъ поэтовъ римскихъ, должно было значительно увеличиться. Эти литературные старовѣры извѣстны были въ Римѣ, какъ говоритъ Светоній (Octavian. 86 гл.), подъ именемъ *antiquarii*. Августъ, по свидѣтельству того же писателя, такъ же мало уважалъ приверженцевъ этого направленія въ литературѣ, какъ и тѣхъ, которые впадали въ противоположную крайность, и не знали мѣры и границъ своимъ иногда уже слишкомъ смѣлымъ нововведеніямъ въ языкѣ и вообще въ литературномъ изложеніи. Эти отважные нововводители также имѣли въ Римѣ свое прозвище: они назывались тамъ *Cacozeli*[45]). (Sueton. ibid.).

Знаменитое посланіе Горація къ Августу представляетъ намъ очень живую и острую характеристику этихъ любителей римской литературной старины[46]). Къ числу ихъ принадлежали, какъ извѣстно, также грамматики и риторы, т. е. римскіе педагоги, въ ко-

---

приговоръ Аттію и Пакувію, касающійся вообще всѣхъ старинныхъ римскихъ поэтовъ.

[45]) Словомъ κακοζηλία обозначалось незнаніе мѣры не только въ литературѣ, но и въ искусствѣ вообще. Такъ Лукіанъ, въ діалогѣ своемъ περί ὀρχ. § 82, разумѣетъ подъ этимъ словомъ недостатокъ въ игрѣ тѣхъ римскихъ пантомимовъ, которые, отъ излишняго стремленія къ эффекту, иногда переходили границы истиннаго и естественнаго. См. Пропилеи, кн. IV, стр. 572, въ статьѣ «Римскія пантомимы».

[46]) I-е Посл. II-й кн., начиная съ 18 ст. Множество мнѣній, высказанныхъ объ этомъ посланіи, собрано Дюнцеромъ, въ его «Kritik u. Erklärung der Episteln des Horaz. Braunschweig, 1844. T. II, стр. 183 и слѣд.

торыхъ затворническая ихъ жизнь, — эта *rhetorica umbra*, по выраженію Ювенала [47]), не рѣдко притупляла чувство изящнаго. Темная и ветхая грамматическая форма въ какомъ нибудь гимнѣ Саліевъ, или въ другомъ древнемъ памятникѣ первобытнаго латинскаго языка, приковывала вниманіе ихъ къ себѣ болѣе, чѣмъ изящная и гармоническая рѣчь Виргилія и Горація. Вотъ почему эти грамматики постоянно объясняли своимъ ученикамъ произведенія старинныхъ римскихъ поэтовъ, и не удостоивали такой чести новыхъ писателей, предпочитая художественнымъ ихъ созданіямъ даже латинскую Одиссею Ливія Андроника [48]), не смотря на то, что она, по своему неизяществу и древности, какъ остроумно замѣтилъ Цицеронъ (Brut. гл. 18), занимала въ ряду памятниковъ римской литературы такое же мѣсто, какое въ греческомъ искусствѣ принадлежало произведеніямъ школы Дедала. Светоній, въ сочиненіи своемъ *de illustribus grammaticis* (гл. XVI), говоритъ какъ о большой новости о томъ, что Квинтъ Цецилій ввелъ въ число учебныхъ книгъ въ своей школѣ произведенія Виргилія и другихъ новыхъ поэтовъ [49]).

Естественно, что, при такомъ руководствѣ и направленіи въ римскихъ школахъ, молодое поколѣніе, современное Горацію, не могло оцѣнить надлежащимъ образомъ новыхъ произведеній своей отечественной литературы, рѣзко отличавшихся отъ тѣхъ, на которыя оно, въ слѣдствіе своего воспитанія, привыкло смотрѣть съ отроческихъ лѣтъ съ какимъ то безотчетнымъ благоговѣніемъ. При отсутствіи литературныхъ журналовъ въ Римѣ, при тѣхъ пре-

---

[47]) Ювен. Сат. VII, 171 ст.

[48]) Такъ Орбилій (plagosus Orbilius), учитель Горація, занималъ своихъ учениковъ въ школѣ чтеніемъ произведеній Ливія Андроника. Объ этомъ говоритъ Горацій ibid. ст. 69:

Non equidem insector, delendave carmina Livi
Esse reor, memini quæ plagosum mihi parvo
Orbilium dictare.......

Бентли безъ всякаго основанія замѣнилъ, въ своемъ изданіи Горація, слово *Livî* чтеніемъ *Lævi*. См. Вейхерта Reliquiæ etc..., въ статьѣ «de Lævio poeta», стр. 27. Ср. Wieland: Horazens Briefe и пр. Leipzig, 1790. II Th., стр. 98.

Нелюбовь Горація къ грамматикамъ очень часто высказывается въ его твореніяхъ.

[49]) «Primus dicitur (Qu. Cæcilius) latine ex tempore disputasse, primusque Virgilium et alios poetas novos prælegere cœpisse».

пятствіяхъ, которыя встрѣчало въ древнемъ мірѣ распространеніе произведеній ума, новые взгляды на искусство не такъ быстро принимались въ обществѣ, какъ въ наше время. Не удивительно потому, что это литературное староверство продолжалось въ Римѣ очень долго. Противъ него вооружается насмѣшкою и Персій, въ первой своей Сатирѣ. «Найдутся», говоритъ онъ [50]), «и теперь такіе, которыхъ привлекаютъ къ себѣ и Бризеида, надутое произведеніе Аттія, и Пакувій, и *бородавчатая* Антіопа, *слезнымъ сердцемъ своимъ опирающаяся на горести*».

Послѣ этого мы смѣло можемъ повѣрить Геллію, который утверждаетъ [51]), что въ его время особенные чтецы, или актеры, называвшіеся Энніастами, декламировали, къ большому удовольствію публики, на сценѣ стихи Эннія [52]). — Ясно, что старинные поэты имѣли въ Римѣ жаркихъ приверженцевъ, и пользовались у многихъ почетомъ даже и въ то время, когда произведенія Горація, Виргилія, Варія Руфа, Овидія и другихъ лучшихъ представителей римской литературы Августова вѣка давно уже не были новостью, и долгимъ рядомъ лѣтъ считали свое существованіе.

Выше мы указали на измѣненіе вкуса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, эстетическихъ требованій отъ литературы, послѣдовавшее въ Римѣ въ вѣкъ Августа. Мы видѣли, что въ римской поэзіи, какъ необходимое слѣдствіе этого явленія, образовались двѣ школы, или партіи, несогласныя между собою во взглядѣ на искусство. Теперь намъ остается еще пояснить — что̀ такое раздѣляло въ означенное время и писателей, и публику на два враждебные лагеря, или, другими

---

[50]) Сат. I, ст. 76:

Est nunc, Briseis, quem venosus liber Atti,
Sunt, quos Pacuviusque, et verrucosa moretur
Antiopa, *ærumnis cor luctificabile fulta*.

Въ первомъ стихѣ мы удерживаемъ чтеніе Briseis, вмѣсто Brisæi, хотя оно принято многими издателями Персія. Послѣднія слова 3-го стиха очевидно взяты Персіемъ изъ старинная поэта, надъ которымъ онъ здѣсь смѣется. Бородавчатою называетъ Персій Антіопу въ смыслѣ — шероховатая, неизящная, относя къ ней недостатки того литературнаго произведенія, которое носило ея имя. Dialog. de oratorib., который долженъ быть отнесенъ къ вѣку Веспасіана, представляетъ намъ также много свидѣтельствъ приверженности Римлянъ къ литературной старинѣ.

[51]) Gell. Noct. Att. XVIII, гл. 5.

[52]) Такой же чести, впрочемъ, удостоились и буколики Виргилія, по словамъ Доната.

словами, — въ чемъ состояло это различіе между старою и новою школою римскихъ поэтовъ. Ближайшее разсмотрѣніе этого вопроса необходимо тѣмъ болѣе, что обѣ упомянутыя школы находились подъ сильнымъ вліяніемъ одной и той же греческой литературы.

Корифеи римской поэзіи Августова вѣка, дѣйствительно, слѣдовали тѣмъ же самымъ образцамъ, какъ и ихъ предшественники, но придали ей особенное значеніе тѣмъ, что въ литературѣ своего народа, которая еще за долго до нихъ проникнулась соединеніемъ двухъ началъ, національнаго и пришлаго, они дали просторъ и предоставили первое мѣсто въ своихъ произведеніяхъ изящной греческой формѣ. Гармоническимъ соединеніемъ внутренняго содержанія съ наружнымъ его выраженіемъ, они возвысили ихъ на степень художественныхъ созданій. Въ произведеніяхъ поэтовъ римскихъ періода республики, техническая сторона литературы постоянно оставалась болѣе или менѣе въ пренебреженіи, и не подчинилась еще строгимъ правиламъ школы.

Въ римской поэзіи этого времени господствовалъ большой произволъ, и писатели обращали еще мало вниманія на выборъ словъ и полное соотвѣтствіе ихъ выражаемой мысли. Тонъ и колоритъ рѣчи были дѣломъ случайнымъ, и зависѣли отъ настроенія, въ которомъ въ извѣстную минуту находилась душа поэта. Потому эпосъ и трагедія этого времени представляли самыя рѣзкія неровности, и возвышенныя или высокопарныя выраженія стояли въ нихъ рядомъ съ выраженіями обыкновенной, ежедневной жизни. Главный характеръ произведеній старинныхъ римскихъ поэтовъ составляли *архаизмы*, т. е. остатки древнелатинской рѣчи, несмягченные еще изяществомъ греческой формы, и нелитературный отстой простонароднаго языка, — эти, по выраженію Горація, *слѣды деревни*, *vestigia ruris*, которые, какъ говоритъ онъ, не совсѣмъ изчезли еще изъ римской поэзіи даже и въ его время [53]).

5.

Впрочемъ, и въ періодъ республики римская стихотворная рѣчь не оставалась постоянно въ одномъ и томъ же видѣ. Благодаря усиліямъ многихъ писателей, архаизмы мало по малу изчезали изъ

[53]) Horat. Epist. II, I, ст. 157:
........«Sic horridus ille
Defluxit numerus Saturnius, et grave virus
Munditiæ pepulere; sed in longum tamen ævum
Manserunt hodieque manent vestigia ruris....»

языка римской поэзіи: онъ постоянно совершенствовался и, пріобрѣтая гибкость и грамматическую правильность, въ то же время принималъ въ себя новые слова и обороты. Горацій отдавалъ въ этомъ полную справедливость стариннымъ римскимъ писателямъ.

«Энній съ Катономъ новыхъ вещей именами богато
Предковъ языкъ надѣлили»....,

говоритъ онъ въ посланіи своемъ къ Пизонамъ [54]).

Не останавливаясь на заслугахъ отдѣльныхъ римскихъ поэтовъ періода республики, касательно обогащенія и усовершенствованія латинскаго стихотворнаго языка, мы укажемъ здѣсь только на нѣсколько фактовъ, замѣчательныхъ въ этомъ отношеніи. На усовершенствованіе римской стихотворной рѣчи имѣлъ въ разсматриваемое время большое вліяніе языкъ римскихъ патриціевъ, успѣвшихъ усвоить себѣ греческое образованіе. Это вліяніе проникло изъ жизни въ литературу Римлянъ въ началѣ VII вѣка отъ основанія города. Римскіе поэты, не рѣдко отпущенники и греческіе рабы, не имѣвшіе, за исключеніемъ развѣ только одного Эннія, никакой связи съ тѣснымъ еще кружкомъ образованныхъ патриціевъ, были наконецъ допущены въ ихъ общество, во главѣ котораго является намъ въ это время Сципіонъ Африканскій, Меценатъ своего вѣка, вмѣстѣ съ Леліемъ, Эліемъ Тубероном и другими просвѣщенными своими друзьями. Вліяніе этого общества, какъ мы уже замѣтили выше, особенно отразилось на комедіяхъ Теренція. Главный характеръ ихъ составляетъ то, что въ Римѣ называли *urbanitas*, или *sermo urbanus*, т. е. свѣтская рѣчь, возникшая въ противоположность рѣчи простонародной (sermo plebejus), которою отличались произведенія Плавта [55]). Этотъ выработанный обществомъ слогъ, сдѣлавшійся языкомъ литературнымъ, внесъ въ стихотворную латинскую рѣчь грамматическую правильность, опредѣленность и точность выраженій, но всего этого было еще недостаточно для окончательнаго ея совершенства. Во всякомъ случаѣ, отъ *urbanitas*, этого отголоска салонной рѣчи римскихъ аристократовъ, было еще далеко до изящества того языка, который мы находимъ въ произ-

[54]) Ст. 56, въ переводѣ М. Дмитріева. См. Наука поэзіи или посланіе къ Пизонамъ Кв. Горація Флакка. Москва, 1853.

[55]) Вотъ опредѣленіе, которое даетъ Квинтиліанъ (I. O. VI, 3, 17) слову urbanitas: «Nam et urbanitas dicitur: qua quidem significari video sermonem præferentem in verbis et sono proprium quendam gustum Urbis et sumptam ex conversatione doctorum tacitam eruditionem; denique cui contraria sit rusticitas».

веденіяхъ лучшихъ поэтовъ времени Августа. Къ тому же, urbanitas отразилась не на всѣхъ поэтахъ римскихъ, и даже тѣ изъ нихъ, которые жили послѣ Теренція, не рѣдко уступали ему въ литературномъ тактѣ, во вкусѣ и, наконецъ, въ удачномъ выборѣ словъ и выраженій (delectus verborum) [56]). Съ другой стороны, масса публики также далеко не сочувствовала этому изяществу какъ комедіи, такъ и другихъ видовъ римской литературы, и предпочитала ему языкъ народный — со всѣми его идіотизмами и неправильностями. Для удовлетворенія этой потребности большинства римской публики, многіе изъ преемниковъ Теренція, и во главѣ ихъ Афраній, начали брать содержаніе для своихъ произведеній уже не изъ греческаго быта, а изъ римскаго, и старались создать національную комедію (comoedia, или fabula togata). Въ то же время и Ателланы, старинные сценическіе фарсы, благодаря таланту Помпонія Болонскаго и Новія, получили литературный характеръ. Но усилія всѣхъ этихъ комиковъ, равно какъ въ послѣдствіи мимографовъ, въ особенности Децима Лаберія, не смотря на ихъ талантъ, остроту и творчество (этими качествами они, конечно, превосходили Теренція), мало содѣйствовали развитію вкуса въ обществѣ и той внѣшней художественности, которой требуетъ Горацій отъ всякаго литературнаго произведенія. Изображая бытъ низшихъ слоевъ римскаго общества, эти комики съ намѣреніемъ придерживались въ своихъ произведеніяхъ народнаго говора, и потому мало способствовали развитію языка поэтическаго, который, по убѣжденію Горація, не долженъ имѣть ничего общаго съ языкомъ обыкновенной жизни [57]). Элемента же народности, которую, можетъ быть, сами не сознавая того, развивали эти писатели въ своихъ произведеніяхъ, не умѣли цѣнить ни Горацій, ни кто другой въ Римѣ.

Подъ самый конецъ періода республики, языкъ римской поэзіи сдѣлалъ новый, замѣтный успѣхъ въ произведеніяхъ тѣхъ поэтовъ, которые старались пересадить на римскую почву ученый стихотворный отдѣлъ своеобразной литературы, возникшей въ Александріи.

---

[56]) На Луциліи, наприм., который также принадлежалъ къ друзьямъ Сципіона, вліяніе этого общества отразилось гораздо меньше, чѣмъ на Теренціи. Луцилій былъ *durus componere versus* (Horat. Sat. 1, 4, 8 ст.) и, вѣроятно, отъ своихъ друзей заимствовалъ привычку примѣшивать къ своей латинской рѣчи множество греческихъ словъ, за что смѣется надъ нимъ Горацій въ X-й Сат. I-й кн., ст. 20.

[57]) Horat. Sat. I, 4, 45 ст. и слѣд.

*

Эти поэты, такъ дорожившіе названіемъ *doctus*, основанномъ въ то время преимущественно на подробномъ знаніи греческой миѳологіи, составили особую партію, приверженцы которой также взаимно прославляли другъ друга въ своихъ произведеніяхъ, хотя и не слѣдовали такъ строго какимъ нибудь опредѣленнымъ началамъ, какъ поэты Августова вѣка, образовавшіе собою тѣсный, дружественный кружокъ, готовый на бой съ своими противниками. Это новое направленіе въ поэзіи, съ своими особыми пріемами и формами, между прочимъ, въ первый разъ еще сблизило римскаго читателя съ страданіями и радостями не героевъ, а простаго смертнаго; но оно не отличалось ни національнымъ, ни политическимъ характеромъ, и было скорѣе модою, чѣмъ потребностію, вызванною временемъ. Впрочемъ, эти подражатели Александрійцевъ, не смотря на ложное направленіе, которому они слѣдовали, также принесли свою пользу. Они обогатили римскую стихотворную рѣчь разнообразнѣйшими метрами и, придавъ въ своихъ произведеніяхъ латинскому языку особенную легкость и гибкость, много содѣйствовали тому совершенству технической стороны римской поэзіи, котораго она достигла при Августѣ [58]).

Не смотря на то, даже и въ этихъ позднихъ произведеніяхъ римской поэзіи содержаніе постоянно брало перевѣсъ надъ формою; языкъ ихъ все еще, хотя и не въ такой мѣрѣ какъ прежде, былъ наполненъ архаизмами, отличался отсутствіемъ изящества и не рѣдко даже правильности. Эти недостатки составляли, между прочимъ, также характеръ стихотвореній Цицерона, сколько можно судить по уцѣлѣвшимъ изъ нихъ отрывкамъ. Разсматривая ихъ, едва вѣришь, что они принадлежали произведеніямъ того самаго писателя, который возвелъ языкъ римской прозы на такую высокую степень совершенства.

Потому новое, эстетическое воззрѣніе на искусство, образовавшееся въ вѣкъ Августа, должно было прежде всего повести за собою коренную реформу въ языкѣ римской поэзіи. Устарѣлые обороты и самый строй рѣчи, архаическія выраженія, которыя такъ любили прежніе поэты, и при томъ не только Лукрецій, но даже и Катуллъ, — все это должно было замѣниться новыми, живыми и изящными формами.

---

[58]) Bernhardy: Grundriss der röm. Litterat. Halle, 1850, стр. 211 и примѣч. 167.

6.

Эти нововведенія въ языкѣ Горація и его сторонниковъ возбудили сильный вопль противной партіи, и ея приверженцы, слѣдя съ грамматическою указкою въ рукѣ за новымъ движеніемъ въ литературѣ, которому римская поэзія обязана была лучшими своими созданіями, объявили его посягательствомъ на отечественное слово, а себя — защитниками этого слова. Уже выше замѣчено, что намъ очень мало извѣстны подробности этой литературной борьбы, но и теперь еще мы имѣемъ любопытные образчики выходокъ старинной партіи противъ новой школы поэтовъ. Такъ Донатъ разсказываетъ (§ 61), что враги Виргилія, привязываясь къ отдѣльнымъ словамъ, порицали, между прочимъ, выраженіе его *cuium pecus* (вмѣсто *cuius pecus*, въ самомъ началѣ III-й эклоги) [59]). Неизвѣстный авторъ «Antibucolica» написалъ по поводу этого выраженія слѣдующую пародію:

«Dic mihi, Damœta, cuium pecus, anne latinum?
Non, verum Aegonis nostri sic rure loquuntur»,

т. е., «скажи мнѣ, Дамотъ, — cuium pecus — развѣ это по-латыни? Нѣтъ, но такъ говорятъ въ деревнѣ нашего Эгона.»

Итакъ, выраженіе «*cujum pecus*» было объявлено простонароднымъ, деревенскимъ, мужицкимъ выраженіемъ, и — совершенно несправедливо, ибо слово *cuius*, хотя и устарѣлое, можетъ быть, въ вѣкъ Августа, употреблялось однако, вмѣсто родительнаго падежа относительнаго мѣстоименія qui, лучшими писателями Рима [60]). Это выраженіе, вѣроятно, съ намѣреніемъ употребилъ Виргилій, желая подражать простой рѣчи пастуховъ [61]).

Точно также подверглось критикѣ и слово *hordea*, употреблен-

---

[59]) Вотъ это начало:

Menalc. Dic mihi, Damœta, cuium pecus? an Melibœi?
Dam. Non; verum Aegonis: nuper mihi tradidit Aegon.

[60]) Наприм., Цицер. Verr. II, 1, 54: «ut optima conditione sit is, cuia res sit, cuium periculum». У Теренція подобныя выраженія встрѣчаются очень часто, не говоря уже о Плавтѣ и Луциліи. Примѣры у Форчеллини: Tot. latinit. lexic. Schneebergæ, 1833. T. I., p. 632.

[61]) Приведемъ еще пародію на I-й ст. 1-й эклоги, которою начинались Antibucolica (Donat. XVI, § 61):

«Tityre, si toga calda tibi est, quo tegmine fagi?»

Вмѣсто *tegmine* Гейне читаетъ въ этомъ стихѣ *tegmina*. Вѣроятно, пародисту показалось страннымъ слово *tegmen*, употребленное Виргиліемъ вмѣсто *umbra*.

ное Виргиліемъ въ I-й кн. Георгикъ, въ 210 ст. Сервій, въ замѣчаніяхъ своихъ къ словамъ означеннаго стиха «*serite hordea campis*» говоритъ слѣдующее: «Sane reprehensus Virgilius dicitur a Bavio et Maevio hoc versu:

«Hordea qui dixit, superest ut tritica dicat».

Изъ словъ Сервія можно заключить, что Бавій и Мевій общими силами написали сочиненіе противъ Виргилія, изъ котораго заимствованъ приведенный выше стихъ [62]).

Касательно значенія этой пародіи, мнѣнія критиковъ неодинаковы. Фоссъ, въ замѣчаніяхъ своихъ къ буколикамъ (Экл.V, ст. 34, въ I-мъ т., стр. 250), утверждаетъ, что Мевій и Бавій порицаютъ въ этомъ мѣстѣ Виргилія за неправильное употребленіе слова *hordeum* во множественномъ числѣ. Потому Фоссъ и переводитъ этотъ стихъ слѣдующимъ образомъ:

«Ihm, der hordea sagt, ist tritica übrig zu sagen.»

Но Гейне, въ примѣчаніяхъ своихъ къ біографіи Виргилія, написанной Донатомъ (къ XVI гл. § 61), полагаетъ, что иронія разбираемой нами пародіи направлена здѣсь не противъ грамматической неточности употребленія слова hordeum, а скорѣе противъ самаго содержанія Георгикъ. Такимъ образомъ, смыслъ ея, по мнѣнію Гейне, слѣдующій: кто воспѣлъ ячмень, тому остается только воспѣвать пшеницу [63]).

Въ примѣръ остротъ, къ которымъ прибѣгали литературные противники Виргилія, можно привести также пародію на 299 ст. I-й книги Георгикъ. Донатъ (ibid.) разсказываетъ, что къ начальнымъ словамъ этого стиха:

«Nudus ara, sere nudus» — кто-то прибавилъ: «habebis frigora, febrem..»

Древность не сохранила намъ подобныхъ выходокъ противъ Горація, но объясненія его на счетъ разумности нововведеній въ

---

[62]) Кажется, впрочемъ, что гораздо правильнѣе въ приведенныхъ словахъ Сервія читать, вслѣдъ за Вейхертомъ (Reliqu. etc. стр. 312): «a Bavio *aut* Mævio». Въ такомъ случаѣ нужно будетъ принять, что Сервій самъ не зналъ опредѣлительно, которому изъ этихъ порицателей Виргилія принадлежала пародія означеннаго стиха.

[63]) Глаголъ *dicere* въ смыслѣ *canere* употребляется римскими поэтами безпрестанно. Наприм., Гор. въ Од. I, XXI, 1:

Dianam teneræ dicite virgines,
Intonsum, pueri, dicite Cynthium и пр.

языкѣ также, безъ сомнѣнія, были вызваны не-даромъ и служили отвѣтомъ врагамъ, обвинявшимъ его въ искаженіи роднаго слова. Такое объясненіе мы находимъ, наприм., въ посланіи къ Пизонамъ [64]):

«Въ выборѣ словъ осторожный и тонкій, ты скажешь прекрасно,
Если извѣстное слово, искуснымъ съ другимъ сочетаньемъ,
Сдѣлаешь новымъ. Но если и новымъ, случится, реченьемъ
Нужно дотоль неизвѣстное нѣчто назвать: ты старайся
Слово такое найти, чтобъ не слыхано было Цетегамъ.»

И далѣе (стр. 53):

.....«Что Римлянинъ Плавту дозволилъ
Или Цецилію—какъ запретитъ вамъ, Виргилій и Варій?
Что жь упрекаютъ мнѣ, если я вповь нахожу выраженья?»

Но для Горація и его сторонниковъ поступательное движеніе въ отечественномъ словѣ тѣсно и неразрывно было связано съ сближеніемъ латинскаго языка и римской литературы съ греческими формами, съ греческою мыслію. Потому рѣшительное преобладаніе ихъ въ римской литературѣ, съ начала VI-го вѣка отъ основанія гор., еще болѣе увеличилось въ разсматриваемую нами эпоху, и никто не хотѣлъ понять въ Римѣ, что, независимо отъ посторонняго вліянія, литература и языкъ могутъ и должны въ тоже время развиваться изъ собственныхъ своихъ началъ. Потому Горацій продолжаетъ такъ (ст. 52):

.....«Выраженіе новое вѣрно
Принято будетъ, если источникъ его благозвучный
Грековъ прекрасный языкъ.»

---

[64]) Ст. 46. Мы привели это мѣсто, равно какъ и слѣдующія, въ переводѣ г. Дмитріева. Только въ началѣ его мы позволили себѣ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія для того, чтобы оно было ближе къ подлиннику. Не можемъ но привести еще слѣдующихъ словъ Горація (ibid.):

.....«Всегда дозволялось, и нынѣ
Тоже дозволено намъ, и всегда дозволяемо будетъ
Новое слово ввести, современнымъ клеймомъ обозначивъ.

Замѣчательно также въ этомъ отношеніи мѣсто въ посланіи Горація къ Юлію Флору, ст. 115.

Обращаясь къ Пизонамъ, и въ лицѣ ихъ ко всѣмъ своимъ соотечественникамъ, Горацій искренно и отъ души говорилъ (ст. 269):

«О день и ночь, вы, Пизоны! читайте творенія Грековъ:
Вотъ образцы!»

Проникнутые изяществомъ этихъ греческихъ образцовъ, представители новой школы поэтовъ не могли равнодушно выносить отсутствія внѣшней отдѣлки (limae cura) въ произведеніяхъ старинныхъ римскихъ писателей и, въ тоже время, холодности большинства читателей къ собственнымъ своимъ созданіямъ. «Мнѣ досадно», говоритъ Горацій (Посл. II, I, ст. 76), «если какое-нибудь произведеніе порицается не за то, что оно написано грубо и неизящно, а за то, что-недавно; досадно мнѣ, что для старинныхъ поэтовъ нашихъ требуютъ не снисхожденія, а безусловнаго почета и первенства».

Отдѣльные удачные стихи въ этихъ произведеніяхъ не выкупали въ глазахъ Горація посредственности ихъ въ цѣломъ [65]), и лучшіе писатели Августова вѣка, не имѣя ни желанія, ни возможности удивляться, подобно многимъ изъ своихъ современниковъ, стариннымъ римскимъ поэтамъ, готовы были только снисходительно смотрѣть на ихъ посильные труды, и недостатки ихъ относить не столько къ личности своихъ предшественниковъ, сколько ко времени, въ которое имъ суждено было жить и писать.

Итакъ, обѣ партіи, о которыхъ идетъ рѣчь, раздѣлялъ въ особенности взглядъ на самый языкъ и вообще на внѣшнюю сторону произведеній римской литературы. Старая партія твердила, что пора заимствованій уже миновала, и что всѣ нововведенія въ языкѣ клонятся только къ его порчѣ, а новая — настаивала на томъ, что развитіе языка далеко еще не кончилось, и что онъ можетъ итти впередъ, пользуясь богатыми формами языка греческаго, который и прежде уже оказалъ ему такую услугу. Одни выставляли на видъ излишнюю смѣлость нововведеній въ языкѣ и нарушеніе давно установившихся законовъ латинской рѣчи, а другіе ратовали противъ застоя въ языкѣ и мысли, негодовали на ограниченіе правъ языка и на сомнѣніе въ способности его къ дальнѣйшему развитію.

---

[65]) Horat. Epist. II, 1, v. 73:
«Inter quæ verbum emicuit si forte decorum,
Si versus paulo concinnior unus et alter,
Iniuste totum ducit venditque poema».

Въ то же время обѣ школы расходились между собою во взглядахъ и на то, что обыкновенно называютъ литературнымъ изложеніемъ. Писатели прежней эпохи ближе, чѣмъ поэты начальнаго періода имперіи, держались своихъ образцовъ, а потому и на произведеніяхъ ихъ ярче отразилась, по видимому, характеристическая особенность греческой поэзіи, т. е., ея простота и безъискусственность. Но эта видимая безъискусственность старинныхъ римскихъ поэтовъ была только слѣдствіемъ отсутствія техническаго совершенства въ ихъ произведеніяхъ и нисколько не напоминала собою изящной простоты греческихъ поэтовъ. Стремленіе къ эффекту и искусственность изложенія, достигшія въ послѣдствіи, наприм. въ трагедіяхъ Сенеки, такихъ нелѣпыхъ размѣровъ, болѣе или менѣе замѣтны уже въ произведеніяхъ римской литературы Августова вѣка, и наложили на нихъ особенный характеръ, многимъ не нравившійся въ Римѣ, преимущественно же приверженцамъ литературныхъ преданій старины. Эти противники новаго направленія въ литературѣ восхищались въ старинныхъ своихъ поэтахъ ихъ простотою, наивностію, естественностію въ выраженіяхъ, и вообще тою литературною ржавчиною, которая напоминала имъ прошлое; а новая школа поэтовъ, и во главѣ ея Горацій, въ этой простотѣ видѣла отсутствіе изящества, въ этой наивности — грубость и пошлость, въ этой естественности — небрежность и, наконецъ, въ архаизмахъ, которые такъ многимъ нравились, устарѣлость и отсталость [66]).

7.

Вопросъ, на чьей сторонѣ была правда, — давно уже совершенно лишній. Мы знаемъ, что усилія новой партіи были напрасны, и что языкъ римской поэзіи, въ твореніяхъ Виргилія и Горація, достигъ высшаго своего развитія и той точки, за которую онъ никогда не переступалъ ни прежде, ни послѣ. Для того, чтобы убѣдиться въ томъ, на сколько латинскій языкъ шагнулъ впередъ, благодаря усиліямъ и талантамъ поэтовъ Августова вѣка, сколько онъ пріобрѣлъ въ это время изящества и гибкости, стоитъ только сравнить, напр., дидактическое произведеніе Лукреція «о природѣ вещей» съ Георгиками Виргилія.

Прибавимъ еще, что противники новой школы не обозначили своей дѣятельности ни однимъ замѣчательнымъ произведеніемъ,

[66]) См. Manso: Vermischte Abhandl., стр. 98.

между тѣмъ какъ представители этой партіи выступили съ цѣлымъ рядомъ созданій, признанныхъ, по справедливости, классическими, въ художественномъ отношеніи. Во всѣхъ почти отрасляхъ поэзіи: въ эпосѣ, въ лирикѣ, въ сатирѣ, которая отъ простой и не рѣдко грубой брани возвысилась въ эту пору до философскаго воззрѣнія на жизнь, оставили они образцовыя творенія. Въ это же время являются въ римской литературѣ и дидактическія произведенія — лучшія въ древности. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ безукоризненно правильное, изящное и цвѣтистое изложеніе, дотолѣ невиданное въ римской литературѣ, является намъ въ полной гармоніи съ высокимъ совершенствомъ версификаціи. Врожденное латинскому языку величіе и его мужественное достоинство соединены въ этихъ произведеніяхъ съ неподражаемою граціею и съ художественною легкостію.

Не смотря, однако, на этотъ справедливый тріумфъ новой школы поэтовъ, не будемъ безусловно обвинять ея противниковъ. Изученіе классической древности и вообще отдаленныхъ эпохъ представляетъ еще тотъ интересъ и то удобство, что ставитъ насъ на такое разстояніе отъ разсматриваемыхъ нами событій и явленій, при которомъ мы имѣемъ полную возможность оставаться холодными, и потому безпристрастными, ихъ цѣнителями и судьями. Выше мы обратили вниманіе нашихъ читателей только на одинъ разрядъ противниковъ Виргилія и Горація. Между ними не все были, однако, мелкіе завистники и люди отсталые, какіе являются вездѣ и всегда, лишь только великій писатель выступаетъ изъ толпы и начинаетъ прокладывать новую дорогу въ искусствѣ, ибо такой писатель, по прекрасному выраженію Горація [67]), «жжетъ своимъ блескомъ и давитъ громадностію своего таланта тѣхъ, кто поставленъ ниже его». Кромѣ мелкой зависти и отсталости, въ Римѣ не было недостатка и въ другихъ, болѣе благородныхъ поводахъ не сочувствовать тому кружку поэтовъ, который образовался около Мецената и Августа.

Начнемъ съ того, что искаженіе, общая доля всего человѣческаго, проникло въ новое направленіе римской поэзіи одновременно съ его появленіемъ. Никогда еще страсть къ стихотворству не овладѣвала такъ сильно римскимъ обществомъ, какъ въ это время. Вслѣдъ за великими поэтами, какъ это обыкновенно бываетъ, явилась цѣлая толпа бездарныхъ тружениковъ. За литературное дѣло

---

[67]) Epist. II, I, ст. 13.

взялись люди, нисколько къ тому неприготовленные, и потому смѣлость нововведеній въ языкѣ, отличавшая произведенія Горація и его друзей, вскорѣ была доведена этими непризванными поэтами до размѣровъ нелѣпыхъ и каррикатурныхъ [68]). Уже Горацій писалъ [69]):

«Scribimus indocti doctique poemata passim»

и преслѣдовалъ насмѣшкою это «рабское стадо подражателей» не меньше, чѣмъ своихъ литературныхъ противниковъ [70]). Эта стихотворная эпидемія продолжалась въ Римѣ еще долго и послѣ Августа. Персій, въ первой своей сатирѣ, замѣчательной вообще очень многими любопытными и важными указаніями на литературныя явленія начальнаго періода кесарей, равно порицаетъ какъ приверженцевъ старинныхъ римскихъ поэтовъ, такъ и тѣхъ, которые пускались въ героическія поэмы, наполненныя пышными, вычурными до безсмыслицы фразами, едва умѣя описать самые обыкновенные предметы [71]). Также и Ювеналъ, которому такъ часто досаждали «хриплые Кодры съ своими безконечными Өезеидами» [72]), юмористически объясняя причину своего авторства, говоритъ, что «глу-

---

[68]) Впрочемъ, свѣдѣнія наши объ этихъ поэтахъ, къ числу которыхъ должно отнести, между прочимъ, Фурія Бибакула, Рабирія, Корнелія Севера, Домиція Марза, очень незначительны. Къ этому же разряду римскихъ писателей, какъ мы видѣли, принадлежалъ и самъ Меценатъ. Отрывки изъ его стихотвореній, тщательно собранные и разсмотрѣнные въ недавнее время Ліономъ (Mæcenatiana etc.... Gotting. 1824. См. гл. IV, стр. 25—49) и Франдзеномъ (C. Cilnius Mæcenas. Eine hist. Untersuchung etc. Altona, 1843, стр. 156—172), достаточно убѣждаютъ насъ въ этомъ. Судя по этимъ отрывкамъ, трудно встрѣтить писателя, который бы болѣе Мецената пренебрегъ всѣми правилами языка и вкуса. Нѣкоторыя уцѣлѣвшія мѣста изъ его стихотвореній отличаются такою вычурностію и искаженностію языка, что мы нисколько не находимъ страннымъ откровеннаго признанія Франдзена въ томъ, что, не смотря на всѣ свои усилія, онъ не могъ добиться въ нихъ никакого смысла.

[69]) Epist. II, 1, ст. 117.

[70]) Epist. I, 19, ст. 19:

«O imitatores, servum pecus, ut mihi sæpe
Bilem, sæpe jocum vestri movere tumultus!»

[71]) Pers. Sat. I, ст. 69:

«Ecce modo heroas sensus afferre videmus
Nugari solitos græce, nec ponere lucum
Artifices, nec rus saturum laudare, ubi corbes,
Et focus, et porci, et fumosa Palilia fœno....»

[72]) Ювен. въ самомъ началѣ I-й Сат.

но изъ скромности щадить бумагу, обреченную и безъ того на погибель, когда на каждомъ шагу встрѣчаешь въ Римѣ столько поэтовъ» [73]).

Вся эта огромная толпа жалкихъ стихотворцевъ уже въ вѣкъ Августа много способствовала порчѣ латинскаго языка, искаженію вкуса римской публики, а слѣдовательно и упадку литературы, и потому постоянно возбуждала реакцію въ пользу стараго, особенно въ тѣхъ, которые не умѣли отличить истинно прекраснаго въ этомъ новомъ направленіи римской поэзіи отъ искаженія его бездарными писателями, встрѣчаемыми во всякой литературной школѣ, какому бы направленію она ни слѣдовала. Прибавимъ еще, что сильное вліяніе александрійской школы, которое началось также при Августѣ, и вскорѣ за тѣмъ, риторство, или декламація, окончательно сгубили римскую поэзію.

Поощреніе литературныхъ талантовъ исходило, въ разсматриваемую нами эпоху римской литературы, не отъ народа, какъ прежде, а отъ тѣснаго круга людей знатныхъ, правительственныхъ и образованныхъ. Иначе и быть не могло уже потому, что изящный тонъ произведеній римской поэзіи этого времени, которыя, впрочемъ, не всегда были созданіями свободнаго творчества, ихъ избранная рѣчь, слѣдствіе прилежнаго изученія греческихъ образцовъ,— все это должно было оставаться чуждымъ и непонятнымъ необразованному большинству римскаго народа. Вотъ почему, между прочимъ, какъ мы уже видѣли, это большинство было противъ новаго направленія въ римской поэзіи, и тѣмъ скорѣе, что представители его или молча, или открыто, какъ Горацій, уничтожали авторитетъ прежнихъ писателей, которыхъ общественное мнѣніе признало классическими. Съ другой стороны, и поэты Августова вѣка не имѣли притязанія на общее сочувствіе, котораго они искали преимущественно въ высшемъ классѣ римскаго общества, и мало заботились о томъ, чтобы содержаніе ихъ произведеній было народное, или доставило имъ любовь всей массы народа [74]).

---

[73]) Тамъ-же, ст. 17.

[74]) Горацій нѣсколько разъ высказываетъ эту мысль. Замѣчательно въ этомъ отношеніи одно мѣсто въ X-й его сатирѣ I-й книги, ст. 72:

Sæpe stilum vertas, iterum, quæ digna legi sint,
Scripturus; neque, te ut miretur turba, labores,
Contentus paucis lectoribus. — An tua demens
Vilibus in ludis dictari carmina malis?
Non ego: nam satis est equitem mihi plaudere etc...

Вникая въ характеръ литературной реформы начальнаго періода римской имперіи, мы дѣйствительно видимъ, что она преимущественно и почти исключительно коснулась только технической стороны поэзіи, доведенной въ это время до высокой степени изящества; но это изящество формы, въ произведеніяхъ, возникшихъ подъ вліяніемъ новой школы, не рѣдко брало перевѣсъ надъ глубиною, оригинальностію и народностію ихъ содержанія. Изящная внѣшность, конечно, есть необходимое качество хорошаго литературнаго произведенія, но далеко еще не составляетъ главнаго его условія и сущности. Элементъ народности и оригинальность дѣйствительно были развиты въ старинной римской поэзіи нѣсколько больше, чѣмъ въ твореніяхъ поэтовъ Августова вѣка,— что̀ заставило и въ наше время нѣкоторыхъ ученыхъ считать золотымъ вѣкомъ римской литературы не означенную эпоху, а періодъ второй пунической войны. Время Виргилія и Горація правильнѣе, по мнѣнію ихъ, назвать золотымъ вѣкомъ латинскаго языка, а не римской литературы [75]). Удивляться ли послѣ этого тому, что въ Римѣ начальнаго періода кесарей такъ развито было литературное старовѣрство?

Мы, разумѣется, нисколько не имѣемъ въ виду утверждать, что римская поэзія Августова вѣка вовсе лишена стремленія къ оригинальности и самобытности. Не только въ сатирахъ и въ посланіяхъ Горація, но даже въ значительной части его лирическихъ произведеній, — затѣмъ, въ элегіяхъ Проперція, и въ особенности въ мелкихъ стихотвореніяхъ Овидія, равно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ поэтическихъ созданіяхъ этого времени, очень ярко отражается римская жизнь начальнаго періода имперіи. Здѣсь очень живо представляется намъ это падшее общество, испорченное пороками цѣлаго міра, который оно поработило своей власти. Виргилій, по видимому, болѣе, чѣмъ другіе современные ему поэты, подчинился греческому вліянію, но и въ его произведеніяхъ вездѣ на первомъ планѣ является Римъ. Политическіе намеки, которые онъ ввелъ даже въ свои эклоги, ясно показываютъ, что муза его имѣла національный отпечатокъ. Такою она является и въ Энеидѣ, и нѣтъ особеннаго основанія думать, что это произведеніе, не смотря на всѣ свои недостатки, значительно уступало, въ разсматривае-

[75]) Таково, напр., мнѣніе Клусмана, которое онъ высказалъ въ самомъ началѣ монографіи своей о поэтѣ Невіи. Заглавіе ея приведено выше.

момъ отношеніи, поэмамъ Эннія и Невія. Вообще подражательность поэтовъ Августова вѣка скорѣе внѣшняя, чѣмъ внутренняя.

Во всякомъ случаѣ, однако, Горацій не увѣритъ насъ въ томъ, будто старое многимъ нравилось въ Римѣ на томъ только основаніи, что оно было старо и непонятно [76]). Восхищаясь прежними своими поэтами, эти многіе, можетъ быть безсознательно, любили въ нихъ преданія старины и народность, которой не могли окончательно уничтожить въ Римѣ даже вѣковыя усилія греческой цивилизаціи и другихъ постороннихъ началъ. На какой бы высотѣ умственнаго развитія ни стояло государство, какому бы сильному вліянію оно ни подверглось, всегда и вездѣ все, непосредственно происшедшее изъ народа, поражаетъ его сильнѣе и глубже, чѣмъ внесенное извнѣ и пришлое. Энній и Невій, прославившіе въ своихъ поэмахъ исторію Рима [77]), сильнѣе, чѣмъ поэты Августова вѣка, говорили народному чувству своихъ читателей; рядъ выведенныхъ ими національныхъ героевъ скорѣе находилъ доступъ къ сердцу Римлянина, чѣмъ благочестивый, но скучный Эней Виргилія. Грубая, но сильная и свободная рѣчь Луцилія нравилась многимъ больше, чѣмъ языкъ позднѣйшихъ римскихъ сатириковъ, «которые не могли даже назвать настоящимъ ея именемъ простоты [78])», отличавшей произведенія «великаго питомца Суессы Аврунской» [79]), а онъ, по выраженію Персія [80]), «обломалъ крѣпкіе зубы» на своихъ современникахъ.

---

[76]) Epist. II, 1, ст. 54:

....«adeo sanctum est vetus omne poema.»

См. ibid., ст. 86:

«Iam Saliare Numæ carmen qui laudat, et illud,
Quod mecum ignorat, solus vult scire videri:
Ingeniis non ille favet plauditque sepultis,
Nostra sed impugnat, nos nostraque lividus odit.»

[77]) Первый въ своихъ «Annales», а второй въ поэмѣ «Bellum Punicum.

[78]) Ювен. I Сат., ст. 150:

.....«dicas hic forsitan, unde
Ingenium par materiæ? unde illa priorum
Scribendi, quodcumque animo flagrante liberet,
Simplicitas, cuius non audeo dicere nomen?»

[79]) Такъ называетъ Луцилія Ювеналъ, тамъ-же, ст. 20.

[80]) Персій въ I-й Сат., ст. 114:

.....«Secuit Lucilius urbem,
Te Lupe, te Muci, et genuinum fregit in illis.»

Однимъ словомъ, упорная борьба, очеркъ которой мы представили нашимъ читателямъ, имѣла не только литературный характеръ, но въ такой-же мѣрѣ, если еще не больше, характеръ политическій. Поэтовъ Августова вѣка соединяло въ тѣсный дружественный кружокъ не только одинаковое воззрѣніе ихъ на искусство, но и глубокое, искреннее ихъ убѣжденіе въ необходимости той политической реформы, которая привела наконецъ Римъ къ спокойствію и къ тихимъ, мирнымъ занятіямъ. Всю жизнь свою они посвятили служенію этой реформѣ и грудью отстаивали монархическое начало противъ сильной, особенно въ первое время имперіи, политической партіи, которая долго еще мечтала о возвратѣ утраченнаго. Въ слѣдствіе какихъ событій и переворотовъ образовалось въ лучшихъ писателяхъ римскихъ начальнаго періода имперіи это убѣжденіе, и какъ они ему послужили? Этотъ любопытный вопросъ объ участіи римской литературы въ политической реформѣ Августа долженъ быть обсуженъ зрѣло и съ тѣмъ безпристрастнымъ вниманіемъ, котораго онъ требуетъ отъ науки едва ли не въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ всѣ другія явленія римской древности. Посильный отвѣтъ на этотъ вопросъ наши читатели уже не разъ встрѣчали въ предшествующихъ отдѣлахъ предлагаемаго сочиненія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

СТРАН.

